

Крымское отделение
Российского исторического общества
Центральный музей Тавриды

Проблемы истории Крыма

Выпуск 1

Russian Historical Society
(Crimean Department)
Central Tavrida Museum

The Problems of Crimean History

Edition 1

Серия научных изданий,
выпускаемых Центральным музеем Тавриды
в сотрудничестве с Крымским отделением
Российского исторического общества.
В серии публикуются оригинальные исследования
и архивные материалы по истории, историографии,
археологии, этнографии Крыма и Причерноморья,
работы о месте Крыма в российской и мировой истории

Главный редактор серии *А. В. Мальгин*

Редакционный совет:
*Э. И. Сейдалиев, В. В. Майко,
О. В. Романько, Д. А. Прохоров,
Г. Н. Гржибовская*

Перевод на английский

Крымское отделение
Российского исторического общества
Центральный музей Тавриды

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И КРЫМ

Сборник статей

Симферополь
Антиква
2016

Russian Historical Society
(Crimean Department)
Central Tavrida Museum

FIRST WORLD WAR AND CRIMEA

Festschrift

Simferopol
Antiqua
2016

УДК
ББК

П26

*Организаторы благодарят за помощь в издании сборника
главного редактора журнала «Military Крым» Сергея Ченныка*

П26 **Первая мировая война и Крым** : сб. ст. / под ред А. В. Мальгина. — Симферополь : Антиква, 2016. — 240 с. : ил. + вклейка (16 с.).

ISBN

В основу настоящего сборника легли материалы круглого стола на тему «Причерноморье и Крым в годы Первой мировой войны. 1914–1918 гг.», организованного Крымским отделением Российского исторического общества в Центральном музее Тавриды в октябре 1914 года.

УДК
ББК

First World War and Crimea : Festschrift / ed. by A. V. Malgin. — Simferopol : Antiqua, 2016. — 240 p. : il. + inset (16 p.).

ISBN

Перевод на английский

УДК
ББК

Содержание

Великая забытая война 6

ВОЕННАЯ БЫЛЬ

Мальгин А. В. От Галиции до Галлиполи 8

Сакович А. В. Георгиевские кавалеры Крымского конного полка 68

Макаренко Е. В. Операции эскадры Черноморского флота по подавлению фортов Босфора в 1915 году 81

Зубарев А. А. Санитарные манёвры Черноморского флота накануне Первой Мировой войны и опыт их использования в боевых действиях Российского императорского флота (1914–1916 гг.) 95

Шкёдя О. П. Военный шпионаж в Российской провинции накануне и в годы Первой мировой войны (по материалам Государственного архива Республики Крым) 98

Прохоров Д. А. Караимы Симферополя в рядах Российской армии в Первую мировую войну 117

РЕЛИКВИИ

Борисов Д. А. Семейные альбомы 130

Надикта В. М. Сохранение памяти о событиях и участниках Великой войны в музеях Симферополя 134

Колесникова Н. Н. «Ограждая достоинство и безопасность Нашей Империи...» (Литература о Первой мировой войне в библиотеке «Таврика») 140

Журавлёв Д. В. Из новых поступлений в Центральный музей Тавриды 145

ПРИФРОНТОВАЯ ГУБЕРНИЯ

Терещук Н. М. Севастополь в начале Первой мировой войны

Зарубин В. Г. «Дело» фельетониста А.А. Ярошко

Степанова Е. И. Война и театр...

Попов А. Д. «Экскурсии состоятся согласно расписанию...»:

Крымско-Кавказский горный клуб в годы Первой мировой войны

Соколов Д. В. Через разложение — к власти: деятельность большевистских партийных организаций в Крыму в межреволюционный период (март-октябрь 1917 г.)

Ефимов С. А. Административно-территориальные преобразования и опыты крымской государственности в годы Первой мировой войны

ПАМЯТЬ

Малиновская О. И. Воинские захоронения периода Первой мировой войны в Севастополе

Сведения об авторах

Крымское отделение Российского исторического общества

Великая забытая война

Настоящий сборник является совместным проектом Центрального музея Тавриды и Крымского отделения Российского исторического общества, которое начало свою деятельность в июне 2014 года. В сборнике нашли отражение материалы круглого стола Крымского отделения РИО на тему «Причерноморье и Крым в годы Первой мировой войны 1914–1918 гг.», организованного в ЦМТ осенью 2014 года.

Первая мировая война затронула Крым самым непосредственным образом. После вступления в войну на стороне Тройственного союза Турции Таврическая губерния, выходящая к Чёрному морю, стала прифронтовой. В течение всей войны Чёрное море являлось отдельным и важным театром боевых действий — ареной противостояния германо-турецких морских сил и российского Черноморского флота. Дислоцировавшиеся в Крыму подразделения VII армейского корпуса приняли участие в военных действиях на Юго-Западном и Румынском фронтах и вписали немало героических страниц в историю войны. Государственные и частные санатории на полуострове принимали на лечение раненых солдат и офицеров русской армии, благодаря чему Крым в 1914–1918 годах стал поистине «всероссийским госпиталем». В 1918 году, после подписания Брестского мира правительством Советской России, территория губернии была временно оккупирована германо-австрийскими войсками.

К сожалению, в течение столетия события Первой мировой войны практически не изучались, а память о её героях и жертвах не стала предметом мемориализации. Настоящий сборник является первым, после исторического воссоединения Крыма и Севастополя с Россией, шагом, предпринятым научной и культурной общественностью полуострова по восстановлению памяти о событиях Первой мировой войны.

Шмуц-титуты
ещё не оформлены

ВОЕННАЯ БЫЛЬ

А. В. Мальгин

От Галиции до Галлиполи

Крестный путь частей VII армейского корпуса
(13-я и 34-я пехотные дивизии)
в Первой мировой и Гражданской войнах

Введение

События Первой мировой войны затронули Крым самым непосредственным образом. Из-за войны на Черноморском театре полуостров стал прифронтовой зоной. С 1914 по 1918 год он фактически исполнял роль всероссийского госпиталя, а в конце войны был оккупирован австро-германскими войсками.

Но есть ещё один аспект темы «Первая мировая война и Крым», который, возможно, является наименее изученным и известным широкой публике. Это участие армейских подразделений, расквартированных до войны в регионе и комплектованных призывниками из числа его постоянных жителей, в боевых действиях на фронтах Первой мировой. Речь идёт прежде всего о частях VII армейского корпуса, штаб которого располагался до начала войны в Симферополе. В состав VII корпуса входили полки 13-й и 34-й пехотных дивизий, расквартированные соответственно в Таврической и Екатеринославской губерниях. Сегодня делаются лишь первые шаги в освоении этой обширной темы. Мы имеем несколько опытов описания отдельных эпизодов боевой деятельности полков 13-й пехотной дивизии [22, 6]. Предпринята попытка обобщить и представить имеющиеся материалы по потерям подразделений этой дивизии и вообще потерям среди призванных из Крыма [24]. Появилось (преимущественно в интернете) несколько популярных очерков о боевых действиях тех или иных подразделений корпуса, основанных на доступной литературе. Настоящая статья также представляет собой обзор, сделанный на основании довольно обширной литературы по интересующей нас теме (как вышедшей в первой половине прошлого века, так и появляющейся сейчас к столетнему юбилею Первой мировой войны), в которой тем или иным образом запечатлелись действия «крымских» подразделений русской армии.

В истории боевых действий на Юго-Западном фронте деятельность VII армейского корпуса занимает значительное место. Стратегические очерки разных этапов войны упоминают действия корпуса, часто оказывавшегося на ответственных участках кампании. Есть специальные работы, посвящённые действи-

*Здание в Симферополе, на улице Александра Невского
(бывшая улица Розы Люксембург), 34, где до 1914 г.
размещался штаб VII армейского корпуса*

ям отдельных подразделений корпуса [14, 15]. Недавно опубликованы мемуары командира корпуса генерала от инфантерии Э. В. Экка [39]. Все они позволяют в общем виде представить полную драматизма историю одной из частей русской императорской армии, которая к тому же не прервалась с гибелью этой армии, а продолжилась на фронтах Гражданской войны в России. Со страниц этих малоизвестных широкому читателю публикаций предстаёт захватывающая сага, своего рода семилетний «Анабазис» российского воинства, проделавшего нелёгкий путь от полей Галиции, где начиналась драма Первой мировой, до скал Галлиполи, куда остатки 13-й и 34-й дивизий эвакуировались из Белого Крыма в составе армии генерала Врангеля. Смеем надеяться, что данная работа предварит будущие архивные исследования этой темы, возможность которых широко открывается для крымских исследователей с воссоединением Крыма с Россией.

К началу Первой мировой войны в состав VII армейского корпуса Одесского военного округа входили 13-я и 34-я дивизии. Полки 13-й пехотной дивизии (штаб — в Севастополе) дислоцировались следующим образом: пехотные 49-й Брестский Его Императорского Высочества великого князя Михаила Михайловича и 50-й Белостокский Его Высочества герцога Саксен-Альтенбургского полки (1-я бригада) — оба в Севастополе; 2-я бригада — 51-й Литовский Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича (Симферополь) и 52-й Виленский Его Императорского Высочества великого князя Кирилла Владимировича полк (Феодосия), 13-я артиллерийская бригада (Севастополь). Подразделения 34-й

Генерал от инфантерии
Э. В. Экк

пришлось воевать в Галиции — на южном крыле Юго-Западного фронта.

Командование корпусом, дивизиями и полками осуществляли кадровые офицеры, как правило, имевшие опыт участия в Русско-японской войне. Что касается 65-летнего командира корпуса генерала от инфантерии Э. В. Экка (1851–1937), то он принимал участие ещё в Русско-турецкой войне 1877–1878 годов. Вот как характеризовал Экка его непосредственный подчинённый, командир 34-й дивизии, впоследствии известный военачальник и теоретик военного дела А. Е. Гутор: «VII армейским корпусом командовал престарелый генерал Экк... Его командование гармонически сочеталось с работой его начальника штаба генерала Лазарева. Экк понимал, что в его годы ему трудно лично вести дело, поэтому предоставил это начальнику штаба, оставляя за собой утверждение решений последнего и содействуя ему в проведении их в жизнь своим авторитетом... Такое гармоничное сочетание

Генерал-лейтенант
Ф. М. Вебель

волевых сил командира и умственных способностей начальника штаба приводит к прекрасным результатам... Некоторый недостаток в силе характера он возмещал своим тактом, умением обращаться с подчинёнными и предоставлял своим ближайшим помощникам — командирам дивизий — возможность проявления полной инициативы. В то же время Экк не останавливался перед необходимостью отчисления от должности командиров дивизий или других своих сотрудников высокого ранга, оказавшихся не на месте. Выдержанное, корректное обращение корпусного командира с подчинёнными и безупречное поведение его под огнём вселяли к нему уважение в корпусе, составлявшее моральный фундамент его авторитета» [15, с. 11].

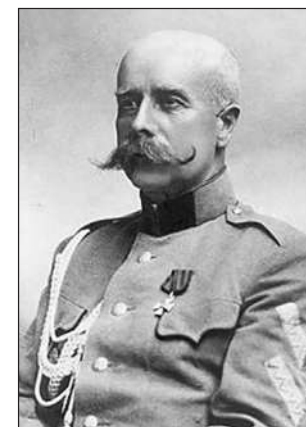
Начальники дивизий также были ветеранами военной службы: начальник 13-й дивизии генерал-лейтенант Ф. М. Вебель родился в 1855 году, а начальник

дивизии (штаб — в Екатеринославе) были расквартированы преимущественно на соседней Екатеринославщине: 1-я бригада — 133-й Симферопольский и 134-й Феодосийский полки — в Екатеринославе, 135-й Керчь-Еникальский (Павлоград), 136-й Таганрогский (Ростов-на-Дону), 34-я артиллерийская бригада квартировалась в Екатеринославе. В составе корпуса числились 7-й мортирный артдивизион и 12-й сапёрный батальон. Кроме этих подразделений, при корпусе находились Крымский конный и 7-й Донской казачий полки, однако они с самого начала боевых действий были включены в состав кавалерийских дивизий и действовали отдельно от корпуса. Большая часть подразделений VII корпуса (в первую очередь 13-я дивизия) предназначались в соответствии с тогдашней военной доктриной для десантирования на Босфор, однако им

пришлось воевать в Галиции — на южном крыле Юго-Западного фронта.

34-й дивизии генерал-лейтенант Н. М. Баташев — в 1854-м. Уже в ходе войны их сменили более молодые генерал-лейтенанты Е. М. Михелис де Гениг (1863–1939) и А. Е. Гутор (1868–1938).

Среди высших офицеров здесь находилось немало замечательных личностей, из которых, в частности, обращает на себя внимание А. Е. Снесарев, командир 133-го Симферопольского полка (с октября 1914 по январь 1916 г.), впоследствии известный русский и советский военный географ и теоретик. Последний в своих материалах отмечал в качестве особенностей корпуса — высокое самосознание его офицерства, следование полковым традициям, большое количество офицеров с немецкими фамилиями (начиная с самого лютеранина Экка) и своеобразный культ порядка, из-за которого он называл VII корпус «немецким» [32, с. 318].

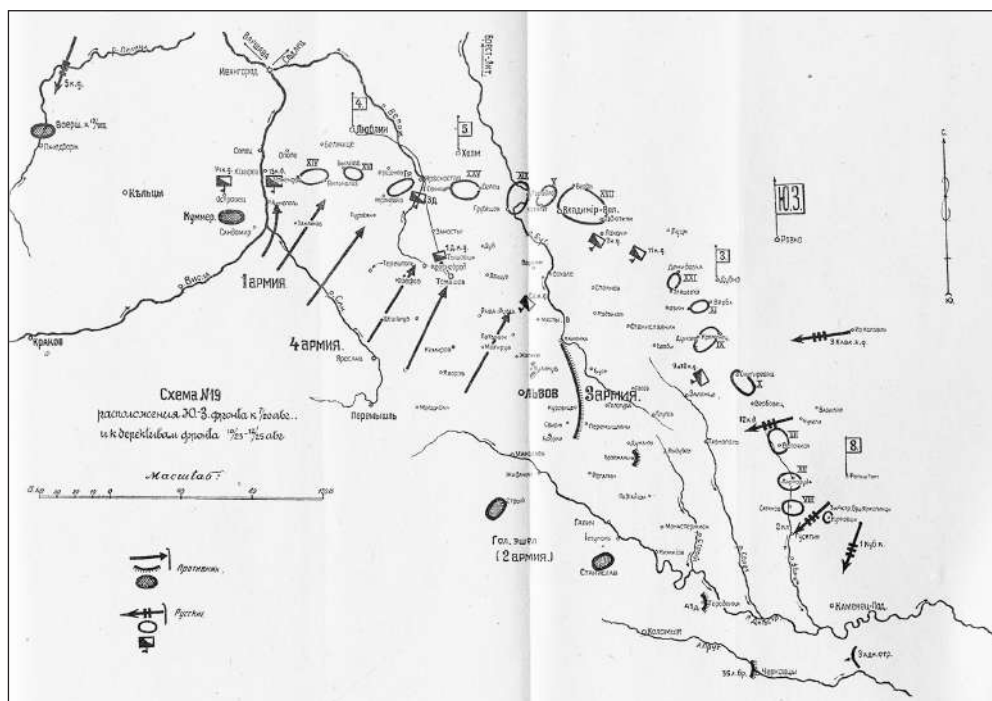
Генерал-лейтенант
Е. М. Де Гениг Михелис
в польской форме

Глава 1. Военные действия 1914–1916 годов

1.1. В Галицийской битве

Действовать VII корпусу предстояло в составе 8-й армии генерала А. А. Брусилова, входившей в свою очередь в Юго-Западный фронт (генерал Н. И. Иванов). Этот фронт был сформирован для действий против главного союзника Германии — Австро-Венгрии. 8-я армия и находившийся южнее Днестровский отряд занимали южный фланг фронта, упирившийся в границу нейтральной тогда Румынии. Вместе с 3-й армией 8-я Брусилловская армия должна была наступать в направлении на Львов. Как и основной состав армии, VII корпус выдвинулся в направлении границы 5 (18) августа. 7 августа войска перешли государственную границу на реке Збруч и, не встречая сильного сопротивления, стали быстро продвигаться на запад (за восемь дней войска преодолели 130–150 км). Австрийское командование, занятое наступлением в районе Красника против 5-й и 9-й русских армий, не оценило возможностей быстрой концентрации русских войск на восток от Львова и не успело собрать достаточное количество своих частей. Как сообщает историк Первой мировой войны А. Белой, лишь «23-го августа, оканчивая дневной переход, авангарды 8-й армии встретили на фронте Тернополь — Тереховля первое сопротивление противника, который всюду был сбит, и части 8-й армии к вечеру стали главными силами на Серете» [5, с. 162]. В этот день авангардами 13-й и 34-й пехотных дивизий VII корпуса, которые выбили 55-й австрийский пехотный полк с двумя батареями, поспешно отошедшими к Зборову, был занят Тернополь. После чего войска корпуса двинулись дальше. «Через р. Золотая Липа, — вспоминал Экк, — прошли беспрепятственно» [39, с. 401].

Командующий австрийскими войсками генерал Брудерман отступил на реку Гнилая Липа, где развернулось ожесточённое трёхдневное сражение, в котором

VII корпус в начале войны. 1914 г.

отличились части генерала Экка. «На второй день боя, — отмечал Брусилов в своих мемуарах, — VII корпус перешёл через Гнилую Липу, правда с большим трудом и значительными потерями, и стал охватывать левый фланг противника...» [7, с. 106]. Этому манёвру предшествовал эпизод, получивший в истории Первой мировой войны название «бой генералов». 16 (29) августа у местечка Янчин пехота 34-й дивизии залегла у плотины через Гнилую Липу, будучи не в силах преодолеть огонь противника. Тогда командир дивизии генерал Н. М. Баташев встал впереди атакующих частей, а за ним последовали другие высшие офицеры дивизии. Баташев был ранен в голову, но остался в строю. В этом бою, напоминавшем времена наполеоновских войн, дивизией было взято большое количество пленных и много пулемётов.

По просьбе командующего 3-й армией генерала Рузского Брусилов приказал правофланговому VII корпусу Экка выдвинуться на северо-запад к Дунайцу, одновременно поддерживая тремя полками 13-й дивизии части X корпуса, на который давили австрийцы. «Здесь, — сообщает нам генерал Н. Н. Головин, — 13-я пехотная дивизия захватила огромный обоз противника с большим запасом продовольствия, фуража и снарядов. Весь путь на Бобрку был усеян повозками, опрокинутыми зарядными ящиками, лазаретными линейками, брошенным оружием, что наглядно свидетельствовало о паническом отступлении проходившего здесь XII-го А.-В. корпуса» [12, с. 27].

Сражение на Гнилой Липе окончилось разгромом австро-венгерских войск и оставлением ими 21 августа Львова. Австрийцы закрепились на подготовленных позициях у местечка Городок на реке Верещице и готовились перейти в контрнаступление с целью возвратить Львов, перебросив к месту предполагаемого прорыва дополнительные силы. Хотя силы австрийцев и русских на протяжении 70-километрового фронта у Городка были примерно равными, на острие главного удара — против 8-й армии — австрийцам удалось достичь существенного перевеса. Сражение началось на рассвете 26 августа на всём пространстве фронта армии. При этом в первый день сражения основной удар противника был направлен на правый фланг и центр армии, где занимали позиции дивизии VII корпуса.

Как пишет автор очерка о Галицийской битве А. Белой: «...на фронте VII и VIII корпусов бой достиг особого напряжения, так как эти корпуса были атакованы пятью дивизиями: XI, III и XII австрийских корпусов. VII корпус, выделив 13-ю дивизию на поддержку XII корпуса и ожидая смены VIII корпусом, с утра перешёл в наступление 34-й дивизией на фронте Велькополе — Повитно — Петерсвальд. Наступление дивизии, растянутой на 12 км фронте, вскоре было остановлено противником. С особым упорством дрались полки 34-й дивизии, ожидая подхода частей VIII корпуса, передовые части которого подошли только после полудня. К 17 часам, когда начали развёртываться подошедшие главные силы VIII корпуса, положение 34-й дивизии было тяжёлым: правофланговый полк 34-й дивизии начал уже отходить от Велькополе, а в центре и на левом фланге противник прорвал фронт дивизии и занял Повитенский лес, откуда обстреливал во фланг отходившие 134-й и 133-й полки, понёсшие огромные потери» [5, с. 258]. В своих мемуарах генерал Экк рассказывает о нескольких эпизодах героической борьбы под Львовом и, в частности, сообщает о том, что он скрыл от своих офицеров приказ Брусилова об отходе, и в течение дня смог удержать занимаемые корпусом позиции [39, с. 410]. С точки зрения командующего армией, события выглядели следующим образом: «На второй день боя, — вспоминал Брусилов, — мой правый фланг держался на месте и напор противника стал слабее, чем в предыдущий день; в центре VII и VIII корпуса, хотя и с трудом и большими потерями, также удержались на своих местах». На третий день австрийского наступления Брусилов получил разведанные, доставленные военным лётчиком, о сосредоточении больших масс противника в центре боевых позиций армии. Это донесение ясно свидетельствовало о намерении австрийского командования ударом в центр русских позиций надвое разрезать 8-ю армию и открыть себе путь к Львову. Получив столь важные сведения, Брусилов стремительно стянул все имевшиеся в его распоряжении резервы к позициям VII и VIII корпусов и, не дожидаясь начала австрийского наступления, отдал приказ об атаке. Неожиданно для противника русские войска атаковали позиции готовящихся к наступлению австрийцев

Генерал-лейтенант
Н. М. Баташев

Уточнить
подпись.
На схеме
другой
текст

и добились успеха. «Правда, — отмечал Брусилов, — VII и VIII корпуса продвинулись недалеко и громадные силы противника скоро остановили наш порыв, но сами-то они, израсходовав свои резервы, принуждены были перейти к обороне» [7, с. 106–107]. Городокское сражение, где так упорно сражались дивизии VII корпуса 8-й армии, решило судьбу Галицийской битвы. Галиция была в руках русских войск, угроза Львову ликвидирована, осаждена крупнейшая австрийская крепость на востоке — Перемышль. За бои под Львовом 25–30 августа 1914 года командующий VII корпусом генерал Экк был награждён орденом Св. Георгия IV степени. Генерал Баташев получил за бои 16–17 августа также орден Св. Георгия IV степени, а за бои 26–30 августа — III степени («За то, что в боях с 24-го по 30-е августа 1914 г. под п. Городком, выйдя в первый день боя под сильным и действительным огнём противника впереди наших цепей, личным примером увлёк остальных начальников и, несмотря на полученную контузию, перешёл с дивизией в наступление, сломил сильный натиск превосходного в силах противника, овладел его позициями на правом берегу р. Верещицы и удержал их за собой в последующие дни боя, что обеспечило подход нашего корпуса к району, указанному ему командующим армией»). Георгиевскими кавалерами стали также другие офицеры корпуса.

Действия VII корпуса в первые дни войны, и конкретно 51-го Литовского полка 13-й пехотной дивизии, получили любопытное отражение в художественной литературе. В 1944 году известный русский советский писатель, лауреат Сталинской премии С. Н. Сергеев-Ценский закончил роман о Первой мировой войне — «Пушки заговорили» — из большого цикла произведений «Преображение России». В романе довольно подробно отражён эпизод вторжения русских войск в Галицию в 1914 году. При этом в центре повествования оказывается стрелковый полк, стоявший до войны в Симферополе. Довольно подробно прописана фигура командира полка полковника Черепанова, в котором отчётливо угадывается образ командира 51-го Литовского полка Г. А. Лихачёва. Учитывая то, что Лихачёв принимал участие в Белом движении, его комплиментарное изображение, наверное, является единственным в своём роде в советской литературе [28]. «Первый полк и два батальона второго обошли левый фланг австрийских позиций; Черепанов не знал об этом, и своему третьему батальону, который вёл на окопы противника неосновательный Кубарев, приписал успех этого первого в своей жизни боя. Когда в розовом дыму от австрийских снарядов, делавшем всё впереди фантастичным, бежали, вопя «ура», тысячи человек его полка, старый, долгодородый полковник не мог уже устоять в своём блиндаже: он выскочил наружу, несмотря на трескотню пулемётов и винтовок. Всё-таки он подлинный хозяин полка, этого отнять у него никто бы не мог, как никто бы не мог убедить его в тот момент, что не он, стоя сзади, ведёт в бой свои батальоны. Подняв правый кулак и весь напрягаясь до красноты шеи, он тоже кричал «ура» — он не отделял себя от своих солдат и офицеров, не замечая даже, как многие падали, следил только за тем, как сокращалось расстояние между его людьми и линией австрийских окопов, и вот тогда-то он заметил успех третьего батальона...»

1.2. Осенние сражения в Галиции, падение Перемышля и овладение Карпатами

Победоносное завершение Галицийской битвы не привело, тем не менее, к полному разгрому австро-венгерской армии. Для дальнейшего наступления русские войска нуждались в пополнении и перегруппировке. В то же время австро-венгерская армия попыталась уже в октябре организовать контрнаступление в целях деблокады крепости Перемышль. Русские войска были вынуждены отойти за реку Сан, временно снять осаду крепости и перейти к обороне. Группе армий Брусилова (3-я, 8-я, Осадная армии) предстояло удерживать район протяжённостью свыше 200 вёрст без возможности маневрировать. В сентябре (октябре) 1914 года части VII корпуса приняли участие в так называемом Хыровском сражении, где особенно отличился 134-й пехотный Феодосийский полк полковника Кусонского 34-й дивизии, «блестящей атакой 9 октября», — пишет Керсновский, захвативший Стрый и взявший до 3000 пленных, 2 орудия и 8 пулемётов [21, с. 229].

С 21 сентября (3 октября) 1914 года VII корпус решением командующего был передан из состава 8-й армии на усиление 3-й. «С этого дня, — вспоминал Экк, — корпус перестал быть единым прочным организмом» [39, с. 676]. В ходе перегруппировки корпуса его дивизии оказались на слишком большом расстоянии друг от друга и, как отмечает автор обзора боевых действий Корольков, «корпус как организационная единица на долгое время прекращает своё существование». 13-я дивизия временно входит в XXI корпус, 34-я — в X корпус [33, с. 84]. При отходе за реку Сан 34-я дивизия отводится в резерв армии, и управление VII корпуса, как отмечает Корольков, «остаётся как бы без всякого дела». В конце сентября 34-я дивизия снова перебрасывается в подчинение 8-й армии. Как следует из «Стратегического очерка», вскоре на основе управления VII корпуса Брусилов решает создать специальную группу войск под командованием комкора VII корпуса Экка для действий со стороны карпатских перевалов. В конце октября 1914 года в состав VII корпуса входили 34, 65 и 78-я пехотные дивизии. «По мере нашего распространения в районе Карпат, — писал Экк, — в состав корпуса стали прибывать все свежие войска: дивизии 82-я (вскоре была отправлена под Перемышль), 60, 61, 69, 4-я стрелковая, 58-я; 2-й кавалерийский корпус... три полка 2-й Кубанской дивизии и, под конец, бригада 11-й пехотной дивизии. Все эти войска стали называться то VII корпусом, то войсками генерала Экка» [39, с. 423]. Путаницу с названиями, сохранившуюся и в позднейшей исторической литературе, усугубляло то, что в составе VII корпуса некоторое время действовал отдельный Стрыйский отряд под командованием командира 78-й дивизии генерала Альфтана в составе четырёх полков этой дивизии, а также 260-го Брацлавского, 134-го Феодосийского и двух Кубанских казачьих полков.

В ноябре 1914 года, после перегруппировки, армии Юго-Западного фронта возобновляют наступление.

В направлении Карпат продвигается 13-я дивизия, в составе XXI корпуса 3-й армии. 28 октября (10 ноября) 8-я армия с боем перешла реку Сан, при

Генерал-майор
А. Е. Снесарев

этом части Экка встретили серьёзное сопротивление противника в районе Турка. В начале ноября части 3-й и 8-й армий вели тяжёлые бои у реки Сан и в районе Хырова, неся значительные потери. Так, по словам Королькова, «наличный состав после этих боёв не превышал 50–60% штатного состава». 2 (15) ноября 13-я дивизия из состава 3-й армии переведена вновь на пополнение 8-й (включена сначала в XI, затем в VIII корпус). VII корпус Экка был, напротив, передан в управление 11-й армии (с 10 ноября 1914 по 13 января 1915 г.) [20, с. 37], сформированной для осуществления блокады Перемышля¹.

Тем не менее, как и другие части группы армий Брусилова, 13-я и 34-я дивизии выполняли общую задачу отражения натиска противника, отеснения австро-венгерских войск за реку Сан и овладения карпатскими перевалами. К исходу осени эта задача была выполнена — части 3-й и 8-й армий за-

крепились на вершинах главного Карпатского хребта. 11-я армия надёжно блокировала крепость Перемышль. При этом 133-му Симферопольскому полку 34-й дивизии пришлось сыграть важную роль в возобновлении блокады. Увы, на страницах истории подробностей этого дела не сохранилось, о чём сетовал в дневнике командир полка А. Е. Снесарев [18, с. 35–40]. Но за бои 4–6 декабря он был удостоен ордена Св. Георгия IV степени — высочайшим приказом 10 июня 1916 года за особое отличие, вне нормы. В приказе о награждении говорилось: «4 декабря в бытность в чине полковника командующим 133-м пехотным Симферопольским полком, быстро прибыв в Посада-Рыботыцка, когда прорвавшийся противник угрожал захватить шоссе Троица — Работычи и заходом в тыл нашим войскам, он после быстрой ночной разведки, находясь всё время под действительным ружейным огнём неприятеля, подвергая жизнь явной опасности и воодушевляя нижние чины, молодецким наступлением, штыками выбил противника из ряда окопов и занял деревню Цысово, где и укрепился». В своём дневнике Снесарев написал: «Земно кланяюсь славному полку, стяжавшему мне эту великую воинскую награду».

Стрыйский отряд, входивший в VII корпус до конца января 1915 года, в составе которого действовал 134-й Феодосийский полк, взял в плен с 8 октября по 31 декабря 1914 года 85 офицеров, 8767 нижних чинов, захватил 8 орудий, 2 пулемёта, множество снарядов и патронов.

Общую характеристику положения в Галиции директива главкоюза 14 (27) декабря рисует такими словами: «Дружными, доблестными усилиями 3, 8 и 11-й армий наступление противника из-за Карпат на правом берегу Вислы окончилось

¹ Состав VII армейского корпуса в декабре был таким: 34, 65, 78-я пехотные дивизии, 1-я и 2-я льготная Кубанская дивизия (РГВИА, ф. 2067, оп. 1, д. 438 : Боевое расписание частей ЮЗФ 1914–15 гг. С. 152 ; Боевое расписание частей ЮЗФ на 4 декабря 1914 г.).

для него неудачно. Удерживаясь ещё на Дунайце от Войнич до устья, на остальном протяжении опрокинутый противник отступает на Грибов, Кремпа, Тылява, Яслиска, Команьча, Балигород».

В конце декабря (середине января) на всём Юго-Западном фронте наступает затишье; противник приступил к укреплению своих позиций.

В середине января 1915 года VII корпус генерала Экка переходит из состава 11-й армии вновь в состав 8-й, однако 13-я дивизия продолжает числиться в составе VIII корпуса этой же армии. Таким образом, оба подразделения решали сходные задачи, связанные с обеспечением блокады Перемышля. «В начале января, — пишет Керсновский, — противник значительно усилил свой Карпатский фронт переброской группы Марвица, II австро-венгерской армии и образованием Южной армии Линзингена. И нашей 8-й армии генерала Брусилова пришлось выдержать чрезвычайно упорное оборонительное сражение...» [21, с. 264]. В нём также большую роль сыграли подразделения VII и VIII корпусов, в частности, ими был остановлен в январе прорыв Линзингена на Стрый.

В феврале 1915 года австро-германские войска предприняли новую мощную попытку деблокировать Перемышль (наступление Конрада). Стянув 56 дивизий, они обрушились на 33 дивизии 3, 8 и 9-й армий. Части VII корпуса, атакованные пятью дивизиями противника, завязали бои в районе Болигорода-Лиски, ставшими известными как Вторая карпатская битва. «Тяжёлые и славные дни, — писал Керсновский, — где 8 русских дивизий... отразили и поразили 19 отборных австро-германских, нанеся им громадный урон и прикрыв своей грудью Перемышль и Галицию. Наступление Конрада было сорвано, и армия Кусманека предоставлена собственной судьбе. Потери австро-германцев превысили 100 000 убитыми и ранеными, 4-й австро-венгерский корпус лёг буквально до последнего человека. Трофеями 8-й армии, кроме того, были 450 офицеров, 30 000 человек пленных, 10 орудий и 100 пулемётов. Наш урон — свыше 50 000 человек» [21, с. 266]. За отличие в этих боях командир 51-го Литовского полка 13-й дивизии полковник Г. А. Лихачёв получил орден Св. Георгия III степени. В приказе о награждении Лихачёва говорилось: «За то, что в боях 15-го Февраля 1915 года у с. Балигорода, будучи начальником важнейшего боевого участка позиции — высот 817 и 810, прилегающей к шоссе — кратчайшему направлению от Балигорода к Перемышлю и, находясь под сильным и действительным огнём, благодаря своей спокойной распорядительности и искусному управлению, отбил ряд яростных атак превосходных сил противника в течение всего 15-го и ночи 16-го Февраля, умело направив подошедшую на поддержку бригаду 10-й кавалерийской дивизии и этим предотвратил прорыв двух дивизий противника в важнейшем в стратегическом отношении направлении».

Результатом этого сражения стало падение крепости Перемышль, которая после неудачной попытки прорыва сдалась 9 марта 1915 года. Теперь русское командование ставит задачу Юго-Западному фронту — выйти через Карпатские перевалы в Венгрию, рассматривая это как главное стратегическое направление идущей войны. Усиленные частями расформированной блокадной армии, войска Брусилова и Радко-Дмитриева начали новое наступление в Карпатах. Оно проходило в крайне трудных условиях в зимних горах, к тому же австро-венгерские

Артиллерийское орудие 136-го Таганрогского полка на позиции

А. Е. Снесарев с офицерами 133-го Симферопольского полка

войска оказывали ожесточённое сопротивление. Описывая масштабное продвижение войск 3-й и 8-й армий, «Стратегический очерк» отмечает: «...в ночь на 16 (29) марта VIII корпус овладел рядом высот к югу от линии Раббе — Лубне и гребнем к северу от Лопиенки, причём взял свыше 3600 пленных и 5 орудий. <...> Наступление VII корпуса было труднее, он нёс большие потери, но также продвигался вперёд». В результате тяжёлых двухнедельных боёв 8-я армия спустилась с главного хребта и к 30 марта (12 апреля) достигла линии Смольник — Орош — Рушко — Руньина — Загорб — Санки — Бутла — Комарник, т. е. продвинулась около 20 вёрст, овладев всем Карпатским хребтом. Части VII корпуса в дальнейшем действовали в районе Ужожского перевала и на Самборском направлении, 13-я дивизия отличилась в боях в районе горы Кучалата, отбивая попытки австрийского контрнаступления. Её действия в этом районе описаны и изучены исследователем из Словакии М. Корбой, к работе которого в журнале «Милитари Крым» [23] я и отсылаю всех интересующихся. В своих воспоминаниях генерал Экк писал: «Перезимовали вполне благополучно, пополнились, получили укомплектование, и только сокращённый отпуск снарядов указывал на не совсем благоприятное наше положение. Настроение в войсках было твёрдое, можно прямо сказать — великолепное» [39, с. 439].

1.3. В великом отступлении

Русская ставка планировала осуществить в 1915 году вторжение в Венгрию и тем самым вывести «дуалистическое государство» из войны. Положение австро-венгерской армии было катастрофическим, однако и русская армия без серьёзного пополнения не могла наступать. Спасая положение своего основного союзника, германское командование решило нанести мощный удар на востоке. «Удар этот было решено нанести у Горлицы и на Дунайце; прорвав растянутый в ниточку правый фланг 3-й армии, зайти в тыл всем русским армиям Юго-Западного фронта, увязшим в Карпатах, и уничтожить их. Карпаты должны были стать могилой русской армии, а Россия, лишившись вооружённой силы, должна была заключить мир любой ценою» [21, с. 271]. С французского фронта было снято 14 дивизий, составивших 11-ю армию генерала Макензена.

В апреле германо-австрийские войска начали стремительное наступление на ослабленном участке фронта 3-й армии.

«Никогда ещё за всю войну русская армия не подвергалась большей опасности, чем в эти апрельские дни 1915 года. Превосходство врага было тройным в пехоте и пятерным в количестве артиллерии» [21, с. 271]. Угроза выхода в тыл карпатской группировки русских войск заставила отводить части 8-й армии к Перемышлю. Как отмечал Экк в своих мемуарах, он получил приказ об отводе своего корпуса 26 апреля. «8-я армия генерала Брусилова в конце апреля благополучно вышла из Карпат и в начале мая расположилась частью по Сану — XXI и XII корпуса, частью между Саном и Днестром — VIII, XVII, XXVIII и VII армейские корпуса» [21, с. 271].

В мае русские войска попытались закрепиться на рубеже реки Сан, однако эта задача выполнена не была, и 3 июня Перемышль был оставлен. Русские

Генерал-лейтенант
А. Е. Гуттор

войска Карпатской группировки медленно отходили на восток не столько в силу давления противника, сколько подчиняясь обстановке, складывавшейся на других направлениях. Но постепенно натиск оправившейся от поражений австро-венгерской армии, подкреплённой германскими частями, усиливался. Как пишет Керсновский, в июне 8-й армии пришлось выдержать «семидневное побоище у Радымно», на подступах к Львову, где VII корпус понёс большие потери. «VII-й корпус, — вспоминал Экк, — отбив все атаки противника на позициях у Городка, задержал его в течение недели у Львова» [39, с. 445]. Части Экка отразили удар 2-й австро-венгерской армии Бем-Эрмоли, но в других местах фронт оказался прорван, и 22 июня русские войска оставили Львов. Отход русских войск, сопровождавшийся эффективными контратаками, продолжался до сентября 1915 го-

да и завершился выходом к довоенной российско-австро-венгерской границе.

Приграничные бои корпуса осенью 1915 года стали предметом описания в двух специальных военно-исторических работах, изданных в 30-е годы, их автором был начальник 34-й дивизии генерал-лейтенант А. Е. Гуттор (стал начальником с 1 апреля 1915 г., сменив врио начдива Г. Ф. Эйхе, сменившего в свою очередь Н. М. Баташева в марте 1915 г.).

Первая работа называется «Оборона корпуса на широком фронте. Действия VII русского корпуса с 3 по 6 сентября 1915 г.». В ней подробнейшим образом описываются действия частей 34-й пехотной дивизии и частично действия 13-й дивизии во время наступления австро-венгерских войск 3–7 сентября 1915 года.

Целью австро-венгерской армии Бем-Ермоли был разгром 8-й русской армии и прорыв к Ровно. При этом 2-я армия своими главными силами обрушивалась почти целиком на фронт VII русского корпуса.

К 2 сентября в VII корпусе состояло около 19 000 штыков, 80 пулемётов (из них 32 австрийских), 12 лёгких пушечных и 2 лёгкие гаубичные батареи, сапёрный батальон и шесть казачьих сотен (766 шашек). Незадолго до описываемых событий в состав корпуса была возвращена 13-я пехотная дивизия.

Гуттор отмечает, что в боевых припасах и винтовках ощущался резкий недостаток. Некомплект артиллерийских снарядов в частях корпуса (кроме парков) достигал 2464 лёгких шрапнелей и 786 гранат при почти полном комплекте лёгких гаубичных снарядов. В пушечные парках ощущался острый недостаток как лёгких пушечных снарядов, так и ружейных патронов.

Далее Гуттор описывает ход оборонительных боёв дивизий корпуса, которые сегодня дают представление вообще о характере боевых действий Первой мировой войны. Эти описания позволяют понять, в какой обстановке сражалась русская армия.

«Около 9 часов артиллерия 5-го австро-венгерского корпуса открыла редкий огонь на фронте, обороняемом 133-м и 134-м полками 34-й русской пехотной

дивизии. Постепенно усиливая свой огонь, противник около 11 часов открыл ураганный огонь, особенно сильный по окопам 2-го и 4-го батальонов 133-го и 1-го батальона 134-го полка. Огонь не прекращался ни на минуту как по окопам, так и по примыкавшим к ним тылам. Окопы рот 2-го и 4-го батальонов 133-го полка 1–1,5 часа представляли картину полного разрушения — всё было завалено и засыпано землёй; в довершение неприятель вскоре после открытия частого огня начал применять химические снаряды. Люди были ослеплены, одурманены и целыми отделениями ползали по окопам, ища из них выходов». Около 12 часов противник перешёл в наступление... Первая его попытка прорваться не удалась, и он был задержан ещё в начале подъёма на скат, ведущий к окопам. Огонь неприятельской артиллерии был ещё более усилен. Было закончено разрушение соседних вправо окопов 14-й и 15-й рот, и противник вновь двинулся вперёд, но перед проволокой он опять был задержан кучками уцелевших в окопах стрелков и залёг. К этому времени были засыпаны землёй командиры 14-й и 15-й рот, а у младшего офицера 14-й роты снарядом оторвало обе ноги. Третье наступление противника, приблизительно около 13 часов, увенчалось успехом, и он ворвался в окопы 14-й роты».

«Один очевидец боя рассказывал, что «со своего наблюдательного пункта ему хорошо была видна 7-я рота 133-го полка, которая, несмотря на ураганный огонь противника, всё время направленный на неё, и невзирая на то, что её окопы были совершенно разрушены, держалась очень долго, но затем стало ясно, что 7-я рота окончила своё существование, и на её месте появились в большом количестве австрийцы...» [14, с. 49–50].

Оценка действий VII корпуса в начале сентября 1915 года много позже стала поводом интересной заочной полемики бывших сослуживцев Гуттора и Экка. Тогда как Экк в своих воспоминаниях настаивал на полной оправданности его требования Брусилову разрешить отход войск корпуса, Гуттор утверждал, что штаб корпуса стал жертвой неправильного понимания обстановки и отдал приказ об отходе преждевременно. Ещё один очевидец происшедшего, офицер связи штаба соседнего XVII корпуса полковник А. В. Черныш возлагал ответственность за неудачу на командира 133-го Симферопольского полка полковника А. Е. Снесарева, якобы сообщившего ошибочно успокоительные сведения о положении на фронте, в то время когда один из его батальонов был уничтожен превосходящими силами противника [37, с. 110].

Как бы то ни было, несмотря на то что частям VII корпуса (а также за ним XVII и XVIII корпусов) пришлось отойти, благодаря их упорному сопротивлению «австро-венгерские войска к ночи окончательно выдохлись и не только не в состоянии были преодолеть тыловую позицию, но даже неспособны были к простому преследованию отходящих» [14, с. 76]. Этот отход явился последним в «Великом отступлении» русских войск на Юго-Западном фронте. Частям корпуса Экка удалось закрепиться на следующем рубеже и 13 сентября предпринять контр наступление, которое в памяти очевидцев ознаменовало собой окончание отступления русской армии [37, с. 118].

Описанию этого и следующего в октябре 1915 года контр наступлениям частей VII корпуса посвящена вторая работа Гуттора — «Фронтальный удар пехотной дивизии» [15].

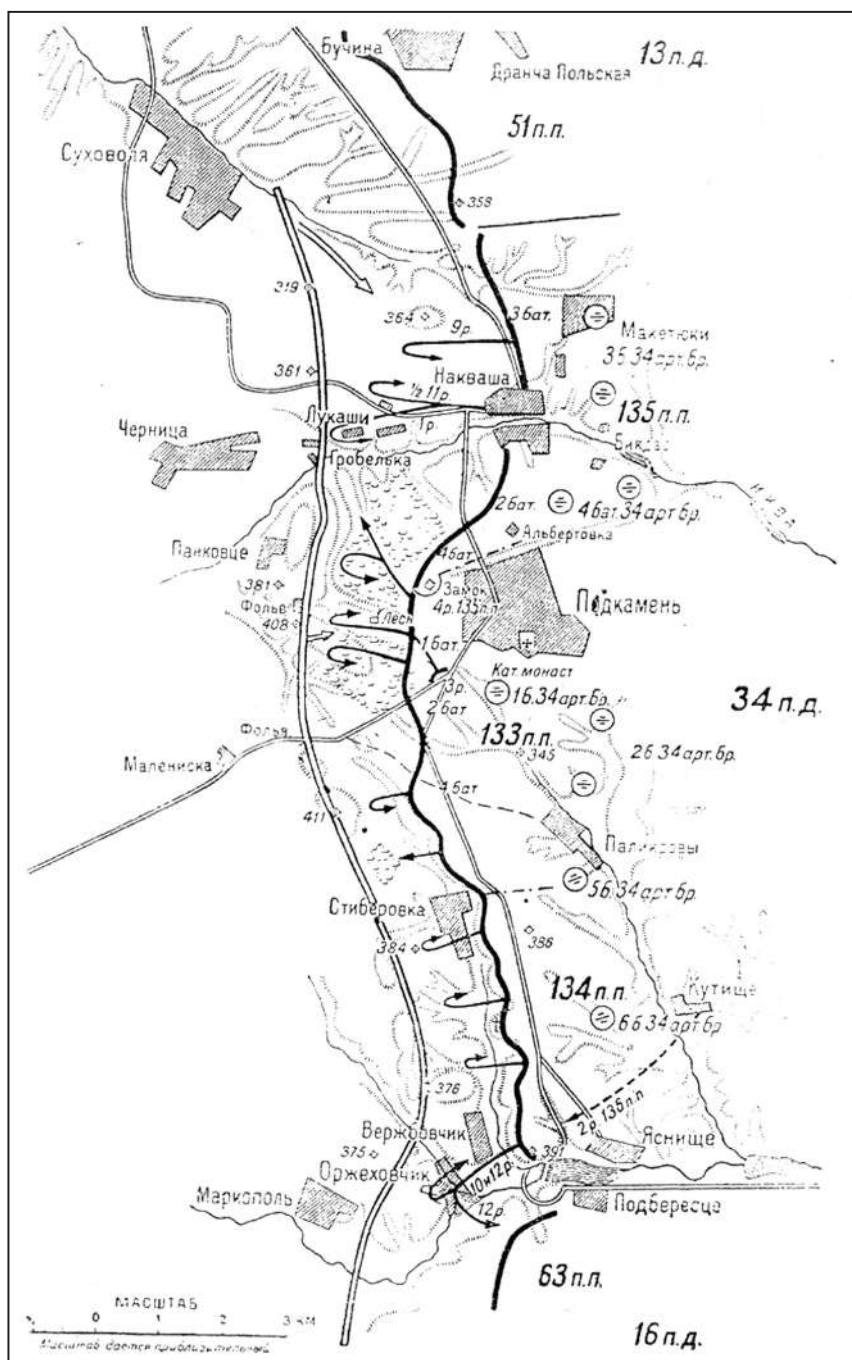

Схема боёв VII корпуса из книги А. Е. Гутора

Основную роль в планируемом наступлении предстояло сыграть 11-й русской армии генерала Сахарова. С целью усилить удар 12 сентября ему был придан VII корпус, переданный из состава 8-й в состав 11-й армии.

«Рано утром 13-го, — гласят официальные австрийские исторические материалы, — русские прорвали в густом тумане левый фланг 43-й дивизии, обошли с юга по местности, пересечённой оврагами и фруктовыми садами, расположенную севернее 33-ю дивизию и одновременно разбили её левый фланг. Замешательство было велико. Отрезанный гарнизон Рыдомель, 26-й полк, был сломен...» [15, с. 28–29]. По воспоминаниям Черныша, обход австрийцев едва ли не случайно осуществил батальон 134-го Феодосийского полка. Правильно оценив ситуацию, его командир организовал окружение австрийских частей, вызвав панику в их рядах.

По воспоминаниям Экка, части VII корпуса взяли в плен 183 офицера, около 9500 нижних чинов и захватили два тяжёлых орудия.

В октябре корпус развил достигнутый успех. Вот как он описывается в книге Гутора: «Артиллерийская подготовка в 34-й дивизии началась в 7 час. 35 мин. В 9 час. был открыт «частый» огонь. С командного пункта командира дивизии была отчётливо видна вся впереди лежащая местность. Частый огонь из всех орудий по выс. 177,7 представлял собой величественное зрелище. 152-мм снаряды поднимали огромные столбы дыма и пыли, которые рядами вздымались к небу и образовывали почти непрерывную завесу. Эта мощь подготовки сильно подняла дух атакующих и дала импульс к стремительной атаке.

Атака началась около 9 час. 30 мин. дружным ударом подразделений 134-го и 135-го полков на высоте 177,7. Одновременно левофланговый батальон 134-го полка, несмотря на слабую поддержку одной батареей, смело кинулся вперёд. Вскоре обозначился успех атаки по массе тёмных точек, высыпавших из австрийских окопов в нашу сторону. Это были пленные, которые потом долго тянулись партиями в направлении на ф. Рыдомель» [15, с. 28–29].

Действия соседней 13-й дивизии корпуса также были успешны, им удалось захватить ряд стратегических высот.

«Удар был так стремителен, — писал Экк, — что австрийцы, забрасываемые ручными гранатами, убегали в полном беспорядке и не только не дали нам возможность захватить Верещакский лес, по западной опушке которого проходит граница с Галицией, но оставили в наших руках 92 офицеров, 5600 нижних чинов пленными, 48 пулемётов, шесть бомбомётов, два миномёта и значительное количество вооружения и снаряжения» [39, с. 454].

По результатам октябрьских боёв А. Е. Гутор был награждён орденом Св. Георгия III степени — «За то, что в бытность начальником 34-й пехотной дивизии, лично руководя действиями дивизии 8 окт. 1915 г. и находясь в сфере сильного действительного огня противника, решительным энергичным распоряжением сломил упорное сопротивление превосходного в силах неприятеля, засевшего за тремя полосами проволочных заграждений и овладел сильно укрепленной неприятельской позицией в районе д.д. Волица-Иванье, и в боях 10–12 октября с успехом отразил все бешеные атаки противника на занятые нами позиции. Трофеи дивизии: 78 офицеров, 4887 нижних чинов, 17 пулемётов, 2 бомбомёта, масса ору-

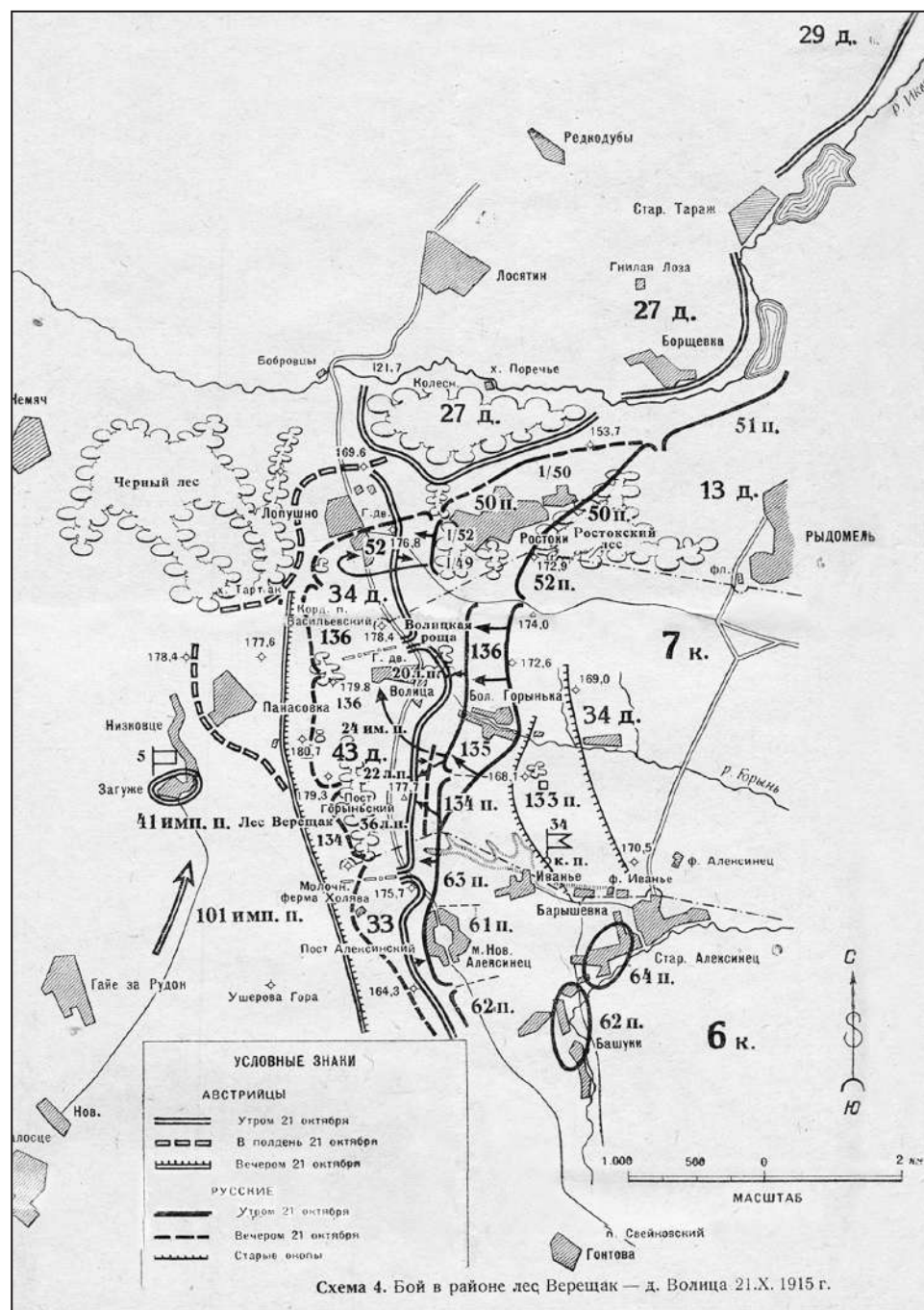

Схема боёв VII корпуса из книги А. Е. Гутора

жия, патронов и снаряжения». Вскоре генерал Гутор был назначен командиром VI корпуса, командование же 34-й дивизией перешло к генералу Стремоухову.

Орденом Св. Георгия III степени был награждён и генерал Экк — «За то, что в августе и октябре 1915 атаковал и захватил укрепленную позицию австрийцев от Иквы до Горыни, разбил превосходящие силы неприятеля, вытеснив врага почти на всём фронте из пределов Волынской губернии».

К зиме 1915/16 года война на Юго-Западном фронте приобрела позиционный характер, который продолжался также и всю весну 1916-го.

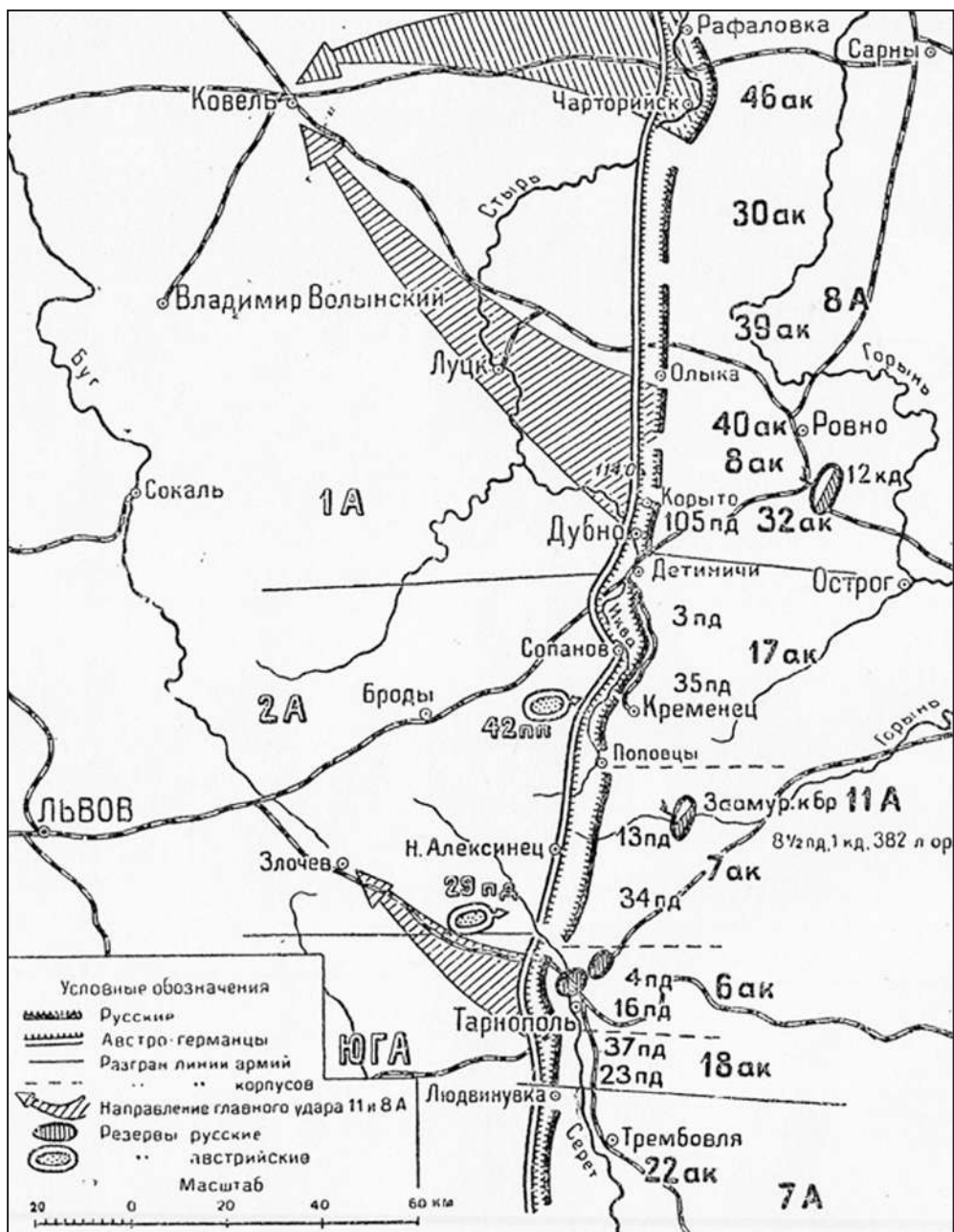
1.4. В Брусиловском прорыве

Оперативную ситуацию, сложившуюся к началу 1916 года, «Стратегический очерк» описывает следующим образом: «После продолжительных отступательных маршей летом и осенью 1915 г. и затяжных, но безрезультатных боёв на Сев. фронте и в 8-й армии (Юзфронта), не изменивших стратегического положения сторон, русские армии заняли укрепленную позицию, которая тянулась непрерывно полосой от берегов Рижского залива до Румынской границы. Против неё, также зарывшись в окопы, на Северном и Западном фронте стояли германцы, а на Юго-Западном — почти исключительно австрийцы. Обе стороны находились в выжидательном положении» [34, с. 7].

В 1916-м русское командование решает предпринять крупномасштабную наступательную операцию, которая позволила бы загладить неудачи 1915 года. Поспешить с развёртыванием наступления заставляла критическая ситуация на Сербском фронте, где назревала катастрофа под натиском австро-венгерских войск. Поэтому основной удар было решено нанести на Юго-Западном фронте в целях прорыва австро-венгерского фронта и нанесения поражения армии главного союзника Германии. Это был знаменитый «Брусиловский прорыв» 1916 года — серия сражений на Волыни в течение лета и начала осени 1916 года. VII корпус принял участие в нём в составе 11-й армии. Несмотря на то что направление, где действовал корпус, считалось вспомогательным, его частям удалось добиться значительных успехов.

В состав VII корпуса в этот период входили: 13-я пехотная дивизия (49-й Брестский, 50-й Белостокский, 51-й Литовский, 52-й Виленский пехотные полки), 13-я артиллерийская, 13-я парковая артиллерийская бригады; 34-я пехотная дивизия (133-й Симферопольский, 134-й Феодосийский, 135-й Керчь-Еникальский, 136-й Таганрогский пехотные полки), 34-я артиллерийская, 34-я парковая артиллерийская бригады, Саратовская пехотная бригада (Еламский, Верхнемедведицкий пехотные полки, 15-я пулемётная команда). При корпусе находились: 1-й взвод Чешско-Словацкого стрелкового полка, 3-й Уманский казачий полк, 32-я отдельная Донская казачья сотня, 7-й мортирный артиллерийский, 7-й мортирный парковый артиллерийский дивизионы, отдельный взвод противоаэропланной артиллерии, 34-й автопулемётный взвод, 12-й сапёрный батальон, 4-е отдельное кабельное отделение, 7-й авиационный отряд, корпусное радиотелеграфное отделение.

В корпусе насчитывалось 38 батальонов, 7 эскадронов (сотен), 746 офицеров; штыков: в строевых ротах — 38 038, в командах — 3442, сабель — 994, пулемётов — 162, орудий: лёгких — 73, мортир — 12.

Положение 11-й армии на 1 июня 1916 г.

11-й армии под командованием генерала Сахарова ставилась задача поддержки основного удара, который наносила 8-я армия в направлении на северо-запад — Луцк и Ковель. 11-я армия должна была разворачивать своё наступление в западном направлении — на Броды и Львов. Автор одного из оперативных очерков летней кампании 1916 года отмечает, что противостоявшие 11-й армии части 2-й австро-венгерской армии «не только не уступали ей в численности, а, наоборот, превосходили её в отношении артиллерии на 25%, имея вдобавок почти в 8 раз большее количество тяжёлой артиллерии» [25, с. 26]. Первоначально наступление 11-й армии развивалось не особенно удачно. Русские атаки пришлось на те участки, где в австро-венгерские порядки были вкраплены германские войска, и не привели к заметным результатам. Действия VII корпуса играли вспомогательную роль, в начале наступления он ограничился перестрелкой, а в следующие два дня отбивал атаки австрийцев. Однако на участке соседнего корпуса был достигнут частичный успех, что вызвало отход австрийских частей перед фронтом VII и XVII корпусов. В боях с 28 мая (10 июня) по 4 (17) июня VII армейский корпус достиг линии Ледухов — Лопушно — Мшанец, где и закрепился [8, с. 17]. В ночь на 3 (16) июня VII корпус овладел Ростоцким (Чёрным) лесом на правом берегу реки Иквы, южнее Ново-Почаева.

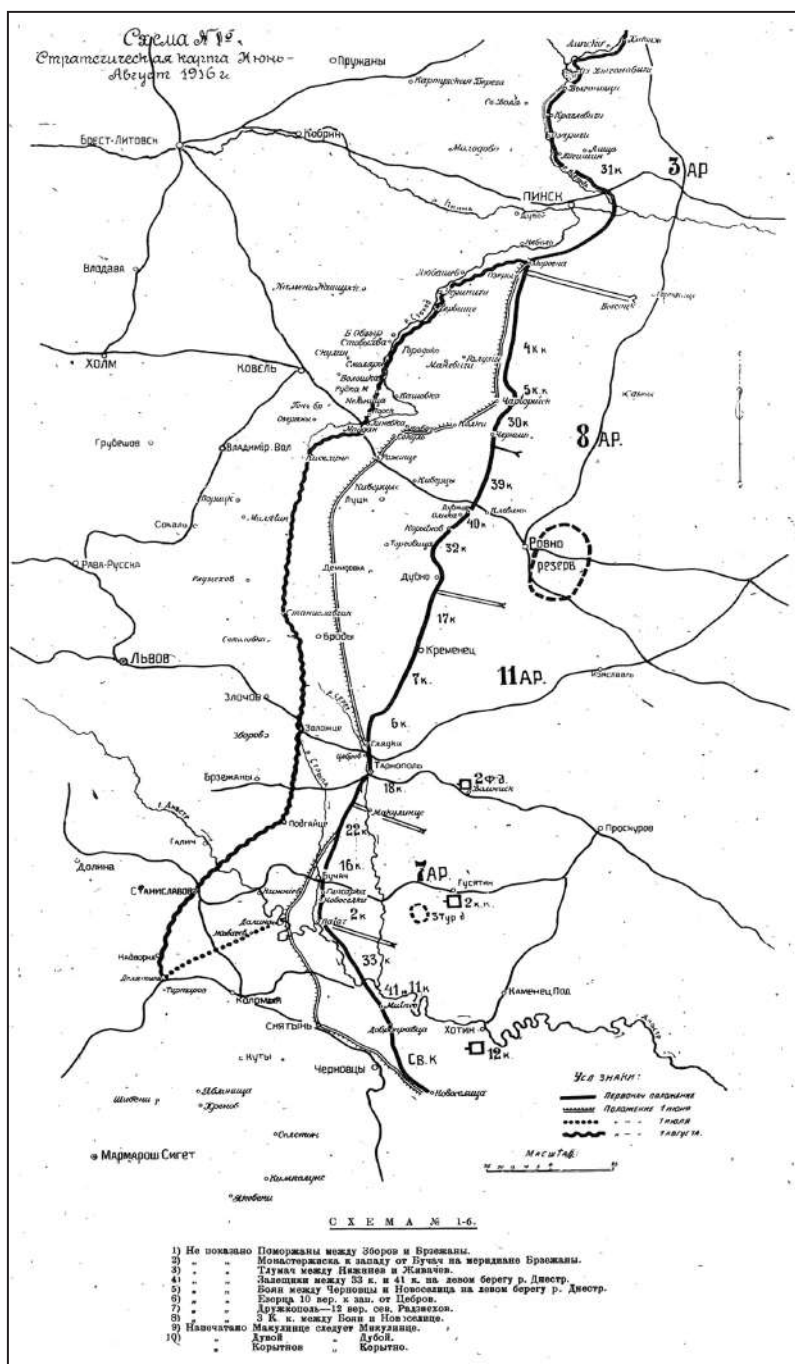
В целом же войска Юго-Западного фронта к 11 (24) июня достигли крупных оперативных успехов на правом фланге фронта в районе Луцка и южнее Днестра, захватив большое количество пленных, орудий, пулемётов и военного снаряжения.

Австро-германское командование стремилось различными мерами приостановить наступление русских войск и перехватить инициативу, для этого на участке 11-й армии была сформирована так называемая группа Марвица, задачей которой стало остановить и опрокинуть русские войска. В то время как войска 8-й русской армии развивали наступление в заданном направлении, части 11-й армии с середины июня перешли к обороне. VII армейский корпус получил задачу оборонять участок фронта 11-й армии от Круки до Янковиче (30 км юго-восточнее Нового Почаева). В результате упорных боёв контрнаступление Марвица было остановлено, в начале июля 1916 года корпуса 11-й армии возобновили наступательные действия и вплотную подошли к Бродам, создав угрозу Буковине.

Продолжая наступление, 16 июля 32-й армейский корпус захватил Броды — важный для австро-германцев пункт, а V Сибирский, XVII и VII армейские корпуса к 17 июля продвинулись на линию Голосковице — Дубе и далее по восточному берегу реки Серет до Янковце, где были задержаны организованным огнём австрийцев. За очень короткий срок 11-я армия сумела продвинуть свой левый фланг на 15–20 км.

Невзирая на успехи левофланговых армий, русское командование рассматривало в качестве главного направления на Ковель. После оперативной паузы к концу июля здесь возобновилось наступление. За несколько дней до него (23 июля) было назначено наступление южной группы — 7 и 9 и 11-й армий, рассматривавшееся как вспомогательное.

«Генерал Сахаров, — пишет Керсновский, — ввёл в дело свой левый фланг — VII армейский корпус генерала Экка, указав ему атаковать в общем направлении на Заложиче» [21, с. 78–79]. «Я получил предписание, — вспоминал Экк, — на-

Положение VII корпуса в августе 1916 г.

чать форсирование р. Серета на участке деревень Ратыще — Заложнице — Вертелка. Предстояло форсировать реку, вброд непроходимую... причём противоположный берег был укреплен и прочно занят» [39, с. 472]. Первые попытки перехода не удалось, но следующей ночью полки, благополучно переправившись, атаковали австрийские позиции, причём артиллерия двигалась в цепях пехоты (в 13-й пехотной дивизии 49-й пехотный Брестский полк атаковал Маркополь в ночь на 23 июля через реку Грабарку — приток Серета, по грудь в воде, — сообщает характерную подробность этого «лихого дела» Керсновский). «Несмотря на этот первый успех, — вспоминал Экк, — потребовалось ещё семь дней боёв, пока противник был окончательно сломлен» [39, с. 473].

В австрийской истории Первой мировой войны, — сообщал Керсновский, — удар полков VII корпуса был назван «неотразимым». В жарких боях был полностью уничтожен 4-й венгерский корпус [21, с. 78–79]. «Стратегический очерк войны» отмечает, что «25.07 (07.08) и в последующую ночь в 11-й армии шёл непрерывный бой; VII и XVII корпуса овладели Бялогловами, Городище и Плешковцами. Противник произвёл ряд отчаянных контратак, но успеха не достиг» [34, с. 31]. Особенно тяжёлым был бой 28 июля, продолжавшийся 20 часов и превратившийся, по словам Экка, «в настоящее побоище». «В 34-й дивизии, — отмечал Керсновский, — отличились у Бялоглавы феофаносийцы». Точнее, командир полка Коваленко, который, «когда подавленные артиллерийским огнём полки залегли, сумел поднять полк и... тем решил успех боя в нашу пользу». За что и был награждён орденом Св. Георгия IV степени. Наступление 34-й дивизии привело к очищению австрийцами сильнейшей их позиции у Воробьёвки. Отлично проявила себя прикомандированная к VII корпусу Заамурская конная бригада, командир полка которой А. С. Карницкий был награждён орденом Св. Георгия III степени². Лишь прибытие из Франции германского корпуса привело к приостановке русского наступления. Трофеями сражения у Заложнице стали 268 офицеров и 14 000 нижних чинов, 6 орудий, 15 бомбомётов и 30 пулемётов. Впервые за время войны, по свидетельству комкора, о действиях корпуса было объявлено в реляции штаба Верховного главнокомандующего. Правда, эта победа досталась VII корпусу дорогой ценой: за десять дней боёв, сообщал Экк, корпус потерял ранеными и убитыми 488 офицеров и 20 500 солдат [39, с. 472].

После спешных доукомплектований и временной передачи VII корпусу 84-й стрелковой дивизии Экк продолжил наступление. Оно возобновилось 18 (31) августа. В 11-й армии главный удар наносили VI, VII, и XVII корпуса. Задачей VII корпуса было овладение Зборовым и переход на правый берег реки Стрыпы.

² Эта редкая степень ордена была вручена ему «за то, что в бою 28 июля 1916 г. у д. Нетерпинце, лично командуя вверенным ему 2-м пограничным Заамурским конным полком и видя, что германцы густыми цепями ведут с высот 384 и 374 атаку на левый фланг 135-го пехотного Керчь-Еникальского полка и в образовавшийся прорыв между частями названного полка и 49-го пехотного Брестского, угрожая этим частям и двум выдвинутым вперёд сотням полка быть отрезанными от переправы у д. Нетерпинце, он, невзирая на неравенство сил (около 4 батальонов германской пехоты) с полным самоотвержением внезапно бросился в конную атаку под ураганным артиллерийским и ружейным огнём с оставшимися в его распоряжении 4 сотнями полка, привёл противника в полное расстройство, частью изрубив и частью обратив в бегство, чем оказал самое решительное содействие нашей пехоте, дав возможность заполнить образовавшийся прорыв и прочно закрепить своё положение».

В этих боях, отмечает Керсновский, «особенно отличалась Саратовская ополченская бригада, где 486-й пехотный Верхнемедведицкий полк взял 15 офицеров, 800 нижних чинов и 4-орудийную батарею. Имея около 7000 штыков, бригада в летних боях взяла 5000 пленных и к сентябрю потеряла половину состава» [21–2, с. 78–79]. Саратовцы захватили Зборов и правый берег реки. Командовал бригадой бывший командир 51-го Литовского полка 13-й дивизии Г. А. Лихачёв. В последующие дни, — сообщает «Стратегический очерк войны», — успех развивался медленно, и наступление замерло 22 августа (4 сентября) [34, с. 51].

Впоследствии в военно-исторической литературе не раз отмечалось, что если бы командование армии и фронта вовремя оценило перспективы тактического успеха Экка и, мощно подкрепив его свежими войсками, перенесло сюда направление главного удара, вместо безрезультатного топтания под Ковелем это могло бы привести к гораздо более ощутимым последствиям для Австро-Венгрии. «Оно (сражение под Заложницами), — пишет Керсновский, — могло бы превратиться в победоносное сражение под Львовом, подкрепи Сахаров VII корпус и поддержи его Щербачёв» [21–2, с. 78–79], однако этого не произошло.

Осенью 1916 года русское командование попыталось возобновить наступление. Согласно директиве командующего фронтом от 1 (14) сентября, 11-я армия генерала Сахарова должна была наступать на Львовском направлении, которое по-прежнему рассматривалось как вспомогательное по отношению к Ковельскому. Как указывал в своём труде А. А. Зайончковский, «командующий 11-й армией (Сахаров) возложил активную задачу на XVII корпус, включив в него дивизии VII корпуса (13 и 34) (без корпусного управления. — *Авт.*) и 7 дружин ополченцев» [35, с. 106]. Ударный кулак, однако, был сформирован недостаточной силы, и это сразу же сказалось на ходе наступления, которое началось 16 сентября. Атаки были безрезультатны и, кроме захвата первой линии окопов, к развитию успеха не привели.

Раздосадованный недостаточным вниманием и помощью со стороны командования 11-й армии, генерал Экк обратился к Брусилову с просьбой перевести его в другую армию (несмотря на «тяжесть расставания», как он писал, со своими испытанными войсками), также на должность командующего корпусом. Вскоре состоялся обмен назначениями. Экк получил под начало XXIV корпус генерал-лейтенанта А. В. Сычевского, действовавший в лесистых Карпатах в составе 8-й армии, а последний был назначен командиром VII корпуса (с 19 октября 1916 по 5 апреля 1917 г.).

Генерал-лейтенант
А. В. Сычевский

Так завершилась целая эпоха в жизни корпуса, связанная с именем славного генерала Э. В. Экка. «Около 8 (21) октября, — отмечал Зайончковский, — 11-я армия перешла к активной обороне, и с этих пор и на всю зиму на фронте армии настало затишье, которое не нарушалось чем-нибудь заслуживающим внимания». VII корпус, однако, ожидали новые тяжёлые и кровавые испытания.

1.5. На Румынском фронте

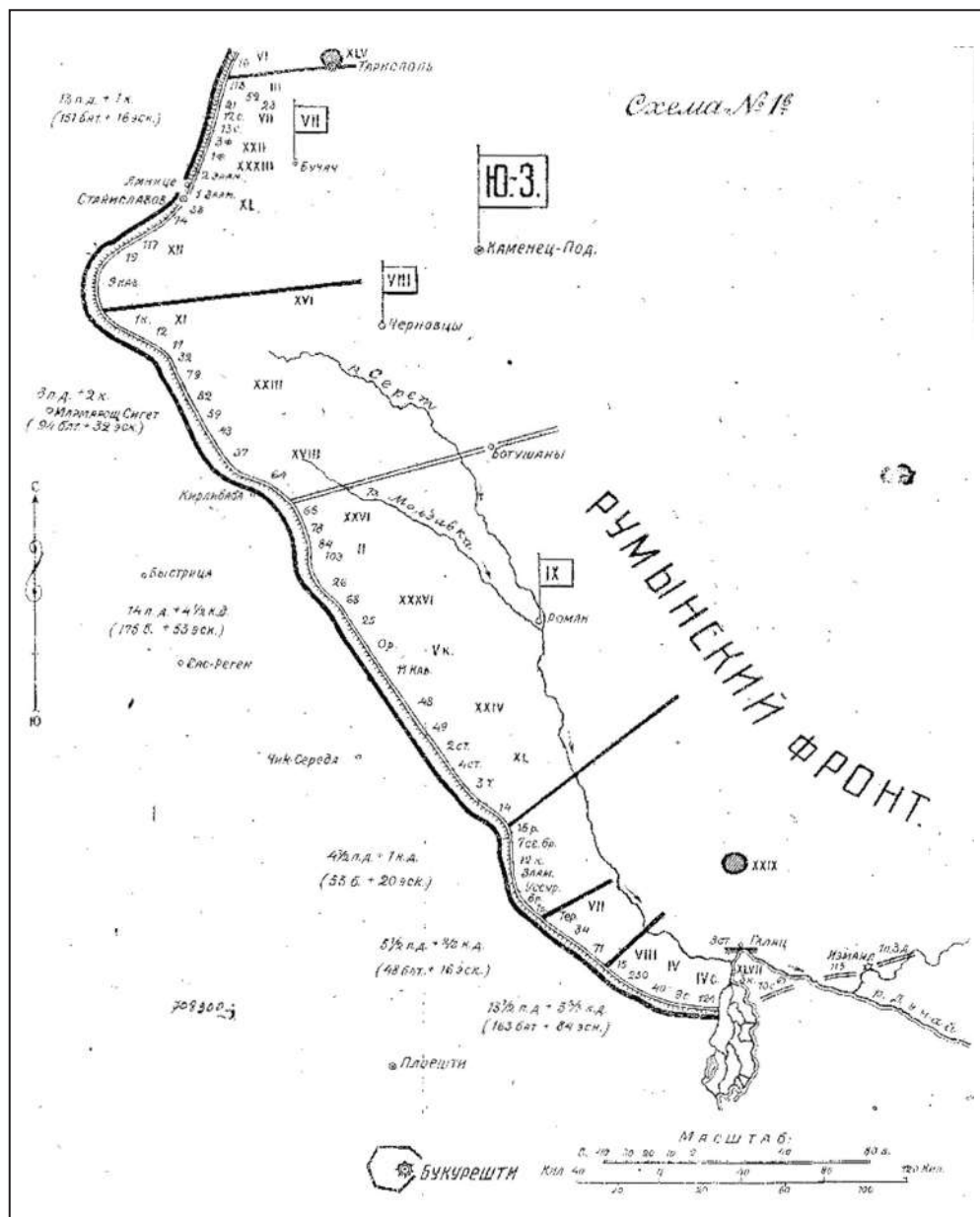
Одним из результатов Брусиловского прорыва было вступление в войну на стороне Антанты долго колебавшейся до этого Румынии (как вспоминал Экк, вступление Румынии в войну последовало на следующий день по окончании его сражения при Заложнице). Это обстоятельство в свою очередь имело далеко идущие и достаточно неожиданные последствия для всей ситуации на восточном театре Первой мировой войны. Наступление румынской армии в Трансильвании было быстро остановлено германскими и австро-венгерскими войсками, которые вскоре нанесли румынам ряд чувствительных поражений. Русское командование не оценило вовремя масштабы катастрофы и ограничилось поддержкой румынской армии одним корпусом генерала А. М. Зайончковского. Между тем ситуация приобрела критический характер. К концу осени румынское королевство потеряло две трети своей территории, пала столица — Бухарест. В этих условиях русское командование принимает решение о массовой поддержке румын. 17 ноября по приказу императора для поддержки румынской армии была образована 4-я армия под командованием генерала А. Ф. Рагозы. В неё первоначально вошли VII, XXX, XXIX и три кавалерийских корпуса, а 24 ноября ставка сформировала новый Южный фронт в составе русских 4-й, Дунайской и румынской армий, к которым вскоре прибавилась ещё одна — русская 6-я армия. Южный фронт, вскоре переименованный в Румынский, состоял под верховным командованием румынского короля, двор которого перебрался после падения Бухареста в Яссы, однако реальное командование войсками в качестве помощника короля осуществлял генерал В. В. Сахаров. Вскоре в полосе нового фронта сосредоточилось, ценой ослабления других участков восточного театра, до одной четверти всех русских военных сил. Переброшенные с различных фронтов, русские корпуса заняли свои новые боевые позиции в декабре 1916-го. В частности, 4-я армия в составе VII, VIII и XXX армейских корпусов, а также трёх кавалерийских дивизий заняли фронт от Балегеанул до Фурул-Маре, т. е. в его центральной части. Южнее, вплоть до Чёрного моря, шли позиции 6-й армии.

По состоянию на 22 декабря 1916 года VII армейский корпус генерала от инфантерии А. В. Сычевского имел следующий состав: 13-я пехотная дивизия (генерал-лейтенант Е. М. Михелис). 1-я бригада — 49-й пехотный Брестский полк, 50-й пехотный Белостокский полк; 2-я бригада — 51-й пехотный Литовский полк, 52-й пехотный Виленский полк; 13-я артиллерийская бригада. 34-я пехотная дивизия (генерал-лейтенант Н. П. Стремоухов). 1-я бригада — 133-й пехотный Симферопольский полк, 134-й пехотный Феодосийский полк; 2-я бригада — 135-й пехотный Керчь-Еникальский полк, 136-й пехотный Таганрогский полк, 34-я артиллерийская бригада. 122-я пехотная дивизия (генерал-лейтенант Г. А. Лихачёв). 1-я бригада — 485-й пехотный Еланский полк, 486-й пехотный Верхнемедведицкий полк; 2-я бригада —

Генерал-лейтенант
Н. П. Стремоухов

Румынский фронт. Дислокация частей

487-й пехотный Дубровский полк, 488-й пехотный Острогжский полк; 122-й отдельный артиллерийский дивизион; 3-й Уманский полк Кубанского казачьего войска; 7-й мортирный артиллерийский дивизион, 4-й отдельный тяжёлый артиллерийский дивизион, 12-й сапёрный батальон. Корпус занимал участок фронта в непосредственной близости от реки Серет, попав с галицийского Серета на молдавский.

В планах командования Центральных держав Румыния приобрела особое значение, как «слабое звено» Антанты, сокрушив которое германо-австрийцы надеялись сломать весь Восточный фронт войны. Именно поэтому, несмотря на все трудности и недостаток людей на других участках фронта Первой мировой войны, на румынском направлении были сосредоточены отборные войска и большое количество артиллерии. Группу армий, включавшую немецкие, австро-венгерские, болгарские и турецкие силы, возглавил знаменитый немецкий полководец Август фон Макензен, осуществивший в своё время Горлицкий прорыв. В декабре немцы оказали серьёзный нажим на изрядно потрёпанные румынские и ещё не до конца развернувшиеся русские войска, которые, тем не менее, достаточно успешно отражали германские атаки. В последующих боях тяжёлые испытания выдались как раз на долю частей VII корпуса, на которые пришлось острие нового германского наступления. 11 декабря Макензен нанёс удар силами 9-й армии генерала Фалькенгайна в направлении на Рымник — Серет по расположениям 4-й армии. В истории Первой мировой эти события известны как Рождественская битва (Weihnachtschlacht) — четырёхдневное сражение при Рымнике — Серете. Керсновский описывает её ход и результаты следующим образом: «VII армейский корпус стойко выдержал удар группы Моргена (корпус под командованием генерала К. фон Моргена), понеся огромные потери. Стойко бились и XXX корпус, и остатки румын. Всё же 4-й армии пришлось отступить назад, и генерал Рагоза отвел её 15 декабря с Рымника на молдавский Серет. Офицеры VII корпуса вспоминают это сражение при Рымнике — Серете как самое тяжёлое за всю войну. Доблестная 34-я пехотная дивизия четыре дня отражала на высоте 417 четыре германские дивизии 1-го резервного корпуса Моргена. За всю Рождественскую битву (с 24 по 28 декабря нового стиля) немцы захватили около 10 000 пленных, но нами не отдано ни одной пушки. Урон 4-й армии превысил 40 000 человек» [21—2, с.106]. К новому, 1917 году Румынский фронт стабилизировался по линии вдоль реки Серет.

Румынские войска после катастрофических поражений были отведены в тыл на переформирование, их место заняли русские части. На Румынском фронте наступило временное затишье. Беда пришла, однако, совсем с другой стороны. В феврале (по новому стилю в марте) в России разразилась революция. Революционные события, отречение от престола Николая II, издание Временным правительством так называемого приказа № 1 привели к серьёзной дестабилизации обстановки в русской армии, что сказалось, хотя и с замедлением, и в обстановке на Румынском фронте. Прежде всего произошли изменения в составе командования. Генерал Сахаров был сменён на посту помощника Верховного главнокомандующего румынским фронтом генералом Щербачёвым. Перемены коснулись и командования корпусов, в частности командующий VII корпусом генерал

Сычевский ушёл в отставку. Короткое время корпусом командовал бывший начальник штаба Румынского фронта генерал М. И. Шишкевич³, сменённый в апреле генералом Н. Л. Юнаковым. Однако ещё более важным было то, что единоначалие в армии было подорвано, и в большинстве частей возникли солдатские комитеты, состоявшие из представителей социалистических партий, заражённых антивоенными настроениями и предвзято относящихся к командному составу армейских подразделений. В мае 1917 года на фронте образовался новый «орган власти» — Румчерод — Центральный комитет советов Румынского фронта, Черноморского флота и Одесского округа, решения которого были обязаны для исполнения на фронте. Таким образом, вслед за другими фронтами Румынский фронт также оказался подвержен внутреннему развалу, хотя этот процесс здесь шёл медленнее, чем на других фронтах.

Генерал-лейтенант
М. И. Шишкевич

Незвизрая на прогрессирующий развал армии, надеясь преодолеть его активными действиями на фронте, Временное правительство и новое верховное командование готовило «революционное наступление» русских войск, запланированное на июнь 1917-го. Главный удар должны были наносить части Юго-Западного фронта, прочим же фронтам, включая Румынский, отводилась вспомогательная роль. Первоначально развивавшееся успешно, июньское наступление, однако, закончилось крахом и привело к отступлению дезорганизованных и ослабленных антивоенной агитацией войск. На считавшемся же второстепенным румынском направлении достаточно неожиданно был достигнут локальный успех. Русские (4-я армия генерала Рагозы) и румынские (2-я армия генерала Авереску) войска начали наступление 9 июля, после двухдневной артиллерийской подготовки в общем направлении на Марашешти. Оборона противника была прорвана на всю глубину. Одновременно южнее, в районе Намолоссы, началась артиллерийская подготовка, вслед за которой в наступление должны были перейти 1-я румынская и 6-я русская армии, однако обескураженный неудачами на других фронтах Керенский 12 июля приказал генералу Щербачё-

Генерал-лейтенант
Н. Л. Юнаков

³ Шишкевич Михаил Иванович (1862-?) — первый русский авиационный генерал. Служил в Генеральном штабе. В 1910–1912 гг. — генерал-квартирмейстер штаба Московского ВО. С августа 1912 по декабрь 1913 г. командовал Воздухоплавательной частью при Главном управлении Генштаба.

ву прекратить наступление. Король Фердинанд всё же предписал Авереску продолжить наступление, которое было поддержано мощной артиллерией 4-й армии. 13 и 14 июля румыны успешно завершили операцию, освободив около 30 населённых пунктов и почти 500 кв. км территории. В ходе наступления русско-румынские войска захватили свыше 4 тыс. пленных и 85 орудий. Этот успех был достигнут во многом благодаря тому, что удалось сравнительно быстро и неожиданно для немцев восстановить боеспособность румынских частей, которые были реорганизованы и обучены под руководством французских инструкторов в течение шести месяцев в русском тылу. В дальнейшем, учитывая падающую боеспособность русских частей, командование планировало заменить русские войска румынскими, что в конечном итоге и произошло, правда, в условиях очень напряжённых боевых действий.

Подтянув резервы, в том числе взятые из Франции, противник в августе 1917 года организовал мощное контрнаступление, которое получило в истории Первой мировой войны название «битвы при Марашешти». Это было последнее крупное сражение войны, и в нём снова пришлось сыграть важную роль доблестному VII армейскому корпусу, принёсшему в этих боях новые кровавые жертвы. К сожалению, в литературе на русском языке сохранились лишь краткие сведения об этой битве. «Стратегический очерк войны», написанный в советское время, отводит этим событиям всего несколько строк. Больше всех написал о них А. Керсновский.

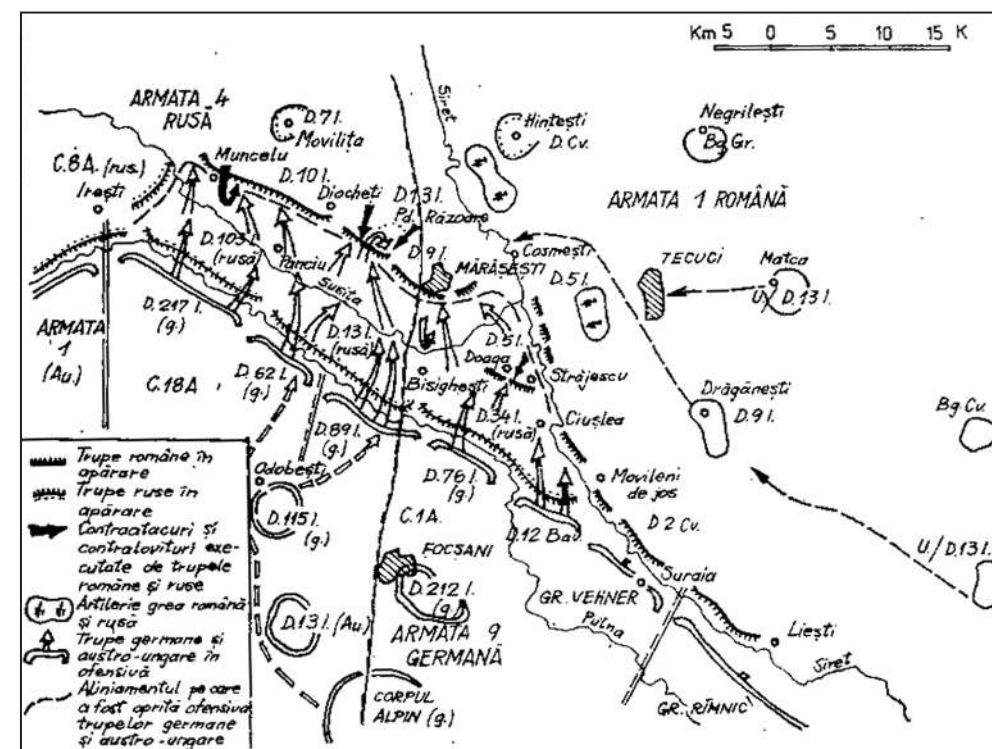

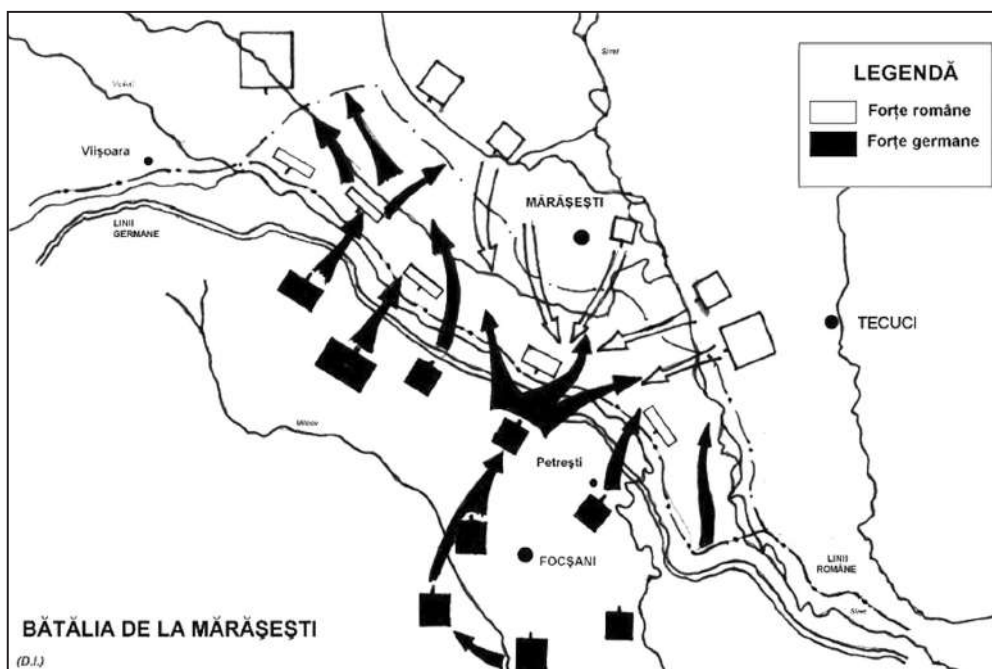
Схема битвы при Марашешти

В румынской историографии, напротив, этим событиям уделено особое внимание, так как Марашешти являются одним из крайне немногих примеров успешных действий румын в Первой мировой войне. Однако румынские исследования посвящены главным образом описанию героических действий румынской армии, в том числе и за счёт принижения русского участия в битве. Особенно характерным в этом отношении является история Первой мировой войны Константина Кирицеску, написанная ещё в 1921 году и выдержавшая несколько изданий [43]. У Кирицеску битва при Марашешти представляется героическим подвигом румын, значение которого многократно усиливается тем, что он осуществлялся на фоне полного развала русских частей, заражённых немецкой пропагандой, не желавших сражаться на «чуждой им земле» и постоянно ставивших румын в тяжёлое положение. Однако вдумчивое отношение к приводимым самими же румынскими историками фактам, в сопоставлении с русскими материалами, позволяет нам увидеть несколько иную картину происходившего.

Замысел новой операции Макензена против Румынского фронта заключался в двойном прорыве его войск в долинах рек Серет и Тротус, выходе к Аджуду и окружении в образовавшихся тисках частей русской 4-й и румынских 2-й и 1-й армий, их разгроме, дальнейшем захвате Молдавии и выходе на Юг России. Главный удар наносился по расположениям частей нашего VII корпуса (34-я и 13-я дивизии и находившаяся в резерве 71-я дивизия, приданная корпусу взамен 122-й, переброшенной на другой участок фронта), а также по примыкавшей к ним с запада 103-й дивизии VIII корпуса, занимавшего позиции по реке Путьна, по направлению деревни Марашешти, находившейся в его тылу. Немецко-австрийское командование сосредоточило на предполагаемом участке наступления (1-я австро-венгерская армия генерала Венингера и 9-я немецкая армия генерала фон Эбена) 102 пехотных батальона, 10 кавалерийских эскадронов, 24 штурмовых отряда, 2 броневика, 1135 пулемётов и большое количество артиллерии в составе 356 мортир, 223 полевых и 122 тяжёлых орудий. Русские войска (VII и VIII армейские корпуса) имели 84 пехотных и 52 кавалерийских батальона и 280 полевых и 36 тяжёлых орудий [44]. Румынские войска в составе 1-й армии находились в ближайшем тылу фронта, готовясь к замене русских частей. На участке же прорыва в расположении 34-й дивизии Макензен сосредоточил три немецкие дивизии и подавляющее количество артиллерии. Однако немцы рассчитывали не только на мощь своего удара. Несомненно, Макензен стремился воспользоваться тем революционным развалом, который фактически привёл к краху русского наступления под Тернополем в июле 1917-го. Летом немцы способствовали антивоенной пропаганде в русских частях, засылая прокламации и иницилируя «братания». К. Кирицеску даже сообщает, что «1 июля немцы издали проект прекращения военных действий против 34-й русской дивизии. В 1-м параграфе этого документа русской пехоте предписывалось подать сигнал, когда русские или румынские пушки откроют огонь, так чтобы немцы ответили в два раза большим числом снарядов». Никаких подтверждений этих сведений не приводится, однако румынский историк прозрачно намекает или делает предположение, что выбранное Макензеном направление прорыва было не случайным, поскольку русские войска якобы были готовы «открыть фронт». Что же показали боевые действия?

Румынские исследователи делят битву при Марашешти на три этапа [42]. Первый начался мощной немецкой артподготовкой в ночь с 5 на 6 августа 1917 года, которая достигла своего пика утром, между 4:00 и 7:00. Ужасающий артиллерийский огонь привёл к разрушению укреплений. Следом немцы пустили отравляющий газ, плотной завесой покрывший русские позиции. В 7:30 6 августа началось наступление. «В этот день группа Моргена (5 дивизий) атаковала наш VII армейский корпус», — пишет Керсновский. В «Стратегическом очерке войны» говорится, что на VII корпус обрушился удар шести дивизий. При этом четыре из них атаковали левофланговую 34-ю. К. Кирицеску говорит о том, что 34-я дивизия, оказавшаяся на острие главного удара группы фон Моргена, была атакована тремя немецкими дивизиями — 12, 89 и 76-й. Учитывая пресловутый фактор «деморализации», он называет эти силы «избыточными». Однако германское командование, очевидно, полагало иначе. Подобная концентрация войск свидетельствовала о том, что если немцы и учитывали ситуацию «революционного развала» русской армии, то делали ставку не на неё, а на превосходство в живой силе и технике. Беря в расчёт это обстоятельство, приходится ли удивляться тому, что в течение первой половины дня русские укрепления были прорваны? Румынские источники сообщают, что немцы пробили в русских позициях брешь шириной 10 и глубиной 3 км, что привело к большим потерям и «беспорядочному» отступлению 34-й дивизии (ссылаясь на анонимного «русского историографа»), Кирицеску даже пишет об этом отступлении как «о первом акте трусости на Румынском фронте», что едва ли можно считать оправданным, учитывая тот перевес, который имели немцы на направлении главного удара). Керсновский, признавая, что «в бою 24 июля мы понесли жестокие потери: немцы захватили 3300 пленных и 17 орудий», сообщает, тем не менее, что остатки дивизии в относительном порядке отошли за Серет, уничтожив переправы. Попытавшихся было преследовать по подожжённым понтонным мостам отступающих немцев остановил, как пишет Керсновский, «косоприцельный огонь мощной русско-румынской артиллерии (нашего VII и румынского III корпусов) с левого берега Серета во фланг втянувшейся в излучину реки группы Моргена» [21–2, с. 305]. Учитывая катастрофическое положение на участке 34-й дивизии, русское командование обратилось к румынам за помощью. На угрожаемый участок была направлена свежая 5-я румынская дивизия, столкнувшаяся на мосту с отступающими частями, которых пытались остановить казаки, игравшие роль «военной полиции». Вместе с подоспевшими румынами порядок на переправе был восстановлен и ночью румыны заняли свои позиции. На следующий день, 7 августа, немцы, отказавшись от предполагавшейся переправы через Серет, продолжили атаки на остатки 34-й дивизии и подоспевших румын. Атаки носили ожесточённый характер, продолжались весь день и привели к новым большим жертвам с обеих сторон. Их результатом стало некоторое продвижение немецких войск, впрочем, незначительное.

По версии К. Кирицеску, Макензен, столкнувшись со свежими боеспособными румынскими частями, вновь изменил направление атаки, следуя правилу «нападать на русских, избегая румын», и на следующий день сосредоточил главный удар против 13-й и выдвинутой из резерва 71-й пехотным дивизиям VII корпуса. Эти бои носили исключительно ожесточённый характер. Один из русских полков

Румынская схема битвы при Марашешти. Русские войска не обозначены

целиком погиб. По немецким сведениям, только одна немецкая санитарная команда похоронила 800 тел убитых русских солдат — все эти данные приводит Кириестеску же, не забывая отметить в конце, что русские оставили две деревни и отступили к третьей, конечно же «беспорядочно».

Керсновский кратко описывает эти события так: «25-го (7 авг.) и 26 июля (8 авг.) шли жестокие бои. Знаменитые войска VIII и VII корпусов даже теперь, ослабленные революцией, были грозным противником. С большим трудом IX армия (немецкая. — Авт.) овладела линией р. Путны. Генерал Рагоза отвел свой правофланговый VIII корпус на Сушицу, а левофланговый VII осадил на Серет и частью за Серет. Атака Моргена на Марашешти была отражена 71-й и 13-й пехотными дивизиями VII корпуса» [21–2, с. 306]. Немецкое наступление хотя и развивалось, но достаточно медленно и было далеко от поставленных стратегических целей.

События следующего дня румынский и русский историки также описывают по-разному. Кириестеску утверждает, что 9 августа русско-румынские войска находились в обороне (причём, как всегда, румыны «стойко сопротивлялись», в то время как русские в «беспорядке отступали»).

Керсновский пишет, что в этот день, 27 июля (9 августа), генерал Рагоза предпринял контрнаступление по всему фронту. Согласно Кириестеску, контрнаступление началось 10 августа. В своей работе он называет его «трагическим», так как, несмотря на большие жертвы, части румынских 5-й и 9-й дивизий не

достигли поставленной командованием цели — овладеть стратегически важным пунктом Доада. Согласно Керсновскому, русские войска, напротив, имели локальные успехи: VIII армейский корпус 4-й армии «смял группу Венингера, отбросив её частью в исходное положение на Путну». 10 августа «VII корпус, отбиваясь на Серете 13-й и 34-й пехотными дивизиями, нанёс своей правофланговой 71-й крепкий удар по 62-й австро-венгерской дивизии, отбросив их в долину р. Путны. Нами было взято 1300 пленных. Мост через Серет взорвал, пожертвовав собой, неизвестный герой, солдат 136-го пехотного Таганрогского полка». Румынский историк также упоминает этот эпизод, но каким образом? Австро-венгерская 62-я дивизия, согласно его версии, на большом пространстве сначала потеснила «воевавшие плохо» части 71-й русской дивизии, заняв «почти без боя» две деревни, в результате чего фронт приобрёл форму угла, дав русским «возможность дешёвого успеха». Днём 10 августа русские предприняли контратаку четырьмя батальонами 13-й дивизии, выбив австрийцев с занимаемых позиций, взяв пленных и трофеи. Утраченные позиции были восстановлены, как не преминул указать Кириестеску, вмешательством немецкого Альпийского корпуса.

11 августа немцы возобновили наступление. И снова румынские и русские материалы разногласят в оценке событий. Согласно Керсновскому, немецко-австро-венгерские войска атаковали утром 29 июля (11 августа) — Венингер (1-я австро-венгерская армия) на Панчиу против VIII корпуса, Морген — на Марашешти. «Здесь — пишет он, — разыгралось яростное побоище. Защищавшая Марашешти 71-я пехотная дивизия целиком легла в облаках фосгена. Генерал Рагоза бросил в бой конных замурцев и авангарды подходившего V румынского корпуса. Отчаянным усилием Марашешти удалось отстоять» (наступление

Немцы на русских позициях

Русские пленные под Марашешти

группы Венингера также встретило упорное сопротивление войск VIII корпуса и развивалось крайне туго).

Румынский историк, напротив, обвинил русские войска 71-й дивизии в необъяснимо быстром оставлении своих позиций в самом начале германского наступления, в чём он усмотрел решение «революционного комитета», а также вину командующего объединёнными войсками генерала Рагозы, который, якобы не предупредив румын, дал приказ об отводе войск к северо-западу от Марашешти. Глава его книги патетически озаглавлена «Русское отступничество и румынская жертва». Историк сделал вывод, что в критических боях 11 августа на погибель румын объединились мощь немцев и дезорганизация русских, и лишь «ум и хладнокровие» румынского командования и доблесть румынских солдат спасли ситуацию. Последующие решения верховного командования Румынии, однако, заставляют критически оценить этот вывод, так как по итогам этих боёв командующий 1-й румынской армией генерал К. Кристеску был отозван.

Между генералом Рагозой и генералом Кристеску действительно существовали трения и недопонимание. Рагоза ставил в вину Кристеску недостаточно энергичную поддержку испытывавших на себе основные немецкие удары русских частей. Вместо Кристеску был назначен генерал Э. Григореску. Более того, генералу Рагозе было передано общее командование как русскими, так и румынскими войсками. Войска VII корпуса в боях с 6 августа понесли огромные потери. По словам Кирицеску, 13, 34 и 71-я дивизии насчитывали не более 1000 штыков каждая и уже не могли продолжать борьбу. Тем не менее наступательный порыв войск Моргена также ослаб, поэтому 12 августа Макензен начал наступление против соседнего VIII корпуса группой Венингера. VIII корпус состоял из 103-й дивизии и переброшенных ей на помощь 14-й, 15-й и Заамурской кавалерийской дивизий. Все эти части также были ослаблены предыдущими боями, тем не менее они оказали серьёзное сопротивление. В результате кровопролитных боёв 12 и 13 августа немцам удалось продвинуться лишь на 6 км в северо-западном направлении от Марашешти. Нужно ли говорить, что румынским историком всё это было изображено как «бегство русских»? Как бы то ни было, в результате всех этих событий на Русско-Румынском фронте образовалась опасная конфигурация, чреватая возможным прорывом немцев. В этой обстановке, чтобы выровнять фронт, генерал Рагоза, учитывая крайнюю обескровленность войск, приказал оставить Марашешти. Это, однако, было неприемлемо для румынских военных, которые воспринимали этот пункт как последний рубеж. Генерал Э. Григореску решительно отказался подчиниться приказу и, видя горячее желание румын защищаться, командующий румынским фронтом генерал Щербачёв передал командование на этом участке фронта Григореску. Было решено полностью сменить румынскими частями остатки VII корпуса, а VIII поставить под командование 1-й румынской армии. Для обеспечения руководства операциями под Марашешти прибыл начальник штаба фронта генерал Н. Н. Головин. Ночью 1 (14) августа части обескровленного VII корпуса были сменены свежими румынскими резервами V корпуса и отведены в тыл, кроме артиллерии корпуса, которая продолжала оставаться на позициях.

Ожесточённые бои в районе Марашешти продолжались ещё несколько дней до 20 августа (второй, решающий этап битвы, согласно румынской историографии).

Хотя немцам удалось потеснить румын, их сопротивление (отметим, вместе с частями русского VIII корпуса и артиллерией VII⁴) опрокинуло расчёты Моргена и ему пришлось свернуть операцию. На третьем, завершающем её этапе активных боевых действий не велось.

Потери румынской армии в этом сражении оцениваются в 27 410, русские войска потеряли около 25 650 человек, из них 7083 погибших, 10 400 раненых и 8167 пропавших без вести. Немецкие потери оцениваются румынскими исследователями в 60–65 тыс. человек, выбывших из строя [41].

Марашешти считаются в Румынии величайшей победой румынского оружия в Первой мировой войне. Не умаляя самоотверженности румынских войск, отметим, что румынский успех был обусловлен не только их решимостью удерживать последний рубеж, за которым следовала бы полная оккупация остатков территории страны, но и тем, что румынские части в тылу русских войск были заново переформированы, достаточно хорошо вооружены и экипированы, обучены (французскими инструкторами), т. е. являлись свежими частями. При этом, как бы ни были дезорганизованы русские войска революционной пропагандой, следует учитывать, что на протяжении битвы именно они принимали на себя основную тяжесть немецких ударов, поглотив во многом наступательный порыв немецких и австро-венгерских войск. Румыны одни пожали жатву победы. Но то, что её поле перед этим было щедро засеяно русскими костями, вряд ли может быть подвергнуто сомнению.

В 1938 году в честь Марашештской битвы был сооружён величественный мавзолей, где захоронены свыше 5 тыс. румынских военнослужащих. Память погибших русских солдат (в том числе VII армейского корпуса), во многом оплативших своей кровью румынский успех, не отмечена никак.

1.6. Окончание войны на Румынском фронте

После летних сражений обескровленные подразделения VII армейского корпуса переводятся из состава 4-й армии генерала Рагозы в состав 6-й армии генерала Цурикова. С 25 августа 1917 года корпусом командовал генерал-лейтенант А. А. Пержхайло. Не участвуя более в военных действиях, которые практически прекратились на Румынском фронте, VII корпус переживает медленную агонию вместе с другими частями русской армии.

Осенью 1917-го развал Румынского фронта продолжался. Большевицкое влияние в войсках до поры до времени оставалось достаточно слабым, зато широкое развитие приобрели идеи создания разного рода «национальных частей» — польских, украинских и «мусульманских», причём командование фронта поощряло этот процесс, надеясь найти в нём противовес большевизму. Поскольку значительное количество солдат на Румынском фронте было мобилизовано на Юге России, а сам фронт примыкал к украинским губерниям, в его подразделениях имелся определённый потенциал для украинизации. Командующий фронтом

⁴ Особенно следует отметить действия артиллерии VII корпуса. Командир 2-го дивизиона 13-й артиллерийской бригады Л. И. Федулаев был представлен к внеочередному производству в генерал-майоры (приказ от 31 августа 1917 г.) «за решающее участие артиллерии VII-го арм. корпуса в отражении германских войск маршала Макензена под Марашешти на Румынском фронте».

генерал Щербачёв имел достаточно тесные отношения с возникшей в 1917 году Центральной радой, украинизация благоволила и командующий 4-й армией генерал Рагоза, будущий военный министр Украинской державы, и командир корпуса Н. Л. Юнаков. Один из современных украинских историков отмечает, что в июне 1917-го украинизация началась в VII, VIII, XXVI, XL корпусах Румынского фронта [17, с. 68]. Однако в VII корпусе (после ухода Юнакова с его поста и заменой его генералом Пержхайло) этот процесс дальнейшего развития не получил. Несколько позже начался процесс формирования «мусульманских» частей.

Под влиянием образовавшегося также в 1917 году Высшего мусульманского военного совета (Шуро) армейское командование Российской республики решило сформировать три дивизионных мусульманских корпуса: 1-й — на Румынском фронте, 2-й («Казанский») — в Поволжье и 3-й («Азербайджанский») — в Закавказье. Формирование 1-го мусульманского корпуса возглавил генерал-лейтенант М. А. Сулькевич. Как отмечает современный исследователь, для «мусульманизации» в разные периоды времени на протяжении его формирования (конец 1917 — начало 1918 г.) отдавали штабы ряда корпусов и на Румынском фронте — VII-го армейского и прежде всего управление 13-й пехотной дивизии, полки которой пополнялись призывниками из Таврической губернии, в том числе крымскими татарами. Кстати, генерал Сулькевич до войны некоторое время занимал должность начальника штаба VII корпуса, так что это подразделение было ему хорошо знакомо. Порядок «мусульманизации», по-видимому, заключался в том, что на базе определённых полковых и дивизионных штабов концентрировались добровольцы-мусульмане, в то время как русские солдаты и офицеры переводились в другие части. В какой степени «мусульманизацией» были охвачены полки 13-й дивизии — сказать сложно (по некоторым данным, «мусульманизироваться» должна была 2-я бригада дивизии). Более или менее достоверно известно, что мусульманский полк (16-й) был образован на базе 50-го Белостокского полка.

В конце 1917 года образовавшийся в Крыму Совет народных представителей, влияние на решения которого оказывал Курултай крымских татар, сделал попытку добиться согласия военных властей Румфронта на перевод мусульманского корпуса генерала М. Сулькевича, насчитывающего тогда около 3 тыс. человек, в Крым. Передислокацию частей корпуса из Бессарабии в Крым планировали провести через Одессу в декабре 1917-го, однако в силу разных причин, в том числе из-за отсутствия мест для размещения этих войск, передислокация откладывалась (в Крым был переведён только Крымский конный полк).

К ноябрю 1917 года в частях были сформированы военно-революционные комитеты, находившиеся под влиянием меньшевиков и эсеров, а также украинской Центральной рады. Первоначально октябрьский переворот в Петрограде был встречен на Румынском фронте враждебно. Советы воинских частей Румынского фронта и Румчерод отказались признать власть Совета народных комиссаров. Однако антивоенная пропаганда большевиков оказывала всё большее влияние на солдатские массы, и их влияние становилось господствующим.

Делегаты воюющих сторон Германии, Австро-Венгрии и Румынии 26 ноября (9 декабря) подписали перемирие в Фокшанах. Военные действия официально прекратились, хотя война формально продолжалась. 27 января (9 февраля)

Генерал-лейтенант
А. А. Пержхайло

1918 года Украинское правительство заключило мир с Центральными державами, и, когда об этом стало известно на фронте, многие части, прежде всего «украинизированные», стали спешно покидать позиции, несмотря на то что командующий фронтом генерал Щербачёв не признал заключения этого сепаратного договора. В Крым двинулся было и «мусульманский корпус», однако в районе Днестра он был разоружён немцами. Часть войск вливалась в большевистские отряды Красной гвардии, некоторое количество офицеров Румынского фронта объединилось вокруг полковника Дроздовского и выступило на Дон для борьбы с большевиками (большую активность в вербовке добровольцев в Белую армию проявил А. М. Шифнер-Маркевич — начальник штаба 34-й пехотной дивизии, и. д. начальника штаба

VII армейского корпуса, впоследствии известный деятель Белого движения), большая же часть армии просто разбрелась по домам. После подписания в Брест-Литовске мира между Советской Россией и Центральными державами, 3 марта 1918 года, этот процесс стал необратимым. 12 (25) марта генерал Щербачёв издал указ о демобилизации фронта, вскоре передав свои полномочия генералу Пержхайло. Русская армия, в том числе и части VII армейского корпуса, официально прекратили своё существование, вписав в историю Первой мировой войны немало ярких и героических страниц.

Краткие итоги его участия в боевых действиях подвёл автор «Истории русской армии» А. А. Керсновский: «В VII армейском корпусе старого ветерана генерала Экка, — писал он, — 13-я и 34-я пехотные дивизии зарекомендовали себя так, что в продолжение всей войны — с первого боя на Гнилой Липе, знаменитого «генеральского дела» 34-й дивизии генерала Баташева под Янчином, до последнего под Марашешти, когда 13-я дивизия ликвидировала прорыв Макензена, — их присутствие неизменно служило залогом верного успеха. Неудач эти дивизии не знали, в самом худшем случае сводя бои вничью» [21–2, с. 183–184]. Конечно, это очень романтическая оценка, соответствующая общему романтическому тону работы Керсновского. Тем не менее нельзя не признать, что в большинстве сражений действия частей VII корпуса носили самоотверженный характер, а руководство войсками со стороны офицерского состава, как правило, было на высоте.

Подтверждением последнему могут служить сведения о количестве военачальников, награждённых орденом Св. Георгия III степени. Всего за участие в Первой мировой войне этой награды удостоились 72 человека (из них 10 — иностранные государственные и военные деятели) [16] — таким образом, в отличие от 4-го класса этого же ордена, награждения которым практиковались достаточно широко, орден Св. Георгия III степени представляет собой весьма редкую награду. Как считает современный исследователь В. Юшко, из 62 награждений высших военачальников российской армии наибольшее их количество приходилось на командный состав 34-й дивизии VII армейского корпуса (он называет

общее количество награждённых — шесть человек) [40]. Признаться, нам не удалось найти тому подтверждение именно для 34-й дивизии. Однако доступные материалы позволяют утверждать, что такое количество высших офицеров было награждено за отличия в составе VII армейского корпуса, чего, кажется, не было ни в одном другом корпусе Российской императорской армии в Первой мировой войне. Это (в алфавитном порядке): В. А. фон Альфтан (в должности начдива 78-й дивизии за оборонительные бои в Карпатах в составе группы войск генерала Экка), Н. М. Баташев (за бой под Городком в августе 1914 г. в бытность начальником 34-й дивизии), генерал-лейтенант Е. А. Гутор (за руководство войсками 34-й дивизии в операциях в октябре 1915 г.), генерал-майор А. С. Карницкий (в должности командира Заамурского конного полка, действовавшего в составе войск VII корпуса за отличие в бою 28 июля 1916 г.), генерал-лейтенант Г. А. Лихачёв (за отличие при командовании 51-м Литовским полком 13-й дивизии в боях под Балиградом в феврале 1915 г.) и, наконец, сам генерал от инфантерии Э. В. Экк (за руководство войсками корпуса в боях в августе и октябре 1915 г.).

Итак, боевая история VII корпуса русской императорской армии завершилась в Румынии в 1918 году. Однако не завершилась история входивших в корпус частей 13-й и 34-й пехотных дивизий, которая получила драматическое продолжение на полях развернувшейся в России Гражданской войны. Не завершились и личные истории многих людей, судьба которых оказалась связанной с дивизиями VII корпуса⁵. Большинство его офицеров также приняли участие в Гражданской войне. Разумеется, нет никакой возможности проследить судьбу всего офицерства корпуса, однако она может быть представлена послевоенными биографиями его высших чинов (командование корпуса, дивизий, полков), которые могут служить также и отражением общей судьбы русского офицерства после Первой мировой войны. Из трёх с половиной десятков человек, жизнь которых может быть более или менее отчётливо прослежена после марта 1918 года, большая часть оказалась в Белом движении, где подчас занимала заметные посты в его руководстве. В частности, генерал Э. В. Экк, как старейший русский генерал, стал председателем военно-полевого суда при командующем Вооружёнными силами Юга России; начштаба 34-й дивизии генерал-лейтенант А. М. Шифнер-Маркевич командовал кавалерийскими дивизиями Вооружённых сил Юга России; Г. Б. Андгуладзе — пехотной дивизией и группой войск.

Ряд высших офицеров перешли на службу в Красную армию, где также занимали руководящие должности как военные специалисты: генерал-лейтенант А. Е. Гутор; командир 133-го Симферопольского полка, командир бригады в 34-й дивизии генерал-майор А. Е. Снесарев; командир 50-го Белостокского полка генерал-майор И. П. Сытин; командовавший артиллерией 13-й дивизии генерал-майор П. В. Шепелев; начальник штаба 34-й дивизии генерал-лейтенант П. В. Черкасов; командир 134-го Феодосийского полка полковник П. М. Куссонский. Большинство из них, однако, были репрессированы в 30-е годы.

⁵ В частях VII корпуса в период Первой мировой войны в качестве нижних чинов служило несколько известных впоследствии исторических персонажей, в частности Г. И. Котовский, П. В. Макаров («адъютант его превосходительства»).

Несколько высших офицеров корпуса оказались на службе в войсках Украинской державы, некоторые временно, перед переходом на сторону Белого движения, как, например, генерал-лейтенант Н. М. Баташев и генерал-майор П. Г. Васильев-Чечель (командир 52-го Виленского полка). Что же касается генерал-лейтенанта Н. Л. Юнакова, командовавшего VII корпусом на Румынском фронте, то он занимал пост начальника штаба у С. Петюры, был военным министром УНР, а впоследствии стал видным деятелем украинской военной эмиграции.

Начальник 13-й пехотной дивизии генерал-лейтенант Е. М. Де Гениг Михелис, перебравшийся в Польшу, занимал пост председателя Военного совета при военном министре Польши и являлся одним из организаторов вооружённых сил Речи Посполитой. Погиб в 1939 году, во время занятия Польши войсками фашистской Германии.

Генерал-лейтенант М. М. Бутчик (в 1912–1915 гг. командовавший 135-м Керчь-Еникальским полком) занимал пост военного министра в Крымских краевых правительствах С. Сулькевича и С. Крыма.

Глава 2. На полях Гражданской войны

2.1. Возрождение

Для частей VII армейского корпуса формально война закончилась в феврале 1918 года с объявленной командующим Румынским фронтом генералом Д. Г. Щербачёвым демобилизацией. Императорской армии к этому моменту уже не существовало, так как она была упразднена новым большевистским правительством. Однако и прежней России не существовало тоже. Возвращающиеся к своим семьям по месту призыва солдаты и к своим квартирам (если таковые оставались) — офицеры возвращались в охваченную Гражданской войной страну и в разные, по сути, государства. Екатеринославщина, где дислоцировались в основной части 34-й дивизии, стала частью Украинской державы, Крым — место расквартирования 13-й дивизии — представлял собой отдельный край. Общим между ними было то, что весной 1918 года и Украина и Крым были оккупированы германскими и австро-венгерскими войсками.

Генерал-майор
И. М. Васильченко

Установив свою власть с помощью германской военной силы, гетман Украинской державы П. П. Скоропадский занялся формированием собственных вооружённых сил. В Екатеринославе предполагалось развернуть 8-й корпус украинской армии (в составе двух дивизий). Штаб корпуса (имевший статус также штаба округа) формировался на основе оказавшегося в Екатеринославе штаба 5-го Кавказского армейского корпуса (командир генерал-майор И. М. Васильченко), вернувшегося с Кавказского фронта, однако офицерский состав должны были укомплектовать прежде всего находившимися в наличии офицерами бывшей

34-й дивизии. К ноябрю 1918 года удалось сформировать только два полка корпуса (43-й и 44-й), которые размещались в казармах 133-го Симферопольского и 134-го Феодосийского полков, и артиллерийскую бригаду. Офицерство не испытывало симпатии к идее отдельного украинского государства, большинство офицеров сочувствовали Добровольческой армии генерала А. И. Деникина, сражавшейся с красными на Северном Кавказе. Многие рассматривали службу у гетмана как временное явление и возможность обратить оружие против большевиков, тем более что к ноябрю 1918-го, когда становилось всё более очевидным неминуемость поражения Германии от Антанты, гетман и сам всё более склонялся к союзу с Деникиным. Одновременно с процессом формирования корпуса в Екатеринославе подпольно действовал мобилизационный центр Добровольческой армии (начальник полковник Р. К. Островский, командир одного из батальонов 133-го Симферопольского полка [2]), который к ноябрю 1918 года сформировал Екатеринославскую офицерскую дружину. В ноябре германское военное командование подписало мирный договор со странами Антанты, ознаменовавший поражение этой страны, который означал также и окончание германской оккупации Украины. Против гетмана, в одночасье лишившегося поддержки немцев, вспыхнуло националистическое петлюровское восстание, которое быстро охватило большую часть страны и стало угрожать Екатеринославу. 22 ноября корпус оказал сопротивление петлюровским бандам, захватившим город. В сложившихся условиях командование корпуса решило пробиваться на соединение с Добровольческой армией, двигаясь в Крым, где также после ухода немцев стали активно формироваться добровольческие части.

История 34-дневного зимнего рейда добровольческого отряда численностью 1050 человек из Екатеринослава в Крым через охваченный петлюровским восстанием Юг Украины (с 27 ноября 1918 по 2 января 1919 г.), получившего название Екатеринославского похода, хорошо описана в литературе [1]. Отметим только, что в его организации большую роль сыграло офицерство 34-й дивизии: генерал-лейтенант Н. М. Баташев (командовал пехотой отряда), старший адъютант штаба полковник И. Г. Коновалов, полковник Р. К. Островский и др.

В Крыму, куда прибыл екатеринославский отряд, также начиналось создание частей Добровольческой армии. Ещё в октябре 1918-го в условиях немецкой оккупации здесь был создан центр по формированию Добровольческой армии под началом генерал-майора Н. А. Де Боде, назначенным представителем ДА в Крыму с 15 ноября 1918 года. В качестве начальника штаба войск ДА здесь был назначен полковник К. К. Дорофеев (в период Первой мировой войны и. д. начальника штаба 13-й пехотной дивизии, затем командир 52-го пехотного Виленского полка (с 28 сентября 1916 г.), кавалер ордена Св. Георгия IV степени). Созданное после ухода немцев Крымское краевое правительство С. С. Крыма заключило соглашение с генералом Деникиным, и 23 ноября было объявлено о вступлении в Крым частей Добровольческой армии. Однако в реальности это были совсем небольшие подразделения — вероятно, только один кубанский казачий полк. Основной же контингент Добровольческой армии в Крыму предполагалось создать на месте из находившихся на полуострове офицеров и других добровольцев. 27 декабря приказом главнокомандующего было объявлено о создании Крымско-

Азовского корпуса, куда вошла Крымская сводная пехотная дивизия, формируемая в Крыму; действовавшие в Северной Таврии — Мелитопольский отряд, отдельный Перекопский батальон, Бердянский пехотный полк, а также 3-я дивизия Добровольческой армии, оперировавшая в районе Донбасса (бывшая Дроздовская, под командованием генерала Н. Н. Шиллинга). Командующим корпусом назначен генерал А. А. Боровский, сменивший Де Боде.

Формирование Крымской сводной пехотной дивизии (командир генерал-майор А. В. Корвин-Круковский, на базе которой позже были развернуты возрожденные полки 13-й и 34-й дивизий, началось в ноябре 1918 года. Ещё на заключительном этапе немецкой оккупации, в октябре 1918-го, с разрешения немецких властей в Симферополе началось формирование пограничного отряда под командованием капитана Н. И. Орлова. 5 (18) ноября отряд Орлова был принят в состав войск Добровольческой армии как Симферопольский офицерский батальон, вскоре развернутый в полк (наименования, разумеется, были условными). Интереснейшие подробности формирования добровольческих подразделений и их последующей боевой деятельности можно почерпнуть из воспоминаний В. Альмендингера, офицера Симферопольского полка: «В Симферополе положение с формированиями было таково: кроме Симферопольского офицерского полка, в составе шести рот с командами, формировался полк 13-й пехотной дивизии, и к февралю это был только очень слабый кадр. В начале года гарнизон Симферополя несколько усилился прибывшим из Екатеринослава походным порядком отрядом генерала Васильченко, часть которого впоследствии образовала кадр полка 34-й пехотной дивизии. <...> Укомплектованных частей в действительности не было (кроме нескольких малых воинских частей, присланных с Кубани и расквартированных в других городах Крыма), были только кадры, части нужно было создавать» [3]. Формированием батальона из чинов бывшей 13-й дивизии занимался бывший командир 49-го Брестского полка, впоследствии 1-й бригады 13-й пехотной дивизии, кавалер ордена Св. Георгия IV степени полковник Г. Б. Андгуладзе. После завершения Екатеринославского похода большая часть отряда генерала Васильченко (пехота) также превратилась в сводный батальон 34-й дивизии, составивший вместе с предыдущим Крымский сводный полк под командованием полковника Андгуладзе. Таким образом, подразделения 13-й и 34-й дивизий вновь соединились в рамках одного командования. Правда, теперь это был всего лишь один полк, и то неполного состава.

Тенденция к возрождению частей старой императорской армии проявилась по мере разрастания Гражданской войны [26]. Первоначально Белое движение опиралось на добровольчество, из которого возникли так называемые цветные войска — именные корниловские, марковские, алексеевские и дроздовские части. Однако по мере расширения территории, занимаемой Добровольческой армией, среди офицества, присоединявшегося к ней, возникло своеобразное движение за возрождения прежних полков. Как писал один из участников Белого движения: «Зарождение и формирование новых частей в Добровольческой армии происходило обычно по одному и тому же шаблону. Когда собирались несколько офицеров какого-либо прежнего полка, они начинали мечтать о его восстановлении. Если это были люди энергичные и дельные, то они переходили от слов к делу:

разыскивали своих однополчан и образовывали N-скую ячейку» [38]. В большей степени этот процесс затронул кавалерийские части. Что касается полков 13-й и 34-й дивизий, то они восстанавливались не внутри уже существовавших добровольческих формирований, а сразу как отдельные подразделения ДА.

В январе 1919 года Деникин, в связи с реорганизацией Добровольческой армии и создания Вооруженных сил Юга России, принял решение об организации на базе Крымско-Азовского корпуса отдельной Крымско-Азовской добровольческой армии (командующий генерал Боровский) для действий в Северной Таврии и Приазовье. Армия создавалась в составе трёх дивизий. В конце января 1919-го Крымская сводная дивизия была переименована в 4-ю (командир А. В. Корвин-Круковский). Кроме Симферопольского офицерского и Крымского сводного полков, в состав дивизии вошли также Татарский стрелковый полк, формировавшийся в Крыму (просуществовал недолго и был обращен на комплектование других частей), управления 1–4-го артиллерийских дивизионов дивизии, кадровый эскадрон Крымского конного полка, 2-й Таманский конный полк Кубанского казачьего войска. До февраля 1919 года ввиду незаконности формирования все подразделения дивизии находились в Крыму. Одновременно на базе отрядов, действовавших в Северной Таврии, была создана 5-я дивизия (командир Шиллинг). 3-я дивизия продолжала действовать в Донбассе.

Зимой и весной 1919 года на Юге Украины, в Причерноморье и Приазовье складывалась сложная ситуация. С севера на юг вели наступление части Украинской советской красной армии под командованием П. Е. Дыбенко, однако реальными хозяевами в этих местах были многочисленные банды, среди которых выделялись повстанческие «армии» атаманов Григорьева и Махно. В Одессе, Херсоне, Николаеве и Севастополе высадились войска Антанты, занявшие эти порты после ухода немцев. Добровольческая армия Деникина, оперировавшая на Дону, Северном Кавказе и в Крыму, договорилась с англо-французами о совместных действиях. В свою очередь советское командование установило союзнические отношения с Махно и Григорьевым с целью освободить Юг от «интервентов и белогвардейцев». Несмотря на поддержку Антанты, общее соотношение сил складывалось не в пользу Добровольческой армии. Нас не должна вводить в заблуждение номенклатура боевых соединений, хотя Крымско-Азовской Добровольческой армии противостояли 1-я советская Заднепровская дивизия (П. Е. Дыбенко), 2-я и 3-я

Генерал-майор
А. А. Корвин-Круковский

Генерал-майор
Г. Б. Андгуладзе

советские бригады (созданные из повстанцев), в реальности белые располагали в Северной Таврии не более 3000 штыков, столько же находилось в Крыму, в то время как красные (вместе с повстанцами), по разным данным, превосходили их в 3–5 раз. Ситуация осложнялась неблагоприятной обстановкой в тылу, где то и дело вспыхивали организованные большевиками восстания, а мобилизация осложнялась трениями с Крымским краевым правительством. В результате попытка командования Крымско-Азовской армии организовать оборону Перекопа весной 1919 года не удалась [3]. Остатки 5-й (большая часть отступала в направлении на Таганрог) дивизии и 4-я с боями отошли к Ак-Монойским позициям, где им и удалось закрепиться при помощи кораблей Антанты, которые прикрывали позиции белых артиллерийским огнём с моря.

В мае 1919-го Крымско-Азовская армия была преобразована в 3-й армейский корпус. Собственно, состав корпуса и образовали 4-я дивизия и Отдельная кавалерийская бригада, собранная из кавалерийских частей Крымско-Азовской армии. Вместо генерала А. А. Корвин-Круковского в командование 4-й дивизией вступил генерал-лейтенант С. К. Добророльский, назначенный одновременно и врид командующего 3-м армейским корпусом (вместо раненого Н. Н. Шиллинга). Произошла также некоторая реорганизация дивизии — в связи с выделением из состава дивизии кавалерийских частей она была названа 4-й пехотной дивизией. Кроме этого, из Крымского сводного полка был выделен сводный полк 34-й дивизии (в него были влиты остатки частей 5-й дивизии, отходившие в Крым — расформированные 11 апреля Мелитопольский и Бердянский пехотные полки и Перекопский отдельный батальон). В командование полком вступил генерал-майор, участник «Екатеринославского похода» А. Д. Терлецкий. Крымский сводный полк Андгуладзе, таким образом, состоял теперь целиком из кадров 13-й пехотной дивизии (впоследствии он и получит такое наименование). В мае 1919 года 4-я пехотная дивизия включала в себя, кроме трёх пехотных полков — Крымского сводного, Сводного 34-й дивизии и Симферопольского офицерского, 4-ю артиллерийскую бригаду и 4-ю отдельную инженерную роту.

Генерал-майор
А. Д. Терлецкий

Оборона Ак-Моная, целиком лёгшая на плечи 4-й дивизии, длилась с 8 апреля по 5 июня 1919 года. Здесь, на Ак-Моная, взошла звезда ещё одного видного деятеля периода Гражданской войны в России — генерала Якова Александровича Слащёва. Слащёв командовал подразделениями 5-й дивизии, отошедшими в Крым и влитыми в 4-ю дивизию. Поскольку врид командующего 3-м корпусом генерал Добророльский совмещал также и пост начальника 4-й дивизии, пехотные подразделения этой дивизии были сведены в бригаду, которой командовал сначала генерал П. К. Писарев, а затем Я. А. Слащёв. Готовя наступление с Ак-Моная с целью отвоевать Крым у красных, 5 июня 1919 года Слащёв организовал высадку с крейсера «Кагул» десанта в Коктебель.

Полторы роты 52-го Виленского полка, высадившись в Коктебеле при помощи буксира «Дельфин», заняли деревню Насыпкой, чем создали угрозу окружения красных войск на Феодосийском перешейке и вынудили их отойти. Впоследствии Слащёв будет неоднократно использовать подразделения 13-й и 34-й дивизий для десантных операций. К слову, подразделения VII армейского корпуса первоначально и готовились для десантирования в Босфор, поэтому многие офицеры были знакомы с проведением десантных операций.

Подразделения 3-го корпуса 16 июня вышли к Перекопу, а в 20-х числах красные части полностью покинули Крым. «Победоносное шествие от Ак-Моная через Перекоп на Бериславль», как назвал его в одном из приказов Яков Александрович, завершилось 27 июня атакой города Алешки и местечка Голая Пристань. 4 июля Деникин телеграммой благодарил Слащёва и командира одного из полков генерала Г. Б. Андгуладзе «за их лихие действия под Алешками и Голой Пристанью» [10, с. 384].

Одновременно с очищением Крыма белые вели активные наступательные действия и на других участках фронта — на Дону, Северном Кавказе и в Поволжье. Красные отступали под натиском ВСЮР, и вскоре под контролем Деникина оказалась весьма обширная территория — Среднего Поволжья, Северного Подонья и Восточной Украины. Казалось, путь на Москву был открыт.

2.2. «Московская директива». Против Махно и Петлюры

В этих условиях 3 июля главнокомандующий Вооружёнными силами Юга России А. И. Деникин ставит перед своими войсками стратегические задачи, получившие в истории Гражданской войны наименование «Московская директива». В ней, в частности, предписывалось: «Имея конечной целью захват сердца России — Москву»: Кавказской армии Врангеля двигаться на Саратов, Пензу, Арзамас, Нижний Новгород, Владимир, Москву... Генералу Сидорину... продолжать выполнение задачи по выходу на фронт Камышин — Балашов. Остальным частям развивать удар на Москву в направлениях: а) Воронеж, Козлов, Рязань и б) Новый Оскол, Елец, Кашира. Генералу Май-Маевскому наступать на Москву в направлении Курск, Орёл, Тула. Генералу Добровольскому (опечатка в фамилии — правильно: Добророльскому. — *Авт.*) выйти на Днепр от Александровска до устья, имея в виду в дальнейшем занятие Херсона и Николаева. Черноморскому флоту содействовать выполнению боевых задач и блокировать порт Одессу».

Таким образом, первоначальным стратегическим направлением движения белых армий было московское, и 3-й корпус оказывался в далёком тылу наступающих армий. Деникин не предполагал активных действий на Правобережной Украине, используя в качестве обеспеченного фланга реку Днепр. Однако реальный ход событий вскоре внёс свои коррективы: генерал Шкуро захватил Екатеринослав, хотя это не входило в планы Деникина, и начал преследование красных на Правобережной Украине, в то время как наступление в Поволжье развивалось медленно. Это вызвало изменения в первоначальных планах. Деникин согласился на наступление также и в западном направлении, рассчитывая за счёт расширения территориальной базы пополнить войска и обеспечить их

ресурсами. Через десять дней после первой «московской директивы», появляется её уточнённый вариант, в котором, в частности, предписывалось частям 3-го корпуса, перейдя Днепр, разворачивать наступление в сторону Одессы. К этому времени в должность командира корпуса вступил Шиллинг.

Силы 3-го корпуса были количественно ничтожны. К 5 июля 1919 года он насчитывал 7693 человек (в т. ч. 751 офицер, нижних чинов: 4497 строевых, 980 вспомогательных и 1465 нестроевых). Тем не менее белые части пользовались поддержкой кораблей Антанты, и в довольно короткий срок им удалось, организовав десантные операции, захватить Николаев, Херсон, Вознесенск. 23 августа высадившийся десант Крымского конного полка, практически не встретив сопротивления, взял Одессу. Расширение театра военных действий, увеличение численности белых войск за счёт мобилизации офицеров и новых добровольцев вызвали реорганизацию 3-го корпуса. Приказом командующего ВСЮР от 20 ав-

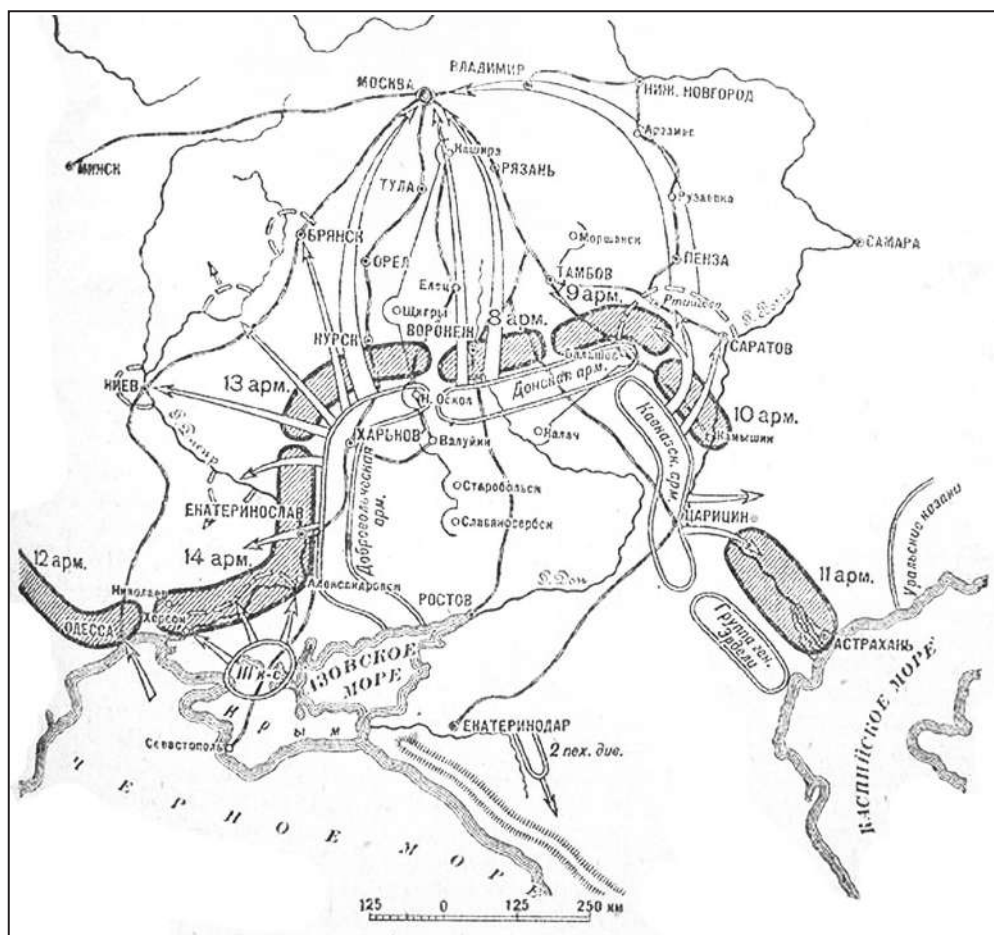

Схема «Московской директивы» генерала А. И. Деникина

густа 1919 года № 2018 управление 3-м армейским корпусом было расформировано, а вместо него создан штаб командующего войсками Новороссийской области. «Войска Новороссийской области» (командующий Н. Н. Шиллинг) комплектовались в составе: 4-я пехотная дивизия (врио с 2 августа генерал-майор Я. А. Слащёв), кавалерийская бригада генерала Склярова из двух кавалерийских полков, Кубанский и Донской казачий полки; сводный отряд генерала А. Н. Розеншильд-Паулина в составе Крымского конного и Сводно-драгунского полков; отдельные небольшие подразделения белых войск; 4-й отдельный тяжёлый гаубичный дивизион; отдельная тяжёлая гаубичная батарея; радиотелеграфный дивизион; отдельные телеграфные роты; автомобильный батальон; 8-й авиаотряд; 5-й бронепоездной и 3-й бронеавтомобильный дивизионы; гарнизоны Одессы и Севастополя; отдельные комендантские команды.

Основной ударный костяк «новороссийских войск» составляла 4-я пехотная дивизия Я. А. Слащёва. К сентябрю 1919 года в её составе находились: Симферопольский офицерский полк, Сводная бригада из двух полков 13-й пехотной дивизии, в которую был развёрнут Крымский сводный пехотный полк (на 20 сентября 1919 г. 1-й полк насчитывал 1125 штыков при 16 пулемётах, 2-й — 950 штыков при 15 пулемётах) — под командованием Г. Б. Андгуладзе и сводная бригада 34-й дивизии также двухполкового состава под командованием генерал-майора В. В. Теплова (на 20 сентября 1919 г. 1-й полк насчитывал 955 штыков при 14 пулемётах, 2-й — 2236 штыков при 10 пулемётах), запасный батальон, 4-я артиллерийская бригада и 4-я инженерная рота. На 20 сентября 1919 года дивизия имела 5857 штыков, 66 пулемётов, 27 орудий. Всего же в сентябре 1919-го войска Новороссийской области Вооружённых сил Юга России насчитывали 12 595 штыков и 2654 сабель при 167 пулемётах и 61 орудии.

В конце лета и осенью 1919 года 4-й дивизии пришлось столкнуться сразу с несколькими противниками: первоначально это были части красных войск, по мере их оттеснения и развития наступления на Правобережной Украине частям генерала Слащёва пришлось воевать с отрядами Украинской директории С. Петлюры, вступить в соприкосновение с Украинской Галицкой армией (УГА), отступавшей под ударами красных и поляков, и сражаться с повстанцами Махно, которые оказались самым серьёзным противником. Эти операции достаточно подробно описаны самим Я. А. Слащёвым [30], поэтому здесь мы ограничимся только самыми краткими сведениями.

Повстанческая армия Махно было оттеснена Добровольческой армией на Правобережье Днепра после захвата центра движения — села Гуляй-Поля на Екатеринославщине. Сосредоточившись в районе Умани и Елисаветграда, пополнившись за счёт отступавших красных войск, махновцы с севера угрожали частям ВСЮР, двигавшимся к Одессе.

Бои с махновскими формированиями части 4-й дивизии начали в августе 1919 года. В сентябре генерал Слащёв нанес сокрушительные удары по махновцам, разгромив три полка и захватив четыре орудия. Махно отчаянно контратаковал, но 13 сентября белые вошли в тыл армии Махно у станции Помощная, окружив повстанцев. Махно, однако, атаковал части соседней 5-й сводной дивизии в направлении на Елисаветград, смял их, захватил бронепоезд «Непобедимый».

Слащёвцам ценой больших потерь (около 500 человек) удалось остановить повстанцев лишь в 15 вёрстах от города и перейти в контрнаступление. Из-за отсутствия боеприпасов махновцы взорвали «Непобедимый» и отступили за реку Синюха на Умань. Здесь Махно вошёл в соприкосновение с петлюровскими частями. Войска Украинской директории, включавшие Надднепрянскую армию УНР и Галицкую армию ЗУНР, вели наступление против красных войск, двигаясь во встречном направлении с войсками ВСЮР. Несмотря на то что и Петлюра, и Деникин считали своим основным врагом красных, им не удалось достичь соглашения о взаимодействии, так как Деникин, стоявший на платформе «Единой неделимой России» считал Петлюру «сепаратистом». Войска ВСЮР развернули против него боевые действия и с успехом теснили его части, заняв Ольвиополь, находившийся в тылу махновцев. Махно, напротив, вступил 20 сентября в союз с Петлюрой, получил у него 700 тыс. патронов и, оставив своих раненых на попечение петлюровцев, готовился к активному сопротивлению. 26 сентября белые заняли Умань, и Махно пошёл на прорыв. 27 сентября 1919 года под селом Перегоновка состоялось крупнейшее сражение Повстанческой армии Махно с войсками Слащёва. Как явствует из воспоминаний начштаба Махно В. Белаша: «Наш первый корпус имел перед собой офицерские полки: 1-й Симферопольский, 2-й Феодосийский и Керчь-Еникальский, занимая линию от Коржевого Кута до Перегоновки по реке Ятрань. Второй корпус занимал линию от Перегоновки до Краснополя также по реке Ятрань, имея перед собою 1-й и 2-й Лабинские полки (пластунские) и 51-й Литовский. Этот восточный участок был главным, а потому было решено уничтожить его до основания. Четвертый Крымский корпус занимал южную оконечность

Генерал-майор
Я. А. Слащёв

нашего фронта и имел перед собой накануне прибывшие из Одессы и Херсона белогвардейские части, состоявшие преимущественно из гимназистов и реалистов» [4]. 3-й корпус махновцев находился в тылу на западе. Вся конница Махно, сосредоточившись на северном участке возле Умани, находилась в резерве. В целом махновцы полагали, что им противостояло 20 тыс. штыков и 10 тыс. сабель белых. 27 сентября разгорелось яростное сражение. «В селе Краснополе Лабинские полки, воткнув штыки в землю, подняли руки, а литовцы дрались до последнего, пока не были изрублены. В Перегоновке рукопашная схватка разгоралась. Офицерские полки — 1-й Симферопольский, 2-й Феодосийский и Керчь-Еникальский, построив каре, отходили в лесок. Но конница опередила их и, заняв опушку, ударила в клинки... На протяжении 25 вёрст, от реки Ятрань до Синюхи, поле покрывалось изуродованными трупами офицеров. Незначительный их остаток, спасая жизнь, преследовался неумолимыми повстанцами на лошадях. Вот на пути река Синюха — смерть офицеров. Кавалерия успела занять

левый берег, установив пулемёты, а маневровые отряды преследовали деникинцев, загоняя в реку. Ещё одна атака — и... офицеров не стало».

В махновской литературе это сражение получило поистине эпическую славу. Со стороны белых описание эпизодов этого боя сделаны В. Альмендингером. Он описывает действия Симферопольского офицерского полка и подтверждает гибель двух батальонов этого полка 4-й дивизии (635 убитых и раненых офицеров и солдат — за весь период сентябрьских боёв с Махно). Белые войска получили чувствительный удар и упустили Махно, но не более. Конечно, ни о каком разгроме войск Слащёва речь не идёт. Как указывает современный исследователь махновского движения В. Голованов: «Сражение под Перегоновкой было событием, которое в ряду крупномасштабных операций Гражданской войны — таких как штурм Перекопа в 1920 году, или менее известных, но не менее дорого обошедшихся белым Орловско-Курской и Воронежской операций в 1919-м, — выглядит достаточно скромно... Известно как будто, что Махно захватил у белых 23 орудия, 100 пулемётов и 620 пленных, а белые подобрали на поле боя несколько сот раненых махновцев — и это всё» [11]. Тем не менее прорыв Махно имел серьёзное политическое значение. В тылу ВСЮР разгоралось махновское восстание. Повстанцы, захватив Кривой Рог, Александровск, Никополь, двинулись на Правобережье к своей старой базе в Гуляй-Поле, дезорганизуя тылы, наводя ужас на население и отвлекая с фронта боеспособные части.

Что касается 4-й пехотной дивизии Я. А. Слащёва, то она продолжила действия против другого противника — объединённых войск УНР и ЗУНР. Последние занимали небольшой район на Брацлавщине и Подолье с центром в Каменце-Подольском, теснимые, кроме белых с востока, красными с севера и поляками с запада. В украинской истории это положение украинской армии было драматически названо «треугольником смерти». Ситуация внутри петлюровских войск была также весьма плачевной. Они состояли из двух частей — Надднепрянской армии С. Петлюры и Галицкой армии (состоявшей из бывших военнослужащих австро-венгерской армии), которой командовал генерал М. Тарнавский. Решение об объединении военных усилий двух армий было принято в начале 1919 года, при заключении союза (Злука) между Украинской и Западно-Украинской Народной Республиками (последняя образовалась на территории Галиции после распада Австро-Венгрии). Хотя Галицкая армия вынуждена была покинуть Западную Украину, захваченную поляками, в союзе с войсками УНР, галичане одновременно с деникинцами вошли в Киев в августе 1919-го. Но на этом успехи закончились, украинские войска в трудных условиях войны на три фронта, лишённые снабжения и поражённые эпидемией тифа, стремительно теряли боеспособность. Между Петлюрой и генералом Тарнавским существовали большие разногласия политического свойства. Тем не менее С. Петлюра решил предпринять наступление против войск Новороссийской области и даже потеснил части полковника Андгуладзе, но в итоге это привело к краху петлюровской армии [27].

Несмотря на тяжёлое положение своей «уманской группы», понёсшей потери в результате махновского прорыва, Слащёв контратаковал противника и нанёс ему серию чувствительных поражений. «Катастрофа, — отмечает автор биографии Слащёва Кручинин, — подействовала... на командование галичан: оно обратилось

с просьбой о перемирии, и 24 октября (6 ноября) было заключено предварительное соглашение о переходе Галицийской армии на сторону Деникина» [10, с. 384]. Так называемые зятковские соглашения, подписанные Слащёвым и генералом Тарнавским, подвели итог существованию корпуса «Украинских сечевых стрельцов» (из которых, собственно, и выросла Галицкая армия), начавшего свою историю в период Первой мировой войны. Это представляется весьма символичным, если учесть, что первыми столкнулись с «сечевиками», входившими в состав австрийского ландвера именно войска VII корпуса генерала Экка в зимних боях в Карпатах в 1915 году. Теперь, в конце 1919-го, история этого подразделения завершалась усилиями подразделений тех же самых 13-й и 34-й дивизий. Более того, часть «сечевиков», перешедших на сторону белых, в составе Славянского полка участвовали бок о бок с вчерашними противниками в последних боях за Крым в следующем, 1920 году. Петлюра, столкнувшись с «предательством» галичан, увёл остатки своих войск в Польшу. Украинская республика перестала существовать. Ещё одним символичным моментом было то, что преследуя петлюровцев, войска 4-й дивизии, в которую входили сводные бригады 13-й и 34-й дивизий, вышли к городу Проскуров. Именно отсюда начинался в 1914 году славный боевой путь VII армейского корпуса. Теперь помнивших начало этого пути оставалось очень и очень мало.

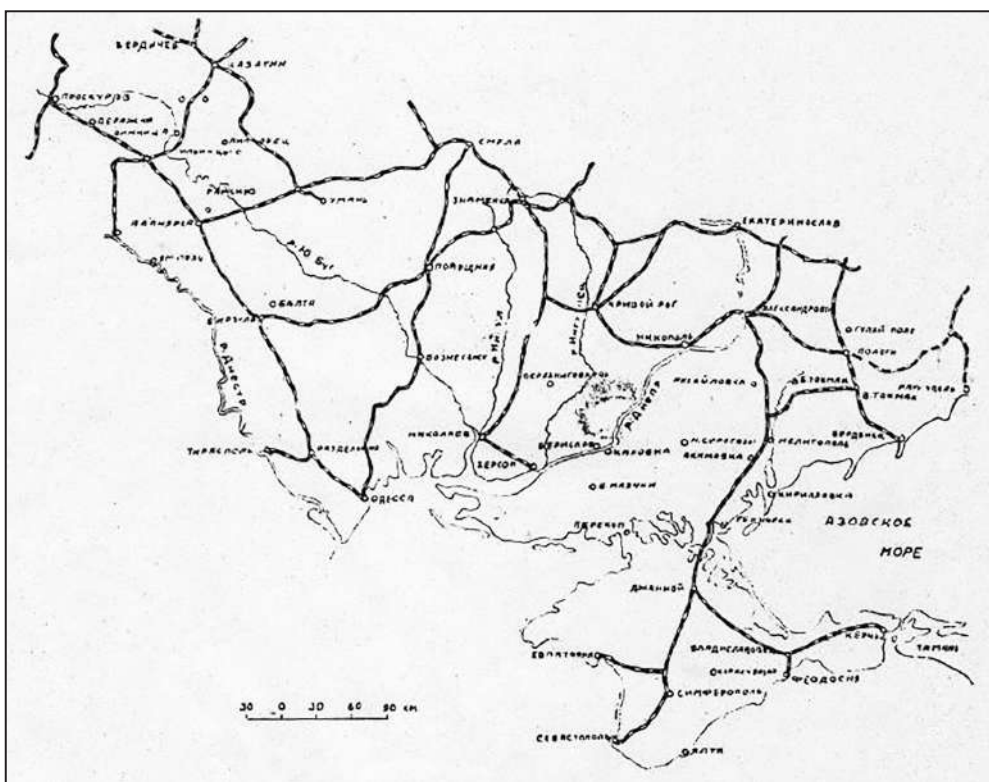

Схема действий Симферопольского офицерского полка в составе 4-й дивизии

Покончив с Петлюрой, Слащёву предстояло продолжить борьбу с Махно. В ноябре 1919 года вождь крестьянского повстанчества, теснимый на левом берегу белыми, «разметав, — как пишет Слащёв, — в разные стороны войска начальника обороны Екатеринослава, овладел этим городом с налёта...». Учитывая, что красные войска на севере перешли в наступление, махновское движение в тылу деникинских войск создавало огромную угрозу для всего фронта ВСЮР. В этих условиях на части Слащёва возлагается главная задача по ликвидации махновщины на правобережье Днепра.

В декабре «новороссийские войска» подвергаются реорганизации, ввиду того что их частям пришлось решать разные задачи. На базе штаба 4-й пехотной дивизии воссоздается 3-й корпус под командованием Я. А. Слащёва. В его состав входят бывшие сводные бригады 13-й (генерал-майор Г. Б. Андгуладзе) и 34-й пехотной дивизии (генерал-майор В. В. Теплов), разворачиваемые в дивизии четырёхполкового состава. Ни о какой полноценности состава этих подразделений, конечно, речь не шла, полки едва достигали численности рот. И в целом новый корпус с приданными ему другими частями (конная группа) по численности соответствовал прежней 4-й дивизии, насчитывая в своём составе около 3,5 тыс. штыков и сабель, 2 броневика, 30 пушек. Наиглавнейшей задачей корпуса становится очищение от Махно, войска которого насчитывали не менее 6 тыс. человек, Екатеринослава.

Махновский фронт выстроился в излучине Днепра по линии Пятихатки — Кривой Рог — Архангельское. Направление главного удара было намечено Слащёвым по направлению железной дороги Пятихатки — Екатеринослав. Впереди должны были идти два бронепоезда, затем — несколько составов с войсками, прикрываемые с флангов частями 13-й дивизии.

«В середине декабря, — пишет историограф махновского движения, — Слащёв нанёс удар. Части третьего корпуса белых без труда пробили гнилое рядно махновского фронта у Пятихаток и стремительно двинулись на Екатеринослав».

21 декабря на рассвете началась общая атака города. «Во главе всех частей в 10 часов утра в город ворвалась 13-я пехотная дивизия со своим начдивом, и махновцы, потеряв два бронепоезда, три броневика, 4 орудия и около 3000 пленных, бежали...» — вспоминал Слащёв. На следующий день, 22 декабря, когда белые уже праздновали победу, Махно нанёс контрудар. Несмотря на решимость, повстанцам добиться успеха не удалось. «Перегруппировав свои части, Слащёв отрезал прорвавшихся в город махновцев и блокировал прорыв на фронте. К четырем часам вечера уличный бой затих: израсходовав патроны, оказавшиеся в ловушке махновцы вынуждены были сдаться. Слащёв пишет, что в плен было взято около двух тысяч человек. 22 декабря в 11 часов вечера, под покровом темноты, махновцы вновь атаковали город: белые отвечали сосредоточенным огнём, атака не набрала силы и захлебнулась. 23 декабря Махно произвёл на позиции белых шесть бесплодных атак. На рассвете 24 декабря Махно вновь приказал

Генерал-майор
В. В. Теплов

своим частям атаковать, но атака шла так вяло, что захлебнулась в двух вёрстах от позиции белых... Махновцы выдохлись. Почувствовав это, хладнокровный Слащёв бросил вперёд свои силы: сильный контрудар, разметавший остатки собранных Махно сил, лишил его последней надежды на овладение городом» [11].

Триумф Слащёва — возмездие за Перегоновку — был полным, но кратковременным, наступление красных неумолимо развивалось, и 1 января в Екатеринослав вошли части регулярной Красной армии. Незадолго до этого Слащёв получил приказ к отходу с целью прикрыть своими войсками Северную Таврию и Крым.

2.3. Оборона Крыма

Свои силы в конце 1919 года Слащёв оценивал в 2200 штыков, 1200 шашек и 32 орудия (13-я пехотная дивизия — около 800 штыков, 34-я пехотная дивизия — около 1200 штыков, 1-й Кавказский стрелковый полк — около 100 штыков, Славянский полк — около 100 штыков, чеченцы — около 200 шашек, Донская конная бригада полковника Морозова — около 1000 шашек и конвой Штаба корпуса — около 100 шашек, 24 лёгких и 8 конных орудий) [29, с. 42]. Эти силы получили наименование «Крымский корпус», поскольку ввиду недостаточности их количества Слащёв принял решение не обороняться в Северной Таврии, а закрепиться в Крыму. Основные силы корпуса двинулись в Крым походным порядком, а 34-я дивизия с обозами — по железной дороге на Николаев, откуда должна была переправиться на кораблях в Севастополь. Корпус продвигался по территории, охваченной махновским восстанием и бандами «зелёных». Тем не менее ему удалось благополучно достичь перешейков и приступить к организации обороны. 34-й дивизия не смогла погрузиться на корабли и двинулась в Крым через Херсон также походным порядком. Возникла опасность того, что 34-я дивизия может быть отрезана от Крыма наступающими силами красных. 12 января Слащёв повёл наступление на их авангардные части под Ново-Александровкой и соединение 34-й дивизии с корпусом благополучно осуществилось.

Оборона Крыма зимой и весной 1920 года стало предметом специального описания Слащёвым в его мемуарах, поэтому не имеет смысла останавливаться на этих событиях подробно. Умело маневрируя своими войсками, Слащёву удалось не пропустить части 13-й Советской армии в Крым и тем самым почти на год продлить существование белой территории на Юге России. Оборона, организованная Слащёвым и осуществляемая главным образом частями 13-й (генерал-майор Андгуладзе) и 34-й (врио И. М. Васильченко, Н. П. Стокасимов) дивизий позволила командованию ВСЮР организовать эвакуацию в Крым белых войск Деникина из Новороссийска после катастрофических поражений на Кубани, быстро привести белые части в порядок, что было осуществлено новым командующим

Генерал-майор
Н. П. Стокасимов

ВСЮР генералом Врангелем. Уже в апреле Вооружённые силы Юга России были реорганизованы и получили наименование «Русская армия».

В рамках общей реорганизации на базе «Крымского корпуса» Я. А. Слащёва был сформирован 2-й корпус Русской армии. Он включал 13-ю и 34-ю пехотные и 1-ю кавалерийскую дивизии, 2-й отдельный тяжёлый артиллерийский дивизион, 2-й отдельный позиционный артиллерийский дивизион (на базе управления 2-й артиллерийской бригады), 4-ю отдельную инженерную роту и 3-ю отдельную телеграфную роту. Общая численность корпуса определялась его командиром в 3 тыс. человек [31, с. 149]. Командовал корпусом по-прежнему Я. А. Слащёв, получивший от Врангеля за оборону Крыма почётный титул «Крымский». По советским данным, против Слащёва «на фронте Скадовск — Генчешек — Кирилловка и далее до Ногайска развернулась 13-я Красная армия в количестве всего 12 765 штыков и сабель (Латышская, 3, 46, 52-я стрелковые дивизии, 85-я и 124-я стрелковые бригады)» [19, с. 566]. По воспоминаниям Слащёва, его корпус отличался не только высокой боеспособностью, но и дисциплиной, так как его части не были замечены в грабежах населения. Несомненно, это было следствием не только позиции Слащёва, но и тем, что основной костяк офицеров этого корпуса был сформирован из старых полков VII корпуса, издавна связанных с Крымом. Даже свой конвой Слащёв сформировал из проверенных «крымцев».

К началу лета Врангель планировал осуществить крупное наступление из Крыма в Северную Таврию, для того чтобы захватить хлебный район и расширить базу снабжения своих войск в Крыму. Корпусу Слащёва надлежало сыграть в этом выходе из Крыма особую роль. Согласно разработанному им плану, 2-й корпус должен был высадиться на Азовском побережье в тылу красных, захватить Мелитополь и развивать наступление далее на север. С момента организации Коктебелского десанта Слащёв испытывал неослабевающий интерес к организации десантных операций. 8 июня корпус Слащёва с приданной вместо 1-й конной дивизии 2-й отдельной сводной конной бригадой Шифнер-Маркевича был переброшен в Феодосию, откуда на кораблях доставлен к месту высадки у села Кирилловка. Высадка была произведена благополучно и в полной тайне от красного командования. Корпусу с небольшими потерями (40 человек убитыми и ранеными) удалось выполнить поставленную задачу и облегчить основным силам Врангеля выход на оперативный простор. «Захват Мелитополя привёл к окончательному расстройству управления армией. Оперативное взаимодействие частей стало невозможно», — указывали советские военные историки Какурин и Вацетис [19, с. 577].

В июле 1920 года части корпуса Слащёва (13-я дивизия) сыграли большую роль в окружении и ликвидации конной группы Жлобы (в составе конного корпуса, 2-й кавалерийской и 40-й стрелковой дивизий). В целом летом 1920 года Врангелю удалось занять обширный участок левобережья Днепра и выйти к Александровску. 2-й корпус получает задачу обеспечения обширного фронта в южном течении Днепра. Как раз именно здесь, в районе Берислава — Каховки, советское командование наметило нанесение главного удара в августе 1920-го, стремясь ударом в тыл врангелевской группировке, находящейся в Северной Таврии, отрезать её от Перекопа и разгромить, не допустив в Крым. В районе Берислава советскому командованию удалось создать огромный перевес сил. К началу операции 6 ав-

густа 1920 года на правом берегу Днепра была развернута группа в количестве «12 961 бойца при 220 пулемётах, 71 лёгком, тяжёлом и полутяжёлом орудии, что давало на 1 км фронта 270 штыков, 5 пулемётов, 3 орудия. Противник (корпус Слащёва. — *Авт.*) на своём участке фронта против этой группировки красных располагал всего 870 штыками, 126 саблями, 65 пулемётами, 14 лёгкими орудиями, что составляет на 1 км фронта 20 штыков и сабель, 1½ пулемёта и около ¼ орудия» [19, с. 594]. Красные имели в резерве 9787 бойцов при 24 орудиях, белые же располагали в своем тылу резервами вторых бригад 13-й и 34-й пехотных дивизий и 8-го кавалерийского полка общей численностью в 3600 штыков и сабель при 14 лёгких и тяжёлых орудиях. Несмотря на столь подавляющее (более чем 10-кратное в живой силе) численное превосходство, красным не удалось достичь поставленной цели. Первоначально потеснив части Слащёва, они натолкнулись на стойкое сопротивление 13-й и 34-й дивизий. Выдвинув из резерва конницу генерала Барбовича, Слащёв ценой больших потерь (1200 убитыми и ранеными в 13-й дивизии и 600 человек — в 34-й) остановил наступление правобережной группы красных и даже принудил её к частичному отходу за Днепр. Красным, правда, удалось удержать не-

Схема общей обстановки. Октябрь 1920 г.

большой плацдарм и переправы через Днепр у Каховки, что сохраняло угрозу для тыла Русской армии. Это обстоятельство было вменено в вину генералу Слащёву Врангелем, и он, посчитав себя незаслуженно обиженным, подал в отставку. Между Слащёвым и Врангелем давно существовали натянутые отношения. Последний обвинял комкора-2 в злоупотреблении вином и кокаином и, как только представилась возможность, заменил его генералом В. К. Витковским — дроздовцем, ветераном Белого движения, которого характеризовал как исключительно хорошего организатора, что «было особенно важно для 2-го корпуса, сильно расстроенного управлением последнего командира (т. е. Слащёва)» [9, с. 327]. В состав корпуса по-прежнему входили: 13-я (генерал-майор Андгуладзе) и 34-я (генерал-майор П. П. Непенин, участник Бредовского похода, сменивший в июле генерала В. В. Теплового) пехотные дивизии, Сводный гвардейский пехотный полк, 2-й отдельный тяжёлый артиллерийский дивизион, 4-я позиционная батарея, 2-я и 5-я отдельные инженерные роты и 2-я отдельная телеграфная рота. Все последующие дни корпус вёл бои в районе Каховского плацдарма. 23 августа (ст. ст.), произведя перегруппировку (корпусу была придана 6-я пехотная дивизия), части 2-го корпуса предприняли новую попытку отбить Каховский плацдарм и отбросить красных за Днепр. Попытка оказалась неудачной: «Группа генерала Андгуладзе (13-я и 34-я пехотные дивизии), — писал позже генерал Врангель, — атаковала противника в два часа в направлении М. Каховки. Не будучи в состоянии преодолеть проволочные заграждения, части 13-й и 34-й пехотных дивизий залегли под проволокой, расстреливаемые артиллерийским и пулемётным огнём. Перед рассветом, ввиду всё усиливающегося обстрела, части были оттянуты в исходное положение. В семь часов утра всем частям группы генерала Витковского было приказано занять наиболее выгодное положение и приступить к активной обороне» [9, с. 327].

С 4 сентября 1920 года 2-й корпус был включён во 2-ю армию генерала Д. П. Драценко, образованную в составе Русской армии Врангеля. К этому времени в жестоко пострадавшие в каховских боях полки были пополнены частями прибывшего из Польши отряда генерала Бредова (на 1 августа 1920 г. 34-я дивизия насчитывала 245 офицеров и 3103 солдата при 18 орудиях и 101 пулемёте). В конце сентября генерал Врангель наметил начало крупной наступательной операции, результатом которой должно было стать форсирование Днепра и вступление во взаимодействие с польскими войсками, действовавшими на Украине. Наступление, однако, ждала неудача. Столкнувшись

Генерал-майор
В. К. Витковский

Генерал-майор
П. П. Непенин

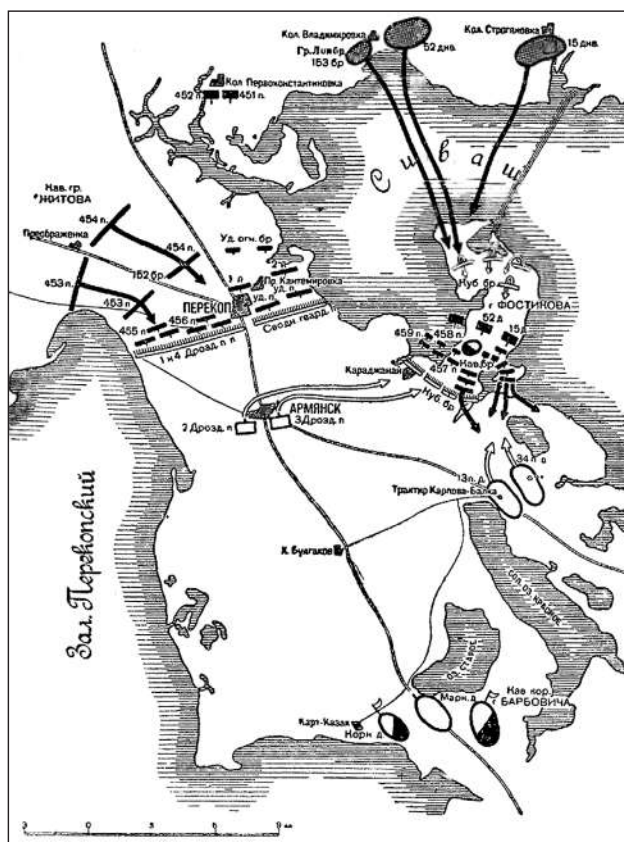

Схема боёв за Перекоп. Ноябрь 1920 г.

замыслу советского командования, решившего к концу 1920 года покончить с Врангелем, и стянувшего к врангелевскому фронту многократно превосходящие силы, главный удар должен был наноситься именно с Каховского плацдарма с целью отрезать белым путь из Северной Таврии в Крым. Части 13-й и 34-й дивизий в который раз оказывались на самом острие удара врага. Над ними, как и над всем белым Крымом, нависла угроза неминуемой гибели, которая была разлита, казалось, в самой природе: «16 октября мороз с утра достиг 14 градусов. Спустился густой туман. В нескольких шагах ничего не было видно. К вечеру поступило донесение от 2-го корпуса, что части последнего, теснимые противником, продолжают отходить к Перекопу. Крупные массы конницы красных, обтекая правый фланг 2-го корпуса, быстро продвигались на восток, 1-я конная армия красных всей своей массой двинулась в тыл нашим армиям, стремясь отрезать их от Крыма», — вспоминал главнокомандующий.

Тем не менее Врангелю удалось последним броском вывести свои войска к перекопским позициям. Но Северная Таврия была потеряна, наступил «последний парад» белого воинства. 2-й корпус генерала Витковского (по советским данным, всего

с превосходящими силами противника, командующий 2-й армией генерал Драценко не решился двигаться дальше и отдал приказ об отходе за Днепр. Неудачей закончилась и последняя попытка 2-го корпуса отбить Каховку 1 октября (ст. ст.). Как и во время прежних попыток, «наши части, — писал Врангель, — дойдя до проволоки, продвигаться дальше не могли, залегли и несли тяжёлые потери от жестокого артиллерийского огня. Отряд танков, прорвавшийся в Каховку, почти целиком погиб» [9, с. 327]. После этих неудач последовала новая реорганизация армии, в соответствии с которой 2-й корпус оказался в составе 1-й армии генерала Кутепова, занимая по-прежнему позиции перед роковым каховским тет-де-поном.

Эпопея Белого движения подходила к концу. По

до 1500 штыков и 320 сабель) получил задачу оборонять Крым на участке от побережья Азовского моря до Литовского (Чувашского) полуострова на Сиваше, отсюда, до побережья Чёрного моря (т. е. Турецкий вал), передавался для обороны 1-му корпусу генерала Писарева. 13-я дивизия и бригада 34-й дивизии были сосредоточены в качестве резерва в тылу Кубанской бригады в районе Карповой балки, между двумя озёрами, для обороны Литовского полуострова. Вторая бригада 34-й дивизии занимала позиции близ станции Таганаш на Чонгарском участке [13, с. 54].

Последние боевые действия 13-й и 34-й дивизий нашли отражение в советских описаниях Перекопско-Чонгарской операции, причём из них следует, что полки дивизии до конца выполнили свой долг. Операция по овладению Перекопом началась с попытки красных выйти в тыл через Литовский полуостров. Здесь части советской 153-й стрелковой бригады и 15-й дивизии были задержаны Кубанской бригадой и брошенными из Армянска двумя Дроздовскими полками. «Вслед за этим, — как пишет Триандафилов, автор одного из очерков, — контратака была проведена частями 13-й и 34-й пехотных дивизий противника против нашей 15-й стр. дивизии. ...До 18–19 час. бой этот длился на южных выходах из Литовского полуострова, причём противнику удалось удержать за собой и Караджанай, и самые выходы из полуострова» [36, с. 71]. В этот же день красные атаковали Турецкий вал. Несмотря на то что за день боёв они не смогли овладеть позициями противника, в ночь с 8 на 9 ноября белые оставили вал и отошли на Юшуньские позиции (по северной окраине озёр Красное, Старое). Одновременно к Карповой балке был подтянут весь конный корпус (1-я, 2-я и Кубанская конные дивизии, Терско-Астраханская бригада) для удара совместно с 2-м армейским корпусом во фланг и тыл красным частям, наступающим от Перекопа на Юшунь.

Части 51-й дивизии красных 10 ноября атаковали Юшуньские позиции и овладели передней линией окопов. Одновременно 52-я и 15-я стрелковые дивизии перешли в наступление на участке 2-го корпуса и глубоко потеснили 13-ю дивизию. Однако сосредоточенным артиллерийским и пулемётным огнём наступление красных здесь было остановлено, а затем контратакой во фланг со стороны Сиваша частями 2-го корпуса и 1-й кавдивизией корпуса Барбовича их части были отброшены к самому выходу из Литовского полуострова.

«К ночи на 11 ноября положение на Перекопском перешейке сложилось так, что противники, одержав успехи на противоположных флангах, взаимно угрожали тылам друг друга» [13, с. 59]. С рассветом 11 ноября боевые действия на Перекопском направлении возобновились по всему фронту. И если советская 51-я дивизия совместно с подошедшей Латышской дивизией успешно продолжали теснить белых, то в районе Карповой балки, «бросив в контратаку Терско-Астраханскую бригаду конного корпуса», противник «всеми силами последнего и пехотными частями 2-го корпуса вновь перешёл в решительное контрнаступление против 15 и 52 с. д., создав к 11 час. для них крайне критическое положение» [13, с. 59]. Лишь введение в бой Фрунзе свежих частей 7-й, 16-й кавдивизий и отрядов Махно решило дело здесь в пользу советов.

На Чонгарском направлении, где сражалась бригада 34-й дивизии, бой также принял крайне ожесточённый характер. Наступающие части красных понесли потери от 60 до 90% личного состава. Как пишет автор стратегического очерка Голу-

бев, «264-й полк дивизии многократно пытался форсировать длинную $1\frac{1}{4}$ -километровую дамбу, но безуспешно. С вечера повторяет атаку, и, внезапно появившись перед утомлённым боем и перенёсшим внимание на Тюн-Джанкойский полуостров противником, овладевает штыковой атакой первой линии укреплений, выбив отсюда 134-й пехотный полк 34-й дивизии белых» [13, с. 59]. Сопротивление арьергардных частей армии Врангеля, в том числе 13-й и 34-й дивизий, привело к крайнему утомлению наступающих красных войск, из-за чего они остановились 12 ноября на днёвку, позволив белым организованно отойти к портам для эвакуации.

2.4. Галлиполи

Последний корабль с эвакуируемыми офицерами и солдатами Русской армии 16 ноября покинул последний крымский порт. Всего на кораблях Черноморского и Добровольного флотов в Константинополь было вывезено 146 тыс. человек, не считая судовые команды. Казачьи части были размещены в районе Чаталджи, под Константинополем, и на острове Лемнос, регулярные подразделения Русской армии размещались на Галлиполийском полуострове. Всего в Галлиполи прибыло 25 868 человек из различных армейских частей. Сколько из них представляло 13-ю и 34-ю дивизии, сказать сейчас весьма затруднительно. Готовясь в своё время для десантирования на Босфор, эти части прибывали теперь в Проливы в качестве политических беженцев. 19 ноября приказом главнокомандующего (№ 4721) все военнослужащие были объединены в 1-й армейский корпус в составе пехотной и кавалерийской дивизии. 1-я пехотная дивизия генерал-лейтенанта Витковского была сформирована в следующем составе:

- а) Корниловский ударный полк — из Корниловской дивизии;
- б) Марковский пехотный полк — из Марковской дивизии;

Церковь Алексеевского полка в Галлиполи

Генерал от инфантерии Э. В. Экк среди командования Белого движения. Галлиполи

- в) Сводно-стрелковый генерала Дроздовского полк — из Дроздовской дивизии;
- г) Алексеевский пехотный полк — из Алексеевского полка, Сводно-гвардейского полка, частей 6, 13 и 34-й пехотных дивизий (при каждом пехотном полку состояли одноимённые конный и артиллерийский дивизионы и инженерные роты);
- д) Артиллерийский батальон — из частей тяжёлой, крепостной и бронепоездной артиллерии.

Таким образом, части 13-й и 34-й дивизий были влиты, как и остатки прочих армейских подразделений, в Алексеевский пехотный полк. В отличие от других «цветных» полков, в которые были свёрнуты ранее существовавшие дивизии, Алексеевского полка к этому времени не существовало. В различных боях Гражданской войны он был практически полностью уничтожен. Одно время в 1920 году состав полка даже был полностью влит в 52-й Виленский полк 13-й дивизии (вновь выделен из неё перед десантом на Кубань). В возрождённом полку (командир генерал-майор Ю. К. Гравицкий) Алексеевцы составляли лишь одну роту; очевидно, большую часть полка составили военнослужащие 13-й и 34-й дивизий. На этом история славных подразделений Российской императорской армии, Вооружённых сил Юга России и Русской армии Врангеля завершилась. Некоторым напоминанием о них было «Объединение чинов 13-й пехотной дивизии», созданное в Париже генерал-майором Г. Б. Андгуладзе, единственным представителем высшего командного состава корпуса, неизменно проделавшего весь крестный путь с 1914 по 1920-й вместе с его частями. Начав мировую войну в качестве офицера 49-го Брестского пехотного полка, он закончил Гражданскую войну начальником 13-й дивизии, нередко исполняя обязанности командира сводного отряда обеих дивизий. По некоторым данным, Объединение просуществовало вплоть до Второй мировой войны.

Литература

1. 1918 год на Украине. Россия забытая и неизвестная. Т. 5 / сост. С. Волков. М., 2001.
2. *Александров А.* Венки на могилу полковника Островского // Посев. 2001. № 10. URL: //rucont.ru/file.ashx?guid=eac4fa2d-6de7-4a09-a136-f5c089c09df7
3. *Альмендингер В.* Симферопольский офицерский полк. 1918–1920 гг. // Военно-Историческая Библиотека «Военной Были». № 4. Лос-Анжелос. 1962. URL: <http://srn-feodosia.ru/simferopolskij-oficerskij-polk/simferopolskij-oficerskij-polk.html#more-885>
4. *Белаш В., Белаш А.* Дороги Нестора Махно. М., 1993. URL: <http://fanread.ru/book/6789786/?page=107>
5. *Белой А.* Галицийская битва. М. ; Л. : Воениздат, 1929.
6. *Бобков А. А.* 52-й Виленский пехотный полк // Military Крым. 2005. № 1. С. 47–54.
7. *Брусилов А. А.* Воспоминания. М. : Воениздат, 1963.
8. *Ветошников Л. В.* Брусиловский прорыв: оперативно-стратегический очерк. М., 1940.
9. *Врангель П. Н.* Гражданская война в России: оборона Крыма. М. : ООО «Изд-во АСТ» ; СПб. : Terra Fantastica, 2003.
10. Генерал-лейтенант Я. А. Слащов-Крымский // Белое движение. Исторические портреты / сост. А. М. Кручинин. М., 2006. URL: <http://booksonline.com.ua/view.php?book=57893&page=130>
11. *Голованов В. Я.* Нестор Махно. М. : Мол. гвардия, 2008. URL: http://www.e-reading.by/chapter.php/86841/17/Golovanov_-_Nestor_Mahno.html
12. *Головин Н. Н.* Дни перелома Галицийской битвы (1–3 сентября нового стиля). Из истории кампании 1914 г. Т. 4. Париж, 1940.
13. *Голубев А. В.* Перекопско-Чонгарская операция: оперативный очерк // Перекоп и Чонгар : сб. ст. и материалов / под общ. ред. А. В. Голубева. М. : Гос. воен. изд-во, 1933.
14. *Гутор А. Е.* Оборона корпуса на широком фронте. Действия 7-го русского корпуса с 3 по 6 сентября 1915 г. М. : Воениздат, 1939.
15. *Гутор А. Е.* Фронтальный удар пехотной дивизии. М. : Воениздат, 1936.
16. *Егоров Н., Жебровский С.* «Ни пяди земли, даже для погребения, не имею...» : судьбы георгиевских кавалеров Первой мировой // Родина. 2014. № 8. С. 76–79.
17. *Зинкевич Р. Д.* Українсько-більшовицька конфронтація на південно-західному та румунському фронтах у кінці 1917 р. — на початку 1918 р. URL: vuzlib.su/articles/1615-Українсько-більшовицька_конфронтація_на_південно-західному_та_румунському_фронтах_у_кінці_1917_р/1.html
18. «Историк отличается от современников только тем, что правду эту выдумает» : Фронтные дневники генерала А. Е. Снесарева / публ. И. С. Даниленко, И. А. Анфертьева // Военно-исторический журнал. 2003. № 8. С. 35–40.
19. *Какурин Н. Е., Вацетис И. И.* Гражданская война. 1918–1921. СПб. : ООО «Изд-во «Полигон», 2002.
20. *Каширин В. Б.* Взятие горы Маковка: неизвестная победа русских войск весной 1915 г. М. : Регнум, 2010.
21. *Керсновский А. А.* История Русской армии : в 4 т. Т. 3. URL: <http://militera.lib.ru/h/kersnovsky1/index.html> (Переизд.: Керсновский А. А. История Русской армии : в 4 т. М. : Голос, 1992–1994. 1220 с.).
22. *Корба М.* Командный состав 13-й пехотной дивизии в Первой мировой войне (1914–1918 гг.) : краткий биографический очерк [Электронный ресурс] // Крымский военно-исторический портал. URL: military.sevstudio.com/komandny-sostav-13pd
23. *Корба М.* (Словакия). «Крымская Голгофа» в словацких Карпатах // Military Крым. 2010. № 16. С. 37–42.
24. Крымская Книга Памяти Великой войны 1914–1918 годов / сост. А. И. Григоров. М. : Моск. издат. дом, 2014. Т. 1. 750 с.

25. *Рождественский М.* Луцкий прорыв. М., 1938.
26. *Рябуха Ю.* К вопросу о формировании частей в Добровольческой армии в 1919 г. // Military Крым. 2007. № 5.
27. *Савченко В. А.* Двенадцать войн за Украину. Харьков : Фолио, 2006. URL: http://militera.lib.ru/h/savchenko_va/index.html
28. *Сергеев-Ценский С. Н.* Собрание сочинений : в 12 т. Т. 9 : Преображение России. М. : Правда, 1967.
29. *Слащев Я.* Крым в 1920 г.: отрывки из воспоминаний // Слащов-Крымский Я. А. Белый Крым. 1920 г. Мемуары и документы. М. : Наука, 1990.
30. *Слащев Я.* Материалы для истории Гражданской войны в России (Операции белых, Петлюры и Махно на Украине в последней четверти 1919 года) // Военный вестник. 1922. № 9–10, № 11. С. 32–37 ; № 12. С. 41–44 ; № 13. С. 49–51.
31. *Слащов-Крымский Я. А.* Требую суда общества и гласности (Оборона и сдача Крыма. Мемуары и документы) // Слащов-Крымский Я. А. Белый Крым. 1920 г. Мемуары и документы. М. : Наука, 1990.
32. *Снесарев А. Е.* Письма с фронта. 1914–1917. М. : Кучково поле, 2012.
33. Стратегический очерк войны 1914–1918 гг. : в 7 ч. / сост. Я. К. Цихович ; Комиссия по исследованию и использованию опыта Мировой и Гражданской войны. М. : Высший воен. редсовет, 1920–1923. Ч. 2 : Период с 1 (14) сентября по 15 (28) ноября 1914 г. / сост. Г. Корольков. М., 1923.
34. Стратегический очерк войны 1914–1918 гг. : в 7 ч. / сост. Я. К. Цихович ; Комиссия по исследованию и использованию опыта Мировой и Гражданской войны. М. : Высший воен. редсовет, 1920–1923. Ч. 5 : Период с октября 1915 г. по сентябрь 1916 г. Позиционная война и прорыв австрийцев Юго-Западным фронтом / сост. В. Н. Клембовский. М., 1920.
35. Стратегический очерк войны 1914–1918 гг. : в 7 ч. / сост. Я. К. Цихович ; Комиссия по исследованию и использованию опыта Мировой и Гражданской войны. М. : Высший воен. редсовет, 1920–1923. Ч. 6 : Период от прорыва Юго-Западного фронта в мае 1916 г. до конца года / сост. А. М. Зайончковский. М., 1923.
36. *Триандафилов В. В.* Перекопская операция Красной армии: тактический этюд // Перекоп и Чонгар : сб. ст. и материалов / под общ. ред. А. В. Голубева. — М. : Гос. воен. изд-во, 1933.
37. *Черныш А. В.* На фронтах Великой войны: воспоминания. 1914–1918. М. : Кучково поле, 2014. (Живая история).
38. *Штейфон Б. А.* Кризис добровольчества // Белое дело. Добровольцы и партизаны. М. : Голос, 1996. — С. 247–350.
39. *Эжк Э. В.* От Русско-турецкой до Мировой войны: воспоминания о службе. 1868–1918. М. : Кучково поле, 2014. 676 с. (Живая история).
40. *Юшко В.* 48-я пехотная дивизия. URL: http://www.grwar.ru/library/Yushko_48id/index.html
41. *Alexandra Șerban.* Bătălia de la Mărășești, pe unde nu se trece! URL: http://www.historia.ro/exclusiv_web/general/articol/batalia-marasesti-unde-nu-se-trece
42. Bătălia de la Mărășești (1917) George Marcu (coord.), Enciclopedia bătăliilor din istoria românilor, Editura Meronia, București, 2011. URL: <http://enciclopediaromaniei.ro/wiki/>
43. *Kirițescu C.* Istoria războiului pentru întregirea României. Т. 2. București, 1989. Английский перевод описания битвы при Марашести доступен здесь : <http://1914-1918.invasionzone.com/forums/index.php?showtopic=116534>
44. *Victor Nitu.* Battle of Marasesti (August-September 1917). URL: <http://www.worldwar2.ro/arme/?article=117>

А. В. Сакович

Георгиевские кавалеры Крымского конного полка

Во все времена и во всех странах воинская доблесть ценилась выше других отличий, а визуальным знаком отличия героя были боевые награды. В Российской империи самыми почётными военными наградами являлась серия так называемых георгиевских наград¹. Их родоначальником стал учреждённый 26 ноября 1769 года императрицей Екатериной II военный орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия.

К началу XX века индивидуальными знаками отличия георгиевских наград для генералов и офицеров Российской императорской армии были четыре степени (класса) ордена Святого Георгия и Георгиевское оружие². Для нижних чинов георгиевской наградой являлись также четыре степени Георгиевского креста (знак отличия Военного ордена³).

Кровавый XX век стёр, а точнее сказать выжег, из памяти потомков многие славные страницы нашей военной истории, в том числе имена крымчан — георгиевских кавалеров Первой мировой войны 1914–1918 годов Незаслуженно забытые герои той «непопулярной» войны нуждаются в возрождении в нашей памяти.

Первого августа 1914 года Россия вступила в Первую мировую войну. Её эхо докатилось и до Крыма. Находившийся в Симферополе Крымский конный Её Величества Государыни Императрицы Александры Фёдоровны полк⁴ был от-

¹ Наряду с индивидуальными «Георгиевскими наградами» также существовали коллективные — Георгиевские знамёна и штандарты, Георгиевские трубы и рожки, а также георгиевские ленты (широкие).

² Наградное Золотое холодное оружие получило статус «георгиевского» 10 августа 1913 г.

³ Знак отличия Военного ордена был учреждён 13 февраля 1807 г. 19 марта 1856 г. знак был разделён на четыре степени, а с 1913 г. он стал именоваться «Георгиевским крестом».

⁴ Крымский конный полк берёт своё начало с 1874 г., когда для компактного прохождения военной службы этнических крымских татар был сформирован Крымский эскадрон. В следующем, 1875 г. был сформирован второй эскадрон, и оба эскадрона сведены в Крымский дивизион. Один эскадрон постоянно дислоцировался в Бахчисарае, второй — в Симферополе. В 1906 г. дивизион был развёрнут в Крымский драгунский полк, а в 1907 г. переименован в Крымский конный полк. В 1909 г. полку было даровано шэфство императрицы Александры Фёдоровны, и полк получил новое наименование — Крымский конный Её Величества Государыни Императрицы Александры Фёдоровны полк. Как в эскадроне, дивизионе, так и в полку основной частью нижних чинов были крымские татары, их количество составляло не менее 80% от общего числа нижних чинов. Для рели-

мобилизован и, пополнив личный состав нижних чинов в основном крымскими татарами, 4 августа под командованием командира полка полковника С. А. Дробязгина покинул свои казармы и пятью эшелонами убыл к румынской границе, на фронт Первой мировой.

Через два дня полк выгрузился на станции Рыбница Херсонской губернии и уже оттуда в маршевом порядке прибыл в город Бельцы, где был размещён в казармах 8-го уланского Вознесенского полка. 7 августа полк снова погрузили в эшелоны и направили уже на Западный фронт, в город Гродно⁵. Оттуда опять походным маршем он убыл в район Августовских лесов и расположился в деревне Ковняны. Полк вошёл в состав Сводно-кавалерийской дивизии, командиром которой был хорошо известный потом генерал-майор Павел Петрович Скоропадский. Исполняющим обязанности начальника штаба дивизии впоследствии стал не менее знаменитый ротмистр барон Пётр Николаевич Врангель. Кроме Крымского конного полка, в состав дивизии входили Кавалергардский Её Величества Государыни Императрицы Марии Фёдоровны полк, Лейб-гвардии Конный полк и 1-я Её Величества батарея Лейб-гвардии Конной артиллерии. Сама Сводно-кавалерийская дивизия находилась в составе 22-го Армейского корпуса 10-й армии Северо-Западного фронта⁶.

После неудачно проведённой Восточно-Прусской операции остатки 1-й Русской армии отходили к русско-немецкой границе. Прикрывая отход разбитых полков, части 22-го корпуса на реках Бобр и Неман втянулись в затяжные бои. Первое соприкосновение Крымского конного полка с противником произошло 10 августа. В этот день разъезд 2-го эскадрона под командованием поручика Гансау вступил в перестрелку с разъездами немецкой кавалерии. Тогда же в полку появились первые жертвы — в разъезде 2-го эскадрона был убит один всадник.

Так для крымчан началось кровавое месиво Великой войны, получившей впоследствии более приземлённое название Первой мировой. Крымский конный полк не входил в состав ни одного кавалерийского соединения, а по эскадронам и дивизионам придавался различным пехотным соединениям для ведения разведки, связи и т. п., тем не менее он принимал участие во многих боях и сражениях, в том числе в знаменитом Брусиловском (Луцком) прорыве. Только в самом конце 1917 года полк смог вернуться на родину — в Крым, где для него началась Гражданская война. В ноябре 1920 года остатки полка, в основном офицеры, покинули родные берега Тавриды и с врангелевской армией осели в эмиграции.

Собирая материалы по истории Крымского конного полка, автор статьи смог установить всех офицеров и, к сожалению, пока только часть нижних чинов, ставших Георгиевскими кавалерами в период Первой мировой войне. В этом автору

гиозных потреб в штате эскадрона, а затем дивизиона и полка были предусмотрены полковой мулла и муэтзин. Полк принимал участие в Первой мировой войне (1914–1918). В конце 1917 г., после развала Российской армии, вернулся в Крым. Участвовал в Гражданской войне (1918–1920). В период Гражданской войны Крымский конный полк также именовался 1-м Крымско-татарским конным полком. В 1917 г. в Крыму на основе полка был сформирован 2-й Крымский конный полк.

⁵ В настоящее время территория государства Беларусь.

⁶ Крымский конный Её Величества Государыни Императрицы Александры Фёдоровны полк. 1784–1922 / сост. В. Т. Юрицын, В. А. Эммануэль ; при участии Г. А. Люстих. Сан-Франциско, 1978.

Орден Св. Георгия IV степени для награждения нижних чинов — нехристиан. Лицевая сторона

Орден Св. Георгия IV степени для награждения нижних чинов — христиан. Лицевая и обратная сторона

Орден Св. Георгия I степени для награждения нижних чинов — христиан. Лицевая сторона

Орден Св. Георгия IV степени (офицерский). Лицевая сторона

помогли военные историки Юрий Курепин (Москва) и Андрей Бобков (Феодосия).

Поиск продолжается, и надеемся, что список героев будет пополняться.

Первым офицером Крымского конного полка, получившим орден Святого Георгия IV степени, стал командир эскадрона ротмистр Г. А. Бако «за то, что 27 апреля 1915 г. во главе дивизиона общей численностью в 132 человека, способствуя атакам сводного пехотного полка у дер. Корниев, бросился в конном строю на окопы противника, овладел двумя рядами окопов и взял в плен 7 офицеров и 398 нижних чинов». Награждён высочайшим приказом 23 мая 1915 года⁷.

Григорий Александрович Бако (07.02.1874–22.02.1951, г. Аньер, Франция) окончил Тверское кавалерийское училище и вышел в 12-й драгунский Мариупольский полк. В 1899 году ушёл в запас и поступил в Московский университет. В 1902 году был зачислен в 7-й Запасный кавалерийский полк. В 1905 году переведён в Крымский конный полк, в рядах которого оставался в течение всей Первой мировой войны, был награждён орденом Св. Георгия. В 1917 году — полковник. После возвращения в Крым скрывался от революционно настроенных красноармейцев, 7 декабря 1918 года принял командование вновь сформированным Крымским конным полком (в составе трёх эскадронов). После принятия командованием полка полковником Туган-мирзы Барановским стал его заместителем. Участвовал в обороне Крыма в составе Добровольческой армии. Крымский конный

полк, развёрнутый в шесть эскадронов, отличился в мае-июне 1919 года в боях у Ак-Моная. В августе 1919-го подразделение полка и кадры Сводно-Драгунского полка под общим командованием полковника Туган-мирзы Барановского были высажены отрядом кораблей капитана 1-го ранга Остелецкого в районе Сухого Лимана и взяли с боем город Одессу. Осенью 1919 года Крымский конный полк участвовал в боях с войсками Петлюры в составе 2-го Армейского корпуса, после чего в самом конце года был переброшен в Крым, где вошёл в корпуса генерала Слащёва. В русской армии генерала Врангеля Крымский конный полк уже под командованием полковника Бако участвовал в боях в Северной Таврии в составе конного корпуса генерала Барбовича. После отхода в Крым полк прибыл в Ялту, где вместе с частями конного корпуса 2 ноября был погружён на транспорт «Крым», с которого через 10 дней был высажен на полуостров Галлиполи. После недолгого пребывания в Королевстве СХС (1921–1922 гг.) Бако переехал во Францию, где возглавлял Объединение Крымского полка. Автор юбилейной статьи-памятки в эмигрантском журнале «Часовой» (1934 г.). В 1941–1946 годах — член ревизионной комиссии храма Христа Спасителя в городке Аньер (Франция), близ Парижа. Скончался 22 февраля 1951 года в Аньере. Похоронен на русском кладбище в Сент-Женевьев де Буа⁸.

Следующим кавалером ордена Святого Георгия IV степени стал подполковник Э. П. Алтунжи «за то, что в бою 27 мая 1915 г. у с. Тышковцы, выс. [ота] 306, роты 3-го Заам. [урского] пехотного полка были атакованы австрийцами и, перейдя сами в контратаку, потеснили его, из рядов пехоты раздались крики «конницу вперёд». Услышав эти крики и оценивши момент, подполковник Алтунжи, командовавший дивизионом в составе эскадронов Её Величества и тетьего, бросился во главе дивизиона и стремительной атакой заставил сначала повернуть без боя появившиеся в то время три эскадрона венгерских гусар, а затем врубился в пехоту противника и, переколов и изрубив массу противника, остальных заставил бежать. Этими действиями подполковник Алтунжи оказал решительное

Обер-офицер и рядовой Крымского конного Её Величества Императрицы Александры Фёдоровны полка. Художник Кнотель

⁸ Рутыч Н. Биографический справочник высших чинов Добровольческой армии и Вооружённых Сил Юга России : материалы к истории Белого движения. М., 2002 ; Волков С. В. Возрождённые полки Русской армии в Белой борьбе на Юге Росии. М., 2002. С. 530 ; Грезин И. И. Алфавитный список русских захоронений на кладбище Сент-Женевьев де Буа. Париж, 1995 ; Приход храма Христа Спасителя в Аньере, 1932–1957 : юбилейн. сб. / сост. П. А. Беклемишев. Asnieres : Храм Христа Спасителя в Аньере, 1957. С. 50–57.

⁷ Крымский конный Её Величества ... С. 394.

№ 18 ЧЛЕНЫ ДУМЫ ОРДЕНА СВ.ГЕОРГИЯ, ВЪ ШТАБѢ IX АРМІИ.
/Февраль 1916 г./

Описание подвиггов /1, 4, 8, 10/.

1. Ген. лейт.	БЕЛОЗОРЪ	Н-къ 2 Стрѣл. див.
2. Ген. М.	ТИМАШЕВЪ	К-ръ бр. 10 кав. див.
3. Полковн.	ТЕРПИГОРЕВЪ	К-ръ 4 Заам. пѣх. пол.
4. -"	ЛЯХОВЪ	13 Донск. Каз. пол.
5. Подполк.	БОГАЧЕВЪ	73 пѣх. Крымск. пол.
6. Подполк.	ВЕСЕЛОВСКІЙ	76 пѣх. Куб. п.
7. Подполк.	СТЕПАНОВЪ	294 Березен. пѣх. пол.
8. Ротмистръ	АЛТУНЖИ	Крымск. конн. пол.
9. -"	ОТРОХОВЪ	10 драг. Новг. пол.
10. Поручикъ	РЕЙСБЕРГЪ	41 Селенг. пѣх. пол.

Список членов Думы ордена Святого Георгия
в штабе 9-й армии. Февраль 1916 г.

Св. Георгия. В декабре 1917 года — помощник командира 1-го Крымско-татарского полка. Погиб в Крыму в январе 1918 года. Место захоронения неизвестно.

Уже в период правления Временного правительства (в 1917 г.) орденом Святого Георгия IV степени были награждены ещё три офицера Крымского конного полка.

Ротмистр Т. А. Аметистов «за то, что, состоя в чине штабс-ротмистра в Крымском конном полку, в бою 27 мая 1916 г., во время конной атаки дивизии у д. Зубжец, временно исполняя дела начальника штаба дивизии, с явной опасностью для жизни произвёл разведку и повёл затем двинутый для атаки гусарский полк в наивыгоднейшем направлении, чем содействовал своему начальнику одержать победу. Встав в ряды полка, сам принял участие в конной атаке». Награждён приказом по армии и флоту от 5 мая 1917 года⁹.

Тихон Александрович Аметистов (1884–1941) — полковник Генерального штаба. Окончил Николаевское кавалерийское училище и два класса Николаевской военной академии (1914 г.). В начале Первой мировой войны — штаб-ротмистр Крымского конного полка. С 16 июля 1916 года — старший адъютант штаба 9-й Кавалерийской дивизии. С 1918 года — в Добровольческой армии. В конце 1918-го — начальник разведывательного отдела штаба Крымско-Азовской Добровольческой армии, а затем на той же должности в штабе Крымско-Азовского отдельного корпуса (3-го Армейского). С 1921 года — в эмиграции, во Франции. Многие годы состоял секретарём Епархиального управления при митрополите Евлогии. Скончался в Париже в 1941 году. Похоронен на русском кладбище в Сент-Женевьев де Буа¹¹.

Штаб-ротмистр Б. В. Отмарштейн «за то, что в бою 18 июля 1917 г. у деревни Дорошоуцы, получив задачу ликвидировать образовавшийся прорыв между 3-м и 16-м пограничными Заамурскими пехотными полками, быстро построил боевой порядок и повёл энергично, во главе своего эскадрона, наступление под убий-

содействие полному поражению противника на данном участке».

Награждён высочайшим приказом 23 мая 1916 года⁹.

Эммануил Петрович Алтунжи (? — январь 1918, Крым) из эстандарт-юнкеров Крымского дивизиона. 14 мая 1896 года в чине корнета зачислен в Крымский дивизион. На 1905 год — штаб-ротмистр 1-го эскадрона дивизиона. С 1912 года командир 1-го эскадрона (эскадрон Её Величества). В 1916 году входил в состав думы IX армии ордена

Группа офицеров, награждённых орденом Св. Георгия IV степени.
Сидят: командир бригады 10-й кавалерийской дивизии генерал-майор Л. П. Тимашев (слева), начальник 2-й стрелковой дивизии генерал-лейтенант Ю. Ю. Белозор. Стоят (слева направо): офицер 41-го пехотного Селенгинского полка поручик Вениамин Рейзберг, офицер 10-го драгунского Новгородского полка ротмистр Отрохов, офицер 294-го пехотного Березинского полка подполковник Степанов, офицер 13-го Донского казачьего полка полковник Ляхов, командир 4-го Заамурского пехотного полка полковник П. М. Терпигорев, офицер 76-го пехотного Кубанского полка подполковник Веселовский, офицер 73-го пехотного Крымского полка подполковник Богачёв, ротмистр Крымского конного полка Т. А. Алтунжи.
Февраль 1916 г. РГАКФД

ственным огнём противника и лихой контр-атакой, занял высоту 282, взял при этом пленных и один действующий пулемёт. Будучи же обойдён с фланга, он во главе взвода лично бросился в атаку, нанеся противнику решительное поражение и, несмотря на жёсткие потери в личном составе, он всё-таки удержал высоту за собой, чем дал возможность нашей пехоте восстановить утерянное положение». Награждён приказом по 8-й армии от 6 сентября 1917 года № 2859.

Борис Васильевич Отмарштейн — выпускник Пажеского корпуса 1912 г. На 1914 г. — корнет 6-го эскадрона Крымского конного полка. Участник Первой мировой войны. Штабс-ротмистр. В конце 1917 года — командир эскадрона 1-го Крымско-татарского полка в боях с большевиками в Крыму. К 1919 году в армии Украинской народной республики, помощник командира 1-го Лубенского конного полка. Застрелился 3 ноября 1919 года при переходе полка на сторону ВСЮР¹².

¹² Волков С. В. Офицеры армейской кавалерии. М., 2002 ; Тинченко Я. Офицерский корпус Армии Украинской Народной Республики (1917–1921). Кн. 1. Киев, 2007. С. 320.

⁹ Военный орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия : библиограф. справочник / сост. В. М. Шабанов. М., 2004. С. 379.

¹⁰ Там же. С. 381.

¹¹ Рутыч Н. Биографический справочник высших чинов Добровольческой армии и Вооружённых Сил Юга России: материалы к истории Белого движения. М., 2002.

Достаточно интересная информация о награждении штаб-ротмистра А. И. Лихвенцова имеется в полковой истории, изданной в 1978 году в Сан-Франциско (США). «*Будучи в командировки в Одессе 6-го ноября 1917 г., шт.-ротм. Лихвинцов в штабе Одесского воен. округа узнал от своего знакомого, служившего в штабе округа, что в официальном военном органе газете «Русский инвалид» помещён приказ о награждении шт.-ротмистра Лихвенцова за боевые заслуги в партизанском отряде у д. Неваль на Западном фронте орденом Св. Георгия 4-й степени. Прочтя этот приказ, шт.-р. Лихвинцов, обрадованный, поспешил в магазин офицерских вещей приобрести орден Св. Георгия и возвратился в полк с белым крестиком на груди, предполагая, что уже и в полку этот приказ тоже получили. Но приказа в полку не было. Шт.-ротм. Лихвенцову нужно было хотя бы указать № и число приказа, но А. И. Лихвенцов не догадался записать № приказа или газеты «Русский инвалид», и для того, чтобы иметь право надеть на себя знаки этого высшего военного боевого ордена, ему пришлось ждать приказа, который во времена революционной разрухи так в полк и не пришёл. Только во время пребывания в эмиграции удалось найти в «Русском инвалиде» приказ по «Армии и Флоту».*

В газете «Русский инвалид» за 13 июня 1917 года приведён приказ по армии и флоту № 136 от 19 марта 1917 года о том, что штаб-ротмистр А. И. Лихвенцов награждается орденом Святого Георгия «за то, что, будучи в чине корнета в ночь с 14–15 ноября 1915 г. при нападении группы партизанских партий на деревню Неваль, где находился штаб 82 германской пехотной дивизии, во главе 25-ти партизан своей партии занял значительно удалённую от главных сил теснину, упорным боем удержал её, опрокинул в несколько раз сильнеешего противника и огнём способствовал победе над неприятелем, обеспечив тыл главных сил партизан, без чего последние попали бы в тяжёлое положение. Таким образом, с небольшими силами действуя с беззаветной храбростью и непоколебимой твёрдостью, корнет Лихвенцов оказал незаменимое содействие успеху главных сил, работающих в деревне Неваль»¹³.

Александр Иванович Лихвенцов (1890 г. — 3 февраля 1961 г., Нью-Йорк). Окончил кадетский корпус (1911 г.), Николаевское кавалерийское училище (1913 г.) и вышел корнетом в 8-й гусарский Лубенский полк 8-й Кавалерийской дивизии. На 1914 год — корнет 4-го эскадрона Крымского конного полка. Участник Первой мировой войны. В 1916 году — начальник конно-партизанского отряда, действовавшего в тылу противника на Западном фронте. На 1917 год — штабс-ротмистр Крымского конного полка. В декабре 1917 года участвовал в боях с большевиками в Крыму в составе 1-го Крымско-татарского полка. Затем — в белых войсках на Юге России, в дивизионе Крымского полка. На январь 1920 года — командир эскадрона Крымского конного полка. Участник Бредовского похода 1920 года. На 1920 год — ротмистр. В ноябре 1920-го — в составе русской армии эвакуировал из Крыма, после чего в эми-

¹³ Крымский конный Её Величества ... С. 239, 240. В то же время в библиографическом справочнике «Военный орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия» (сост. В. М. Шабанов. М. 2004. С. 612) под этим же приказом указано, что А. И. Лихвинцов был награждён Георгиевским оружием. Видимо, в справочнике допущена ошибка.

грации во Франции. В 1941–1945 годах — чин Русского корпуса в составе немецкой армии. После 1945 года проживал в Австрии и США. Похоронен на кладбище монастыря Ново-Дивеево, близ Нанует (штат Нью-Йорк)¹⁴.

Кроме ордена Святого Георгия, несколько офицеров Крымского конного полка были награждены Георгиевским оружием. До 1913 года одним из видов офицерской награды было холодное Золотое оружие с надписью «За храбрость». Статутом от 10 августа 1913 года такое оружие было причислено к Георгиевской награде и, получив наименование «Георгиевское оружие», было приравнено к ордену Святого Георгия IV степени. Эфес такого оружия (шпаги, сабли, палаша, шашки или кортика) был позолоченным, с украшениями в виде лавровых ветвей. На дужках или крестовинах эфеса гравировалась надпись «За храбрость». Помимо этого, на эфес Георгиевского оружия крепился крест ордена Святого Георгия уменьшенного размера. Темляк к такому оружию полагался на георгиевской ленте¹⁵.

За период Первой мировой войны Георгиевским оружием были награждены: Двойченко Владимир Абрамович — высочайший приказ от 21 мая 1915 года¹⁶; Зотов Евгений Александрович — высочайший приказ от 31 декабря 1916 года¹⁷; Дурилин Александр Алексеевич — высочайший приказ от 24 ноября 1916 года¹⁸; Седов Николай Яковлевич — приказ по армии и флоту от 30 августа 1917 года¹⁹; Кривцов Александр Владимирович — высочайший приказ от 6 января 1917 года²⁰; Губарев Владимир Петрович — приказ по 8-й армии от 2 сентября 1917 года²¹.

Чинам, в том числе и офицерам Крымского конного полка, была пожалована казачья шашка. К 1914 году в казачьих войсках на вооружении находились солдатская и офицерская казачьи шашки образца 1881/1910 года. Шашки именно этого образца и жаловались офицерам Крымского конного полка в качестве Георгиевского оружия.

Поиск нижних чинов георгиевских кавалеров Крымского конного полка оказался достаточно тяжёлым и кропотливым, так как их количество значительно, а информация о них разбросана по различным источникам. Первым надёжным источником являются

Эфес шашки офицерской казачьей образца 1881/1910 г. Георгиевское оружие дополнялось темляком из георгиевской ленты и уменьшенного крестика ордена Св. Георгия, который крепился на эфесе

¹⁴ Незабываемые могилы / сост. В. Н. Чуваков. Т. 4. С. 186 ; Волков С. В. Офицеры армейской кавалерии. С. 317–318 ; Пleshко Н. Д. Новик (Нью-Йорк). 1961. Отд. 3. С. 10.

¹⁵ Исмаилов Э. Э. Золотое оружие с надписью «За храбрость». Списки кавалеров 1788–1913. М., 2007.

¹⁶ Военный орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия : библиограф. справочник / сост. В. М. Шабанов. М., 2004. С. 488.

¹⁷ Там же. С. 527.

¹⁸ Там же. С. 504.

¹⁹ Там же. С. 745.

²⁰ Там же. С. 585.

²¹ Там же. С. 480.

приказы по полку и журналы боевых действий полка за период Первой мировой войны, в которых подробнейшим образом заносились все ежедневные события, произошедшие в полку за весь период военных действий. К счастью, основная часть приказов и журналов Крымского конного полка за весь период с 1914 по 1917 год сохранились в Российском государственном военно-историческом архиве (Москва)²². Автор с помощью члена редакции журнала Марии Шапошниковой (Москва) смог ознакомиться только с незначительной их частью.

Как следует из журнала боевых действий Крымского конного полка за ноябрь 1914 года, первое награждение нижних чинов полка Георгиевскими крестами IV степени состоялось 21 ноября 1914 года и произошло это в деревне Повонзки

Подпрапорщик Крымского конного полка В. К. Заяц с супругой. Симферополь. 1915 г. На оборотной стороне фотографии надпись карандашом: «На добрую память дорогому товарищу и куму Иосифу Арсентьевичу Петрунину. Отъ Василия Кирилловича Заяца. 1915 г. сентября 1-го дня, г. Симферополь». Аукционный дом «Монеты и медали»

(по всей видимости, территория современной Польши). Первые награды в полку получили старший унтер-офицер эскадрона Её Величества Осман-Амет и младший унтер-офицер этого же эскадрона Прокофий Цурцудей, старший унтер-офицер 3-го эскадрона Касьян Быков, подпрапорщик 4-го эскадрона Фёдор Васин, младший унтер-офицер 4-го эскадрона Адил-Саид и всадник 4-го эскадрона Шамиль-Рале, старший унтер-офицер 5-го эскадрона Дмитрий Четвернин, младший унтер-офицер 6-го эскадрона Макар Новосартов, подпрапорщик 6-го эскадрона Пётр Тынянский, младший унтер-офицер 6-го эскадрона Минсоли Шлычков и всадник 6-го эскадрона Абдуреим Нассибулаев²³.

Полными георгиевским кавалерами, то есть награждёнными Георгиевскими крестами всех четырёх степеней, в Крымском конном полку было только двое — это подпрапорщики В. К. Заяц и Г. З. Шведкой.

Информацию о этих георгиевских кавалерах предоставил Ю. Курепин.

Василий Кириллович Заяц — подпрапорщик 4-го эскадрона Крымского конного Её Величества Государыни Императрицы Александры Фёдоровны полка. Участник Первой мировой войны 1914–1918 годов.

Георгиевский крест I степени (№ 5626)²⁴ — «за отличие в бою 4-го июля 1915 г. под дер. Касперовце, где, командуя взводом, отбил противника, наступающего превосходными силами, и держался на вверенном ему участке до подхода подкрепления». Награждён 3 августа 1915 года от имени Государя Императора флигель-адъютантом полковником [А. А.] Мордвиновым.

Георгиевский крест II степени (№ 4754; возможно, № 2754) — «за выдающиеся подвиги храбрости и самоотвержения в боях против неприятеля, на основании п. 16 ст. 67 Георгиевского Статута» (п. 16 ст. 67 Статута — «кто, вызвавшись охотником на опасное и полезное предприятие, совершит оное с полным успехом»). Приказ 1-го Туркестанского армейского корпуса от 12 мая 1915 года № 202 и от 19 июня 1915 г. № 256.

Георгиевский крест III степени (№ 16219) — «за то, что 21-го октября 1914 г., будучи старшим разезда, под сильным и действительным огнём противника, добыл и доставил важные сведения о расположении противника и увлек в порядке свой разезд, когда ему грозила опасность быть отрезанным». Приказ 10-й армии от 28 февраля 1915 года № 239.

Георгиевский крест IV степени (№ 126124) — «за то, что в бою 21-го сентября 1914 г. у дер. Чимохен, за убылью офицеров, вступил в командование взводом и, несмотря на губительный шрапнельный огонь противника, поддерживал полный порядок». Приказ по 10-й армии от 19 февраля 1915 года № 196.

Григорий Захарович Шведкой — подпрапорщик 5-го эскадрона Крымского конного Её Величества Государыни Императрицы Александры Фёдоровны полка, полный георгиевский кавалер. 1887 года рождения, уроженец села Березотичи Волочковской волости Лубенского уезда. 9 ноября 1908 года зачислен в 18-й гусарский Нежинский полк, где в июле 1910-го окончил учебную команду. 24 декабря 1910 года произведён в младшие унтер-офицеры, а 19 ноября 1911-го ему присвоено звание старшего унтер-офицера. В июле 1913 года поступил на сверхсрочную службу и зачислен в 5-й эскадрон Крымского конного полка. В подпрапорщики произведён 10 ноября 1914 года. На должности вахмистра с 3 ноября 1916 года 14 августа 1917 года отправлен в распоряжение командующего Черноморским флотом на формирование дивизиона. В 1917-м произведён в прапорщики²⁵.

Георгиевский крест I степени (№ 5627). «27 мая 1915 г., будучи послан с разездом на мызу Обертывнь, несмотря на то, что попал под пулемётный и артиллерийский огонь, продолжал продвигаться вперёд и давать сведения и, когда наткнулся на позицию, отошёл в лощину с разездом, сам выдвинулся вперёд и продолжал наблюдать, чем содействовал выяснению линии наступления неприятеля». Приказ по 30-му Армейскому корпусу от 27 июля 1915 года № 181.

Георгиевский крест II степени (№ 448). «Командуя взводом в цепи 29 января 1915 г. при дер. Красно, бросился первым с криком «ура» в штыки, чем содействовал выбитию противника из прохода, им занятого». Приказ по 30-му армейскому корпусу от 9 апреля 1915 года № 78.

Георгиевский крест III степени (№ 71137). «6 декабря 1914 г., когда, командуя взводом, выследил у дер. Рембелин неприятельскую заставу, выбил её из око-

²² РГВИА. Ф. 3637. Оп. 1.

²³ РГВИА. Ф. 3637. Оп. 1. Д. 3. Л. 3.

²⁴ В скобках даны номера крестов.

²⁵ Георгиевский архив. Ч. 1, 3. Екатеринбург, 2004.

Подпрапорщик Крымского конного полка Г. З. Шведкой. Из собрания «Трофейной комиссии». ВИАИВиВС

исторический архив (РГВИА, Москва), и в ответ была получена справка о личности награждённого. Им оказался всадник Крымского конного Её Величества Государыни Императрицы Александры Фёдоровны полка **Зейтула Курт Мемет**. Этот крест он получил «за то, что, находясь в разъезде 24.01.1915, вызвавшись охотником в опасное предприятие к югу от дер. Якреторы, обнаружил противника силой 30 человек, будучи ранен, продолжал следить и своевременно предупредил разъезд об опасности быть уничтоженным».

ГЕОРГИЕВСКИЙ Крест № 184853. 4-й Степени, AG	
1913-1918 гг. Первая Мировая война, Крымский конный	
Фамилия	Мемет
Имя	Зейтула Курт
Отчество	
Часть	Крымский конный ЕИВ ГИ Александры Фёдоровны полк.
Подразделение	
Чин	всадник
Должность	
Отличие	За то, что находясь в разъезде 24.01.1915, вызвавшись охотником в опасное предприятие к югу от дер. Якреторы, обнаружил противника силой 30 человек, будучи ранен, продолжал следить и своевременно предупредил разъезд об опасности быть уничтоженным
Приказ	по 33-му арм. корпусу от 9.04.1915 за № 78
Отношение	
Дубликат	
Возврат	
Другие наг.	4 от 184853.
Другие источники	
Коммент-й	
Архив	РГВИА
Фонд	2238
Список	1
Дело	532
Лист	
25.09.2004 13:03:34	

Архивная справка о награждении Георгиевским крестом IV степени Зейтулу Курта Мемета. РГВИА. Ф. 2238. Оп. 1. Д. 532

²⁶ РГВИА. Ф. 2238. Оп. 1. Д. 532.

²⁷ РГВИА. Ф. 970. Оп. 3. Д. 1938. Ч. 3. Л. 802.

пов и обратил в бегство, при этом захватил в плен 5 кавалерийских лошадей с сёдлами». Приказ по 33-му армейскому корпусу от 25 октября 1915 года № 120.

Георгиевский крест IV степени (№ 73192). «Будучи старшим в разъезде, обнаружил обход противника, донёс об этом, сам же продолжал наблюдать и, будучи обнаружен противником, находясь под сильным ружейным и пулемётным огнём, не оставил наблюдение». Приказ (чей именно, не установлено) от 21 августа 1914 года.

Г. З. Шведкой также был награждён Георгиевскими медалями: IV степени (№ 317454), III степени (№ 18526) и II степени (№ 6330).

Лет пятнадцать назад в интернете, на одном из форумов коллекционеров, было выложено фото Георгиевского креста IV степени под номером № 184853. Коллекционер, в чьей коллекции хранился этот крест, сделал запрос в Российский государственный военно-

исторический архив (РГВИА, Москва), и в ответ была получена справка о личности награждённого. Им оказался всадник Крымского конного Её Величества Государыни Императрицы Александры Фёдоровны полка **Зейтула Курт Мемет**. Этот крест он получил «за то, что, находясь в разъезде 24.01.1915, вызвавшись охотником в опасное предприятие к югу от дер. Якреторы, обнаружил противника силой 30 человек, будучи ранен, продолжал следить и своевременно предупредил разъезд об опасности быть уничтоженным».

Приказ по 30-му армейскому корпусу от 9 апреля 1915 года № 78²⁶.

В РГВИА **МОСКОВСКИМ** историком-архивистом Александром Григоровым (**Санкт-Петербург**) был обнаружен список нижних чинов Крымского конного Её Величества Государыни Императрицы Александры Фёдоровны полка, награждённых Георгиевскими крестами. Список датирован 3 августа 1915 года²⁷. В данном списке приведены номера крестов, но, к сожалению, нет описания самих подвигов.

???

Георгиевский крест I степени:

подпрапорщики Василий Заяц (№ 5626), Григорий Шведкой (№ 5627); младший унтер-офицер Макар Новосартов²⁸ (№ 5628).

Георгиевский крест II степени:

подпрапорщики: Мустафа Османов (№ 12118), Фёдор Васин (№ 12122), Эмир Усеин Мемет (№ 12123), Иван Асейкин (№ 12117); младшие унтер-офицеры: Якуб Асан (№ 12120), Сейдари Ибрам (№ 12125), Аким Карнилко (№ 12119), Фахри Кара-Мурза (№ 12116).

Георгиевский крест III степени:

подпрапорщики: Афанасий Маслов (№ 76741), Афанасий Маслин (№ 76732), Касьян Быков (№ 76739); старшие унтер-офицеры: Осман Мемет (№ 76733), Джафер Сеит Асан (№ 76737), Яков Забелин (№ 76782); младшие унтер-офицеры: Эреджеп Мухтерем (№ 76738), Владимир Белин (№ 76783); ефрейторы: Сеит Джелил Халил (№ 76736), Курт Сеит Эмир Усеин (№ 76735), Сергей Фролов (№ 76734), Александр Кузнецов (№ 76740).

Георгиевский крест IV степени:

вахмистр-подпрапорщик Никита Грязнов (№ 407841); старшие унтер-офицеры: Муждоба Абдуль Джалиль (№ 407839), Мамут Усеин (№ 407836), Велиула Абейбула (№ 407830); младшие унтер-офицеры: Сеит Умер Сейдамет (№ 407826), Георгий Бушма (№ 407825), Ефим Багорский (№ 407827), Моисей Ткаченко (№ 407838); эскадронный фельдфебель Якуб Вольф (№ 407834); штаб-трубач Владимир Чечуев (№ 407801); всадники: Курт Асан Мурат (№ 407828), Сеит Аджи Сеит Мамбет (№ 407837), Сеит Бекир Сеит Мемет (№ 407835), Арсений Коновалов (№ 407829), Абдиль Джефар Усеин (№ 407832), Павел Мельничук (№ 407833), Ильяс Мурза Кайтайзов (№ 407831), Григорий Рубчив (№ 407840).

Считаем необходимым напомнить и о награждении рядового Крымского дивизиона Сеид Вели Асана серебряной медалью на георгиевской ленте с надписью «За храбрость»²⁹, так как в 1913 году эта медаль также была причислена к Георгиевским наградам, получив при этом наименование «Георгиевская медаль». В июне 1901 года из-за сильных дождей мелкая и спокойная река Салгир вышла из берегов и затопила значительную часть Симферополя. Вода сильным потоком хлынула в расположение Крымского дивизиона. Стоявший на посту по охране дивизионного штандарта и дивизионного денежного ящика Сеид Вели Асан с риском для жизни смог спасти и штандарт, и денежный ящик. За этот подвиг он был награждён серебряной медалью «За храбрость»³⁰. В 1902 году Сеид Вели Асан был приглашён на «Георгиевский обед» в императорскую резиденцию «Ливадия»³¹, а в 1903-м уча-

²⁸ Новосартов Макар Саядович — в 1914 г. младший унтер-офицер 6-го эскадрона Крымского конного Её Величества Государыни Императрицы Александры Фёдоровны полка.

²⁹ Серебряная медаль с надписью «За храбрость» на георгиевской ленте была учреждена в 1878 г. для награждения нижних чинов. В 1913 г. медаль была разделена на четыре степени.

³⁰ Муфтийзаде (Муфтий-Заде) И. М. Очерк столетней военной службы крымских татар с 1784 по 1904 г. (по архивным материалам). Симферополь, 1905. С. 45, 46.

³¹ Так называемые Георгиевские обеды проводились ежегодно 26 ноября, в день учреждения ордена Св. Георгия, и предназначались для чествования только кавалеров, награждённых орденами Св. Георгия и знаками отличия Военного ордена.

Подвиг рядового Сеид Вели Асана. Рисунок из книги И. М. Муфтийзаде (Муфтий-Заде) «Очерк столетней военной службы крымских татар с 1784 по 1904 г. (по архивным материалам)»

дованием ротмистра Г. А. Бако в конном строю успешно атаковал у деревни Корниув австрийский пехотный батальон, взяв в плен более 500 человек (из них семь офицеров), а 27 мая дивизион в составе 1-го (шефского) и 3-го эскадронов под общим командованием ротмистра Э. П. Алтунжи также в конном строю у деревни Чернелица атаковал наступающую австрийскую пехоту, смял её и обратил в бегство, захватив при этом 240 пленных³⁴. Но, как известно, награждение отличившихся частей коллективными наградами планировалось производить после победоносного окончания войны, поэтому полк этой награды так и не увидел. Как уже отмечалось, Г. А. Бако и Э. П. Алтунжи за эти подвиги были награждены орденом Св. Георгия IV степени.

Когда статья уже была готова, к её автору обратился А. Григоров с предложением принять участие в составлении сборника «Крымская книга памяти Великой войны 1914–1918 годов», в который планировалось включить всех выявленных уроженцев и жителей Таврической губернии, принимавших участие в Первой мировой войне 1914–1918 годов.

При подготовке этого сборника А. Григоровым была проделана огромная поисковая работа в Российском Государственном военно-историческом архиве (Москва) и им было установлено всего более 500 нижних чинов Крымского конного полка, награждённых как Георгиевскими крестами, так и Георгиевской медалью (как однократного, так и не однократного награждения)³⁵. Особо важно, что в справочнике приведены описания подвигов награждённых чинов, изложенные в текстах приказа о награждении, и номера крестов и медалей.

³² Крымский конный Её Величества ... С. 35.

³³ Там же. С. 111.

³⁴ Там же. С. 71.

³⁵ Крымская книга памяти Великой войны 1914–1918 годов / сост. А. И. Григоров. Т. 1. М., 2014. С. 371–453.

ствовал в «Георгиевском обеде» в Санкт-Петербурге³².

В изданной в 1972 году истории полка приводится информация о коллективной Георгиевской награде, которую Крымский конный полк, к сожалению, так и не получил³³. В частности, в ней говорится о том, что в 1915 году командование 33-го Армейского корпуса представило полк к награждению Георгиевским штандартом за отличия, проявленные в боевой обстановке. 27 апреля 1915 года дивизион полка в составе 5-го и 6-го эскадронов под общим командованием ротмистра Э. П. Алтунжи также в конном строю у деревни Чернелица атаковал наступающую австрийскую пехоту, смял её и обратил в бегство, захватив при этом 240 пленных³⁴. Но, как известно, награждение отличившихся частей коллективными наградами планировалось производить после победоносного окончания войны, поэтому полк этой награды так и не увидел. Как уже отмечалось, Г. А. Бако и Э. П. Алтунжи за эти подвиги были награждены орденом Св. Георгия IV степени.

Е. В. Макаренко

Операции эскадры Черноморского флота по подавлению фортов Босфора в 1915 году

В 2015 году исполнилось 100 лет со времени проведения англо-французскими войсками печально известной Дарданелльской операции. Определённую роль в ней сыграли и действия Российского императорского Черноморского флота. Несколько походов, совершённых эскадрой ЧФ к Босфору в целях уничтожения его укреплений и батарей, способствовали действиям англо-французских сил в Мраморном море и на Галлиполийском полуострове. Однако они не имели решающего значения ни в событиях, повлёкших за собой провал планов Англии и Франции по захвату Дарданелл, ни в причинах отказа России от проведения десантной операции по захвату Босфора в 1915 году.

На 1915 год Ставка поставила Черноморскому флоту те же задачи, что и в начале войны: не допустить высадки крупного десанта на нашей территории и в районе Юго-Восточной Анатолии, препятствовать снабжению Анатолийской турецкой армии, избегать боя в неравных условиях, т. е. вблизи Босфора, разделение главных сил допускать лишь в крайних случаях. Десантная экспедиция к Босфору планировалась только в случае успеха на главных фронтах. По сути, основные задачи флота оставались оборонительными [6, с. 364]. В свою очередь германо-турецкое командование видело своей главной задачей обеспечение доставки угля из Зунгулдака, снабжение своих войск на Кавказском фронте и демонстрацию флага у побережья России.

В январе и феврале 1915 года русская эскадра действовала в восточной части моря, уничтожая турецкие транспорты. Произошло несколько столкновений с турецким флотом. 4 января турецкий «Гамидие» столкнулся с крейсером «Кагул» и четырьмя эсминцами. Корабли сблизались и вступили в перестрелку. Она закончилась безрезультатно, противники разошлись.

Поражения турецких войск на Кавказском фронте заставили командующего германо-турецким флотом адмирала В. Сушона активизировать крейсерские операции в восточной части Чёрного моря. Им противодействовали главные силы Черноморского флота, а эскадренные миноносцы осуществляли операции против берега. Эта деятельность была прервана 17 февраля директивой Ставки, которая в связи с началом англо-французскими силами Дарданелльской операции запрещала главным силам выходить из Севастополя без особой необходимости. Видимо, Ставка была уверена

Пропагандистский плакат «У стен Царьграда». 1914 г.

ного корпуса против Дарданелл. ЧФ предписывалось провести у Босфора демонстрации, которые в зависимости от достижения союзниками успеха в проливах могли быть развиты до высадки десанта и занятия Босфора совместно с флотом союзников.

Последовавшие вскоре неудачи англичан и французов в Дарданельской операции сделали невозможным занятие Босфора десантом, и реальной помощью союзникам от России могли стать демонстрации её флота у Босфора для обстрела его укреплений с последующей высадкой десанта. Чтобы у турок не оставалось в этом никаких сомнений, в Одессу без соблюдения режима секретности перевозились войска и стягивались корабли Транспортной флотилии ЧФ. Угроза высадки русского десанта не позволила турецкому командованию сдвинуть с места ни один из четырёх корпусов, размещённых для обороны Босфора и Константинополя, сделала невозможной переброску тяжёлых орудий из Босфора на Галлиполийский полуостров.

Первый лорд английского адмиралтейства Уинстон Черчилль 5 марта 1915 года обратился к русскому верховному главнокомандованию с просьбой о начале бомбардировки внешних укреплений Босфора кораблями ЧФ. Для координации действий была установлена связь между командующими флотами Эбергардом и Карденом. Российскую сторону у союзников представлял капитан 2-го ранга М. Смирнов, в обязанности которого входило освещение действий английского флота у Дарданелл.

14 марта 1915 года Смирнов сообщил Эбергарду, что русскому флоту необходимо начать бомбардировку Босфора за четыре дня до окончания прорыва союзников через Дарданеллы. Основываясь на своих личных впечатлениях и не имея информации обо всех нюансах действий как союзников, так и турецкого командования, находившегося под прямым влиянием, а по сути, управлением германских офицеров, Смирнов заявил, что турецкие крупнокалиберные батареи приводятся к молчанию через час после начала обстрела двумя дредноутами, что турецкие 355-мм снаряды производят ничтожное действие по кораблям, а минные заграждения легко вытраливаются. Он считал, что появление англо-французского флота у стен Царьграда — вопрос ближайших дней и что тогда турки заключат мир на любых условиях, поэтому бомбардировку Босфора необходимо начать как можно скорее, даже согласившись с возможными потерями в корабельном составе. Как показало дальнейшее развитие

в успехе операции и не хотела рисковать русскими кораблями (вскоре её позиция кардинально изменилась). Всего же с 1 января по 17 февраля 1915 года русский флот уничтожил четыре турецких парохода и около 120 парусно-моторных судов [6, с. 370].

19 февраля Ставка сообщила командующему ЧФ А. А. Эбергарду, что в ближайшее время предполагаются действия англо-французского флота с участием их десант-

событий, эти рассуждения были преждевременными и даже легкомысленными. Тем не менее механизм был запущен. Флот стал готовиться к бомбардировке Босфора.

Понимая недостаточность сил для овладения Босфором, Ставка считала, что в случае захвата проливной зоны союзниками Россия потеряет выход в Средиземное море. Поэтому она потребовала перехода к более активным действиям по блокаде Босфора и в то же время призывала не подвергать старые броненосцы особому риску. С каким противодействием могли столкнуться русские корабли, подойдя к Босфору и (или) намереваясь высадить десант на его берега? К 1914 году пролив защищали 11 батарей, семь из которых находились на европейском берегу, а четыре — на азиатском.

Европейский берег защищали батареи:

- Килия — шесть-семь 150-мм коротких пушек Круппа образца 1875 года; укрепления представляли собой старинный четырёхугольный каменный форт; пушки открыто стояли за брустверами;
- Киречь-Кени — четыре 150-мм короткие пушки Круппа; в шестиугольном земляном укреплении пушки стояли открыто;
- Телли-Табия — две 150-мм скорострельные пушки Армстронга на тумбах со щитами, с длиной ствола 45 калибров и две 240-мм мортиры Круппа;
- Румели-Кавак — две 355-мм пушки Круппа и одна 240-мм пушка Круппа, все с длиной ствола 35 калибров, изготовленные в 1880-х годах; находились за земляными валами; к 1915 году на батарее установили шесть 150-мм современных пушек;
- Сары-Таш — две 240-мм крупновские пушки с длиной ствола 35 калибров 1880-х годов и две 240-мм крупновские пушки с длиной ствола 23 калибра 1870-х годов; батарею защищал земляной вал высотой 11–19 м;

Схема расположения турецких батарей в Верхнем Босфоре

- Биюк-Лиман — две 150-мм пушки Круппа с длиной ствола 35 калибров, которые находились за земляным валом;

- Мавромоло — четыре 210-мм пушки Круппа в одноорудийных башнях (бронекуполах), построена в 1910–1911 годах.

Азиатский берег защищали батареи:

- Анатоли-Кавак — две 210-мм и шесть 150-мм пушек Круппа 1870-х годов, их прикрывал земляной вал; в 1906 году над ней построили ещё одну батарею из четырёх 240-мм пушек Круппа 1880-х годов с длиной ствола 35 калибров; они стояли за бетонным бруствером;

- Маджар-Кале — девять 150-мм и два 120-мм скорострельных орудия, укрепления были земляными;

- Филь-Бурун — три 150-мм короткие пушки Круппа 1870-х годов, укрепления были земляными;

- Кичели-Бай — построена в устье реки Кичели в 1907 году, за земляным бруствером установили четыре 240-мм пушки Круппа с длиной ствола 35 калибров 1880-х годов.

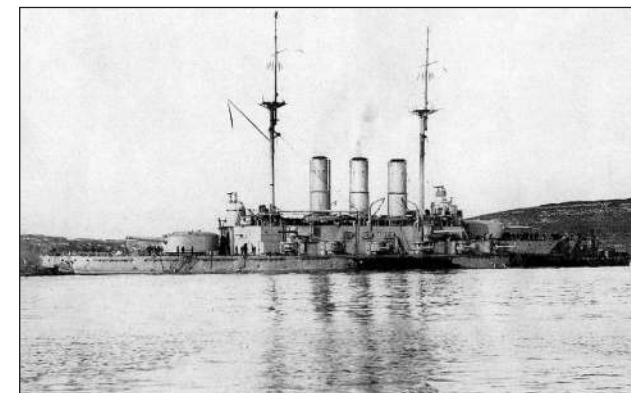
Из всех этих орудий новыми были только две пушки Армстронга и четыре пушки Круппа. Все остальные спроектированы в 1860–1880-х годах и использовали снаряды с дымным порохом. Один выстрел они могли сделать за 3–8 минут. Скорость горизонтального наведения не позволяла сопровождать корабль, шедший по проливу с большой скоростью. Земляные укрепления турецких батарей могли защитить от старых боеприпасов, но современные снаряды, начинённые тротилом, разнесли бы их в клочья. Кроме того, со стороны суши турки не строили серьёзных укреплений. Только с началом войны отрыли окопы и натянули проволочные заграждения. Теоретически всё это говорило об успехе возможного десанта русских сил в Босфор. Однако всё решали политики [7, с. 528–531].

В Ставке было решено оказать содействие союзникам. После получения информации от английского командования о планах по прорыву англо-французского флота в Мраморное море командование ЧФ наметило проведение операции по бомбардировке Босфора на 28–31 марта 1915 года. Целью операции был определён обстрел верхних босфорских укреплений и крейсерство эскадры вдоль побережья Угольного района для уничтожения кораблей противника и обстрела мест добычи угля. Для участия в операции привлекалась гидроавиация: пять гидросамолётов на гидроавиатранспорте «Николай I» и один на крейсере «Алмаз».

По плану операции, на рассвете корабли флота подходят к Босфору. Линкоры «Три Святителя» и «Ростислав» отделяются от основных сил и под проводкой тральщиков и миноносцев и с дистанции до 60 кабельтовых от входа в Босфор обстреливают, идя средним ходом, турецкие батареи верхнего Босфора, находившиеся по обоим берегам пролива. Гидросамолёты в это время должны были вести разведку и бомбардировку кораблей противника и его батарей. Остальные корабли, находясь мористее, на глубинах более 200 м, ожидают возможного выхода из пролива крупных кораблей германо-турецкого флота для связывания их боем. В случае появления «Гебена» бомбардирующие линкоры отходят на соединение с основными силами. При хорошей погоде операцию можно было повторить.

27 марта 1915 года пять старых линкоров ЧФ: «Евстафий», «Иоанн Златоуст», «Пантелеймон», «Три Святителя», «Ростислав», три крейсера: бронепла-

лубные крейсера «Кагул» и «Память Меркурия», крейсер 2-го ранга «Алмаз», минная бригада в составе 10 эсминцев («Гневный», «Пронзительный», «Дерзкий», «Жуткий», «Живучий», «Лейтенант Пуцин», «Завидный», «Заветный», «Звонкий» и «Зоркий») и шесть тральщиков вышли из Севастополя и взяли курс на Босфор. 28 марта в 6 ч. утра эскадра подошла к турецкому берегу. По

Линкор «Евстафий»

сигналу командующего флотом (флаг на «Евстафии»), линкоры «Три Святителя», «Ростислав», крейсер «Алмаз», гидроавиатранспорт «Император Николай I», охраняемые миноносцами, за тральщиками направились к Босфору. Оставшиеся два крейсера несли дозор. Основные силы оставались в 12–15 милях от Босфора. Горизонт был чист, море в лёгкой дымке, волнение моря один балл, внутренность пролива хорошо просматривалась. В 7 ч. авианесущие корабли в 10 милях от пролива спустили на воду гидросамолёты. Линкоры продолжали двигаться к побережью. В 7 ч. 20 мин., когда тральщики были уже в 80 кабельтовых от берега, турецкие батареи открыли огонь, но безрезультатный. В 7 ч. 30 мин. гидросамолёты получили приказ «не увлекаться бомбометанием: главная задача — разведка».

Русские гидросамолёты турки встретили шрапнельным и ружейным огнём, но тоже безрезультатным. Вскоре лётчики сообщили, что в устье пролива находятся два небольших миноносца и немного глубже — третий, более крупного размера.

С подходом линкоров к этой же дистанции в районе мыса Эльмас, у азиатского берега, был замечен однотрубный пароход, который, идя полным ходом, пытался прорваться в Босфор. Навстречу ему, сигналив прожекторами, шли два турецких эсминца. В условиях отличной видимости «Три Святителя» открыл огонь с дистанции 65 кабельтовых, достигнув с третьего выстрела первого попадания в пароход. Когда тот повернул к берегу, чтобы уйти под защиту батарей Эльмаса, новое попадание в корму вызвало пожар. С линкора наблюдали, как команда парохода спускает шлюпки и покидает горящий корабль. Через полтора часа на нём произошёл сильный взрыв. «Ростислав» сделал два залпа по миноносцам, вынудив их вернуться в пролив.

После этого «Три Святителя» в 10 ч. 30 мин., выдерживая скорость шесть узлов, следуя курсом за тральщиками, открыл огонь по турецким батареям — сначала на азиатском берегу, в районе мыса Эльмас, а затем по укреплениям в районе Анатоли-Фенер. Следуя в кильватер головному кораблю, «Ростислав» вёл стрельбу по тем же целям после окончания стрельбы «Трёх Святителей». Этот обстрел продолжался до 11 ч. 50 мин. По мысу Эльмас было выпущено шесть 305-мм фугасных снарядов и пятьдесят 152-мм с «Трёх Святителей» и десять 254-мм снарядов с «Ростислава». По Анатоли-Фенер расстреляли девять 305-мм фугасных

Линкор «Три Святителя»

подтвердили наличие нескольких прямых попаданий в батареи и взрыв на одной из них, давший характерный столб дыма. В 11 ч. корабли повернули на обратный курс и с той же дистанции обстреляли батареи на румелийском берегу, в районе Панас-Бурну, израсходовав девятнадцать 305-мм и пять 254-мм фугасных снарядов. Пересекая линию пролива, линкоры видели ближайшие внутренние турецкие батареи, но не могли их обстрелять, так как угол возвышения башенных орудий главного калибра не позволял стрелять на такой дистанции.

Начальник бригады кораблей считал результаты стрельбы удачными для данных условий, когда батареи противника себя не обнаруживали и были хорошо укрыты. В то же время сильное проливное течение, исследованное когда-то знаменитым С. О. Макаровым, за полчаса сносило корабли на 1,5 мили, что затрудняло точное траление и удержание линкоров на одном курсе совместно с тральщиками. Таким образом, русские корабли действовали крайне осторожно и не входили в зону поражения огнём турецких батарей.

К 12 ч. 30 мин. корабли закончили обстрел и отошли на присоединение к основным силам. На «Евстафий» был поднят сигнал: «Поздравляю флот с историческим днём первой бомбардировки укреплений Босфора» [5, с. 241]. После этого, построившись в походный порядок, корабли ЧФ отошли к северу, и остаток дня и ночь провели в открытом море, рассчитывая с рассветом подойти к Босфору для повторения бомбардировки.

29 марта в 6 ч. утра флот снова подошёл к Босфору. Погода почти не изменилась, только туман был гуще, очертания берегов едва просматривались. К обстрелу вражеских батарей привлекались те же корабли, однако боевая задача была несколько изменена. План маневрирования оставался тем же. «Ростислав» должен был обстрелять вчерашнюю батарею на мысе Панас-Бурну, «Три Святителя» — две батареи, вооружённые новыми пушками южнее Румели-Фенер. В случае ответного огня турок разрешался выбор целей самостоятельно. Гидросамолёты должны были вести разведку Босфора и корректировать стрельбу, по возможности пролететь в глубину пролива, чтобы определить местоположение «Гебена». Особо подчёркивалось, что выполнение этих задач лётчики должны осуществлять только на исправных самолётах.

снарядов и шесть 254-мм. По наблюдениям с кораблей и гидросамолётов, снаряды ложились кучно, но степень разрушений определить было невозможно, так как из-за лёгкой дымки прицельный огонь вести было невозможно, и обстрел вёлся по площадям. Ответного огня турки не открывали.

К этому времени лётчики донесли, что вплоть до бухты Золотой Рог в проливе крупных кораблей нет. Они

В 7 ч. 10 мин. оба линкора совместно с тральщиками и миноносцами направились к побережью. Вылет самолётов задержался из-за того, что штаб своевременно не сообщил пилотам, какие цели и в какой последовательности будут обстреляны, без чего корректировка стала бы невозможной. В 7 час. 30 мин. линкоры получили приказ обстрелять противника не только главным, но и средним калибром, и внутренние батареи, если они хорошо видны. В 8 час. 10 мин. гидроавиатранспорт «Император Николай I» спустил на воду первый гидросамолёт, вылетевший к Босфору.

Однако в этот день бомбардировка Босфора не состоялась. По мере приближения к проливу туман всё более сгущался и в 9 ч. так усилился, что головной миноносец, шедший впереди каравана тральщиков, на расстоянии 17 кабельтовых был почти не виден. На расстоянии 70 кабельтовых от пролива начальник отряда, убедившись в невозможности бомбардировки, отдал приказ повернуть на соединение с отрядом прикрытия, сообщив об этом по радио командующему флотом.

Во время поворота на обратный курс головной миноносец и первая пара тральщиков обстреляли турецкий миноносец. В 10 ч. 50 мин. русские корабли соединились. Практически одновременно со стороны Босфора показался гидросамолёт, пилот которого цветными дымками показал, что видит «Гебен». Действительно, в 11 ч. 20 мин. в глубине пролива показались густые дымы. С гидроавиатранспорта, поднимавшего самолёты, пришла радиogramма о выходе из Босфора всего турецкого флота во главе с «Гебеном» и «Бреслау». Увы, выход кораблей противника так и не состоялся. Воздушная разведка сильно преувеличила опасность. Скорее всего, за вражескую эскадру приняли два турецких миноносца, которые действительно сильно дымили и были замечены в устье пролива вдоль его обоих берегов.

Корабли ЧФ до вечера того же дня держались в районе Босфора и, не дождавшись появления противника, направились в крейсерство вдоль Анатолийского побережья.

Таким образом, операция Черноморского флота по бомбардировке укреплений Босфора фактически носила демонстрационный характер и никак не повлияла на оперативные планы противника. Русское командование не знало о том, что в этот же день был завершён ремонт пробойны в левом борту «Гебена», и Сушон планировал возобновить нападения на российские порты. 30 марта корабли ЧФ совершили набег на Зунгулдак в целях уничтожения объектов угледобычи. Здесь тоже использовали гидросамолёты, они вели бомбардировку. Эта операция также не нанесла существенного ущерба, так как бомбометание было неточным, а эффективность стрельбы кораблей снижалась из-за расположения целей в складках местности и на обратных склонах.

В то же время в Одессе в демонстративных целях сосредотачивались транспорты и войска 5-го Кавказского корпуса для десанта в Босфор. Германо-турецкое командование, считая, что после обстрела Зунгулдака русский флот будет находиться в Севастополе, решило совершить набег на Одессу с целью продемонстрировать русскому командованию невозможность переброски десанта из Одессы к Босфору или на побережье Болгарии. В операции участвовали два лёгких крейсера и четыре миноносца. 1 апреля корабли вышли из Босфора. Утром 3 апреля они подошли к Одессе, но, находясь в районе Одесской банки, крейсер «Меджидие» подорвался на mine. «Ввиду того, что из-за небольшой глубины корабль не мог окончательно затонуть, были приняты меры к уменьшению его

боеспособности, затворы орудий выброшены за борт, а радиостанция уничтожена. Эскадренные миноносцы сняли команду крейсера, и в 7 ч. 20 мин. «Ядигар», по приказанию командующего отрядом, выпустил торпеду для окончательного уничтожения крейсера. Торпеда попала в кормовой погреб: корабль выпрямился, а затем погрузился так, что остались торчать только трубы, мачты и верхние мостики» [2, с. 83–84]. Гибель крейсера сорвала эту операцию.

В период с 2 по 5 апреля 1915 года эскадра ЧФ выходила к Босфору для перехвата линейного крейсера «Гебен» и лёгкого крейсера «Бреслау». Боестолкновение не принесло победы ни одной из сторон. Вернувшись в Босфор, «Гебен» продолжил ремонт, а русский флот 15 апреля снова обстрелял Зунгулдак и 25 апреля повторил обстрел Босфора, ведя огонь с большой дистанции.

Первого мая 1915 года корабли ЧФ в составе пяти линкоров, трёх крейсеров (те же, что и в походе к Босфору 27–29 марта), минной бригады в составе десяти миноносцев и четырёх минных заградителей («Ксения», «Алексей», «Константин», «Георгий»), используемых в качестве тральщиков, вышли из Севастополя для очередной бомбардировки Босфора.

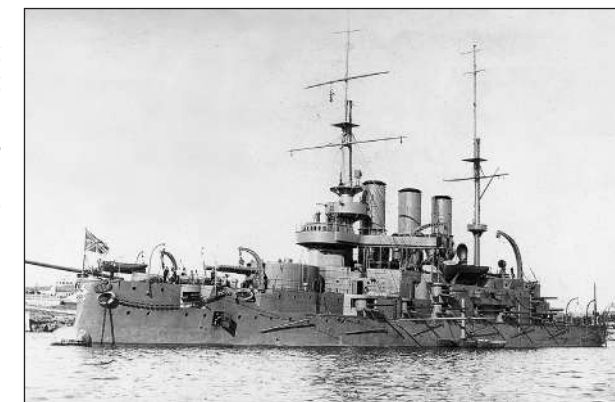
Флот подошёл к проливу 2 мая в 5 ч. 15 мин. Погода была ясной, море спокойным, видимость отличной и пролив совершенно чист. В 7 ч. гидроавиатранспорт «Император Николай I» начал спуск самолётов. Их заданием была только разведка, поэтому самолёты вылетали поочерёдно. Один турецкий пароход спешно ушёл вглубь пролива, других вражеских кораблей не наблюдалось. Поэтому в 7 ч. 15 мин. линкоры «Три Святителя» и «Пантелеймон», назначенные к бомбардировке, вместе с минзагами-тральщиками отделились от основных сил и направились к проливу. Из-за задержки с постановкой тралов на минзагах линкоры встали в кильватер тральщикам и двинулись к Босфору только в 8 ч. 40 мин. К этому времени лётчик вернувшегося из разведки гидросамолёта сообщил, что в проливе, вплоть до Золотого Рога, крупных кораблей нет, под берегом укрываются два миноносца, а районе Румели-Фенер находятся подводная лодка и два тральщика.

В 9 ч. 47 мин. с расстояния 58 кабельтовых линкоры, поддерживая 6-узловый ход, открыли огонь по турецким батареям, расположенным в районе Эльмас, Фенераки, Каридже, Беюк-Лимана и Килии. «Пантелеймон», имевший большую дальность огня, обстрелял районы Филь-Бурну и батареи нижнего и верхнего Анатоли-Кавака. После этого огонь был перенесён в сторону румелийского берега и с расстояния 54–63 кабельтовых обстреляны батареи Килии.

В 10 ч. 40 мин. в районе Килии был замечен бурун, движущийся по направлению к кораблям. Линкоры обстреляли его 152-мм артиллерией и после первых накрытий он исчез. Завершив обстрел Килии, линкоры легли на обратный галс, чтобы повторить бомбардировку. Как только корабли вошли в зону пролива, внутренние батареи турок открыли огонь. С азиатского берега (батарея Маджар) стреляли мортиры, а с батарей в районе Румели-Кавака — пушки. Противник вёл огонь с большими недалётами, до 15–20 кабельтовых. Корабли ЧФ в свою очередь продолжили обстрел, в результате которого в районе мыса Эльмас за фортом Рива произошёл сильный взрыв и начался пожар.

В 11 ч. 45 мин. линкоры начали отход на соединение с основными силами. При этом «Пантелеймон», шедший концевым, до 12 ч. продолжал стрельбу кормовой башней. Таким образом, бомбардировка продолжалась немногим более двух часов.

«Три Святителя» израсходовал пятьдесят шесть 305-мм и сто девяносто пять 152-мм снарядов, «Пантелеймон» — сто десять 305-мм и триста тридцать три 152-мм снарядов. На протяжении всего периода бомбардировки в воздухе, сменяя друг друга, находились пять гидросамолётов. Один из них из-за неисправности двигателя приводнился вблизи Босфора и был отбуксирован к гидроавиатранспорту спущенным с него паровым катером. Лётчики сообщили, что неприятель не показал намерений к выходу из Босфора. В 13 час. 35 мин. отряд, бомбардировавший Босфор, соединился с отрядом прикрытия. Корабли ЧФ отошли в море дальше от пролива, где крейсировали ночью.

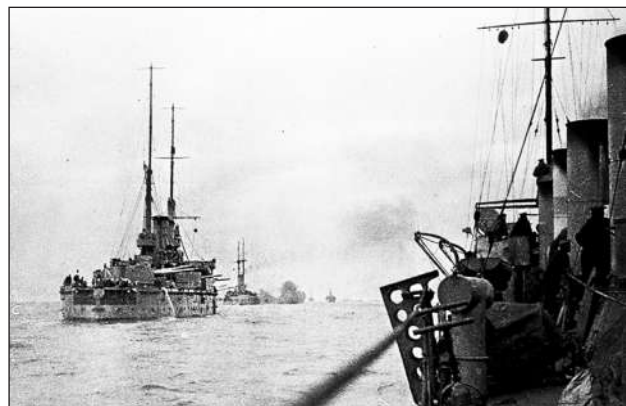

Линкор «Пантелеймон»

Одновременно с бомбардировкой Босфора по приказу командующего флотом на рассвете 2 мая крейсера «Кагул» и «Память Меркурия» ушли в обход побережья Угольного района с целью уничтожить турецкие суда, находившиеся в местах погрузки угля. Итогом этого рейда стало уничтожение одного небольшого парохода в Козлу и парусного барка. В 21 ч. 30 мин. того же дня крейсера соединились с основными силами флота и приступили к несению дозорной службы.

На рассвете 3 мая 2015 года корабли ЧФ подошли к Босфору для повторения бомбардировки. Учтя разведанные, полученные пилотами, о наличии у турок в проливе подводных лодок, командование признало рискованным отправлять для бомбардировки «Пантелеймон». В случае удачной атаки на него подводной лодки 1-я бригада линкоров (состоявшая из более новых линкоров-додредноутов) теряла одну треть своей боевой мощи. Если бы ей пришлось принять бой с «Гебенном», прикрывая «Пантелеймон», то она оказывалась в крайне неблагоприятных условиях. Вот почему вместо «Пантелеймона» для обстрела Босфора был выделен «Ростислав». Для обеспечения свободы действий линкоров и снятия для них ограничений по скорости хода тральщики и миноносцы вышли к Босфору заранее, чтобы линкоры двигались по трём заранее протраленным районам у европейского побережья пролива, в районах Кара-Бурну и Чатаджи.

В 6 ч. авианесущие корабли отделились от основных сил и направились к Босфору. Погода стояла тихая, на море была лёгкая зыбь, берега пролива окутаны туманом. В 7 ч. «Император Николай I» спустил первый гидросамолёт, который, вернувшись из разведки через 40 мин., сообщил, что в проливе судов нет. К 9 ч. туман в проливе ещё более сгустился, зыбь значительно усилилась. В 9 ч. 25 мин. из-за зыби полёты гидросамолётов пришлось прекратить, так как посадка на воду стала рискованной. Кроме того, второй самолёт, вернувшийся из разведки, сообщил, что в районе Босфора стоит густой туман высотой до 200 м, не позволяющий вести наблюдение и ориентироваться во время полёта. Командование флота считало, что туман ко времени окончания траления заданного района рассеется и операцию можно будет про-

Линкор «Ростислав»
во время первой бомбардировки Босфора

не Кара-Бурну и укрепления на правом фланге Чаталджинских позиций. Этот обстрел должен был убедить турок в намерениях русских высадить десант на европейском берегу. В 12 ч. 45 мин. возобновила полёты гидроавиация. Лётчики получили задание наблюдать за Босфором или оставаться в районе операции в зависимости от погодных условий. Из сообщений пилотов выяснилось, что в Босфоре, в районе Кара-Бурну, по-прежнему нет кораблей противника.

В 14 ч. 40 мин. линкоры подошли к протраленным районам и начали бомбардировку. Сюда же подошёл крейсер «Кагул» с информацией о месте нахождения новых турецких батарей. Выстрелами крейсер собирался указать их местоположения линкорам. Погода в это время ещё улучшилась. Берег был отчётливо виден с русских кораблей. В 14 ч. 50 мин. с дистанции 55 кабельтовых «Три Святителя» открыл огонь из 152-мм орудий. «Ростислав» одновременно ударил главным калибром 254-мм башенных установок. Интересно, что его стрельбу корректировали флажными сигналами с «Трёх Святителей». «Ростислав» израсходовал тридцать девять 254-мм снарядов, «Три Святителя» — сто тридцать два 152-мм снаряда. Противник ответный огонь не открывал. Точные результаты обстрела так и остались неизвестными из-за отсутствия воздушного наблюдения. В 16 ч. 10 мин. бомбардировка завершилась, и в 18 ч. линкоры соединились с основными силами флота.

Отойдя на ночь мористее Босфора, утром 4 мая корабли ЧФ подошли к румелийскому побережью в район Инеады. В 6 ч. 20 мин. «Ростислав», пройдя по заранее протраленному району, подошёл к бухте Инеада и с расстояния 35 кабельтовых обстрелял почту и телеграф. Ни батарей, ни военных подразделений корабль не обнаружил, чему способствовала местность возле бухты, покрытая густым лесом. В это время гидросамолёты вели наблюдение за районом обстрела и даже сбросили несколько бомб на береговые сооружения. После этого, 5 мая 1915 года, корабли флота вернулись в Севастополь. Как и раньше, бомбардировка укреплений Босфора не привела к большим потерям и разрушениям у турецкой стороны. Черноморский флот в очередной раз показывал противнику своё превосходство и контроль над акваторией морского театра [4, с. 143–144].

вести. К 11 ч. ветер и зыбь поутихли, туман ослабел, так что можно было возобновить полёты гидросамолётов.

В 11 ч. начальник минной бригады сообщил, что две площади из трёх уже протралены, и прислал к основным силам миноносец «Зоркий» для проводки «Трёх Святителей» и «Ростислава» к району, откуда предполагалось начать обстрел Босфора. В этот раз они должны были обстрелять позиции турок в районе

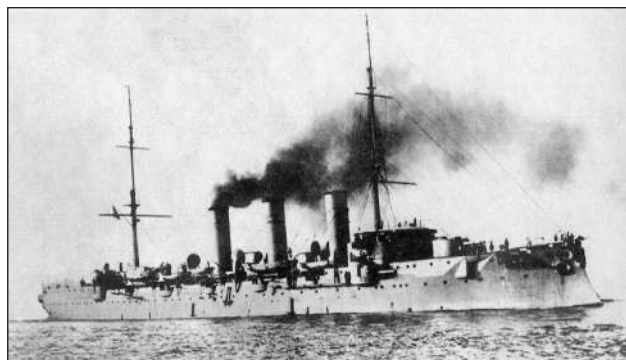
По приказу Сушона 6 мая в Чёрное море вышли «Гебен», «Бреслау» и «Гамидие». Не встретив противника, 8 мая они вернулись в Босфор. Командование ЧФ отслеживало действия вражеских крейсеров, и уже 9 мая эсминец и крейсер «Кагул» в районе Эрегли потопили три турецких угольных транспорта и высадили десант, который турки смогли отбить. Утром 10 мая русская эскадра в очередной раз подошла к Босфору для обстрела его укреплений. Для этого она разделилась на две части: линкоры «Три Святителя» и «Пантелеймон» с силами прикрытия подошли непосредственно к Босфору, а линкоры «Евстафий», «Иоанн Златоуст» и «Ростислав» прикрывали первую группу в 20–25 милях от пролива. Адмирал Эбергард считал, что угрозы со стороны подводных лодок нет и для проводки линкоров достаточно пары тральщиков («Ксения» и «Святой Николай»). Погода была тихой, с хорошей видимостью. Крейсер «Кагул» нёс дозор на западе, а крейсер «Память Меркурия» (флаг контр-адмирала Покровского) пошёл на восток до Зунгулдака. Линкоры «Евстафий» (флаг командующего флотом Эбергарда), «Иоанн Златоуст», «Ростислав», эсминцы «Беспокойный» и «Дерзкий» находились в 20 милях мористее Босфора.

В 6 ч. 50 мин. авианесущие корабли начали спуск гидросамолётов для разведки пролива. Турецкий дозорный эсминец «Нумуне» в 5 ч. 40 мин. опознал русские корабли и сообщил об их появлении на берег. В 7 ч. 10 мин. он открыл огонь по приблизившимся тральщикам Черноморского флота, но «Пантелеймон» несколькими залпами 152-мм орудий заставил его отвернуть. Передача информации о подходе кораблей ЧФ к Босфору на «Гебен» задержалась, так как русские корабли, соблюдавшие режим радиомолчания, утром 10 мая устроили сильные радиопомехи. Тем не менее по нескольким словам «Гебен» понял смысл переданной телеграммы и из района Кефкена повернул к Босфору. Совершая циркуляцию в сторону открытого моря, он приблизился к «Кагулу», который около 6 ч. 30 мин., заметив неизвестный дым, изменил свой курс в его сторону. Через несколько минут штурман точно определил, что незнакомый корабль — это «Гебен».

Радиограмма об обнаружении «Гебена» немедленно ушла на флагманский «Евстафий». Одновременно русский крейсер развернулся и, дав полный ход в 21 узел, взял курс на соединение с «Евстафием». «Гебен», решив, что русский крейсер станет лёгкой добычей, погнался за ним. Превосходство немецкого крейсера в скорости постепенно сокращало дистанцию между кораблями. Когда расстояние, первоначально составлявшее 160 кабельтовых, сократилось до 100, носовая башня «Гебена» открыла огонь. Первые залпы легли с недолётом, но затем снаряды стали падать вдоль бортов

Эсминец «Дерзкий»

Крейсер «Кагул»

«Кагула», вздымая огромные столбы воды. В этот критический для русского крейсера момент «Гебен» обнаружил основные силы ЧФ и прекратил огонь. «Кагул» отлично выполнил задачу несения дозора: своевременно обнаружил, распознал и вывел противника к основным силам флота. Справедливости ради необходимо отметить, что «Гебен» также обнаружил один из гидросамолётов, ко-

торый, не имея радиостанции, передал информацию на «Кагул» ракетным сигналом.

Адмирал Эбергард, получив сообщение о появлении «Гебена», в 7 ч. 5 мин. приказал «Трём Святителям» и «Пантелеймону» присоединиться к бригаде линкоров, авианесущим кораблям поднять на борт гидросамолёты и вместе с тральщиками и миноносцами отходить на северо-запад. Одновременно бригада линкоров на полном ходу в 16 узлов пошла навстречу «Трём Святителям» и «Пантелеймону». Вскоре на горизонте показался быстро приближавшийся «Гебен». Эбергард, чтобы не быть стеснённым в маневрировании минным заградителем, находившимся у Босфора, отдал приказ повернуть на север и уменьшить ход до шести узлов с целью ускорить соединение с остальными двумя линкорами. Командир «Гебена» решил вступить в бой с бригадой русских линкоров из трёх кораблей. Ему показалось, что они идут с большей скоростью и это отдаляет время присоединения к ней других кораблей. Фактически против десяти 280-мм современных орудий «Гебена» на тот момент корабли ЧФ имели только восемь 305-мм орудий на двух линкорах. 254-мм артиллерию главного калибра «Ростислава» серьёзным аргументом в этом бою считать было нельзя. В 7 ч. 50 мин. немецкий крейсер лёг на почти параллельный курс с русскими кораблями и, уменьшив ход до 15 узлов, открыл огонь. Спустя три минуты с расстояния 94 кабельтовых фугасными снарядами сделали первый залп «Евстафий» и «Иоанн Златоуст».

Получив приказ о присоединении к главным силам, командир «Пантелеймона» капитан 1-го ранга Каськов решил рискнуть и пошёл на соединение через непротраленный участок моря. Выжимая всё возможное из машин, линкор смог развить скорость более 17 узлов и, обогнав «Три Святителя», к моменту открытия огня находился ещё в двух милях от концевого «Ростислава». Так как «Гебен» оказался немного позади траверса «Евстафия», «Пантелеймон» смог самостоятельно открыть огонь по противнику. Его второй залп дал накрытие, и один снаряд попал в ящик противоторпедных сетей «Гебена». Силой взрыва этого снаряда со станка сорвало 152-мм орудие немецкого крейсера. Централизованная стрельба двух линкоров основных сил, которой управлял главный артиллерист «Иоанна Златоуста», сначала не ладилась. Кроме того, черноморцев слепило яркое солнце, которое, несмотря на наличие цветных стёкол на оптических приборах, затрудняло пристрелку. Уже через 10 мин. после начала боя «Пантелей-

мон» и «Три Святителя» заняли свои места в кильватерной колонне линкоров. К этому времени дистанция между противниками сократилась до 80 кабельтовых. С русских кораблей вступила в дело 203-мм артиллерия, но она стреляла с недолётами. В целях усиления действительности огня и ввода в бой всей артиллерии среднего калибра «Евстафий», а за ним и остальные корабли повернули на 35 градусов в сторону «Гебена» и увеличили ход до полного.

Дистанция быстро сокращалась. Корабли ЧФ вели плотный огонь, и «Гебен» часто скрывался в фонтанах воды от близко разрывавшихся снарядов. Один снаряд, пробив верхнюю и батарейную палубы в носовой части, разорвался на жилой палубе и заклинил носовую двухорудийную башню «Гебена». Другой снаряд разорвался под водой у нижней кромки броневоего пояса, повредив обшивку бортового коридора. В 8 ч. 06 мин. дистанция сократилась до 73 кабельтовых, и положение противника стало опасным. «Гебен» дал полный ход и быстро увеличил дистанцию. После 23 мин. стрельбы, в 8 ч. 16 мин., бой прекратился. По случайному стечению обстоятельств потерь в личном составе на «Гебене» не было.

Корабли ЧФ избежали повреждений. Немецкий крейсер вёл кучный огонь по «Евстафию», но не заметил, что русский линкор идёт малым ходом. Немецкие артиллеристы дали поправку по целику в расчёте на обычный ход русских кораблей в 15 узлов. Поэтому первые залпы легли впереди «Евстафия». После изменения целика один из следующих залпов упал у самого носа линкора, подняв стену воды, и от движения корабля её огромные массы обрушились на бак и мостик «Евстафия», совершенно скрыв его носовую половину. Видимо, это было принято за недолёт, и следующий залп дал перелёт. Вскоре артиллеристы «Гебена» нашли верный прицел, и снаряды стали ложиться у обоих бортов линкора. Один из них разорвался так близко, что «Евстафий» получил сильный толчок и качнулся, но это совпало по времени с увеличением скорости хода линкора, что опять сбilo прицел орудий «Гебена». За время боя линкоры выпустили сто шестьдесят девять 305-мм и тридцать шесть 203-мм снарядов, «Гебен» сделал сто шестьдесят выстрелов из башен главного калибра.

Через несколько минут после начала боя с линкорами «Гебен» был атакован подводной лодкой «Нерпа», выпустившей две торпеды, от которых он отклонился поворотом вправо. Для обеспечения прорыва в Босфор «Гебен» попытался оттянуть корабли ЧФ от пролива. Для этого он уменьшил ход и повернул на север. Русские корабли последовали за ним. После 12 ч. с целью атаковать линкоры «Гебен» увеличил скорость хода и начал огибать голову колонны бригады линкоров. Адмирал Эбергард последовал его движению и, прикрывая более слабые корабли, пошёл

Линкор «Три Святителя» в походе на Зунгулдак. 1915 г.

как бы по внутреннему кругу. В результате около 14 ч. дорога на юг оказалась отрытой и «Гебен» полным ходом ушёл в Босфор [4, с. 182].

Благодаря отличным действиям офицеров и команд кораблей ЧФ и ошибкам, допущенным «Гебеном», бой закончился успехом для русской стороны. В то же время он показал всю опасность даже кратковременного разделения бригады линейных кораблей ЧФ в случае столкновения с немецкими крейсерами.

Результаты обстрелов Босфора кораблями ЧФ были незначительными. Ущерб, нанесённый турецким фортам и батареям, был не критичным, потери турок в личном составе «смешными»: около 20 человек. Единственным успехом можно считать полученный психологический эффект: турки не решились снять с обороны Босфора ни одного орудия, ни одного солдата для помощи Дарданеллам. Правда, и помощь со стороны России союзникам по Антанте не принесла большой пользы. Дарданелльская операция англо-французских сил провалилась. Турки выдержали натиск и без переброски подкреплений из Босфора.

25 мая 1915 года немецкая подводная лодка U-21 потопила у Дарданелл английский броненосец «Трайэмф», а 27 мая — броненосец «Маджестик», после чего 5 июня благополучно вернулась в Константинополь [1, с. 117–120]. Это событие заставило русское командование с ещё большей осторожностью отнестись к вопросу о бомбардировках Босфора линкорами ЧФ. По сути, походы эскадры ЧФ к Босфору и их результаты подтвердили правоту мнения адмирала А. А. Эбергарда, который считал их невозможными и опасными до вступления в строй новых линкоров-дредноутов типа «Императрица Мария».

Таким образом, походы кораблей ЧФ для бомбардировок Босфора в марте — июне 1915 года подтвердили господствующее положение Черноморского флота на театре военных действий (несмотря на вылазки «Гебена» и «Бреслау»), показали достаточно высокий уровень выучки и слаженности команд как в одиночных действиях, так и в составе соединения кораблей, правильность планирования и проведения данных операций, хорошо организованное взаимодействие и использование в интересах флота гидроавиации.

Бомбардировки Босфора кораблями ЧФ в 1915 году стали первым шагом по его полной блокаде и последующей закупорке с помощью минных заграждений, эсминцев и подводных лодок. Опыт походов к Босфору пригодился при планировании десантной операции в Босфор, намеченной на 1917 год и не состоявшейся из-за революции и начавшейся Гражданской войны.

Литература

1. *Больных А. А.* Дарданеллы 1915: самое кровавое поражение Черчилля. М. : Яуза ; Эксмо, 2014.
2. *Бунич И. Л.* Черноморская Цусима. М. : Яуза, 2004.
3. *Варнек П. А.* Демонстрация Черноморского флота у Босфора // Военная быль. Париж. — № 88.
4. *Лорей Г.* Операции германо-турецких сил, 1914–1918. СПб. : Полигон, 2004.
5. *Новиков Н.* Операции флота против берега на Чёрном море в 1914–1917 гг. М. : Воениздат, 1937.
6. Флот в первой мировой войне. Т. 1. М. : Воениздат, 1964.
7. *Широкорад А. Б.* Тысячелетняя битва за Царьград. М. : Вече, 2005.

А. А. Зубарев

Санитарные манёвры Черноморского флота накануне Первой мировой войны и опыт их использования в боевых действиях Российского императорского флота (1914–1916 гг.)

Великий русский учёный и врач академик Николай Иванович Пирогов в период Первой обороны Севастополя впервые выдвинул аксиому: «Война — это травматическая эпидемия» и заложил основы медицинской сортировки при массовом поступлении раненых с поля боя.

В начале XX века труды великого учёного-гуманиста были незаслуженно забыты. Поражение в Русско-японской войне выявило много негативных моментов в деятельности Российского императорского флота. В том числе и серьёзные недостатки в организации его медицинского обеспечения. Печальные уроки войны были подвергнуты обстоятельному изучению в многочисленных статьях, докладах и диссертациях морских врачей. Выдающееся значение в разработке организации и тактики медицинской службы флота имела диссертация Якова Кефели, возглавлявшего в тот период медицинскую службу Черноморского флота.

Опыт Русско-японской войны убедительно показал, что организация медицинского обеспечения имеет большое значение для сохранения боеспособности флота. «Минувшая война, — писал Яков Кефели в своей диссертации, — выдвинула с яркостью несоответствие организации санитарной службы на флоте... У нас были блестящие госпитали, чудные операционные на судах, солидные аптеки, опытные врачи, но всё это на практике слишком немного дало флоту во время войны»¹. В его фундаментальном труде рассматривались вопросы морской медицинской сортировки и эвакуации. Автор считал, что, кроме госпитальных судов, нужны транспортные медицинские суда, причём оба типа судов должны функционировать в мирное время для подготовки личного состава медицинской службы.

Он неоднократно защищал идею о необходимости взаимодействия и связи между кораблями и военно-морскими портами. Например, он об этом писал в со-

¹ Потери в личном составе русского флота в войну с Японией: статистическое исследование : дис. на степень д-ра медицины Я. И. Кефели. СПб., 1914.

ставленном им «Боевом авральном расписании для медицинской службы портов» и в планах проведения санитарных манёвров. Излагая своё особое мнение о мобилизационной подготовке медицинской службы флота, Яков Кефели в рапорте главному медицинскому инспектору флота 9 ноября 1909 года также отмечал необходимость согласованных действий медицинской службы кораблей и порта.

Впервые в истории Российского императорского флота санитарные манёвры были проведены в Севастополе 10 августа 1909 года. Основной задачей манёвров являлась практическая проверка пригодности «путевых ярлыков для раненых» при организации морской медицинской эвакуации.

Был разработан следующий план.

Манёвр будет произведён на линейных кораблях «Пантелеймон», «Ростислав», «Три Святителя», крейсере «Память Меркурия», транспорте «Прутъ» (госпитальное судно), канонерской лодке «Кубанец» и эскадренных миноносцах «Лейтенант Пушин» и «Живой». Черноморская эскадра в море рано утром вступит в бой с неприятелем. Бой продолжается два часа, в результате на трёх линейных кораблях, одном крейсере, одной лодке и двух миноносцах 800 человек раненых и убитых. После боя эскадра направляется в Севастополь. В пути начальник эскадры, выяснив число пострадавших на судах, даёт об этом знать командиру Севастопольского порта. Порт, в частности его санитарная служба, получив это извещение, готовится извлечь эскадру от раненых и убитых и разместить раненых в лечебные заведения. Для этой цели все наличные лечебные заведения порта готовятся к их приёму. В порту имеются в данный момент морской госпиталь на берегу и стоящее на рейде госпитальное судно «Прутъ». Медицинский инспектор порта по соглашению с флагманским доктором распределяет 300 раненых для госпитального судна «Прутъ» и 500 — для морского берегового госпиталя.

Для перевозки раненых в береговой госпиталь был составлен санитарный караван на 500 человек из четырёх больших портовых барж, оборудованных для этой цели Севастопольским портом, и двух баркасов, буксируемых судовым катером.

В береговом морском госпитале для переноски раненых была сформирована команда носильщиков из части госпитальной прислуги и 30 человек из Черноморского флотского экипажа при фельдфебеле.

Санитарные манёвры. Условно раненные на борту военного корабля. 1909 г.

Главным доктором Севастопольского морского госпиталя в свою очередь был отдан приказ, где подробно предусматривался порядок производства манёвров на территории госпиталя и были распределены роли участников — госпитальных врачей, фельдшеров, команды и чинов хозяйственной службы.

На санитарных манёврах также изучались многочисленные вопросы: организация

медицинской деятельности на кораблях в бою, осуществление морской медицинской сортировки, эвакуации и медицинского обеспечения военно-морских портов.

Разработанные комиссией русских морских врачей и практически испытанные в ходе санитарных манёвров ЧФ «путевые ярлыки для раненых» на IX Международной конференции Красного Креста в Вашингтоне в мае 1912 года были признаны международными. В 1914-м они были введены на кораблях военно-морских флотов не только России,

но и многих других морских держав. В несколько изменённом виде (по форме, но не по содержанию) до настоящего времени применяются практически во всём мире.

Военно-морскими врачами на основе научного исследования материалов о манёврах разрабатывались различные официальные положения, например «Правила врачебно-санитарной службы на судах флота», объявленные приказом командующего флотом от 2 июня 1909 года (д. № 287), которые регламентировали деятельность медицинской службы на кораблях Российского императорского флота в боевой обстановке во время событий Первой мировой войны.

Ранним утром, в 6 ч. 20 мин., 7 (20) октября 1916 года в Севастопольской бухте прогремели мощные взрывы. Столб пламени и дыма взметнулся на высоту 300 метров. Терпел катастрофу линейный корабль «Императрица Мария» — первый из трёх черноморских dreadnoughtов, вступивший в строй в ходе идущей войны. Экипаж корабля состоял из 1220 человек, в том числе 39 офицеров. Множество матросов и унтер-офицеров, находившихся в носовой части корабля, было убито, тяжело ранено, обожжено и сброшено силой взрыва за борт. Непосредственно на корабле погибли инженер-механик мичман Игнатъев, два кондуктора и 225 матросов. Более 600 человек нуждались в медицинской помощи, из них 85 человек были тяжелоранены. Вот здесь и пригодился в деле опыт санитарных манёвров, проведённых на Черноморском флоте накануне Первой мировой войны. С «Императрицы Марии» в госпиталь поступило 624 человека. Из них ни один не умер благодаря своевременным эвакуации и помощи. Так были спасены сотни жизней моряков.

На протяжении столетия, прошедшего с начала Первой мировой войны, использование опыта, приобретённого многими поколениями военных и военно-морских врачей по оказанию медицинской помощи раненым, позволило спасти жизнь десяткам, а может быть, и сотням тысяч участников военных конфликтов. И сегодня, когда в мире существуют вооружённые противостояния, этот опыт не потерял своей актуальности.

Раненые, поступившие в Севастопольский морской госпиталь с линкора «Императрица Мария» и сотрудники госпиталя. 1916 г.

О. П. Шкедя

Военный шпионаж в российской провинции накануне и в годы Первой мировой войны

(по материалам Государственного архива Республики Крым)

Как самостоятельная служба российская контрразведка появилась незадолго до Первой мировой войны. Приходится констатировать, что к началу XX века специального органа, который бы занимался противодействием иностранному шпионажу, в Российской империи не существовало. Частично эти функции выполняли военное и полицейское ведомства, пограничная стража, отдельный корпус жандармов, Министерство иностранных дел. Отсутствие чётко поставленных задач, координации в работе, межведомственная разобщённость своим следствием имели низкую эффективность контрразведывательного противодействия.

Начиная со второй половины XIX века Россия переживала бурный расцвет капитализма, сопровождавшийся открытием многочисленных фирм и компаний с иностранным капиталом и сотрудниками, по всей территории империи открывались филиалы зарубежных торговых фирм. Однако российские власти проявляли поразительную беспечность, не связывая работу этих фирм с возможностью ведения ими разведывательности. Основной упор делался на недопущение проникновения в империю революционных элементов, угрозе же иностранного шпионажа внимания практически не уделялось.

Русско-японская война выявила всю пагубность такого подхода. Японские агенты не только занимались дестабилизацией внутренней жизни России путём финансирования революционных элементов, поставок им оружия. Ими осуществлялся активный сбор информации военно-политического и экономического характера, что не могло не иметь негативных последствий для сражающейся на сопках Манчжурии российской армии. Уже вскоре после окончания боевых действий военное и полицейское ведомства России начали получать от офицеров-энтузиастов письма с обоснованием необходимости создания специальной контрразведывательной службы. Нередко эти письма содержали конкретные проекты.

Наконец, 8 июня 1911 года военным министром В. А. Сухомлиновым было утверждено «Положение о контрразведывательных отделениях» (КРО), которые были основаны при штабах военных округов. В соответствии с Положением на территории империи было учреждено 11 контрразведывательных отделений. Таврическая губерния вошла в состав Одесского КРО, который включал в себя

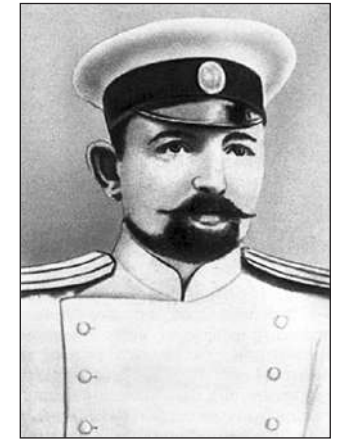
также территории Херсонской, Екатеринославской губерний и Бессарабской области. Возглавил Одесское КРО подполковник Аплечеев.

Контрразведывательные отделения находились в подчинении штабов военных округов, однако возглавляли их жандармские офицеры. В значительной степени КРО также комплектовались опытными в розыском деле офицерами, командированными из Отдельного корпуса жандармов. Однако не всегда это давало положительный эффект. Местное жандармское руководство не было заинтересовано в откомандировании своих лучших сотрудников, да и менталитет армейских и жандармских офицеров значительно различался, что также создавало дополнительные нюансы в их совместной работе. Помимо этого, по ряду направлений работы контрразведывательные функции на местах осуществлялись непосредственно жандармским ведомством.

Финансировались КРО также по линии военного ведомства, причём выделяемая сумма прямо зависела от «потенциального противника». Наибольшее внимание в тот период уделялось Германии и Японии. Поэтому Одесское и Тифлисское КРО, «специализировавшиеся» на считавшихся тогда относительно слабыми разведывательных службах Османской империи и государствах Балканского полуострова, получили наименьшее финансирование.

Как сказано выше, переживавшая бурный экономический рост Российская империя была буквально покрыта сетью иностранных торгово-промышленных фирм, обществ и представительств с тысячами служащих. Лидирующие позиции в этом плане занимал германский бизнес, который занимался не только получением прибыли, но и был нацелен на выполнение особых задач разведывательного характера. С традиционной системностью и основательностью немецкий бизнес проникал в важнейшие отрасли российской экономики от западных до дальневосточных границ империи. Причём наибольшая его концентрация наблюдалась в индустриально-промышленных регионах, военных центрах, вдоль важных транспортных магистралей. На юге европейской России наибольший интерес для немцев представляли Одесса и Севастополь. Всего же накануне войны на берегах Чёрного и Азовского морей было 12 немецких фирм [1]. По свидетельству российских контрразведчиков, не существовало «ни одного города в России, где бы не было немецких торговых предприятий и немецких или обслуживаемых немцами гостиниц и ресторанов».

В 1907 году министерство финансов Германии издало инструкцию, в соответствии с которой государственное казначейство выдавало специальные премии тем немецким фирмам, которые открывали свои представительства в России. Особое внимание немцы обращали на электрическую, металлургическую, химическую, лесную промышленность, на добычу твёрдого и жидкого топлива. В результате накануне войны немцам в Российской империи принадлежали все химические

*Н. С. Батюшин,
один из руководителей
русской контрразведки*

заводы, около 90% предприятий электротехнической промышленности, более половины металлургических и металлообрабатывающих заводов [2].

Указанная деятельность осуществлялась под неусыпным контролем промышленно-статистического отдела германского генерального штаба. Все немецкие фирмы, работавшие в России, получали из этого ведомства инструкции по организации экономической разведки. О том значении, которое военно-политические круги Германии придавали ведению разведывательной деятельности с позиций бизнеса, свидетельствует целый ряд секретных совещаний на высшем уровне, проведённых в предвоенные годы. Наиболее показательными в этом плане стали следующие.

В 1898 году в Берлине состоялось секретное совещание, собравшее высших представителей военного и морского ведомств, промышленности и торговли. На совещании были обозначены основные цели, стоящие перед немецкими промышленниками в иностранных государствах:

«1. Захват промышленности и торговли немцами и препятствие развитию туземной промышленности.

2. Захват государственных заказов, особенно военных, в руки немцев.

3. Выработка мероприятий, ведущих к уничтожению туземной промышленности в случае войны.

4. Проникновение германских промышленников и купцов во все правительственные учреждения.

5. Установление системы осведомления военного министерства немцами-промышленниками и купцами.

6. Выработка особых кредитов для возникновения и поддержки нужных для военных целей немецких предприятий в иностранных государствах» [3].

В 1902 году в Берлине неделю заседала комиссия рейхстага, вырабатывавшая указания немецким заграничным фирмам. В работе комиссии приняли участие высокопоставленные немецкие военные. В пунктах подготовленного итогового документа значилось, что немецкие фирмы, работающие за границей, «должны нести осведомительную службу в интересах Германии <...> в число своих служащих обязаны принять официальных агентов германского военного министерства <...> должны, не опасаясь убытков, принимать подряды и поставки в крепостных районах, на железнодорожных магистралях и в важных стратегических и узловых пунктах; германское казначейство восстанавливает все понесённые такими фирмами убытки; <...> должны следить за настроениями общества данной страны и за отзывами печати о Германии и о сношениях с нею» [4].

Фактически перед немецкими промышленниками, работающими за рубежом, в том числе и в России, ставилась задача не только по сбору сведений о развитии производительных сил государства пребывания, но и по всемерному противодействию такому развитию. Всё это продолжалось на протяжении нескольких предвоенных лет. Видимые же последствия проявились сразу после начала войны, когда на российских предприятиях с немецким капиталом резко сократился выпуск продукции, необходимой для военных целей, начали фиксироваться случаи диверсий и саботажа. Только в мае 1915 года был издан закон о ликвидации работавших в России немецких фирм. Разумеется, данная мера имела определённый положительный эффект для наращивания производства, но была явно запоздалой.

Классической иллюстрацией действий германской разведки в России является история с акционерным обществом по распространению швейных машин «Зингер и Ко», получившая в своё время широкую известность. Правление фирмы находилось в Гамбурге. Правление в России сначала располагалось в Санкт-Петербурге, а с июля 1912 года, в связи с распространением разговоров о грядущем столкновении с Германией, было переведено в Москву. В целом же фирма «Зингер» была представлена пятьдесят одним отделением в крупных городах и сотнями мелких магазинов, разбросанных по всей территории Российской империи.

О масштабах и формах работы «Зингер» свидетельствует информация, полученная отечественными спецслужбами. В декабре 1914 года Главным управлением Генерального штаба был подготовлен документ, характеризующий деятельность указанной фирмы. Структура представительства «Зингер» обеспечивала сбор информации по всей стране. В частности, Россия была разбита на четыре района во главе с вице-директором в каждом. Они объединяли деятельность нескольких центральных отделений фирмы в данном районе. Центральным отделениям подчинялись «депо», в непосредственном распоряжении заведующих которыми находились отдельные агенты на местах. Инспекторами и управляющими центральными отделениями состояли преимущественно немцы. Два-три раза в год директор Московского правления фирмы объезжал Россию вместе с представителем Гамбургского правления. Инспекторы районов объезжали свои районы не менее пяти-шести раз в год.

Согласно информации, полученной российскими контрразведчиками, сбор сведений осуществлялся следующим образом. «Каждый агент компании «Зингер» обязан изучить обслуживаемую им местность во всех отношениях и представлять несколько раз в течение года особые списки населённых пунктов, включительно до мелких выселков, с точным указанием числа дворов и жителей этих пунктов. В распоряжении заведующих «депо» имеются карты официального издания переселенческого управления, причём эти заведующие должны согласно полученным от агентов спискам населённых мест исправлять эти карты. Управляющие центральными отделениями, снабжённые картами издания военно-топографического отдела главного управления Генерального штаба, объезжая заведующих «депо» от 3 до 5 раз в год, делают в своих картах соответствующие пометки, обозначая места квартирования представителей администрации, расположения войск, складов, железнодорожных узлов, сооружений и исправляя по указаниям заведующих депо, число жителей, количество войск, рабочих на фабриках и т. п.» [5].

В интересах дела каждому заведующему «депо» вменялось в строгую обязанность заставлять своих агентов быть в самых лучших отношениях с администрацией, вплоть до стражников и исправников. С этой целью рекомендовалось продавать им машины в рассрочку с различными льготами и таким образом, чтобы это обходилось нужным покупателям дешевле, чем при приобретении за наличные деньги. В соответствии с инструкциями дела против представителей администрации за просроченные платежи не возбуждались.

Особое внимание уделялось развитию контактов с военнослужащими, от которых необходимо было получить сведения. Здесь уже имело место определённое разделение труда. Если простые агенты работали через прислугу, то заведующие

В. Г. Орлов, сотрудник русской контрразведки в Первую мировую войну

«депо» стремились установить личные знакомства с офицерами и чиновниками, а также отношения с писарями. Как свидетельствуют материалы судебных дел, одной из приоритетных целей немецкой агентуры было получение сведений, касающихся мобилизации, общего числа и годах призыва, об отношении к ней населения.

В июне 1914 года начальником Таврического губернского жандармского управления были дополнительно проинформированы уездные жандармские чины относительно деятельности фирмы «Зингер». В частности, по полученным сведениям, Германское разведывательное бюро в Берлине рассылало агентам по продаже швейных машин письма, написанные под копирку карандашом. Судя по их содержанию, они были адресованы не лицам, уже занимавшимся разведдеятельностью в соответствии с поставленными задачами, а простым торговцам, потенциальные возможности которых представляли для немцев интерес.

Думается, что содержание такого письма вызовет несомненный интерес читателя.

«Ваш адрес вместе с некоторыми сведениями нам доставлен агентами справочного бюро. Подобного рода сообщения сохраняются в абсолютной тайне, а цель их досягания — это доставить вам (конечно, с соблюдением наших абсолютных интересов) весьма солидный побочный заработок. Мы предлагаем вам доставлять нашему бюро «поставщик международных известий» все последние новости военного мира России, а главным образом из района вашего места жительства.

Размер гонорара наших гг. корреспондентов обыкновенно соответствует ценности доставляемого нам материала (известий), причём замечаем, что некоторые из них вознаграждаются внушительными суммами, достигающими иногда за каждый раз до тысячи рублей. Выполнение ваших обязанностей и вообще зачисление Вас в число корреспондентов «поставщик международных известий» с нашей стороны гарантируется соблюдением строжайшей тайны. Никаких формальностей и обязанностей мы на вас не возлагаем, так что даже самые близкие к вам лица не в состоянии будут знать о вашем побочном заработке. Все ваши письма к нам вы можете подписывать каким угодно вымышленным именем, так как мы будем уже знать по почтовым штемпелям, откуда и кто нам пишет. В знак согласия, что приняты наши предложения, достаточно выслать нам по нижеподанному адресу обыкновенную открытку — вид города, написав пару слов приветия и за какой угодно подписью. Мы рассчитываем на ваше согласие, на то, что вы будете нам полезны, после чего не замедлим выслать вам надлежащие инструкции. С совершенным почтением, «поставщик международных известий...» [6].

Сотрудникам киевской контрразведки удалось перехватить несколько писем, в которых представителям «Зингер» предлагалось писать в Бремен обо всех «новостях военного мира России, а главным образом, из района Вашего места жительства». Необходимо отметить тот факт, что даже во время войны, когда

продажи существенно сократились, компания «Зингер» продолжила открывать новые отделения и расширять агентурную сеть.

Уже во время войны, летом 1915 года, по всей стране в конторах и магазинах фирмы «Зингер» были произведены обыски, которые, к сожалению, дали достаточно скромные результаты. Документы компрометирующего характера российские контрразведчики обнаружили лишь в двух офисах. Многие из них немцы успели уничтожить, в частности, циркуляры правления и центральных отделений фирмы за 1913–1914 годы. В результате обвинения фирме так и не были выдвинуты.

18 сентября 1915 года вопрос о принятии мер в отношении фирмы «Зингер» рассматривался на уровне Совета министров Российской империи. Результаты правительственного заседания лишь свидетельствуют о масштабах разложения и предательства, поразивших высшие органы российской власти. Так, было принято решение не только приостановить вне театра военных действий дальнейшее закрытие отделений фирмы, но и открыть ранее закрытые заведения. Тем не менее, вопреки принятому на высшем государственном уровне решению, начальник Генерального штаба генерал М. А. Беляев приказал контрразведчикам продолжить наблюдать за деятельностью сотрудников «Зингер». И это дало свои результаты. Контрразведчикам удалось перехватить циркуляр помощника директора компании О. Кельвина, предназначенный заведующим магазинами «Зингер» в Петрограде. В циркуляре прямо было предписано собирать сведения военно-технического характера на оборонных предприятиях. В результате им удалось нейтрализовать несколько резидентур германской разведки [7]. Причём попались не просто рядовые сотрудники. Арестованы были сам О. Кельвин, оказавшийся резидентом германской агентурной разведки, и его коллега-разведчик Е. Грасгоф, работавший под прикрытием управляющего гельсингфорским отделением компании «Зингер».

В Таврической губернии центральное «депо» фирмы располагалось в Севастополе, что и не удивительно, если принимать во внимание значение города как военно-морской базы. Кроме этого, магазины располагались в Карасубазаре, Бахчисарае, Армянске, Старом Крыму. По указанным адресам в 1915 году также прошли обыски. Компромат так и не был обнаружен, хотя не исключено, что проведенными мероприятиями планомерная работа германских агентов по сбору информации была прервана.

Неотъемлемой частью раскинутой на территории Российской империи шпионской сети были германские страховые общества. В соответствии с установленными порядками обяза-

«Зингер» продолжил работать и после войны. Из коллекции Н. Шаповалова (Симферополь)

тельным условием страхования было предоставление клиентами максимальной информации о страхуемом имуществе, которая включала в себя планы фабрик и заводов, чертежи, описи имущества, земельных участков, сведения о движимом имуществе, транспортных средствах и т. п. Сбор и анализ данной информации позволял германскому генеральному штабу значительно расширить свои представления по ряду таких важнейших с военно-стратегической точки зрения вопросов, как производственные мощности российских фабрик и заводов, планы городов, количество запасов продовольствия, транспортные коммуникации, логистика, характер грузов и многое другое.

Практиковавшийся с позиций фирмы «Зингер» поиск агентуры путём направления писем — это только проявление индивидуального подхода. В поисках источников информации не гнушались немцы и более грубых и прямолинейных действий, выражающихся в публикации объявлений соответствующего содержания в газетах и журналах. Используя массовый подход, расчёт, по-видимому, делался на то, что хоть кто-нибудь, да клюнет.

Задолго до войны, в ноябре 1906 года, российский военный журнал «Разведчик» напечатал объявление немецкой фирмы «Даубе и Ко», в котором офицерам за вознаграждение предлагалось заняться «литературным творчеством». Никто на объявление внимания не обратил. Истина открылась совершенно случайно. Подпоручик 71-го пехотного полка Фоменко, решивший подработать журналистикой, написал по указанному в журнале адресу «Даубе и Ко». Надо отдать должное офицеру, что после получения ответа он написал рапорт в штаб Кавказского военного округа, в котором сообщил: «...предполагая, что речь идёт о составлении какой-нибудь энциклопедии, я написал в Германию по указанному адресу и просил сообщить, в чём должна будет состоять моя литературная деятельность...» Фоменко было предложено «за вознаграждение сообщать сведения, необходимые для военных целей» [8].

Чуть позже, уже с разрешения начальства, офицер разведки Виленского военного округа подполковник Вицунд также направил письмо по указанному в журнале адресу. В ответе, полученном из Кёнигсберга, ему также было предложено попробовать себя на литературном поприще. В частности, за гонорар 12 копеек за строчку представители «Даубе и Ко» просили русского офицера присылать материалы об организации полковых пулемётных команд и гаубичных батарей.

Реакция российского военного командования оказалась достаточно сдержанной. Всем начальникам штабов военных округов России всего лишь было приказано «принять меры, чтобы господа офицеры не входили в сношения с фирмой «Даубе и Ко» и ей подобными...» [9].

Не удивительно, что вышеизложенная практика продолжалась. В октябре 1913 года начальник Таврического губернского жандармского управления приказал своим помощникам в уездах обратить особое внимание на публикуемые в газетах объявления. По полученной информации, австрийская и германская военная разведка «стали помещать в русских и польских газетах объявления с предложением побочного дохода офицерам и чиновникам, возвращающимся в высшем обществе, или же в хороших местах на какой-то вновь открываемой железной дороге за границу служащим, или служившим на железных дорогах, желающим переменить службу на высшие оклады» [10].

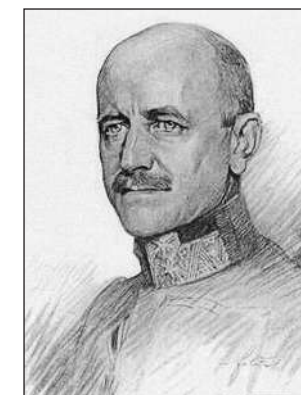
Когда желающие отзывались на такие публикации, то обыкновенно им сообщали, что о них собираются сведения «для испытания их служебных качеств» либо вообще об отсутствии вакансий в настоящее время. При этом, «желая оказать корреспондентам материальную помощь», им предлагалось предоставлять сведения о железнодорожных сооружениях, предполагаемых новых линиях, секретных распоряжениях по железнодорожному ведомству и т. п.

Накануне войны российской контрразведкой была получена информация об использовании германскими спецслужбами общества для поощрения коммерческих и промышленных сношений с Россией под названием «Русский курьер», которое располагалось в Берлине. Общество выпускало одноимённый ежемесячный журнал на русском и немецком языках, распространявшийся во многих городах Российской империи. В результате расследования было установлено, что через своих представителей на местах «Русский курьер» занимается сбором сведений военного характера. Корреспонденция же в него поступала из многих городов России, в том числе из Бердянска, Симферополя, Мелитополя, Керчи, Феодосии [11].

В этом же контексте можно упомянуть и художественно-торговое предприятие под названием «Чешско-Славянское бюро иллюстраций», использовавшееся в разведывательных целях австрийским генеральным штабом. Как было установлено российскими контрразведчиками, служащими «Бюро иллюстраций» являлись как действующие, так и отставные офицеры австрийской армии. В Россию они отправлялись под видом коммивояжёров после прохождения соответствующей подготовки, в том числе по фотоделу. Донесения имели вид заказа фотографического материала и направлялись по условному адресу «Jawa Wien». Для письменных секретных сообщений использовались симпатические чернила, проявлявшиеся при нагревании [12].

Вообще использование газет в разведывательных целях в тот период широко применялось в Европе. Как вспоминал после войны начальник разведывательного бюро Генерального штаба Австро-Венгрии Макс Ронге, серьёзнейшую опасность представляли обычные газетные объявления. Взять, к примеру, объявление: «Швейцарец, 35 лет, отлично знает бухгалтерию и ведение переписки, долго работал на руководящих должностях в Вене, имеет отличные рекомендации». Но за этим нейтральным текстом скрывалось сообщение итальянской разведывательной службы о том, что 35-я пехотная дивизия из Вены направилась в направлении Италии. Итальянское консульство в Берне ежедневно получало пакет, содержащий вырезки объявлений из австрийских и германских газет. Одно время австрийцами даже был поднят вопрос о необходимости изъятия объявлений из газет, направляемых за границу. Итальянцы же в начале 1918 года вообще запретили отправку за границу печатных материалов с объявлениями.

В процессе сбора различного рода разведывательной информации иностранные спецслужбы широко использовали проникновение своих кадровых сотрудников и агентуры под различными прикрытиями. «Научные экс-

Макс Ронге, начальник разведывательного бюро австрийского Генштаба

педии», ставящие своей целью якобы исследование природных богатств нашей страны, отправлялись из Германии в Россию начиная с 1905 года вплоть до войны. В первую очередь «учёных» интересовали промышленные районы, стратегические магистрали, военные объекты. Накануне и перед самой войной наплыв иностранцев в пределы Российской империи в целях сбора информации принимал всё большие масштабы. Можно привести следующие наиболее характерные примеры.

Ежегодно, с наступлением весны, в ряде пограничных губерний Российской империи появлялись группы бродячих музыкантов, германских подданных, снабжённых вполне законными документами на въезд в страну. По информации контрразведчиков, в их числе находились и запасные чины германской армии. В ходе организованного наблюдения за такими группами было установлено, что действовали они, по-видимому, на основании предварительных соглашений, так как между собой не конкурировали и работали каждая в определённом районе. Как указывалось в донесении: «...переходя пешком с места на место, они следуют не только по большим дорогам, но и по просёлочным и даже по лесным тропинкам, изыскивая кратчайшие расстояния к тем усадьбам, имениям, волостным правлениям, городам и местечкам, где они по разным случаям нанимаются играть» [13]. Таким образом, получались детальные сведения о топографических особенностях местности, которой в недалёком будущем предстояло стать театром военных действий.

В июне 1914 года жандармское руководство было уведомлено о «появлении в разных местностях иностранных туристов, которые, под видом пешеходов, совершающих кругосветные путешествия на пари, тщательно обследуют важные в стратегическом отношении местности». Непременным условием якобы заключённого иностранцами пари являлось не только хождение пешком, но и отсутствие денежных средств без права добывать их трудом. В соответствии с условиями пари деньги могли зарабатывать исключительно продажей собственноручно сделанных фотографических карточек. Однако отмечалось, что в действительности «туристы» для передвижения пользовались железнодорожным транспортом, нередко вели широкий разгульный образ жизни, нисколько в средствах не нуждаясь. Зачастую они неожиданно прекращали своё путешествие, получали от своих консулов плату и возвращались на родину.

Внимание контрразведчиков в этих путешествиях привлекали совершенная их бесцельность и возможность получить лишь самую ничтожную сумму от продажи открыток. «...Наконец, такие пешеходы прибегают иногда к тайному проживанию в той или другой местности, дают заведомо ложные сведения властям о местах, ими посещаемых, и своих личностях, поддерживают оживлённые письменные сношения с границей, прилагают особые стремления к получению сведений о воинских частях и военной администрации; разные туристы, якобы случайно впервые встречающиеся в данной местности, оказываются в действительности уже хорошо между собою знакомыми» [14].

В отношении ряда таких туристов было установлено наблюдение, произведены следственные действия. Их результаты позволили установить действующих под видом путешественников агентов иностранных разведок, имеющих своей задачей «не только тщательное, весьма осторожное и замаскированное собирание военных сведений, но и посещение постоянных шпионских организаций в России и деловую

связь с ними» [15]. Масштабы присутствия иностранцев в различных сферах жизни общества, случаи обнаружения в их среде агентов иностранных разведок побудили Отдельного корпуса жандармов подполковника Аплечева обратиться 5 ноября 1911 года с рапортом к начальнику Таврического губернского жандармского управления. Аплечев прямо указал на необходимость установления наблюдения за всеми проживающими в пределах губернии «иностранцами — владельцами магазинов и других каких-либо торговых заведений, иностранцами-комиссионерами, врачами, фотографами, учителями, ростовщиками и проч., для выяснения, не окажется ли среди них лиц, занимающихся военным шпионством или каким-либо образом причастным к таковому» [16]. Особое внимание предписывалось обратить на жён иностранных офицеров, их связи, о времени приезда к ним их мужей.

С началом войны значительную часть контрразведывательных функций в тыловых районах Российской империи осуществляло жандармское ведомство. В список поставленных задач входили в том числе наблюдение за иностранцами и их контактами с местными жителями, контроль за передвижением подозрительных и политически неблагонадёжных лиц, отслеживание настроений в различных слоях населения, надзор за военнопленными.

Действия, направленные на пресечение попыток зарубежных спецслужб перлюстрировать переписку государственных ведомств и учреждений, предпринимались ещё до войны. Они стали реакцией на действия иностранцев по приобретению агентуры среди почтово-телеграфных чинов, которые «в большинстве недостаточно обеспечены материально, а потому весьма склонны к увеличению получаемого содержания побочными занятиями». Естественно, что с началом военных действий внимание к телеграфу, почтовым станциям и отделениям усилилось. Расширились также полномочия цензоров, которые, помимо контроля за корреспонденцией, осуществляли наблюдение за типографиями, книжной торговлей, кинематографом, театром.

В условиях военного времени контроль за корреспонденцией приобретал особое значение. От военных цензоров требовались не просто профессионализм, внимательность, но и особое чутьё. Но и этого было бы недостаточно без сведений, получаемых российскими контрразведчиками относительно всё новых способов шифровки, применяемых противником.

Уже в августе 1914 года жандармское руководство на местах было оповещено о том, что сотрудники австрийской разведки, находящиеся в России, должны пере-

Отдел дешифровки британской армии

давать собираемую ими информацию телеграммами установленного содержания. Так, сведения о количестве поездов, отправляемых по определённому направлению, сообщались следующим образом: «через столько-то часов выезжаю по такому адресу». Указанное время обозначало количество поездов. В имени автора телеграммы шифровался груз. Если имя начиналось на К, значит, состав перевозил кавалерию. Соответственно А — артиллерия, М — материалы, Г — все виды оружия [17].

Весной 1915 года была получена информация о том, что в тыл русских войск германским командованием направлен агент, прошедший курс разведподготовки в Инстербурге (ныне город Черняховск Калининградской области). Для поддержания связи с резидентом, находящимся в Копенгагене, агент был обеспечен специальным кодом. К примеру, направления поезда Ковна — Вильна обозначалось именем «Анна», Двинск — Вильна — «Осип» и т. п. Свою зашифровку имели не только направления поездов. Так, слово «сибирский» обозначалось именем «Соня», «туркестанский» — «Татьяна», «гвардия» — «Груня», «пехота» — «Петровский», «артиллерия» — «Акимов», номер полка — номер дома плюс 27, номер дивизии — номер квартиры плюс 12, «один час» — «Андрей», «два часа» — «Андреевич», «три часа» — «Андреев». Прилагался перечень улиц и площадей Стокгольма, которые надо было использовать в тексте. Письма и телеграммы, составленные таким кодом, должны были направляться по адресу: Луизе Лемваг Тирефог, Копенгаген Ягтвей, 229 [18]. Очевидно, что сведения такого рода являлись бесценным подспорьем для цензоров.

К весне 1916 года контрразведчиками были получены дополнительные сведения о способах шифровки корреспонденции: ведение переписки путём условной шахматной игры, телеграммы с вырезками из газет и комментариями, в виде объявлений в газетах частного и коммерческого содержания и др. Донесения посылались даже под ярлыками, наклеенными на багаже и бутылках.

В результате кропотливой работы для военных цензоров, занимающихся просмотром заграничной почтовой корреспонденции, была подготовлена специальная

Немецкий шпион, пойманный в крестьянской одежде, в прифронтовой полосе

инструкция. Её содержание позволяет не только увидеть разнообразие приёмов тайной передачи информации, существовавших в начале XX века, но и прочувствовать специфику работы цензуры в военное время.

«При просмотре корреспонденции следует обращать внимание, кроме содержания, ещё на все мелкие особенности, которые могут встретиться в письме, как, например, на встречающиеся иногда подчёркивание слов или отдельных букв, на раз-

ного рода пометки, точки и т. п., знаки, которые могут послужить условными знаками; полагается обратить внимание на характер письма, убедившись в том, что все слова написаны более или менее однородным почерком (в смысле наклона букв, цвета чернил и т. д.); следует обратить внимание на расстояние между строчками письма, так как если эти расстояния чрезмерно велики, то можно предположить, что между строк написан скрытый текст химическими секретными чернилами.

Как доказывает практика, наиболее часто встречаются следующие способы писания условных писем германскими шпионами:

1. Подчёркивание букв в письме невинного содержания. Сочетание подчёркнутых букв даёт желаемое краткое сообщение. Иногда для этой же цели пользуются разного рода помещением точки над буквой *i*. Если точка поставлена правильно, то она не считается; точки, поставленные правее или левее их точного расположения, дают в каждой строке ряд цифр, которые могут служить для условных обозначений. Подобным же приёмом пользуются германские шпионы, ставя черту в *i*.

2. Иногда германские шпионы пересылают графики с фантастической температурой больных, такие же графики с метеорологическими наблюдениями. Колебания кривой соответствуют ряду цифр, имеющих на полях графиков. Сочетание ряда цифр может дать условное шпионское сообщение, написанное в цифровом коде.

3. Секретные сообщения могут быть переданы в письме, написанном на умышленно испорченной пишущей машине, благодаря дефектам которой ряд букв выходит из строки (выше или ниже её). Число неправильно напечатанных в каждой строке букв может дать условное сообщение по цифровому коду.

4. Сообщение шпионских сведений по системе азбуки Морзе в письме, не содержащем ничего предосудительного, но в котором расстояния между словами (более длинные или короткие) соответствуют точкам и тире азбуки Морзе.

5. Той же системой азбуки Морзе можно воспользоваться, подчёркнув и отметив траву, кусты и деревья на открытках, изображающих какие-либо безвредного содержания пейзажи.

6. Иногда подлежащее отправлению секретное сообщение вписывается на листке почтовой бумаги, причём сначала слова этого сообщения помещаются на различных строках чистого листа. После этого в промежутки между уже написанными словами секретного сообщения размещаются слова и целые фразы безвредного содержания и подгоняются к уже написанным словам секретного сообщения. Подобного рода письма легко заметить по характеру написания, когда одни слова пишутся очень сжато, другие растягиваются.

7. На конверты писем также следует обратить цензору своё внимание. Иногда секретные сообщения написаны симпатическими чернилами под марками, под сургучной печатью. Под эти последние могут быть подложены клочки бумаги с мелко написанным сообщением. Причудливое и странное размещение большого количества почтовых марок также может служить подозрительным симптомом и является достаточным основанием для уничтожения письма, так как насчитывается более 100 различных способов наклейки марок на письмо.

8. В почтовых посылках и письмах иногда находят носовые платки и куски материи с надрубленными краями, причём часть ниток выдёргиваются из стёжки.

Сочетание более длинных и коротких промежутков между остатками ниток может служить для переговоров по азбуке Морзе.

9. Для уведомления о передвижении русских войск германские шпионы делают на середине краёв открытого письма надрезы или чёрточки, причём верхний край открытки обозначает передвижение войск к северу, правый — к востоку, нижний — к югу и левый — к западу. Число чёрточек или надрезов на краях открытого письма обозначает численность передвигающихся войск: одна черта — войск немного (полк, батарея), две черты — войск больше (дивизия) и, наконец, три черты — войска очень много (корпус) и т. д.

10. Для обозначения цен на продукты первой необходимости в России германским шпионам рекомендуется писать письмо с различными размерами буквы *Д*. Если буква *Д* больше нормальных размеров, то цены выше, меньше — цены понижены и т. д.

11. Цвет открытых писем также может служить для условных сношений германских шпионов: красный — дела идут плохо, зелёный — лучше и т. д.

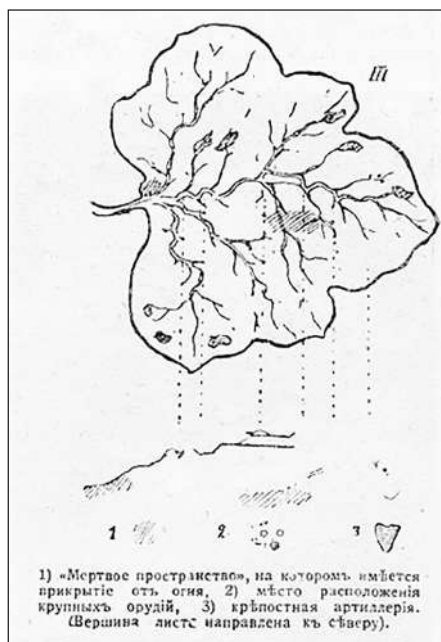
Все изложенные способы далеко не исчерпывают тех уловок и приёмов, к которым прибегают германские шпионы, а потому цензору надлежит обращать внимание на все мелкие и подчас неважные особенности, которые иногда позволяют раскрыть преступное секретное сообщение германского шпиона» [19].

Однажды русские контрразведчики задержали прибывшего из Китая немца. На обложке и на нескольких страницах его записной книжки были нарисованы бабочки. Выяснилось, что в изображениях пятен и узоров на их крыльях скрывались

схемы военных укреплений и отличительные признаки местности.

Таврическая губерния не относилась к разряду прифронтовых, хотя и типично тыловой губернией России её также назвать было нельзя. Прибрежные города не раз подвергались обстрелам со стороны турецкого флота. На территории губернии размещались гарнизоны и тыловые подразделения русской армии, госпитали, флотская инфраструктура, находились важные железнодорожные узлы. К этому следует добавить наличие промышленных предприятий, многие из которых выполняли заказы военного ведомства. Достаточно упомянуть выпускавший военные самолёты симферопольский завод «Анатра» и карасубазарский аэропланый механический завод.

Одним из первых контрразведывательных мероприятий начала войны стала административная высылка вглубь России подданных Германии, Австро-Венгрии, Турции, считавшихся неблагонадёжными

Карта укреплений, выполненная на древесном листе

и потенциально опасными элементами. Выдворение их на родину зачастую не представлялось возможным. Оставлять же граждан враждебных государств в приграничных районах также было нецелесообразно. Принятые меры дали свой положительный эффект. По признанию австрийских разведчиков, эти действия «невероятно осложнили» деятельность австро-венгерской разведки в прифронтовой зоне.

Вслед за этим настала очередь немцев Таврической губернии, являвшихся российскими подданными. Принудительное выселение немцев во внутренние губернии Российской империи из приграничных и прифронтовых регионов — трагическая страница в истории этого народа. Наиболее масштабные выселения происходили с территорий Галиции и Польши. С началом войны немецкие колонисты в Крыму старались не давать поводов для подозрений и всячески демонстрировали лояльность к своей новой родине. В образованный губернский комитет по оказанию помощи больным и раненым воинам ими перечислялись денежные средства, на нужды армии передавались продукты питания, чаще всего хлеб. Так, только колония Нейман пожертвовала 200 тыс. пудов пшеничной муки для войск. По состоянию на 1 апреля 1915 года из Таврической губернии было призвано в армию 2505 немцев, из которых 75 к этому времени были ранены и 75 погибли. К 1917 году на фронте и в частях армий, расположенных в тылу, не было зафиксировано ни одного факта предательства и измены со стороны немцев [20].

Между тем утверждения, что действия российских властей были абсолютно беспочвенны и основывались исключительно на поднявшейся волне слухов и шпиономании, развернувшейся антигерманской пропагандистской кампании (что, кстати, в то время было характерно не только для России), также представляются ошибочными. Для этого необходимо вкратце остановиться на некоторых специфических особенностях германской колониальной политики того времени.

Начавшийся в XVIII веке процесс немецкой колонизации в XIX веке имел устойчивую тенденцию к расширению, при этом расселение производилось преимущественно в западных губерниях. Поселения располагались вдоль важных транспортных артерий, ведущих к жизненным центрам страны, многие крупные крепости и имеющие стратегическое значение города были буквально окружены немецкими посёлками и колониями. Так же как и распространение торгово-промышленного капитала за рубежом, колониальная политика находилась под контролем военного ведомства Германии.

Лица, намечавшиеся к переселению, тщательно проверялись с точки зрения их «политической благонадёжности» и преданности идеям германизма. Только после того, как германская разведка убеждалась в том, что «колонист» готов к выполнению её заданий, ему предоставлялась возможность выехать из Германии и оказывалась всяческая материальная поддержка [21]. Географически же заселение колонистами российских просторов осуществлялось не спонтанно, а в соответствии со стратегическими соображениями германского генерального штаба. Можно выделить четыре таких стратегических направления:

- 1) через прибалтийские губернии по направлению к Санкт-Петербургу;
- 2) через Польшу, Волынь и Украину на Волгу и дальше по Сибирской железной дороге до Красноярска — центра хлеботорного района;

3) перерезая Крым и Кавказ по направлению к железным дорогам, сооружённым немцами в Малой Азии, и дальше к Персидскому заливу;

4) от Среднего и Нижнего Амура до реки Ушапоу на Тихоокеанском побережье, захватывая богатейший угольный, нефтяной, рудный и хлебородный район.

В результате к началу Первой мировой войны в пределах Российской империи проживало свыше 2 млн немцев [22].

Положительный экономический эффект от деятельности трудолюбивых немецких земледельцев и ремесленников не оспаривается, но он не является темой данного исследования. Наряду с позитивной динамикой сельскохозяйственного и промышленного производства российскими властями фиксировались явления и другого характера.

В рамках специальных программ, имевших поддержку на уровне правительства Германии, среди колонистов широкое распространение получили различного рода культурно-просветительские общества, ставившие своей целью поддержку «германского духа». Достаточно популярны были стрелковые общества, в которых немецкая молодёжь изучала военное дело под руководством присланных из Германии инструкторов. Помимо военных инструкторов, частыми гостями немецких поселений в России бывали государственные чиновники, пасторы, приезжавшие «со специальными заданиями» из Германии. На регулярную основу была поставлена переписка колонистов со своими дипломатическими представительствами. Ежегодно германские и австрийские консулы рассылали колонистам опросные листы, касающиеся различных аспектов политической, социально-экономической, хозяйственной жизни региона проживания. Полученные ответы концентрировались в германском посольстве в Санкт-Петербурге и после соответствующей обработки отправлялись в германское военное ведомство. Таким образом, из разрозненных источников по крупицам, скрупулёзно и методично собирались сведения, которые после их обобщения и анализа становились информацией военно-стратегического значения. Именно на основе полученных описанным способом данных германские военные подготовили подробную топографическую карту районов Российской империи, которым в будущем предстояло стать театром военных действий. Карта включала в себя мельчайшие детали ландшафта, вплоть до колоколен и церквей, маяков, мелких просёлочных дорог и др. Разумеется, были обозначены и фортификационные сооружения.

С началом военных действий российская армия столкнулась с последствиями попустительской политики властей в отношении бесконтрольной германской колонизации. К примеру, в октябре 1914 года российские подразделения, двигавшиеся по своей территории в сторону германской границы, были неожиданно обстреляны со стороны укрепленных позиций. Выяснилось, что дорогу наступающим частям преградило имение немецких колонистов. После штурма, сопровождавшегося потерями, выяснилось, что имение представляло собой настоящее долговременное укрепление, построенное по всем правилам фортификационного искусства. «Огромный каменный дом был построен на манер немецкой крепостной казармы. Толстые стены, бойницы вместо окон и странное расположение комнат свидетельствовали о том, что хозяин имения заботился вовсе не об удобствах мирной фермерской жизни. С севера к дому примыкал большой сад, огороженный

монументальной, метра в два толщины, железобетонной стеной с высокой острой решеткой. За стеной были устроены великолепные окопы и блиндажи. С юга и с запада двор прикрывали такие же железобетонные стены с бойницами для винтовок и пулемётов» [23]. В нескольких километрах находилось аналогичное имение, которое также пришлось брать с боем.

Несколько дней потребовалось войскам для того, чтобы взять эти укрепления. Потери также были достаточно высокими, поскольку русские солдаты выходили на давно пристрелянные участки и неожиданно попадали под плотный пулемётный огонь. Отметим, что инцидент этот произошёл не на передовой, а в тылу русских войск. Защитникам же «имений» удалось уйти по тайным подземным ходам. Всего же в ходе войны на месте поселений немецких колонистов неоднократно обнаруживались склады горючего, оружия, сторожевые вышки, заранее заготовленные бетонные площадки для установки тяжёлых орудий, укрепленные пункты на манер вышеописанных.

Для сбора сведений различного характера германская разведка использовала немецких и австрийских военнопленных, размещённых в лагерях в тыловых губерниях. Некоторым военнопленным даже помогали бежать на родину, для чего задействовались возможности агентуры.

Весной 1915 года было зафиксировано массовое возвращение в Россию из Германии через Финляндию состоящих в российском подданстве евреев военнообязанного возраста, как случайно застигнутых в Германии началом войны, так и издавна там проживавших. Некоторые из них, будучи внешне совершенно здоровыми, своё освобождение из германского плена объясняли болезненным состоянием. Другие прямо заявляли, что освобождены благодаря знакомству с высокопоставленными в Германии лицами военного и гражданского ведомств.

Подобного рода объяснения не вызывали доверия российских контрразведчиков. Было известно, что немцы имеют обыкновение освобождать военнопленных с последующим их использованием в разведывательных целях. Что касается остальных категорий российскоподданных, оказавшихся в Германии, то в прямую зависимость от их «освобождения» ставилась участь остающихся в Германии родственников освобождаемых. Понятно, что за данной категорией лиц устанавливался особый контроль.

В разведывательных целях немцы использовали также подростков из числа жителей оккупированных территорий Российской империи. В апреле 1916 года Департамент полиции докладывал о том, что «школа для малолетних шпионов находится в Варшаве, где обучалось 72 мальчика и около 300 девочек; все завербованы насильно со дня занятия неприятелем Варшавы. По обучении юные разведчики прикомандировываются к войсковым частям. Партиями и поодиночке высылаются на разведку в расположение наших армий, причём пропуском при возвращении их с разведок служит номер части, к которой шпион прикомандирован» [24].

По показаниям одного из таких шпионов, задержанных в районе одной из наших армий во время выполнения задания, немцы высылали для сбора информации под видом беженцев мальчиков и девочек в возрасте от 11 до 14 лет. При себе они не имели никаких документов. Мальчики снабжались деньгами в сумме

15 руб., а девочки — 20 руб. Ютились на железнодорожных станциях, преимущественно в Петрограде и в Москве, а также по линиям железных дорог, начиная от фронта. Собирали сведения о расположении войск, проходящих воинских эшелонах, ценах на продукты. Одеты все они были однообразно. Причём была получена достаточно детальная информация относительно особенностей экипировки малолетних шпионов, что значительно облегчало задачу их поиска и задержания.

Рассказ о контрразведывательной деятельности периода Первой мировой будет неполным без упоминания о шпиономании, охватившей российское общество. В этом плане Россия не была уникальной. В Европе эпидемия шпиономании, порождённая смесью патриотической истерии и страхом перед неизвестностью, приняла форму массового психоза, особенно в первые недели войны. Но там быстро увидели все негативные последствия этого явления и пытались с ним бороться.

Правящие же круги Российской империи попытались использовать шпиономанию в борьбе с внутренними и внешними угрозами. Пик её развития пришёлся на 1915 год — время тяжёлых поражений и отступления российской армии на Западном фронте. Как в армии, так и среди населения массово стали распространяться слухи об измене. Всё это имело негативные последствия для политической и экономической жизни империи, вело к росту социальной и межнациональной напряжённости. Летом 1915 года манифестации и стачки московских рабочих, проходившие под антигерманскими лозунгами, вылились в настоящий немецкий погром. Ещё одним виновником всех бед были названы евреи. На волне антисемитизма увольнениям, гонениям и различного рода притеснениям огульно подвергалось значительное количество евреев, не имевших за собой никакой вины.

Случались и курьёзные случаи. Летом 1916 года начальником контрразведывательного отделения штаба Одесского военного округа был отдан приказ обнаружить и арестовать некоего Липцига, еврея из Петрокова. Как значилось в документе, указанный еврей, «поставлявший для нашей армии во время военных действий под Варшавой провиант, ухитрился вместе с тем доставлять каким-то путём провизию и на неприятельские позиции...» [25].

Шпиономания самым негативным образом сказалась на эффективности работы контрразведывательных органов. С 1915 года они всё больше стали превращаться в структуру, дублирующую политическую полицию. Помимо выполнения своих непосредственных обязанностей, контрразведчики занимались борьбой со спекуляцией, политической пропагандой и даже рабочим движением. Причём происходило это не потому, что контрразведкой руководили жандармские офицеры, а из-за требования военных властей заниматься подобными делами в качестве первоочередной задачи.

Проявлением шпиономании стала настоящая волна анонимок, захлестнувшая российский общество. Как правило, большинство обвинений в шпионаже следственными действиями не подтверждались. Зачастую их авторы имели слишком богатое воображение, помноженное на всплеск патриотических настроений, либо, наоборот, действовали продуманно, исходя из собственных меркантильных соображений.

К примеру, в июне 1915 года на имя начальника Симферопольского губернского жандармского управления от «русского татарина, дорожащего своим оте-

чеством», поступило анонимное сообщение следующего содержания. «Проживающий в деревне Даир — прихода Муштель, Зуйской волости, Симферопольского уезда духовного звания и состоящий в должности хатипа Шейх-Мамбет-Кудери-Амет-эфенди оглу, раньше занимавший в той же деревне должность учителя, ведёт себя крайне подозрительно. Часто являются к нему неизвестные лица из турок с повязками на голове, и он ведёт с ними тайную беседу... Покорнейшая просьба секретно расследовать это дело посредством допроса поодиночке лиц духовного звания, проживающих в той же деревне и её окрестностях, под строгим допросом напугав их, и они откроют всю сущую правду. Он имеет секретные сведения из Турции и Германии и, как надо полагать, шпионит» [26].

В отчёте о проведённом негласном расследовании значилось, что сведения о преступной деятельности указанного лица, неоднократно поступавшие на него начиная с 1911 года, когда тот стал муллой деревенской мечети, не подтвердились. Причиной столь настойчивых обвинений было названо то, что должность деревенского муллы подразумевает получение весьма солидного дохода с вакуфных земель, «а потому на это место всегда имеются претенденты».

Огромный вред анонимок заключался не только в том, что под сомнение ставилась репутация невиновных людей. На их расследование отвлекались силы и ресурсы, которых и так не хватало. Игнорировать же анонимки, какими бы абсурдными и нелепыми они ни были, в условиях военного времени было недопустимо.

Вот ещё образцы анонимных сообщений, содержание которых сегодня может вызвать разве что улыбку. А тогда контрразведка обязана была прореагировать и провести соответствующие следственные действия.

«Вблизи Симферополя есть деревня Амиляновка или же Амелянка, одна из двух, живут там немцы, и так что, по слухам, находится в них под землёй телефон, а между ними есть русские жители, которые именно знают, но сомневаются выказать. Покорнейше прошу Ваше Высокое Благородие обратить во внимание» [27].

«Сообщаю Вашему Высокопревосходительству, в июне и июле месяце 1916 года, проезжая по Крыму, заметил, что в некоторых городах Крыма сильно развит шпионаж, много есть врагов нашему отечеству и русскому государству, о чём я умолчать не могу. Много есть шпионов-немцев, которые пользуются русской землёй, и те нас, русских, продают и страмят наше отечество и Государя. <...> в Симферополе много шпионов останавливаются в гостинице «Пассаж», содержат евреи; в Евпатории — в гостинице «Россия», где содержатель гостиницы татарин Маматковин Асан Николаевич, именуется видеть сильную сделку тёмных дел, он сам говорит на некоторых кавказских языках, ведёт дело с кавказскими шпионами. <...> Я показываю краткий вид, на что не мешало бы обратить внимание. Полиция совершенно бездействует, а только занимается пьянством <...>. Ох обидна невыносимая, если бы не простудился в Японскую войну, был бы здоровый; кажется, поехал бы и всех немцев перебил <...>. На всё вышеизложенное прошу Ваше Высокопревосходительство обратите внимание и сделайте распоряжение проследить за шпионами» [28].

К началу 1917 года российская контрразведка представляла собой фактически самостоятельную структуру, независимую от армии. Значительно повысилась её

эффективность. Был сформирован агентурный аппарат, позволявший выполнять задачи как внутри империи, так и в тылу противника. К этому времени были разоблачены десятки разведчиков противника и агентов кайзеровской разведки, активно работавших в России. Были добыты и постоянно пополнялись сведения относительно кадрового состава спецслужб Германии и Австро-Венгрии, форм и методов их работы, местонахождения разведывательных школ с программами обучения, адреса конспиративных квартир и др. Об эффективности российских контрразведчиков свидетельствуют слова главы кайзеровской разведки Вальтера Николаи. Он признал, что в ходе войны немцы постоянно нуждались в глубокой разведке, которая так и не дала серьёзных результатов.

Вальтер Николаи,
руководитель
разведслужбы Германии

Источники и литература

1. Немцы в Крыму. Симферополь : Таврия, 2000. С. 66.
2. *Никитинский И. И.* Немецкий шпионаж в царской России / И. И. Никитинский, П. Г. Софинов ; науч.-изд. отд. УГА НКВД СССР. — М. : ОГИЗ, Сароблгиз, 1942. С. 9.
3. Там же. С. 12.
4. Там же. С. 14.
5. Государственный архив Республики Крым (ГАРК). Ф. 706, Оп. 1. Д. 440. Л. 236 об.
6. ГАРК. Ф. 706. Оп. 1. Д. 429. Л. 49 об.
7. *Перегудов А. В.* Воронежское губернское жандармское управление в борьбе с военным шпионажем в годы Первой мировой войны. Режим доступа: voencomuzd.livejournal.com/1112542.html.
8. *Греков Н. В.* Русская контрразведка в 1905–1917 гг.: шпионмания и реальные проблемы. Режим доступа: www.mitera.lib.ru/research/grekov/
9. Там же.
10. ГАРК. Ф. 706. Оп. 1. Д. 417. Л. 19.
11. Там же. Л. 23 об.
12. Там же. Л. 22 об.
13. Там же. Л. 16.
14. ГАРК. Ф. 706. Оп. 1. Д. 429. Л. 69 об.
15. Там же.
16. ГАРК. Ф. 706. Оп. 1. Д. 354. Л. 15.
17. ГАРК. Ф. 706. Оп. 1. Д. 429. Л. 115 об.
18. ГАРК. Ф. 706. Оп. 1. Д. 440. Л. 182 об.
19. ГАРК. Ф. 706. Оп. 1. Д. 500. Л. 385.
20. *Лаптев Ю. Н.* Немцы Крыма в годы Первой мировой войны / Режим доступа: www.info.crimea.edu/crimea/etno/articles/nemvoin/index.htm
21. *Никитинский И. И.* Указ. соч. С. 24.
22. Там же. С. 25.
23. Там же. С. 31.
24. ГАРК. Ф. 706. Оп. 1. Д. 500. Л. 398 об.
25. ГАРК. Ф. 706. Оп. 1. Д. 512. Л. 16.
26. ГАРК. Ф. 706. Оп. 1. Д. 440. Л. 193.
27. Там же. Л. 314.
28. ГАРК. Ф. 706. Оп. 1. Д. 512. Л. 268.

Д. А. Прохоров

Караимы Симферополя в рядах российской армии в Первой мировой войне

Среди современных исследователей, затрагивавших отдельные аспекты проблемы участия караимов в Первой мировой войне, следует назвать А. Г. Зарубина, В. Г. Зарубина, В. В. Крестьянникова, Н. М. Терещук¹. В работах одесских авторов К. К. Васильева, П. Г. Чуева и К. Г. Васильева, рассматривающих историю развития медицины в Одессе, приведены малоизвестные сведения о медицинском персонале из числа караимов, проходивших службу в действующей армии и на флоте во время Первой мировой войны². Тем не менее следует отметить, что сведения, встречающиеся в некоторых публикациях³, всё же носят отрывочный характер, в ряде случаев в них содержатся фактические ошибки и неточности. Что касается кратких биографических заметок об участниках боевых действий, приведённых в работах А. Фуки, М. А. Зайончковского, В. С. Кропотова, Э. И. Лебедевой⁴, то, что они в большинстве своём основываются на неполных сведениях мемуарного характера; многие опубликованные данные требуют серьёзной корреляции с архивными источниками.

¹ *Зарубин А. Г., Зарубин В. Г.* Без победителей. Из истории Гражданской войны в Крыму. 2-е изд., испр. и доп. Симферополь : Антикава, 2008 ; *Зарубин В. Г.* Караимы — жертвы красного террора в годы Гражданской войны в Крыму // Материалы XXI Ежегодной международной междисциплинарной конференции по иудаике / под ред. Л. Ф. Кацис, И. В. Копчёновой, В. В. Мочаловой. М., 2014. С. 180–189 (Труды по еврейской истории и культуре. Академическая серия ; вып. 50) ; *Крестьянников В. В.* Варфоломеевские ночи в Севастополе в феврале 1918 г. // Севастополь: взгляд в прошлое : сб. науч. ст. сотрудников Госархива г. Севастополя / сост. В. В. Крестьянников. Севастополь : ЧП Арефьев, 2006. С. 200–207.

² Очерки истории высшей медицинской школы в Одессе: (к 100-летию мед. ун-та) / К. Г. Васильев, П. Н. Чуев, К. К. Васильев ; Одес. гос. мед. ун-т. — Одесса: [б. и.], 1999 ; *Васильев К. К.* Морской врач Российского императорского флота Яков Иосифович (Осипович) Кефели (1876–1862) // Вестник морского врача / под ред. Е. В. Крюкова. — Севастополь, 2010. № 10. С. 60–75 ; *Васильев К. К.* Медицинский факультет Новороссийского университета. Одесса : Optimum, 2008.

³ Ратный труд в жизни караимского народа. Революция и гражданская война // Караимская народная энциклопедия / под ред. М. М. Казаса и др. СПб. : изд. Культ.-просвет. о-ва караимов, 2000. Т. 5 : Культура крымских караимов (тюрок). С. 398–407 ; Крымская Книга Памяти Великой войны 1914–1918 годов / сост. А. И. Григоров. М. : Моск. изд. дом, 2014.

⁴ *Фуки А.* Караимы — сыновья и дочери России: рассказы и очерки об участии в боях от Крымской войны до Великой Отечественной. М. : Интерпринт, 1995. С. 43–54 ; *Zajaczkowski M.* Karaïmai karıuomenéje. Villnius: Lietuvos Nacionalinis Muziejus, 2000. S. 15–87 ; *Кропотов В. С.* Военные традиции крымских караимов. Симферополь : Доля, 2004. — С. 66–76 ; *Лебедева Э. И.* Крымская война и караимы. Симферополь, 2004. С. 50–70.

Ранее автором предлагаемой публикации была проанализирована деятельность врачей и младшего медицинского персонала из числа крымских караимов, находившихся в рядах русской армии на фронтах Первой мировой войны, обобщены данные о числе караимов, принимавших участие в боевых действиях, приведены краткие биографические справки о некоторых из них. Была также осуществлена научная реконструкция биографий военнослужащих-караимов, призванных из Севастополя, членов караимских общин других городов, проходивших воинскую службу в Севастополе в 1914–1917 годах⁵. Исследование (о караимах, проходивших службу в российских армии и на военно-морском флоте) было продолжено в фондах Государственного казённого учреждения Республики Крым (ГКУ РК) «Государственный архив Республики Крым», в которых хранятся интересные документы по данной теме. В связи с этим появилась возможность существенно дополнить сведения о членах караимских общин, призванных в период с 1911 по 1917 год в ряды российской армии, а также поступивших туда добровольцами.

Целью статьи является анализ выявленной информации о караимах, проживавших в Симферополе и призванных в ряды армии Российской империи с 1914 по 1918 год. Кроме того, в задачи публикации входит также реконструкция биографий караимов-военнослужащих российской армии, проходивших службу в Симферополе в указанный период. В статье использованы архивные документы, хранящиеся в делах фонда Таврического и Одесского караимского духовного правления (ТОКДП) ГКУ РК «Государственный архив Республики Крым», сведения, содержащиеся в различных биографических справочниках, мемуары участников военных действий, а также материалы дореволюционной периодической печати.

С началом Первой мировой войны в ряды российской армии было призвано немало караимов — в соответствии с данными статистики эта цифра могла составлять от 40 до 45% всего караимского населения страны. Многие уходили на фронт добровольцами. Так, например, 6 июля 1917 года из Симферополя выехал добровольцем в так называемый батальон смерти Лазарь Иосифович Синани, а 17 июля 1917 года туда отправился Лазарь Иосифович Ефет⁶.

В архивных документах и в периодической печати военного времени сохранились некоторые материалы о солдатах и офицерах, находившихся в рядах российской армии в период с 1914 по 1917 год. В ряде случаев также встречаются данные о том, где и когда тем или иным военнослужащим было получено ранение. Так, известно,

⁵ Прохоров Д. А. Вклад крымских караимов в развитие военно-полевой медицины: к вопросу об участии врачей-караимов в Русско-японской и Первой мировой войне // Вестник морского врача. № 4 (4) : материалы V междунар. науч.-практ. конф. Севастополь, 2007. С. 128–135 ; Прохоров Д. А. Караимы юго-западных губерний России в составе врачебного и санитарного персонала русской армии и военно-морского флота в Первую мировую войну: по данным Государственного архива АР Крым // Вестник морского врача. Севастополь, 2008. № 5 (5). С. 108–117 ; Прохоров Д. А. Участие представителей караимских общин Российской империи в Первой мировой войне (1914–1917 гг.) // Материалы XVII Ежегодной международной междисциплинарной конференции по иудаике. М., 2010. Т. 1. С. 366–385 (Научные труды по иудаике. Академическая серия ; вып. 30) ; Прохоров Д. А. Караимы Севастополя в составе российской армии в 1914–1917 гг.: биографии участников Первой мировой войны // Материалы по истории, археологии и этнографии Таврии / отв. ред. А. И. Айбабин, В. Н. Зинько. Симферополь ; Керчь, 2014. Вып. 19. С. 463–508.

⁶ Хроника. От наших корреспондентов. Симферополь // Известия Таврического и Одесского Караимского Духовного Правления. Евпатория, 5 августа 1917. № 4. С. 30.

что прапорщик Яков Ильич Аваш (симферопольский мещанин, караим, холост) получил ранение на фронте в период с 26 по 30 августа 1914 года. А житель Симферополя Самуил Ганукович Очан (ополченец, караимского вероисповедания, холост) был ранен во время боевых действий 18 февраля 1915 года; рядовой Иосиф Давидович Сараф (житель Симферополя, холост) получил ранение 12 октября 1914 года⁷.

Некоторые из представителей караимской общины Симферополя, воевавшие на фронтах Первой мировой войны, за свои боевые заслуги были представлены к различным наградам. Так, рядовой Марк Ильич Черкес, находившийся в действующей армии, в возрасте 18 лет за боевые заслуги был награждён Георгиевским крестом IV степени⁸. Нахаму-Бабакай Исаакович Фуки (1884–1914) имел высшее агрономическое образование, до войны работал агрономом в Симферопольском уездном земстве. Во время ведения боевых действий за взятие стратегически важного объекта противника в сентябре 1914 года получил личную благодарность от командующего 8-й армией в Галицийской битве А. А. Брусилова⁹. Был убит 4 октября 1914 года в бою при взятии укрепленного объекта неприятеля¹⁰. Борис Моисеевич Очан — врач-уролог, проживал до войны в Симферополе, на улице Фонтанной, в доме Наделя; был известен как специалист по венерическим и дерматологическим заболеваниям. Состоял заместителем председателя Симферопольского общества пособия нуждающимся караимам. С началом Первой мировой войны был призван Симферопольским по воинской повинности присутствием; находился в действующей армии, проходил службу в чине военного врача в Тульском лазарете¹¹.

Кроме мужчин-караимов, участвовавших в сражениях Первой мировой войны, сильную помощь русской армии оказывали и караимки. Например, сестра милосердия военного времени Ревекка Соломоновна Казас (жена симферопольского юриста и гласного Симферопольской городской думы Азария Ильича Казаса) была принята в Симферопольско-Новиковскую общину Красного Креста, а 15 января 1915 года направлена во 2-й Симферопольский городской лазарет¹²; выпускница Симферопольской женской казённой гимназии Александра Туршу в 1914-м состояла медсестрой лазарета Фаберже, находившегося в Москве, на Арбате, в Денежном переулке, 13¹³.

В городах Таврической губернии в этот период открывались комитеты и лазареты Российского общества Красного Креста (РОКК), отделения различных благотворительных обществ по оказанию помощи семьям раненых и увечных воинов. Всестороннюю помощь в их организации и работе оказывали караимы. Один из таких лазаретов — «Таврический лазарет имени Ея Императорского Величества Государыни

⁷ Крымская Книга Памяти... С. 133, 157, 163.

⁸ ГКУ РК ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1287. Л. 27 об.

⁹ Фуки А. Указ. соч. С. 52.

¹⁰ ГКУ РК ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1287. Л. 27.

¹¹ Доктор Б. М. Очан [объявление] // Крым. 1904. 23 мая (№ 111) ; Справочная книга по Симферополю на 1913 г. / изд. Симфероп. гор. упр. Симферополь, 1913. С. 83 ; ГКУ РК ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1287. Л. 27.

¹² Крымская Книга Памяти... С. 306.

¹³ Прохоров Д. А. И. И. Казас — просветитель караимов и крымских татар // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Supplementum. Вып. 7. Симферополь, 2009. С. 211–230 ; Хроника текущей жизни. Симферополь. Окончившие // Караимская жизнь. М., 1912. Кн. 12, май. С. 107 ; Караимская народная энциклопедия: в 10 т. / Ю. А. Полканов [и др.] ; под ред. М. С. Сарача. М., 2000. Т. 6, ч. 1 : Караимский дом. С. 215.

Императрицы Александры Фёдоровны», рассчитанный на 200 копеек, 12 сентября 1914 года был отправлен на театр военных действий. В 1914-м таврический губернатор Н. Н. Лавриновский объявил о создании из представителей всех сословий губернского комитета для организации указанной помощи и сбора пожертвований, которые должны были направляться через должностных лиц в Таврическое губернское казначейство. Работа комитета была весьма плодотворной — лишь за месяц с небольшим после начала войны в его адрес для нужд русской армии и флота поступило пожертвований на сумму 126 452 руб. 40 коп. (в том числе значительные суммы передали комитету караимы: И. М. Туршу, Б. М. Туршу, А. А. Крым, Б. Я. Крым, В. С. Панпулов, А. Синани, Б. И. Гелелович и др.). Комитет, помимо сбора денежных средств, осуществлял заготовку и отправку на фронт тёплых вещей, а также всего самого необходимого для воевавших там солдат и офицеров; члены «Дамского кружка», организованного при Таврическом губернском земском собрании и состоявшего из жён дворян Таврической губернии, а также «сочувствующих лиц», лично занимались изготовлением тёплых вещей и белья¹⁴. В Евпатории с начала войны существовали Общество помощи караимам, пострадавшим от военных действий, Комиссия по оказанию помощи караимам-беженцам и Евпаторийский союз воинов-караимов¹⁵. В 1916 году в числе прочих знаком Красного Креста были награждены председатель Карасубазарского общественного лазарета Илья Борисович Шишман и член того же комитета, городской голова Карасубазара Бабакай Эммануилович Бабович¹⁶. В феврале 1917 года в Симферополе состоялось освящение санитарного поезда, организованного членами Таврического земства. Среди присутствовавших на этой церемонии был известный симферопольский фабрикант и благотворитель караим Исаак Яковлевич Шишман¹⁷.

Вскоре в городе был организован Таврический лазарет для оказания помощи раненым воинам, рассчитанный на 500 копеек¹⁸. Он был расположен на Лазаревской улице и создан на средства караима И. Б. Стамболи¹⁹. Временно на должность заведующей 1-го городского лазарета Красного Креста в Симферополе, который располагался в здании Симферопольской женской казённой гимназии, в сентябре 1916 года была назначена караимка Татьяна Давидовна Языджи; в декабре того же года ей был вручён почётный знак Красного Креста²⁰. Впоследствии в своих мемуарах житель Симферополя Х. Г. Лашкевич, описывая период оккупации Крыма немецко-фашистскими захватчиками в 1941–1942 годах, так охарактеризовал Т. Д. Языджи: «Люди, которые, сами находясь под постоянной угрозой смерти, тем не менее старались спасти своих близких, как, например, доктор Языджи <...> то такие люди, сами того не сознавая, были настоящими героями долга»²¹. Заведу-

¹⁴ Воззвание от Таврического Губернского комитета помощи больным и раненым воинам // Таврические губернские ведомости. 1915. 13 нояб. (№ 88).

¹⁵ Прохоров Д. А. Караимы юго-западных губерний России в составе врачебного и санитарного персонала. С. 110.

¹⁶ Крымская Книга Памяти ... С. 120.

¹⁷ Там же. С. 120.

¹⁸ От Таврического Губернского Комитета по оказанию помощи больным и раненым воинам // Таврические губернские ведомости. 1914. 23 сент. (№ 74).

¹⁹ Там же.

²⁰ От Таврического Губернского Комитета... С. 119, 120.

²¹ Лашкевич Х. Г. Дневник 1941–42 / предисл. М. Н. Шульженко // Дневники оккупации. Режим доступа: <http://dnevnik-okkupacii.narod.ru/lashkevich-dnevnik.html> (дата обращения: 06.08.2015).

ющим хозяйственной частью Симферопольских лазаретов в январе 1916 года состоял санитар-шофёр И. Я. Шишман²². А владелец Симферопольской сапожной мастерской для инвалидов войны И. Б. Синани в сентябре 1916-го даже «удостоился Милостивого внимания великой княжны Марии Павловны»²³.

После окончания Первой мировой войны, с началом войны Гражданской, большинство караимов-военнослужащих, которые не приняли большевистский октябрьский переворот 1917 года, остались на стороне белых; более половины из военнослужащих погибло на фронтах и в результате красного террора. Один из сыновей известного в Крыму и за его пределами садовода и общественного деятеля Абрама Ильича Пастака — Исаак Абрамович Пастак (Симферополь, а по другим сведениям, Ялта; 13 сентября 1894 — Париж, 14 октября 1965, похоронен в Сент-Женевьев-де-Буа) — в 1911 году окончил Симферопольскую мужскую казённую гимназию, а в 1916-м — физико-математический и впоследствии химический факультет Петроградского университета. С началом Первой мировой войны он поступил в Константиновское артиллерийское училище в Санкт-Петербурге, которое окончил в 1917 году. И. А. Пастак работал в должности химика в центральной лаборатории Артиллерийского ведомства. В 1918-м он был мобилизован в Добровольческую армию Вооружённых сил Юга России (ВСЮР), служил в артиллерии в чине поручика (в одном полку с сыном известного русского писателя С. И. Шмелёва — Сергеем). В 1920 году И. А. Пастак был эвакуирован в Галлиполи (ныне город Гелиболу в Турции), затем эмигрировал в Стамбул, потом — в Чехословакию, где в 1922 году окончил Политехникум в Праге (старейший гражданский технический вуз Европы и мира), получил степень доктора химии. Впоследствии оказался в эмиграции во Франции. Его родной брат Шаббатай Пастак (Симферополь, 7 марта 1896 — Париж, 20 (?) ноября 1985) также окончил Петроградский университет, в 1919 году был мобилизован в Добровольческую армию ВСЮР; в 1920-м он вместе с братом эмигрировал в Стамбул, позднее в Чехословакию; впоследствии оказался во Франции, в Париже, где работал инженером-электриком²⁴.

Серьёзный урон караимским общинам полуострова нанёс принявший устрашающие масштабы террор со стороны «крайне левых». Так, 23 и 24 февраля 1918 года в городах Крыма убито около 600 человек разных национальностей. Среди погибших от рук большевиков были представители караимской общины Симферополя. Погибли фабрикант А. М. Кефели, директор Сельскохозяйственного банка Б. И. Бобович, М. Я. Шишман (один из совладельцев симферопольской кондитерской фабрики «Братьев Шишман») и Э. Н. Робачевский²⁵. В конце 1920 — начале 1921 года большевиками были приговорены к казни: поручик Семён Ильич Арабаджи (расстрелян в Евпатории 8 ноября 1920 г.), а также ранее состоявший в войсках ВСЮР уроженец и житель Симферополя караим Эммануил Вениаминович Ага (1883–1921; убит 9 фев-

²² Крымская Книга Памяти ... С. 118.

²³ Там же. С. 119.

²⁴ Подробнее о биографиях А. И. и Ш. А. Пастаков см.: Прохоров Д. А. Эпистолярное наследие И. С. Шмелёва как источник по реконструкции биографий представителей караимской эмиграции во Франции // Историческое наследие Крыма / Госком. по охране культ. наследия Республики Крым: сб. ст. — Симферополь: ООО «Антиква», 2014. С. 33–45.

²⁵ А. К. [Катык А. И.]. Скорбный лист // Известия Караимского Духовного Правления. Евпатория. 1918, июль № 1. С. 26–28; Хроника. От наших корреспондентов. Симферополь // Известия Таврического и Одесского Караимского Духовного Правления. Евпатория, 5 августа 1917. № 4. С. 30.

раля 1921 г.)²⁶. Подпоручик Эзра Маркович Фуки (житель Харькова, в декабре 1915 г. был призван Харьковским уездным по воинской повинности присутствием; служил в звании прапорщика) расстрелян 22 ноября 1920 года в Симферополе²⁷.

Ещё один представитель симферопольских караимов, Авраам Симович (Семёнович) Хаджи был призван в роту государственного ополчения в Севастополе; впоследствии получил чин подпоручика²⁸. С началом Гражданской войны А. С. Хаджи перешёл на сторону белых; вместе с другими военнослужащими сдался в плен частям Красной армии в Симферополе. Однако, несмотря на обещание сохранить жизнь, в соответствии с постановлением чрезвычайной тройки ВЧК при РВС Южного фронта от 22 ноября 1920 года он вместе с 857 военнопленными был расстрелян в Симферополе 22 ноября 1920 года. В тот же день был расстрелян и подпоручик Иезекиль Симович Хаджи²⁹. Что касается Юфуды Симовича Хаджи (1893 г. р., караим, из мещан Симферополя, б/п, не женат, образование среднее, окончил школу прапорщиков; после войны работал приказчиком), он был арестован 21 ноября 1920 года Особым отделом (ОО) 46-й дивизии по обвинению за службу в белой армии в чине офицера. Однако 22 ноября 1920 года ОО 46-й дивизии всё же был освобождён из-под стражи за недоказанностью обвинения.

Поручик Семён (Симха) Шолемович Кефели (Кафели) был призван на действительную службу в 1915 году Симферопольским по воинской повинности присутствием; он состоял ополченцем 2-го разряда, находился в Полтаве в военном училище; по его окончании С. Ш. Кефели было присвоено звание прапорщика³⁰. 24 ноября 1920 года в Симферополе он погиб от рук большевиков³¹. Илья Моисеевич Гиббор (1880–1920) — уроженец Евпатории, до Первой мировой войны с отличием окончил музыкальную школу, а затем и физико-математический факультет Киевского университета. Работал преподавателем в гимназии и скрипачом в Киевском городском театре. В Первую мировую был призван из запаса в звании прапорщика; проходил службу в VII армейском корпусе, 13-й пехотной дивизии, 51-м пехотном Литовском Е. И. В. Наследника Цесаревича полку, был произведён в чин штабс-капитана. В 1915 году И. М. Гиббор был тяжело ранен; два месяца находился на излечении, досрочно вернулся в строй; был награждён боевыми орденами до ордена Св. Владимира IV степени с мечами включительно, также представлен к золотому Георгиевскому оружию. И. М. Гиббор имел звание потомственного почётного гражданина, проживал в Симферополе; был расстрелян большевиками 24 ноября 1920 года³².

Моисей Симович (Семёнович) Хаджи (1890–?) был арестован 21 ноября 1920 года приказом ОО 46-й дивизии по обвинению как состоявший на службе в белогвар-

²⁶ Реабилитированные историей : в 27 т. Автономная Республика Крым. Кн. 6 / под общ. ред. Д. В. Омельчука ; М. Р. Акулов [и др.]. Симферополь : Антиква, 2009. С. 72, 145.

²⁷ *Абраменко Л.* Последняя обитель. Крым, 1920–1921 годы. Киев : МАУП, 2005. С. 250 ; Реабилитированные историей. Автономная Республика Крым. Кн. 6. С. 51.

²⁸ ГКУ РК ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1287. Л. 27 об.

²⁹ *Абраменко Л.* Последняя обитель. Крым. С. 250 ; Реабилитированные историей. Автономная Республика Крым. Кн. 6. С. 51.

³⁰ ГКУ РК ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1287. Л. 105 об.

³¹ *Абраменко Л.* Последняя обитель. Крым. С. 252 ; Реабилитированные историей. Автономная республика Крым. Кн. 6. С. 53.

³² *Фуки А.* Указ. соч. С. 48 ; Реабилитированные историей. Автономная Республика Крым. Кн. 6. С. 55.

дейской контрразведке. Однако уже 22 ноября 1920 года ОО 46-й дивизии освободил М. С. Хаджи из-под стражи за недоказанностью обвинения. По окончании войны проживал в Симферополе. В начале 1920-х годов — беспартийный, не женат, занимался торговлей³³. Самуил Моисеевич Чинак (1894 г. р., уроженец Бахчисарая), арестованный в числе прочих в начале 1920 года, был расстрелян в Симферополе; Эммануила Соломоновича Стамболи казнили как контрреволюционера³⁴. Военнослужащий Красной армии Самуил Вениаминович Айваз (из мещан, уроженец Симферополя) 2 ноября 1921 года был арестован Крымской ЧК за службу у белых в качестве делопроизводителя³⁵. Подпоручик Иезекиль Самойлович Черкес (1887 г. р., уроженец Симферополя) находился в рядах российской армии, а затем служил во ВСЮР. Был взят в плен и с 1920 года состоял на особом учёте в Симферопольской ЧК³⁶.

Таким образом, в результате проанализированных материалов было установлено, что из губернской столицы в течение 1914–1918 годов было призвано и ушло добровольцами 39 человек. Общий подсчёт призванных в российскую армию и добровольцев затруднён тем, что фамилии некоторых караимов-военнослужащих были внесены в списки газзанами ряда караимских общин дважды. Так, например, житель Симферополя Авраам Иосифович Баккал (19 сентября 1884 — 1920), выпускник Александровского караимского духовного училища (АДУ) 1903 года, в 1912-м окончивший также юридический факультет Московского университета, фигурировал как в списках, представленных в ТОКДП, старшим газзаном симферопольской караимской общины Б. С. Ельяшевичем, так и в списках членов бахчисарайской караимской общины, составленных газзаном И. Сапак-Карабаджаком. То же касалось Исаака Авраамовича и Ильи-Шломо Авраамовича Дубинских, Авраама Иосифовича Баккала, Семы Соломоновича Кефели³⁷. Яков Михайлович Прик, Эммануил Самуилович Пенерджи, Нахаму-Бабакай Исаакович Фуки одновременно были внесены в списки караимских газзанов Симферополя и Севастополя. Фамилия симферопольца Якова Ильича Аваша встречается и в списках караимов, призванных на воинскую службу из Одессы³⁸. Следует также сказать, что за годы Первой мировой и Гражданской войны, а затем и в результате массовой эмиграции многих жителей из Крыма в 1920 году численность караимской общины Симферополя значительно сократилась — в марте 1921 года в городе насчитывалось всего 976 караимов (мужчин — 434, женщин — 542)³⁹.

Важно также отметить, что в биографиях ряда военнослужащих из числа караимов, а также благотворителей и медицинских работников, принимавших участие в Первой мировой войне, имеются определённые лакуны; неисследованными остаются эпизоды, требующие дальнейшего изучения и научной реконструкции.

³³ Реабилитированные историей. Автономная Республика Крым. Кн. 6. С. 240.

³⁴ Там же. С. 76, 113.

³⁵ Реабилитированные историей : в 27 т. Автономная Республика Крым. Кн. 1 / под общ. ред. Д. В. Омельчука ; М. Р. Акулов [и др.]. Симферополь : ИПЦ «Магистр», 2004. — С. 151.

³⁶ Крымская Книга Памяти ... С. 300.

³⁷ ГКУ РК ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1287. Л. 20, 20 об., 27.

³⁸ Там же. Л. 118.

³⁹ Ведомость населения Таврической губернии по вероисповеданиям // Памятная книжка Таврической губернии на 1915 год / изд. Тавр. губ. статком. ; под ред. секр. ком. Н. Г. Часовникова. — Симферополь : Тавр. губ. тип., 1915. С. 128–129 ; Статистические данные о числе караимов в Крыму в 1921 г. и 1926 г. // Бизым Йол (Наш путь). Симферополь, 1927. С. 95.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Реестр караимов Симферополя, призванных для прохождения службы в ряды российской армии в период с 1914 по 1918 год*

№	Ф. И. О., социальный статус	Место жительства, дата призыва, каким по воинской повинности при- сутствием призван	Место прохождения службы, дислокация воинского подразделения	Особые отметки (награды, ранения и пр.)
1	2	3	4	5
1	Аваш Яков Ильич	Симферополь / Одесса	Вольноопределяющий- ся; произведён в пра- порщики, находился в действующей армии	Получил ранение в период с 26 по 30 августа 1914 г.
2	Айваз Самуил Вениаминович	Симферополь	Нижний чин (рядо- вой), в действующей армии	2 ноября 1921 г. арес- тован Крымской ЧК за службу у белых делопроизводителем
3	Аксуяк Моисей Самуилович	Симферополь	Нижний чин (рядовой), 84-я рабочая рота госу- дарственного ополче- ния, в Севастополе	
4	Аппак Вениамин Соломонович	Симферополь	Нижний чин (рядовой), в действующей армии; VII армейский корпус, 13-я пехотная дивизия, 51-й пехотный Литов- ский Е. И. В. Наслед- ника Цесаревича полк	В одном из боёв был ранен
5	Баккал Авраам Иосифович	Бахчисарай / Сим- ферополь; призван из запаса в 1914 г. Симферопольским по воинской повин- ности присутствием; поступил в Севасто- поль вольноопреде- ляющимся	Произведён в пра- порщики; находил- ся в действующей армии; 70-й Рижский полк, XIV армейский корпус, 18-я пехотная дивизия, 34-й запасной батальон; присвоено звание штабс-капитана	
6	Гиббор Илья Моисеевич	Киев; призван из запаса	Прапорщик, VII ар- мейский корпус, 13-я пехотная дивизия, 51-й пехотный Литов- ский Его Император- ского Высочества На- следника Цесаревича полк; произведён в чин штабс-капитана	В 1915 г. тяжело ранен; два месяца был на изле- чении, досрочно вернул- ся в строй; награждён боевыми орденами до ордена Св. Владимира IV степени с мечами включительно, был представлен к золотому оружию; убит в Симфе- рополе 24 ноября 1920 г.

* С включением данных о караимах из других общин, призванных и проходивших службу в Симферополе во время Первой мировой войны.

Продолжение таблицы

1	2	3	4	5
7	Дубинский Исаак Авраамович	Симферополь / Бахчисарай; при- зван в 1914 г. Сим- феропольским по воинской повинно- сти присутствием	Ополченец 1-го раз- ряда, находился в действующей армии; XVII армейский кор- пус, 11-й пехотный Псковский генерал- фельдмаршала князя Кутузова-Смоленского полк, 1-я рота	С февраля 1915 г. не было никаких известий; по данным на апрель 1915 г. на- ходился во Львове
8	Дубинский Илья Шломо Авраамович	Симферополь / Бахчисарай; призван в 1914 г. Симферопольским по воинской по- винности присут- ствием	Ополченец 1-го раз- ряда, находился в Бельбеке, в 84-й сапёр- ной роте государствен- ного ополчения	
9	Зенгин Барух Бабакаевич	Симферополь	Нижний чин (рядовой), (?) резервный батальон в Симферополе	
10	Ефет Лазарь Иосифович	Симферополь	Доброволец, 17 июля 1917 г.; в «батальоне смерти»	
11	Кефели Сима Соломонович (Шолемович)	Симферополь / Бахчисарай; при- зван на действи- тельную службу в 1915 г. Симферо- польским по во- инской повинности присутствием	Ополченец 2-го раз- ряда, находился в Полтаве в военном училище; по его окончании присвоено звание прапорщика	Расстрелян больше- виками в Симфе- рополе 24 ноября 1920 г.
12	Максимаджи Исаак Моисеевич	Симферополь	Нижний чин (рядо- вой), 32-й резервный батальон в Симферо- поле	
13	Мереседи Самуил Давидович	Симферополь	Нижний чин (рядо- вой), в действующей армии	Был ранен, в апреле 1915 г. находился на излечении в Симфе- рополе
14	Очан Авраам Ганукович	Симферополь	Прапорщик, в дей- ствующей армии, 62-я пехотная дивизия, 246-й Бахчисарайский 2-й очереди полк	В одном из боёв был контужен

Продолжение таблицы

1	2	3	4	5
15	Очан Моисей Ганукович	Симферополь	Нижний чин (рядовой), в действующей армии; VII армейский корпус, 13-я пехотная дивизия, 51-й пехотный Литовский Е. И. В. Наследника Цесаревича полк	
16	Очан Самуил Ганукович	Симферополь	Нижний чин (рядовой), в действующей армии; VII армейский корпус, 13-я пехотная дивизия, 51-й пехотный Литовский Е. И. В. Наследника Цесаревича полк	Ранен во время боевых действий 18 февраля 1915 г.
17	Очан Борис Моисеевич	Симферополь	Врач, в действующей армии, проходил службу в Тульском лазарете	
18	Пандул Соломон Ильич	Симферополь	Старший унтер-офицер, 32-й резервный батальон в Симферополе	
19	Прик Яков Авраамович	Симферополь	Нижний чин (рядовой), в действующей армии	
20	Прик Яков Михайлович	Севастополь / Симферополь призван Симферопольским по воинской повинности присутствием (в период до апреля 1915 г.)	Нижний чин (рядовой), 85-я рабочая рота государственного ополчения, в Севастополе	
21	Пенерджи Эммануил Самуилович	Севастополь / Симферополь призван Симферопольским по воинской повинности присутствием (в период до апреля 1915 г.)	Нижний чин (рядовой), 84-я рабочая рота государственного ополчения, в Севастополе	
22	Сараф Иосиф Давидович	Симферополь	Нижний чин (рядовой), в действующей армии	Получил ранение 12 октября 1914 г.
23	Синани Иосиф Исаакович	Симферополь	Нижний чин (рядовой), в действующей армии; VII армейский корпус, 13-я пехотная дивизия, 51-й пехотный Литовский Е. И. В. Наследника Цесаревича полк	

Продолжение таблицы

1	2	3	4	5
24	Синани Ной Исаакович	Симферополь	Нижний чин (рядовой), в действующей армии; VII армейский корпус, 13-я пехотная дивизия, 51-й пехотный Литовский Е. И. В. Наследника Цесаревича полк	
25	Синани Лазарь Иосифович	Симферополь	Доброволец, 6 июля 1917 г.; в «батальоне смерти»	
26	Синани Соломон Исаакович	Симферополь	Нижний чин (рядовой), в действующей армии	
27	Танатар Авраам Авшаломович	Симферополь	Кондуктор, инженерный диспетчер в Симферополе	
28	Телал Вениамин Соломонович	Симферополь	Нижний чин (рядовой), в действующей армии, в 62-й пехотной дивизии, в 247-м 2-й очереди Мариупольском пехотном полку	
29	Фуки Нахаму-Бабакай Исаакович	Севастополь / Симферополь призван из запаса Севастопольским по воинской повинности присутствием, мобилизован 1 августа 1914 г.	Прапорщик, XII армейский корпус, 19-я пехотная дивизия, 73-й пехотный Крымский Е. И. В. Велико-го Князя Александра Михайловича полк; командовал ротой	Убит в бою 4 октября 1914 г. при взятии укрепленного объекта неприятеля
30	Хаджи Авраам Симович	Симферополь	Нижний чин (рядовой), (?) рота государственного ополчения в Севастополе; впоследствии получил чин подпоручика	Расстрелян большевиками в Симферополе 22 ноября 1920 г.
31	Хаджи Иезекиль Симович	Симферополь	Данных нет	
32	Хаджи Марк Симович	Симферополь	Данных нет	
33	Хаджи Моисей Симович (Семёнович) (1890-?)	Данных нет	Нижний чин (рядовой), 32-й резервный батальон в Симферополе	Арестован 21 ноября 1920 г. ОО 46-й дивизии; 22 ноября освобожден из-под стражи
34	Хаджи Юфуда Симович	Симферополь	Данных нет	

Окончание таблицы

1	2	3	4	5
35	Ходжаш Давид Тохтамышевич	Симферополь	Нижний чин (рядовой), (?) рота государственного ополчения в Севастополе	
36	Черкес Иезекиль Самойлович	Симферополь	Нижний чин (рядовой), в действующей армии	После 1918 г. служил во ВСЮР; был взят в плен и с 1920 г. находился на особом учёте в Симферопольской ЧК
37	Черкес Марк Ильич	Симферополь	Подпоручик, в действующей армии	В возрасте 18 лет за боевые заслуги был награждён Георгиевским крестом IV степени
38	Шапшал Илья Азаревич	Симферополь	Нижний чин (рядовой), в действующей армии	
39	Шишман Симха Авраамович	Симферополь	Писарь в управлении Симферопольского воинского начальника	
			Прапорщик, находился в действующей армии, в 62-й пехотной дивизии, в 247-м 2-й очереди Мариупольском пехотном полку	

РЕЛИКВИИ

Д. А. Борисов

Семейные альбомы

Интересным свидетельством истории семьи в истории России являются семейные альбомы, которые хранятся в моей семье вот уже более 100 лет. Их автором является мой прадед — Евгений Иванович Брысов, всю жизнь посвятивший себя служению Отечеству. С ним всегда был фотографический аппарат. Страсть к фотографии Евгений Иванович пронёс через всю жизнь. Благодаря ему можно познакомиться с бытовыми сценами и боевыми моментами Российской и Красной армий на протяжении более полувека. Альбомы посвящены службе в Белостоке, Первой мировой войне и Великой Отечественной войне.

Его отец — Иван Брысов — окончил Воткинское оружейное училище. С 1876 по 1881 год учился в Ижевской артиллерийской оружейной школе. Был назначен в 90-й резервный пехотный батальон в город Пензу. В 1885 году уволен. После переезда в Севастополь служил оружейным мастером пограничной стражи. В 1925 году избран депутатом в Севастопольский городской совет. Семья, в которой было пять детей, жила на Рудольфовой горе (ныне гора Матюшенко).

Родной брат моего прадеда — Виктор Брысов — офицер-подводник, служил механиком на подводной лодке «Морж». На ней же он и погиб в Босфоре в мае 1917 года.

Второй брат — Вячеслав — в 1920 году ушёл на одном из последних пароходов «Реале», с остатками армии барона Врангеля. Домой вернулся только в 1926-м. В Великую Отечественную войну дошёл до Праги.

Сёстры — Ольга и Анна — всю жизнь преподавали иностранные языки. Младший брат Сергей жил в Москве и преподавал в авиационном техникуме.

Евгений Иванович родился в городе Пензе, начинал учиться в Таурогене, но своей родиной всегда считал Севастополь, который очень любил. После

Е. И. Брысов. 1914 г.

Фотографии, сделанные накануне Первой мировой войны из альбома Е. И. Брысова

Севастопольского реального училища он окончил Московское юнкерское училище и служил прапорщиком в польском городе Лодзь. Там же и женился на Клавдии Владимировне Булдаковой, дочери коменданта Лодзя в 1909–1912 годах полковника В. Булдакова.

В первые дни Первой мировой войны Е. И. Брысов находился в Белостоке, затем воевал в Восточной Пруссии.

В конце января 1916 года началась разработанная Н. Н. Юденичем Трапезундская операция, целью которой было взятие города и порта Трапезунд (Трабзон). Одновременно было выдвинуто предложение захватить Трапезунд десантом с моря. Непосредственный участник Трапезундского десанта Евгений Иванович Брысов был в 1916 году капитаном артиллерии.

Когда в 1916 году готовился десант, он несколько дней жил в Мариуполе, здесь же артиллерийская бригада была погружена на корабли и отправлена к турецким берегам в сопровождении кораблей Черноморского флота. Весь путь десанта и боевые действия Евгений Иванович фотографировал. Причём подписи к фотографиям свидетельствуют о дате и месте того или иного снимка. В мае 1916 года Е. И. Брысов был ранен и контужен.

После возвращения с фронта долечивался в Севастополе у родителей.

В февральские дни 1918 года, когда в городе бесчинствовали революционные матросы, его спрятали полковые товарищи, а затем он переправился на Урал к родственникам.

После Гражданской войны прадед служит в Красной армии, преподавателем топографии в Ки-

Е. И. Брысов. 1960-е гг.

Трапезундская операция русской армии 1916 г. Фото Е. И. Брысова

евской артиллерийской школе. Одним из его выпускников был будущий полководец Черняховский. В 1937 году репрессии обошли Евгения Ивановича, несмотря на то что он был «военспецом».

Вторую мировую войну он встретил в звании полковника. Служил в отдельных армиях начальником топографического управления, награждён орденами Ленина, Красного Знамени, Красной Звезды, Отечественной войны II степени. Один из наградных листов подписан главным маршалом артиллерии Вороновым.

Войну закончил в звании полковника, возможно, не стал генералом, потому что не состоял в партии. Продолжал службу на различных должностях в Ленинграде, Москве, Севастополе. Умер в 1963 году. Похоронен в Севастополе на гражданском кладбище, где покоятся три поколения Брысовых.

В. М. Надикта

Сохранение памяти о событиях и участниках Великой войны в музеях Симферополя

В 2014 году исполнилось сто лет событиям, которые в разные времена назывались по-разному: Великая война, Вторая Отечественная, империалистическая, Великая война за цивилизацию, но в мировую историю они вошли как Первая мировая война 1914–1918 годов. Крым был регионом, далёким от непосредственных сражений на германском и австро-венгерском фронтах, но тем не менее оказался в эпицентре важных исторических процессов.

Сто лет назад трагедию мировой войны заслонила революция и Гражданская война. Именно они долгое время определяли отношение к её событиям и их участникам. В музейных экспозициях разделы о Первой мировой войне либо отсутствовали (их заменяли обширные повествования о героях революционных преобразований или бойцах Красной армии — активных участниках борьбы с белогвардейцами), либо освещались несколькими экспонатами для создания непрерывного хронологического и исторического ряда. В 2014 году Крыму вместо торжественных речей и поминальных молитв пришлось проявить гражданскую позицию и сделать свой исторический выбор. Однако, несмотря на всё это, события столетней давности не прошли незамеченными. В конце сентября 2014 года в Центральном музее Тавриды была открыта выставка, посвящённая столетию начала Великой войны.

Этому предшествовал целый ряд небольших и зачастую не связанных между собой событий. В 2009 году Таврический центр военной истории провёл в здании бывшего Офицерского собрания 51-го пехотного Литовского Его Императорского Высочества Наследника-Цесаревича полка (ныне здание Симферопольского художественного музея, ул. Долгоруковская, 35) памятную встречу общественности в связи с 200-летием формирования полка. Выбор этой войсковой части был не случайным. Литовцы квартировали в Симферополе с 1874 года. Летом 2010 года редакцией военно-исторического журнала «Military Крым» была организована экспедиция по местам боёв во время Карпатской битвы 1915 года. На военных кладбищах в Карпатах, судя по анализу списков раненых, поступавших в тыловые госпитали, захоронены не менее 1500–2000 человек из числа личного состава 13-й пехотной дивизии, из которых не менее 80–90% — крымчане. В полковом храме Святого Николая на улице Александра Невского, 19, участ-

ники поездки рассказали о своих впечатлениях и продемонстрировали артефакты и фотографии с места сражения у горы Кучалата и на берегах реки Цироха в Словакии, где проходил фронт действий 13-й пехотной дивизии. Следующим этапом возвращения исторической памяти стал проект возрождения полкового музея Литовского полка. 12 июня 2012 года в Симферополе в здании Симферопольского художественного музея, в том же помещении Офицерского собрания, был открыт возрождённый Музей 51-го пехотного Литовского полка — событие, безусловно, из ряда международных сенсаций. Впервые в мире спустя почти сто лет после исхода Русской армии в изгнание из Крыма в 1920 году и официально прекращения существования Российской императорской армии музей одного из её полков возвращается домой. Проект Музея реализован общественной организацией «Таврический центр военной истории» и редакцией военно-исторического журнала «Military Крым», при поддержке и непосредственном участии мецената Алексея Шереметьева, трудами Симферопольского художественного музея, военно-исторического клуба «Бескиды» (Словакия) и всех, кто не остался безразличным к проекту.

Сама идея возрождения Музея 51-го пехотного Литовского полка не только не противоречит содержанию художественного музея, но и гармонично дополняет его. Напомним, что Офицерские собрания, как ни удивительно, были теми местами, в которых хранились великолепные собрания картин, принадлежавших кисти лучших художников России. Например, в Екатеринославе именно офицерское собрание одного из полков в 1887 году стало местом проведения первой в городе крупной выставки картин, организованной «Товариществом передвижных выставок», благодаря которому екатеринославцы смогли увидеть выдающиеся работы И. Е. Репина, И. Н. Крамского, К. П. Брюллова, И. И. Шишкина, Г. Г. Мясоедова и других. В Симферополе в продолжение этой традиции акцент делается на живописных произведениях выдающегося художника-баталиста Н. С. Самокиша из коллекции художественного музея, что придаёт оригинальность всему проекту.

Полковой музей сегодня — это полтора десятка стендов и несколько витрин, заполненных тем, что удалось получить, без преувеличения, со всего мира. Некоторые документы поистине уникальны. К ним можно отнести дело о награждении орденом Святого Георгия IV степени штабс-капитана П. Ф. Ртищева [1]. Не менее интересен подаренный словацкими и австрийскими друзьями опросный лист военнопленного — солдата Литовского полка, взятого в плен солдатами австро-венгерской армии во время Карпатской операции Юго-Западного фронта в 1915 году. Среди экспонатов несколько предметов, принадлежавших солдатам и офицерам полка: увольнительный жетон, расчётный жетон офицерского собрания. Очень интересны работы художника И. П. Руденкова, бывшего солдата-литовца, переданные в архив музея его правнуком. В экспозиции несколько книг из полковой библиотеки одной из лучших библиотек Симферополя своего времени. Их предоставил в распоряжение музея известный симферопольский коллекционер К. Аверкиев. Уже после открытия Музея его коллекция пополнилась ещё одним экспонатом — табакеркой полкового врача коллежского асессора Скорюхова.

В настоящее время этот проект получил дальнейшее развитие. В каждом экспозиционном зале художественного музея воссоздана обстановка помещений

в их первоначальном назначении: столовая, библиотека, аванзал, бильярдная и т. д., в связи с чем здание стало не только картинной галереей, но и уникальным памятником военной истории Российской императорской армии.

В 2011 году совместно с телекомпанией «Неаполь» был успешно реализован медиапроект «Поле битвы — Крым». Из одиннадцати телевизионных программ, вышедших в эфир в течение 2011–2012 годов, четыре были посвящены событиям Первой мировой войны и частям российской армии, несшим службу в Симферополе. Особое место в этом проекте занял сюжет о создании легендарного марша «Прощание славянки» [2]. Все жители столицы Крыма знают и уже привыкли к тому, что поезда, отправляющиеся с железнодорожного вокзала, сопровождает мелодия этого марша. Однако мало кто знает, что именно в Симферополе штаб-трубач 7-го запасного кавалерийского полка В. И. Агапкин, приехавший из Тамбова, обратился к капельмейстеру 51-го пехотного Литовского полка Я. И. Богораду с просьбой помочь сделать оранжировку написанного им марша. В 1912 году в Симферополе в музыкально-издательском «Бюро инструментовки пьес Я. И. Богорада» увидела свет пластинка с музыкой марша «Прощание славянки». В сентябре 2012 года на фестивале духовых оркестров и рот почётного караула «Спасская башня» в Москве сводный оркестр участников отметил столетний юбилей марша исполнением его в финале гала-концерта.

В ходе исследовательской работы по сбору материалов для музея Литовского полка выяснилось, что в Симферополе проживают родственники солдат и офицеров Литовского полка. Более того, именно из них, по сути, сформировалось неофициальное объединение потомков чинов 51-го пехотного Литовского полка. Благодаря им из забвения возвращены имена С. Носкова, М. В. Струкова, М. Л. Трифонова, И. М. Тарбеева, П. И. Разгона, В. Д. Карачевского-Волка. Специально для них и для тех, кто активно занимается изучением военной истории Крыма, были изготовлены точные копии полкового знака, учреждённого высочайшим соизволением 26 сентября 1908 года к 100-летию юбилею части [3].

Активность симферопольской общественности, краеведов коснулась и другой воинской части, которая долгое время располагалась в Симферополе. Речь идёт о Крымском конном Её Величества Государыни Императрицы полке. Его казармы находились на пересечении улиц Бетлинской (ныне ул. Крейзера) и Эскадронной. Рядом, на улице Марковской (ныне ул. Калинина), в 1913 году было построено здание Офицерского собрания, а по соседству, в Царской роще, — полковая мечеть Валиде-Шариф. Исследование симферопольского периода истории этого полка также преподнесло несколько сюрпризов.

В коллекции Центрального музея Тавриды хранится жетон, изготовленный из серебра, в форме варяжского щита с заостренной верхней частью высотой 38 мм и шириной 24 мм. Поле щита покрыто синей эмалью с вензелями императоров Александра II и Николая II, под которыми помещено римское число «XXV». Щит окаймлён ободком, залитым красной эмалью, с надписью «Крымскій 1875 дивизионъ 1900». Щит наложен на скрещенные шашки рукоятями вверх и увенчан императорской короной. К короне припаяно кольцо для цепочки. На обратной стороне щит имеет двойной бортик. В центре щита помещена надпись в три строки: «Ротмистръ Руссетъ 1881–1896» [4].

Е. В. Руссет, ротмистр Крымского конного дивизиона

Жетон из коллекции Центрального музея Тавриды, бесспорно, принадлежал ротмистру Крымского конного полка Евгению Владимировичу Руссету и был вручен ему на память о службе в дивизионе в дни празднования юбилея конного дивизиона.

Среди жителей Крымского полуострова фамилия Руссет встречается несколько раз. Биографии трёх обладателей этой фамилии связаны с Симферополем и с Крымским конным полком.

Вильгельм Иванович Руссет в 1851 году был отделенным офицером Воронежской военной гимназии, а высочайшим приказом от 23 марта 1866 года зачислен майором по армейской пехоте. По всей видимости, тогда же он прибыл в Крым. Его сын, Евгений Владимирович (Вильгельмович), родился в 1854 году. Известно, что он начал военную службу в Крымской стрелковой роте, а затем служил в конном дивизионе. В чине ротмистра был уволен в отставку, умер в

1911 году и был похоронен в Симферополе. Внук Вильгельма Ивановича, корнет Крымского конного полка Евгений Евгеньевич Руссет, погиб в 1914 году на фронте в ходе Первой мировой войны, захоронен рядом [5].

Судьба целых поколений проследживается в реликвиях из домашних собраний. Несмотря на все перипетии XX столетия, в семьях крымских татар, вернувшихся в Крым, сохранились фотографии всадников Крымского конного полка. На одной из них запечатлены двоюродные братья Сеттар Шериф, уроженец села Байдар Балаклавского района Севастополя, и Билял Осман Бари, служившие в одном эскадроне. На двух других — Абибулла Аблямит и Сулейман Меджид Оглы, всадники (рядовые) Крымского конного Её Величества Государыни Императрицы Александры Фёдоровны полка.

Итогом пятилетней поисковой работы стало открытие выставки «Первая мировая война. Крымский след» в Центральном музее Тавриды, посвящённой столетию начала Великой войны. Основу её составляют коллекции Центрального музея Тавриды и Бахчисарайского

Абибулла Аблямит, всадник Крымского конного Её Величества Государыни Императрицы Александры Фёдоровны полка

???

Речь в статье идёт явно не об этом фото. Текст не соответствует иллюстрации. Где на этом фото Абибулла Аблямит?

дворца-музея, а также частные архивы. В большинстве своём это личные вещи и предметы быта начала XX века.

Несмотря на хронологический принцип показа, его не всегда удавалось выдерживать, так как необходимо было одновременно показать представителей всех родов оружия: армия, авиация, флот, а также деятельность медицинских работников и гражданского населения в тылу. Для Крыма это более показательно, нежели непосредственные боевые действия на фронте. Иногда возникала необходимость показать деятельность отдельных участников, чьи личные вещи являлись основой для раскрытия темы.

Экспозиция открывалась официальными документами (газетами того времени) с публикациями высочайших манифестов об объявлении войны России Германией и Австро-Венгрией. При освещении темы мобилизации необходимо было упомянуть о всех полках 13-й пехотной дивизии 7-го армейского корпуса: 49-м Брестском, 50-м Белостокском, 51-м Литовском и 52-м Виленском пехотных полках, но «коренным симферопольцам», конечно, отдавалось предпочтение. Среди экспонатов был подлинный документ — послужной список М. Р. Давыдова, коллежского регистратора, фельдшера 180-го полевого запасного госпиталя. Свою военную биографию он начал как вольноопределяющийся 49-го Брестского пехотного полка в Севастополе, а затем продолжил службу в 51-м. Давыдов очень хотел стать военным и дважды пытался поступить в Одесское военное училище, но не выдержал экзаменов, после чего поступил в Харьковский медицинский институт. В 1914 году по мобилизации был направлен на службу в полевой госпиталь.

После от мобилизации 7-й армейский корпус в полном составе отбыл на Юго-Западный фронт в Галицию, где в 1914–1916 годах принимал участие во всех масштабных военных операциях.

В семейном архиве Барановских хранятся документы Евгения Ивановича Голубева, подпоручика 51-го пехотного Литовского Её Императорского Высочества Наследника Цесаревича полка. До войны он был настоятелем Свято-Николаевского храма, полковой церкви литовцев. В походе исполнял должность полкового священника. Насколько это было небезопасно, свидетельствует открытка, присланная в имение Голубевых, под Феодосией, 12 июня 1915 года. В ней сообщалось, что «Государь Император, по всеподданнейшему докладу Синодального обер-прокурора, согласно определению Святейшего Синода, Всемилостивейше соизволил за отличия во время военных действий, на сопричисление к ордену Святого Владимира третьей степени с мечами — протоиерея 51-го пехотного Литовского полка Иоанна Голубева» (Правительственный вестник от 9 июня 1915 г., № 125). Ордена с мечами выдавались кавалерам за участие в боях и за проявленное при этом

Е. И. Голубев (протоиерей, полковой священник), подпоручик 51-го пехотного Литовского Е. И. В. Наследника Цесаревича полка

Открытка с поздравлениями Е. И. Голубеву по случаю награждения его орденом Святого Владимира III степени с мечами

мужество и отвагу. А спустя три месяца Голубев стал кавалером ордена Святого Георгия IV степени. В высочайшем приказе от 9 сентября 1915 года было указано: «...за то, что в бою 2-го Декабря 1914 года у д. Турска, командуя ротой и получив приказание отбросить противника, обходившего наш левый фланг, стремительным штыковым ударом обратил противника в бегство, захватил два действующих пулемёта» [5].

Год спустя георгиевским кавалером стал и его сослужи-

вец — капитан 51-го пехотного Литовского Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича полка Павел Фёдорович Ртищев. В наградном листе, хранящемся в архиве, можно прочесть реляцию Георгиевской думы дивизии: «За то, что, будучи в чине штабс-капитана, в боях 21 и 22 Июля 1916 г. во главе своей роты переправился через реку Серет, под губительным огнём противника, совместно с другими ротами, атаковал и взял д. Дзички и окопы противника в районе д. к Чистопадам. Весь день 22 Июля отражал двумя ротами контратаки противника на дер. Чистопады. 23 Июля будучи начальником боевого участка из 3 1/2 рот, атаковал противника на высоте 372, отбил все его контратаки, занял выс. 372 и захватил пленных до 300 человек. В боях с 28 по 31, командуя батальоном, лично повёл свой батальон в штыковую атаку, взял высоту 388 и захватил свыше 500 пленных и 1 действующий пулемёт. Отбил новую контратаку и захватил вновь 300 пленных и 1 пулемёт» (приказ по армии и флоту от 30 июня 1917 г.) [6].

Д. Г. Андреади, штабс-капитан 51-го пехотного Литовского Е. И. В. Наследника Цесаревича полка

Авиация в России всегда пользовалась особой любовью у населения. Крым же можно считать одной из колыбелей крыльев России. Об этом свидетельствует открытка, выпущенная в 1915 году [6]. В Симферополе находились цеха авиационного завода «Анатра», в Каче, под Севастополем, развернулась школа морской авиации (впоследствии легендарное Качинское авиационное училище). Многие кадровые офицеры пехотных и кавалерийских частей, «заболев авиацией», получали права пилотов и переходили на службу в авиационные отряды и роты. Одним из таких подвижников стал штабс-капитан 51-го пехотного Литовского полка Дмитрий Георгиевич Андреади (1880–1914).

В годы Русско-японской войны 1904–1905 годов, командуя пехотным подразделением, отличился в боях, получил три боевых ордена. В апреле 1911 года поступил в Севастопольскую школу авиации и уже в августе сдал экзамен на звание военного лётчика. Затем в этой же школе служил инструктором. В 1912 году совершил рекордный перелёт по маршруту Севастополь — Херсон — Одесса — Кременчуг — Полтава — Харьков — Москва — Петербург, преодолев с посадками около 2800 км. Ему не довелось принять участие в сражениях Первой мировой войны. Штабс-капитан Д. Г. Андреади, совершая показательный полёт, погиб 20 марта 1914 года и похоронен в родном Симферополе.

Среди экспонатов, представленных Бахчисарайским дворцом-музеем, обращает на себя внимание рисунок фронтального художника И. Владимирова «Солдаты в окопе», сделанный с натуры на фронте в районе Карпат. Оказалось, что он был не художником-любителем, а профессиональным корреспондентом журнала «Огонёк». На выставке можно увидеть его фотографии, сделанные на месте событий и напечатанные в журнале.

По завершении выставки многие экспонаты вернулись в места своего постоянного хранения, а некоторые из них по желанию владельцев пополнили фонды Центрального музея Тавриды и музея истории города Симферополя.

Источники и литература

1. <http://military.sevstudio.com/teleproekty/>
2. Сакович А. О юбилейном нагрудном знаке 51-го пехотного Литовского Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича полка // Military Крым. 2012. № 21. С. 52.
3. Бобков А. Два офицерских жетона начала 20 века / А. Бобков, В. Салгирский // Military Крым. 2009. № 13. С. 60.
4. Маркевич А. И. Некрополь Симферополя. Старое христианское кладбище за Симферополем. Симферополь : Тип. губ. земства, 1918;
5. РГВИА. Ф. 400. Оп. 12. Д. 26972. Л. 1134–1137. (Голубев) ; Военный орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия. Именные списки 1769–1920 : Библиограф. справочник / отв. сост. В. М. Шабанов ; Федеральн. архив. агентство ; Рос. гос. воен.-ист. архив (РГВИА). Русский мирь, 2004. С. 469.
6. РГВИА. Ф. 400. Оп. 12. Д. 27584. Л. 118–125 (Ртищев) ; Военный орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия. Именные списки 1769–1920 : Библиограф. справочник / отв. сост. В. М. Шабанов ; Федеральн. архив. агентство ; Рос. гос. воен.-ист. архив (РГВИА). Русский мирь, 2004. С. 730.

Открытка 1915 г.

Н. Н. Колесникова

«Ограждая достоинство и безопасность Нашей Империи...»

(Литература о Первой мировой войне
в библиотеке «Таврика»)

В фондах научной библиотеки «Таврика» им. А. Х. Стевена Центрального музея Тавриды хранятся богато иллюстрированные раритетные издания военного периода, наиболее полно и ярко передающие образы и события тех лет. Император Николай II 20 и 26 июля (ст. ст.) 1914 года подписал указы о войне, объявленной России Германией, а затем Австро-Венгрией. «Видит Господь, что не ради воинственных замыслов или суетной мирской славы подняли мы оружие, но ограждая достоинство и безопасность Нашей Империи» — это цитата из опубликованного указа в еженедельном иллюстрированном журнале «**Летопись войны 1914–1917 гг.**». Редактор журнала — военный писатель, в 1904–1905 годах — издатель еженедельного иллюстрированного журнала «Летопись войны с Японией» генерал-майор Дмитрий Николаевич Дубенский, состоявший в свите императора в качестве официального историографа. В «Летописи войны 1914–1917 гг.» публиковались правительственные распоряжения, официальные донесения с войны, различные статьи и заметки о военных событиях. Каждый номер крупноформатного журнала щедро снабжён иллюстрациями: картины, портреты, планы, карты, наброски известных художников. Всего за военный период вышло 132 номера журнала.

Следующий раритет — периодическое издание М. Я. Маковского «**Великая война в образах и картинах**», выходившее с 1914 по 1917 год под редакцией художника и искусствоведа И. Лазаревского. Всего было издано 14 выпусков. В фондах «Таврики» они хранятся во владельческом картонном переплёте с рельефным изображением двуглавого орла. Сборники содержат воззвания, манифесты, очерки, описывающие события на фронте, в госпиталях, в тылу. Они не претендуют на глубокие военные исследования, так как издавались в ходе войны как пропагандистские. Да и цензура не дремала. Оценка сборнику дана в телеграмме Верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича в ответ на новогоднее поздравление редакции «Великой войны в образах и картинах»: «Москва. Издателю Дмитрию Маковскому. Очень тронут, сердечно благодарю

состав редакции издания за молитвы и вернопреданнические чувства. Генерал-адъютант Николай». Издание роскошно иллюстрировано, особую ценность представляют фотографии русских и европейских фотокорреспондентов с места событий. В составлении сборника принимали участие видные представители художественного мира той эпохи: академики К. Е. Маковский и Н. К. Рерих, художники Н. С. Самокиш и В. А. Серов. В военно-литературном отделе сотрудничали генерал М. И. Ботьянов, поэт С. Городецкий, князь П. Д. Долгоруков, князь М. М. Кочубей, профессор В. Д. Кузьмин-Караваев, академик А. П. Семёнов-Тян-Шанский, граф А. Н. Толстой, князь Е. Н. Трубецкой, С. Н. Булгаков и многие другие.

Из иностранной периодики любопытна еженедельная иллюстрированная британская газета «**The Graphic**» («Графика») за 1917 год. Издание освещало главные внутренние новости страны, а также международные события. Корреспонденты газеты присылали информацию и фотографии со всех уголков мира, что позволило читателям «Графики» ярко и подробно представлять события, происходившие на всех фронтах боевых действий.

Новости с фронта широко освещались и в отечественных газетах военного периода. В подшивках московской газеты «**Новь**» и ялтинской газеты «**Русская Ривьера**» за 1914 год для военной хроники выделялась целая полоса, включавшая различные рубрики и нередко фотографии.

О том, как жители Таврической губернии встретили весть о начале войны, можно судить по выступлению председателя Евпаторийской уездной земской управы С. Э. Дувана: «Всё виденное и пережитое мною ярко рисует то единодушное, которое охватило всю Русь в эти дни тяжёлого испытания. Все рвутся в бой, оспаривая друг у друга честь пойти в первую очередь. В эти дни всенародного подъёма настал черёд и нам принести жертву Родине, претворить слово в дело и доказать свою любовь к Отчизне, принеся свою посильную лепту как деньгами, вещами, продуктами, так и трудом».

Таврическая губерния принимала активное участие в оказании помощи воинам, пострадавшим на войне. Было создано множество благотворительных организаций: Комитет Ялтинского земства по оказанию помощи семьям запасных и ратников ополчения, призванных на войну; Временный комитет по оказанию помощи на Южном берегу Крыма больным и раненым, пострадавшим в действующей армии; Комитет, организованный Ялтинским семейным кружком отставных офицеров для оказания помощи нашим воинам, находящимся в австро-германском плену; Комитет помощи призванным на войну чинам Министерства земледелия и их семьям Таврической губернии и другие, которые занимались сбором средств и пожертвований для устройства лазаретов, изготовлением и покупкой тёплых вещей, медицинского инвентаря, рождественских подарков, провизии. Они также оказывали помощь прибывшим на Южный берег Крыма больным и раненым. В библиотеке можно ознакомиться с **уставами** данных организаций, а также с **отчётами** об их деятельности в военные годы. Так, в «**Отчёте о деятельности Феодосийского благотворительного общества**» есть сведение о поступлении пожертвований от «киргизов Кустанайского уезда на выдачу пособий пострадавшим от бомбардировки г. Феодосии в октябре 1914 года в сумме 46 руб. 50 коп.».

Большой интерес представляет труд военного историка, генерала от инфантерии, командующего армией в Первую мировую войну А. М. Зайончковского. Его книга **«Мировая война 1914–1918 гг.: общий стратегический очерк»** (М., 1938) — первая обработка архивных документов с использованием зарубежных источников, особую ценность представляет собранный в книге богатый фактический материал.

Значительный вклад в изучение Первой мировой внёс активный участник войны А. Михельсен своей книгой **«Подводная война 1914–1918»** (М., 1940). Русский историк и публицист С. С. Ольденбург уделил значительное внимание изучению темы Первой мировой войны в фундаментальном историческом исследовании о жизни и деятельности Николая II **«Царствование императора Николая II»** (Белград, 1939). Ежедневные приказы, сводки, письма, телеграммы опубликованы в **«Сборнике документов Мировой империалистической войны на русском фронте (1914–1917 гг.)»**. Многотомник подготовлен Центральным государственным военно-историческим архивом. Только в том **«Наступление Юго-Западного фронта в мае-июне 1916 года»** (М., 1940) вошло 577 документов, касающихся отношений генеральных штабов союзников и штаба главковерха русской армии.

Среди современных изданий довольно ярко и разнопланово события Первой мировой войны представлены в крымских журналах **«Military Крым»**, **«Вестник морского врача»**, **«Историческое наследие Крыма»**, сборнике **«Таврические чтения»**, московских журналах **«Морской архив»**, **«Военно-исторический журнал»**. Большим спросом пользуется исследование Ю. А. Катунина **«Православие Крыма в годы Первой мировой и Гражданской войн (1916–1920)»**, статьи историка **В. В. Крестьянникова** о действиях Черноморского флота в Первую мировую войну, очерки **А. Носкова** и **Э. Носковой** об истории Керчь-Еникальского градоначальства в годы Первой мировой войны и др.

Совсем недавно фонд библиотеки пополнился новыми изданиями о Первой мировой войне. Стараниями генерального директора ООО «Крымские межмузейные коммуникации» С. Н. Пушкарёва в «Таврику» поступило очень ценное в полиграфическом и историческом отношении четырёхтомное издание **«Первая мировая война на почтовых открытках»** (Киров/Вятка, 2014). Издательский дом «Крепостновъ» постарался: крупноформатные тома помещены в картонную коробку, каждый том — до 500 страниц, в твёрдом переплете, с золотым тиснением, лакированной иллюстрацией, широкие кожаные корешки, мелованная бумага, удобный шрифт, на каждом развороте до десяти цветных иллюстраций, текст на русском и английском языках. Из частной коллекции Валерия Крепостнова на тему Первой мировой войны (50 тысяч предметов) редакторы отобрали тематически разнообразные 5,5 тыс. почтовых открыток. Автор текстов А. Медяков написал прекрасный очерк «Сражающаяся открытка», проследив путь открыточного бума с конца 60-х годов XIX века («золотой век» открытки в начале XX века), который закончился в окопах Первой мировой.

Коллективная монография **«Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис»** вышла в Москве в 2014 году тиражом 1200 экземпляров при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда в серии «Первая мировая. Великая». В ней

рассмотрен широкий круг проблем, связанных с положением страны в годы противоборства: организация обороны страны; демографические и социальные процессы, экономика и общество в годы войны; назревание политического кризиса; от войны к революции. Фундаментальная монография на 982 страницах снабжена именным указателем и цветными репродукциями плакатов тех времён.

В ноябре 2014 года в Музее природы и человека в Ханты-Мансийске экспонировались 156 предметов на выставке **«Первая мировая война: пролог XX века»**. Это выставочный проект Государственного центрального музея современной истории России. Двухязычный каталог выставки, прекрасно иллюстрированный, вышел тиражом всего 100 экземпляров, и тем приятнее, что издание поступило в фонды научной библиотеки «Таврика».

Фонд исторической перспективы Н. А. Нарочницкой подготовил серию книг «Возвращение утраченной истории. Первая мировая». Вышедшие в издательстве «Вече» в 2014–2015 годах, они освещают малоизученные события Великой войны. Открывается серия книгой **«Россия на Сербском фронте Первой мировой войны»** и рассказывает о помощи армии и флота России Королевству Сербия в 1914–1918 годах. Вторая книга серии под заголовком **«Герои Великой войны 1914–1918 гг.»** посвящена забытым героям войны, павшим в боях за честь и достоинство Отечества, и их подвигам. Продолжает серию сборник **«Россия и Европа до и после Великой войны 1914–1918 гг.»**. Восстановление исторической памяти о Первой мировой, магистральные направления внешней политики России, современные задачи международной политики и проблемы восстановления целостности русской цивилизации — тема основных материалов данного издания. Заключительная книга серии — **«Партитура Второй Отечественной. Великая война 1914–1918 гг.»**. Статьи политических и общественных деятелей посвящены отличительным чертам Первой мировой войны, её итогам и общественно-историческому значению.

Отрадно, что хорошие книги сегодня выходят и поступают в библиотеки благодаря подвижникам и меценатам. В декабре 2014 года в Москве тиражом всего 60 экземпляров вышел первый том **«Крымской Книги Памяти Великой войны 1914–1918 годов»** (преимущественно Симферополь и Феодосия с их уездами), с приложением. Этот уникальный труд подготовлен и издан благодаря титанической работе коллектива авторов, среди которых и крымчане: А. А. Бобков (Феодосия), К. Н. Ходаковский, В. Н. Ходаковский (Керчь), А. В. Носков (Керчь), А. В. Сакович (Евпатория). Руководитель авторского коллектива — архивист-исследователь А. И. Григоров (родился в Запорожье, проживает в Москве). Профинансировал крупноформатное издание первого тома (750 страниц) и приложения к нему (140 страниц) Алексей Анатольевич Зарайский, коллекционер (Москва). Книга состоит из двух частей. В первой части содержится список убитых, раненых и пропавших без вести уроженцев Таврической губернии; вторая часть посвящена потерям и награждениям чинов частей и подразделений, ушедших на фронты войны из уездов полуостровной части Таврической губернии. Отдельная глава повествует о Крымском конном полке. В приложении — «Вернулись с Великой войны» — информация о дальнейшей судьбе офицеров, военных чиновников, гражданских лиц, находившихся в 1918–1920 годах в Крыму.

Этот же коллектив издал вторую Книгу Памяти — «Черноморский флот в Великой войне 1914–1918 годов» (М., 2014, 404 с., тираж 100 экз.). О том, какую огромную, нужную работу выполнили исследователи, можно судить по оглавлению: *Боевые действия ЧФ в Великой войне; Послужные списки командующих ЧФ; Духовенство ЧФ в Великой войне; Награждения офицеров, нижних чинов (по годам), Потери (по годам); Погибшие суда Черноморского флота; Морские лётчики и лётчики-наблюдатели ЧФ; К истории Морского министерства Крымского краевого правительства* и др.

Все книги, пожертвованные в последнее время, поступили в основной фонд библиотеки, и крымские читатели и исследователи ещё не раз смогут увидеть их на выставках и использовать в своей научной деятельности.

Д. В. Журавлёв

Из новых поступлений в Центральный музей Тавриды

Среди материалов, поступивших в Центральный музей Тавриды в последнее время, некоторые имеют непосредственное отношение к теме Первой мировой войны.

Интересный комплекс представляет подборка документов второй половины XIX — первой половины XX века симферопольских мещан Давыдовых. Об участии в Великой войне Михаила Романовича Давыдова рассказывают его послужной список и удостоверение о прохождении специальных курсов по уходу за ранеными и борьбе с эпидемиями при медицинском факультете Императорского Харьковского университета. В мае 1916 года, после получения степени лекаря, М. Р. Давыдов был отправлен в 180-й полевой запасной госпиталь, затем переведён в распоряжение Одесского военно-окружного санитарного управления. 25 ноября 1916 года назначен младшим врачом в 6-й пехотный полк 2-й Добровольческой дивизии сербов, хорватов и словенцев (сформирована в Одессе приказом от 20 октября 1916 г. из бывших военнослужащих Австро-Венгерской армии), и прослужил там до конца октября 1917-го. Части сербского Добровольческого корпуса принимали активное участие в боевых действиях в Добрудже, где понесли большие потери. В связи с сокращением штатов полка в декабре 1917 года снова возвратился в Одесское военно-окружное санитарное управление и служил до его расформирования в марте 1918-го и демобилизации.

Большой интерес представляет фотоальбом, первым владельцем которого предположительно был человек, служивший в период Первой мировой войны на крейсере «Кагул». Широкой общественности он более известен как крейсер «Очаков», переименованный после революционных событий в марте 1907 года. В годы Первой мировой войны «Кагул» участвовал в рейдах к побережью противника, охотился за «Гебенем» и «Бреслау», ставил минные заграждения. После Февральской революции, в мае 1917 года, возникла так и не осуществлённая идея вернуть крейсеру имя «Очаков». «Кагул» не был в числе кораблей, ушедших из Севастополя на Кавказ перед захватом Крыма германскими войсками в начале мая 1918 года, и в августе оккупанты вывели его на внешний рейд для предполагавшегося обстрела города. В апреле 1919 года «Кагул» вошёл в состав 1-го отряда судов Черноморского флота Добровольческой армии. 18 июня 1919 года

с крейсера «Кагул» и катера «Дельфин» в районе Коктебеля был высажен десант под командованием генерала Я. А. Слащёва, что заставило советские части оставить Ак-Монайские позиции и привело к ликвидации Крымской Социалистической Советской Республики. За отличные действия против частей Красной армии в ноябре 1919 года крейсер «Кагул» приказом по Добровольческой армии был переименован в честь героя Белого движения генерал-лейтенанта Л. Г. Корнилова и стал именоваться «Генерал Корнилов». Возможно, дальнейшее изучение фотографий поможет дополнить страницы сложной судьбы крейсера.

Всего в альбоме на 15 листах наклеены 138 фото дореволюционного периода, на которых, кроме «Кагула», удалось определить линкор «Императрица Екатерина Великая», эскадренный броненосец «Три Святителя» и эсминец «Капитан-лейтенант Баранов». Значительная часть фото — это учебные стрельбы и боевые действия, представлены новые образцы вооружения: подводная лодка, гидросамолёты. Краеведческий интерес представляют фото с видами Севастопольской бухты.

К сожалению, несколько фото заменены в более поздний период (1940–1960-е гг.), листы дополнены семейными фотоснимками и открытками, в основном на морскую тематику и видами Сочи.

Ниже приводятся выдержки из книги А. П. Лукина «Флот. Русские моряки во время Великой войны и революции» (Париж : Библиотека «Иллюстрированной России», 1934. Т. 1. С. 53–64), которые ярко иллюстрируют события столетней давности, а также избранные фотографии и документы из альбома.

На «Кагуле». Канун войны

...Взвились кормовые флаги, замерли аккорды гимна.

— На все гребные суда!

Благоговейная тишина торжественной церемонии подъёма флага сменилась вихрем аврала. Все ринулись по своим шлюпкам.

— Лопаря выровнять!.. Тали нажать!.. Травить!.. Раздернуть!..

Шлюпки на воде. Гроздьями, пообезьянни, сыплются по шкентелям синие воротники. Офицеры с биноклями на груди и шлюпочными сигнальными книжками в чехлах через плечо.

— Отваливай!

Опустели корабли... Их душа, вся эта жизнерадостная, загорелая молодёжь, там — в весёлой стае несущихся вокруг эскадры баркасов, полубаркасов, вельботов, гребных катеров. Сверкают брызги. Охваченные задором гребцы гнут распашные вёсла. Шлюпки обгоняют друг друга. Беда в такую минуту «поймать щуку»: зарывшееся весло опрокинет гребца, как

споткнувшийся конь — седока, и там, где только что была его голова, неожиданно очутится нечто совершенно другое...

На рейде весь флот. Гроза турок — величественные старики; мористее — их верные борзые — стройные крейсера. Два брата: «Меркурий» и «Кагул». Нешуточное дело — одним духом обогнуть эскадру: нужны отменные лёгкие и хорошие мускулы.

Как черти, гребут гребцы. Особенно — кагульцы. Оно и понятно: на этом крейсере лучшие матросы — учебная команда строевых унтер-офицеров — плеяда будущих непосредственных начальников нижних чинов. Всё внимание судового начальства уделено им. Их особо тренируют по всем статьям. Ради них крейсер не выходит из походов, ибо море — лучшая школа.

Шлюпки возвращаются. Офицеры и старшины подбадривают разопревших гребцов. Смотри! Не сдавай! Смотри командир... Издали различают на полуюте высокую, во всём белом, фигуру с золотым

аксельбантом. Это — флигель-адъютант С. С. Погуляев, обожаемый своим экипажем капитан, впоследствии первый командующий нашей бригадой дредноутов и затем начальник штаба адмирала Колчака. К глубокому огорчению всех черноморцев, революция вырвала его, как свитского адмирала, из родных рядов, и он кончил войну под чужим, хотя и вдвойне союзным, флагом Франции, куда был приглашён с чином французского адмирала.

— Поднять «Це-Це»! — приказывает командир.

Сигнал поднят. Со всех шлюпок, словно мак в ромашке, замелькали красные ответные флажки: «ясно вижу».

Сигнал спущен. Шабаш! Рангоут ставить! Рейд преобразился. Слово гигантские чайки слетелись на него.

Новый сигнал: «Мыслете — Твёрдо». Ученье без рулей. Необходимое на тот случай, если шлюпка, идя под парусами, вдруг лишится руля, а до берега далеко — не догребёшь. Каждый моряк должен суметь выйти из положения и управиться шлюпкой с помощью комбинированного маневрирования парусами и людьми.

Сигнал спущен, рули убраны. Теперь не зевай!

Свежий шквалистый ветер шутить не любит, да и весь рейд в несущихся по всем направлениям вздутых парусах. Малейший зевок, оплошность — и столкнувшиеся суда разлетятся в щепы.

Когда шлюпка под парусами — гребцы под банками (сиденьями). Так нужно для лучшей устойчивости. Матросам видно только небо да паруса. В их руках шкоты, уши ловят слова команды. Каждый знает свою снасть, знает её назначение и знает, что промах любого из них может навлечь беду, вплоть до поворота через оверкиль (шутливый термин, означающий, что шлюпка опрокинулась вверх дном). Тут каждый за всех и все за одного. На носу — голова вперёд смотрящего. Зорко блюдет окружающее, чтобы вовремя предупредить об опасности: за парусами офицеру не всё видно. Шлюпка несётся, словно пущенная стрела. Ветер круто накренил её. Шипит, обдаёт

пена, булькают пузыри. Люди крепко упёрлись ступнями в борт. Так и кажется — вот-вот зачерпнёт. И жутко, и хорошо.

Офицер начеку, матросы как на иголках, готовые броситься то в нос, то в корму — куда прикажет офицер. Паруса напряжены. Мускулистые руки с силой вцепились в шкоты. Те злобно рвутся, режут руки, но привязать нельзя: может налететь шквал, нужно раздернуть снасть, чтобы ослабить паруса и предотвратить оверкиль.

Стремительно и мягко плюскает днище о гребни волн. Опущенная за борт рука фонтаном вздымает струю. Флюгарка и флажок бьются так, словно хотят оторваться... Тревожный крик: «По носу «Ростислав»!»

Поворот! В свежую погоду всегда против ветра.

Офицер командует:

— Поворот через оверштаг! Шкоты втугую! Трое в нос!

Тройка быстро перекантовывается. Шлюпка секунду колеблется и трогается к ветру.

— Фока шкот потравить! Гик прямо! Ещё трое в нос!

Это для ускорения поворота.

Мгновение ожидания, когда передний парус заберёт. Забрал!

— Кливер прихватить! Все в корму! Фок на левую!

Поворот выполнен. Все по местам! Паруса перебросились на другой борт. Наполнились. Шлюпка накренилась и понеслась вновь...

На «Георгии Победоносце» сигнал: ««Кагул»! Адмирал приглашает к себе командира». Через несколько минут облитый золотом меди мотор с двумя ефрейторами-крючковыми пристаёт к борту флагманского корабля. Встреченный чинами штаба, командир входит в обширный, затянутый красным ковром адмиральский салон. За заваленным бумагами столом — командующий флотом адмирал Эбергард.

— Сергей Сергеевич! В Турции опять резня армян. Приказано послать крейсер. Когда можете идти?

— Сейчас же, по готовности паров, — докладывает командир.

— Отлично! Обойдѣте Анатолийские берега. Нужно для острастки показать наш флаг...

Командир откланялся. Задымили кагульские трубы...

* * *

В Константинополе переполох. Росийский императорский посол уведомил великого визиря, что русский император приказал послать к турецким берегам крейсер под командой своего адъютанта. Этого демонстративного заявения оказалось достаточно, чтобы остановить резню.

Зунгулдак. Бережные черны. У пристани ожидают катера. Французский консул (он же и русский) во фраке. С моря приближается дым.

Растут клубы, белеет флаг. Русский крейсер! Входит в залив.

Приближается катер под флагом росийского консула. Встреча по уставу. Консул подымается на борт. После десятиминутного визита съезжает. Гремит пушечный салют.

Паника. С криками «русские стреляют», народ, давя друг друга, бросается в разнотык. Мужчины, женщины, дети. Все, что способно бежать — бежит в горы. Когда командир съехал к мудзеца-рифу — Зунгулдак был пуст...

Визит генерал-губернатора. Офицеры и команда во фронте. Тяжело отдуваясь, подымается грузный паша. Неизменная феска, длиннополый сюртук. Кланяется низко, потурецки. Переводчик переводит: «Счастлив видеть адъютанта Его Величества Императора Всероссийского — могущественного друга и соседа Падишаха — моего повелителя»...

В салоне, куда командир пригласил гостя и его свиту, возникает следующий разговор:

Губернатор (со стереотипной улыбкой, не без ехидства):

— Его Величество Султан и Падишах повелел мне передать вам его приветствие и выразить надежду, что наши «Османие» и «Рашидие» вскоре ответят на ваш любезный визит.

Командир:

— Благодарю! Уверен, что Его Величество Государь Император разрешит. Ни

один подданный падишаха не будет так этому рад, как я.

Губернатор (удивлѣнно):

— Почему?

Командир:

— Потому что раз у вас будет два дреднота — у нас будет четыре.

Губернатор (испугавшись своего намѣка):

— Но мы не строим их против России.

Командир:

— О, и мы отнюдь не против вас. Для нас, моряков, это просто база для истребования ассигновок.

Паша поспешно меняет разговор, рассыпается в любезностях и уезжает...

После Самсуна «Кагул» зашел в Ризе. Командир решил осмотреть стратегическую дорогу, сказав местному вали, что желает прокатиться со своими офицерами. Подают осѣдланных коней. После прогулки кавалькада заезжает во дворец, более смахивающий на казарму. Кофе, восточное угощенье... По комнатам летают ласточки, вьют гнезда. Вали из кожи лезет, чтобы быть приятным и, желая развлечь гостей, приглашает присутствовать при допросе только что пойманной шайки разбойников.

Через несколько минут в кабинет вваливается банда вооружѣнных до зубов ба-набаков. Никакого конвоя.

— Разоружайтесь! — милостиво ответил на поклон, приказывает вали.

Щѣлкают затворы. Разбойники разряжают ружья и пистолеты и бережно укладывают в угол. В руках двух из них наши казѣнные винтовки.

— Нельзя ли получить их? — интересуется командир, немало пораженнй всем этим зрелищем.

— К сожалению, невозможно, — прикладывая руку к сердцу и лбу, отвечает вали, — это вещественное доказательство.

Тогда командир приказывает офицерам записать номера.

На пороге появляется новая, не менее красочная фигура: почтенный, благообразный старик в чалме, свидетельствующей о неоднократном паломничестве в Мекку и Медину. Низко, но с достоинством поклонившись, старик степенно подходит к вали

и что-то ему говорит, тыкая в сторону почтительно смотрящего на него молодого разбойника. Оказывается, это отец пришѣл просить отпустить сына на побывку. Вали соглашается. На недоуменный вопрос командира отвечает: «Не убежит. Побудет недели две дома, а потом сядет в тюрьму».

После допроса вали обращается к шайке со следующими словами:

— Хорошо поступили, что отдались в руки правосудия. Надеемся на милость суда и не верьте глупостям, будто судьям нужен бакшиш¹. На сегодня вы свободны. Можете идти!

Разбойники ухмыляются и шумной ватагой покидают дворец...

Обойдя Анатолийские берега, «Кагул» вернулся в Севастополь.

Общее впечатление похода: Турция настроена воинственно. Идет перегруппировка войск, прокладываются стратегические дороги. Чувствуется невидимая, но деятельная рука германских инструкторов.

У вражеских берегов

Война в разгаре. Черноморский флот блокирует турецкие берега. Морская связь центров с войсками, действующими против нашей кавказской армии, прервана. «Гебен» подбит. Неприятельские броненосцы не рискуют высунуть нос.

Ночь. Грозным призраком движется русская эскадра. На мостике «Св. Евстафия» дремлет в кресле седая голова — шесть орлов на плечах. Штурмана с секстанами в руках ловят высоты светил.

*...Сонный, дважды отражѣнный
Лунный луч скользнул ко мне,
Тѣмно-красный, затемнѣнный,
Отражается в трубе.
Прямо видимый, дрожащий,
Лик Венеры виден спящий,
Под двойною стѣкол тенью
Сладострастной дразнит ленью...*

Тихо на кораблях, тихо и кругом. Журчит по обводам струя. Безмолвие и покой

¹ Прозрачный намѣк.

боевой тишины. И только внизу, под броневыми плитами, в стальных глубинах, днѣм, как ночью, и ночью, как днѣм, стоит немолчный шум. Гудят чудовищные ветрогонны, хлопают горловины.

Рассвет. Опасный момент. Гремят боевые колокола. На «Евстафии» сигнал «Хер Наш». Перестроиться в дневной походный порядок. Крейсера удаляются в дозор. Миноносцы — в набег по бухтам и заливам. Ищут, рыщут, неся с собой смерть и разрушение. Перестрелка с батареями, взрывы, взлетающие к небесам столбы пожарищ — вот видимые вехи их пути. Топятся, уничтожаются перевозочные средства, сжигаются верфи, склады, мосты... И так целый день — сегодня, завтра, послезавтра, — пока не иссякнет топливо и флот не вернется домой, чтобы спешно пополнить его и сейчас же в море, к тем же берегам.

Два «зверя» стерегут Босфор. «Беспокойный» и «Гневный». На первом — брейд-вымпел князя Трубецкого. Туман. Миноносцы осторожно ползут в молоко. Уши ловят малейший звук.

Вдруг князь грозно поднял кулак. Все насторожилось. Где-то в отдалении играет сигнальный рожок. Острый слух Трубецкого уловил его. Кавалерийская труба!

— Право на борт!

Крадутся «звери». Труба трубит, не чует опасности.

Из тумана выплыл силуэт. Утѣс! Стоп машины! Осмотрелись. Малый вперед!

Утѣс обогнули. Лотовые на лотах, измеряют глубины. Бухта!

Зачернел берег. Близо! Слышны гортанные голоса, взрывы смеха, ржание коней. Снова заиграла труба.

Миноносцы остановились. Ждут. Трубецкой вне себя...

Наконец подул ветерок. Туман заколебался. Разорвался. Обнажились скалы, опушка леса, розовый двухэтажный дом. Рукой подать. На балконе группа турецких офицеров. Пасѣтся табун рассѣданных коней, дымятся костры. Кавалерийский бивуак!

— Ваше сиятельство! Батарея!!!

— «Беспокойный» по батарее! «Гневный» по лагерю! Огонь!

Загрохотала бухта. Вихри земли, дыма, камней... Под балконом чиркнула искра. Взрыв. Ни балкона, ни людей... Кто-то вскочил в автомобиль. Новый залп. Автомобиля нет. Всё смешалось. В две минуты кавалерийский бивуак был сметён с лица земли...

* * *

Ниточкой стелется дым. С «Евстафия» сигнал: «Кагул!»! Осмотреть».

— Самый полный вперёд!

Все заинтригованы. «Бреслау»? «Гамидие»? Кто? Любопытствующие носы высунулись за борт. С марса крик: пароход! Общее разочарование.

Выстрел под нос. Сигнал. Новый выстрел. Пароход застопорил. «Кагул» приближается.

Однотрубный, основательно загруженный «купец» под итальянским флагом. Надпись: «Амалия».

«Кагул» спускает шестёрку. Мичманы Языков, Соловьёв, инженер-механик Максимов и в качестве переводчика юнкер флота Якимовский отправляются осмотреть пароход. Поднимаются на борт. Всеобщий переполох, плач женщин.

Встречает капитан. Грек. Перепуган насмерть.

— Куда идёте?

— В Ко-ко-ко... — не может выговорить, безнадежно машет рукой.

Офицеры поднимаются на мостик. Вооружённые матросы остаются внизу. Всюду грязь, развешанное бельё.

— Ваши бумаги!

Дрожащие руки предъявляют документы. Офицеры просматривают. Пароход принадлежит левантийцу (скрылся под нейтральным флагом). Идёт из Константинополь с грузом керосина, фасоли и яиц. В качестве пассажиров — гарем какого-то паши из пятнадцати женщин и детей, не считая грудных.

— Хватит ли у вас угля до Севастополя? — спрашивает Языков.

Капитан утвердительно кивает головой. Мичман Соловьёв отправляется на «Кагул» с докладом командиру. Так как керосин

объявлен военной контрабандой, и пароход незаконно поднял итальянский флаг, командир приказывает захватить его. Посылаются запас смазочных материалов, провизия и двадцать матросов под начальством боцмана Правдюка. Вздвигается сигнал: «Мичману Языкову вступить в командование призом и следовать в Севастополь». Часть пароходной команды взята на крейсер. «Кагул» даёт ход и вскоре скрывается. «Амалия» ложится на пересечку моря. Погода дивная, мёртвый штиль...

Флот вернулся в Севастополь. К всеобщему удивлению, «Амалии» нет. Проходит день, ночь, наступило утро — её всё нет. Что за дьявол?! В море шторм, уж не терпит ли бедствие?

Обеспокоенный Погуляев едет к командующему просить разрешения отправиться на поиски. Адмирал не соглашается. Получены сведения, что «Гебен» исправил повреждения, и возможен его демонстративный набег. Командир всё же настаивает и в конце концов добивается своего.

«Кагул» в море. Свежо. Выворачивает всюю. Ничего и никого, кроме свинцовых туч и гуляющих небоскрёбов.

Дым! Но чей? Может, «Амалия», а может, и кто другой. Тревога!

«Амалия»!

«Кагул» приближается, держит сигнал: «Можете ли увеличить ход?» Ответ: «Нет угля. Топлю бобами». Сигнал: «Приготовьтесь принять буксир».

В штормовую погоду, на крутой волне — задача нелёгкая. Нужны хороший глазомер, большой опыт и уверенность в себе. Ле-во!

Крейсер покатился. Налетевший вал положил его. Обнажилось днище. Кто не успел ухватиться — посыпался по покату, тщетно лоя опору и валясь друг на друга. Сорвавшийся гребень захлестнул мостик.

Про «Амалию» нечего и говорить. Сплошной вулкан пены. Временами показывается захлестнувшийся нос.

«Кагул» развернулся. Так близко, что захватило дух. Метнулся бросательный ковец. Поймали. Бурлаками впряглись в буксиры и, падая, скользя, по колено в воде,

закрепили. Малый вперёд! Буксиры вытянулись, задрожали, закрипели. «Амалия» рыскнула. Выдержали. Теперь одна забота — чтобы не лопнули в пути.

Но вот и Севастополь. Константиновская батарея. Шторм остался позади. Здесь, за укрытием, тихо, слегка покачиваются корабли.

Установив свою «Амалию», Языков явился на «Кагул» с докладом к командиру. Вот что рассказал он: «Едва скрылся «Кагул», как капитан заскулил: пароход, мол, старый, перехода не выдержит, не дай бог шторм и т. п.».

Но мы не обращали внимания на все его причитания. Погода стояла отличная, настроение бодрое.

До вечера всё шло хорошо. Несколько беспокоило полнейшее отсутствие штурманских принадлежностей: ни хронометра, ни секстана, ни нужных карт. Но... делать нечего.

Перед заходом солнца появились первые предвестники непогоды — перистые облака. Солнце село в тучу. К ночи резко похолодало, запахло норд-остом. Приказал обойти пароход, всё хорошенько закрепить, задрать, из досок и матрасов соорудить блиндажи. Женщин перевели из третьего класса в первый.

К утру засвежело, поднялась волна. К полудню разразился шторм.

С каждым часом положение ухудшалось. Перегруженный пароход не подымался на волне, а врезывался в неё. Пришлось приняться за грузы. Нелегко было выбрасывать их. Тут обнаружилось, что уголь на исходе. Что делать?! Приказал таскать мебель, шкафы, срывать дерево. Спустили в кочегарку мешки с бобами, даже яйца. Кое-как поддерживали пары. Но это мало помогало. Ход был столь незначительным, что пароход с трудом слушался руля. Волны сбивали его, грозясь поставить лагом и опрокинуть.

Ночью прибежал часовой — с капитаном неладно, бьётся о дверь, требует отвести ко мне. Приказал привести. Вид подавленный. Всхлипывает: «...семья, дети...» Умоляет повернуть в Константинополь, иначе зря погибнем, пароход давно проржавел, дер-

жится на одной краске, машина старая. Не соглашаюсь и приказываю увести. Грек — в ноги, плачет, закликает. Еле выпроводил.

На третьи сутки положение ещё хуже: течёт в носу, и нет средств остановить её. Шторм ревет. Всё в воде, нос отрезан от кормы. Плавают бочки, ящики... Сорвавшиеся тяжести выламывают борт. Ход 1–2 узла. Люди выбились из сил.

Ничего, ребята! Крепись! Командир спохватится и придёт на выручку...

На четвёртые сутки решили, что конец. Никого. Ревёт, добивает пароход. Стало очевидно, что до ночи не доживём. Полная апатия и безнадежность. Как вдруг в северной части горизонта показался как будто дым. Схватился за бинокль. Смотрю — дым! Только очень далеко. Неужели удаляется?! Судорожно смотрю. Нет! Растёт, приближается... Видны мачты, но разглядеть трудно — заливают стёкла.

Не отрываюсь. А что, если враг? Чувствую, как рулевой впился в меня, даже слышу его немой вопрос. Внимание! Выплывает корпус... Господи! Неужели?! Не мираж ли?! На свинцовом фоне неба чётко вырисовываются три трубы, знакомые вентиляторы.

— Ребята! Наш командир! — закричал я.

Не веря мне, желая убедиться своими глазами, матросы бросились на мостик. Смотрят, видят, но не верят себе.

— Дурачё! «Кагул»! — кричу я. — Ясно вижу его!

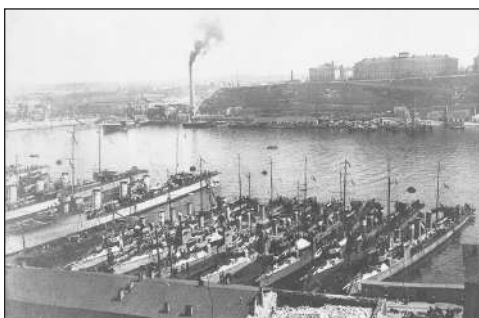
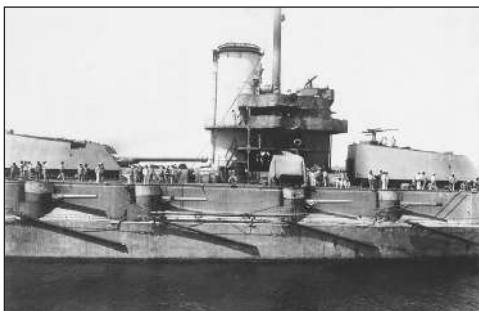
Рассекая небоскрёбы, ныряя, то взлетая на них, нёсся к нам трёхтрубный, казавшийся ослепительно белым крейсер. Какой-то сигнал трепыхался на нём. Все сомнения отпали. Вспыхнуло «ура»...

* * *

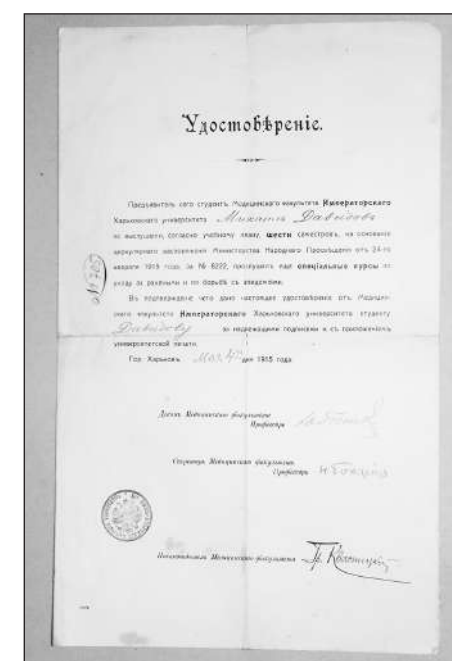
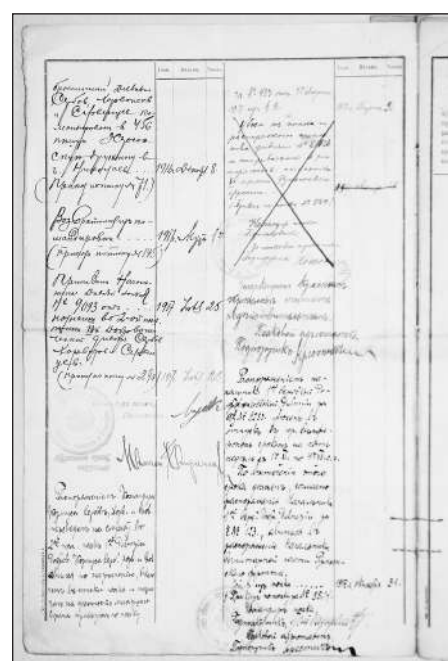
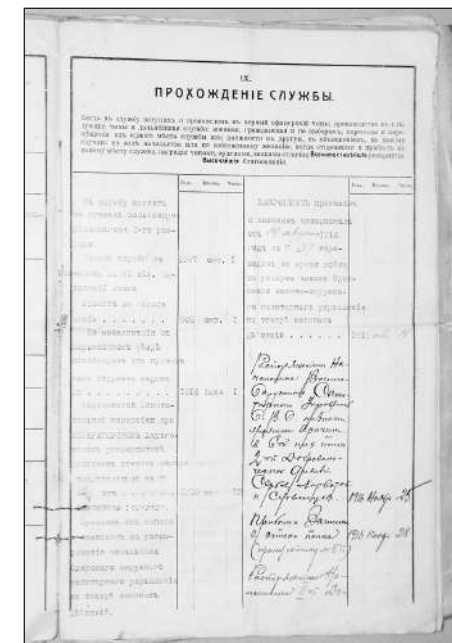
Эта вера в своего командира, что он вызволит из беды, поддержала молодого мичмана в тяжёлую и ответственную минуту жизни. Ни зловещие предсказания капитана, ни мольбы и отчаяние женщин — ничего не сломило его дух и волю до конца выполнить полученный приказ.

В воздаяние столь доблестно исполненного долга мичман Языков был произведён в чин лейтенанта.

Фото из альбома

Документы М. Р. Давыдова

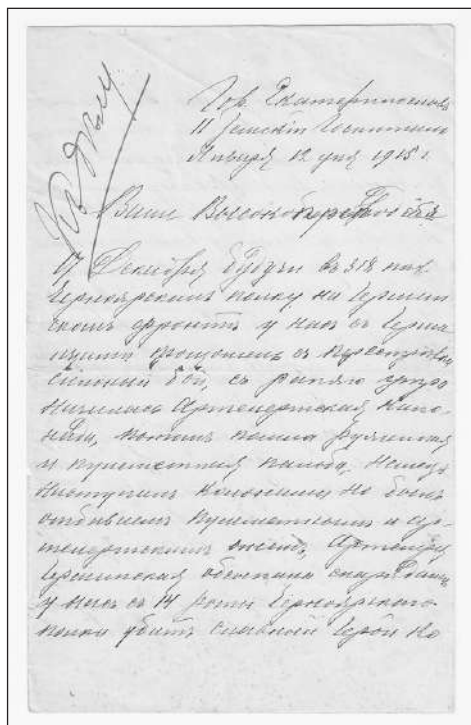

Письмо И. Васютина

Гор. Екатеринослав
11 земский госпиталь
января 12 дня 1915 г.

Ваше Высокопреподобие

17 декабря будучи въ 318 пех. Черноярском полку на германском фронте у нас с германцами произошёл с перестрелкой сильный бой, с раннего утра началась артиллерийская канонада, потом пошла ружейная и пулемётная пальба. Немец наступал колонами, но был отбит пулемётным и артиллерийским огнём. Артиллерия германская обсыпала снарядами, у нас с 14 роты Черноярского полка убит славный герой командир роты штабс-капитан и в скорости был ранен полуротный прапорщик, так что мне, как фельдфебелю, пришлось командовать ротой. По сигнальному свистку батальонного командира нашей 14 роты и 16, на долю выпало идти на правые германские окопы в атаку, что и было исполнено, наши герои солдаты бросились в атаку в штыки, хотя германский пулемёт и тархтел, но моя рота достигла их окопы, поразила штыковыми ударами шваба. Много покололи, 62 человека взяли в плен, все молодые, лет 17, 18, 19, взяли также 2 пулемёта. Пленных германцев и пулемёты отправили в тыл. На подкрепление неприятеля пришла ещё рота. Германец пускал много снарядов, и снарядом шрапнели свалило меня, осколками ранило правую ногу и грудь, где получено перелом двух рёбер, и осколок попал в левое лёгкое, которое в госпитале вынуто. После этого поранения меня привели в чувство и отправили на перевязочный пункт, где было много раненых, стон был ужасный. К 12 часам ночи дали знать, что к нам пришло подкрепление, выбили атакой германца, взяли

ли в плен 800 человек, 6 орудий и 9 пулемётов. Раненые солдаты забыли за раны, перестали стонать, как один крикнули все «ура» и начали исполнять гимн «Боже Царя Храни». Здоровье моё удовлетворительное. Вы меня наверно забыли, я тот, что лечил у Вас скот и красил экипажи, зовут меня Иван. Скоро отправят меня домой. Прошу Ваше Преподобие очастливьте меня письмом по адресу гор. Перекоп Таврической губ., Село Воинка, Воинской волости раненому фельдфебелю Ивану Павлову Васютину. Почтение всей братии, остаюсь уважаемый и любящий Вашего Преподобия фельдфебель

Иван Васютин

ПРИФРОНТОВАЯ
ГУБЕРНИЯ

Н. М. Терещук

Севастополь в начале Первой мировой войны

Привлечение и изучение новых документальных источников по истории Первой мировой войны, в которых отражены проблемы главной базы Черноморского флота и крепости Севастополь, позволяют исследователям внести свой вклад в изучение этой темы.

В работе содержится попытка показать, что Севастополь в период войны со всеми своими жизнеобеспечивающими структурами и ресурсами был также вовлечён в военный конфликт государств.

Серьёзное внимание изучению береговой обороны Севастополя накануне и в период Первой мировой войны было уделено В. В. Крестьянниковым в сборнике статей «Крепость Севастополь во 2-й половине XIX — начале XX в.» [1]. В своих статьях автор публикует многие неизвестные исторические факты и имена людей, внёсших достойный вклад в защиту черноморских рубежей Российской империи. Им же подготовлены статьи: «Структура Черноморского флота и крепостей Черноморского побережья в годы 1-й мировой войны», «Офицеры Черноморского флота — георгиевские кавалеры 1-й мировой войны», «Мобилизованные суда в Черноморский флот в годы Первой мировой войны» и «Классные медицинские чины Черноморского флота и береговых частей в 1-й мировой и Гражданской войнах», которые опубликованы в книге «Память о прошлом. Документы, исследования, научные статьи, подготовленные сотрудниками Государственного архива г. Севастополя» [2, с. 52–57, 57–74, 74–143, 143–786]. Вопросы строительства фортификационных укреплений крепости Севастополь на рубеже конца XIX — начала XX века и накануне Первой мировой войны отражены В. В. Крестьянниковым в работе «Взаимоотношения военного ведомства и монастырей при строительстве крепости Севастополь», из которой видно, как складывались отношения между епархиальным и военным ведомствами в отчуждении монастырской земли для нужды военного ведомства под строительство батарей [3, с. 123–127].

Цель данной работы — проанализировать документы и показать определённые процессы в городской жизни в начале Первой мировой войны, участие в этих процессах городского общественного управления и общественности Севастополя.

Источниковую базу исследования составляют документы ГКУ «Архив города Севастополя» и ГКУ «Государственный архив Республики Крым».

Накануне Первой мировой войны в Севастопольском градоначальстве проживало 72 710 человек, а непосредственно в Севастополе — 61 349 [3, с. 14]. В Севастопольском градоначальстве насчитывалось 43 небольшие фабрики и заводы с 4640 рабочими, в том числе в Севастополе 29 предприятий, на которых работало 4456 человек [4, с. 14].

Севастопольский градоначальник контр-адмирал С. И. Бурлей, направляя в Петербург отчёт за 1914 год, писал: «Истекший год по характеру внутренней жизни во вверенном мне градоначальстве распадается на два резко отличающихся периода: период до войны и период после объявления войны» [5, л. 3].

В первый период, «до войны», в мирном Севастополе в начале 1914 года перед органами городского управления стояли две глобальные задачи: окончание строительства и подготовка к открытию Романовского института физических методов лечения и окончание строительства городской канализации. Эти два городских предприятия должны были увеличить доходную часть «городской кассы», т. е. бюджета, и улучшить санитарное состояние города. В 1913 году эти два объекта были завершены, но ванное здание, именуемое с высочайшего соизволения «Романовским институтом», не было принято в эксплуатацию, а канализация хоть и начала работать, но не в полном объёме, так как к ней не успели подсоединить частные домовладения и, соответственно, в городской бюджет не поступили планируемые средства. В 1914 году город не мог позволить себе потратить на эти два объекта сверхсметные средства, потому что нужно было платить проценты по «городскому облигационному займу», за счёт которых были построены эти объекты. Но всё удачно завершилось ещё до начала войны, и 15 мая 1914 года Романовский институт физических методов лечения был открыт [6, с. 344]. А к городской канализации постепенно присоединяли городские и частные строения. Проведение канализации улучшило санитарное состояние города. Этому также способствовали субсидии, которые были направлены противочумной комиссией на постройку станции перекачивания воды и холерного барака. В результате этой работы число заразных заболеваний не получило характера эпидемий, был предупреждён занос холеры, появившейся в соседних городах Таврической губернии, и другие заразные болезни, такие как тиф, оспа, скарлатина, дифтерит.

Продолжалось строительство каботажного порта в Стрелецкой бухте, но город не прекращал подавать ходатайства об отсрочке перевода коммерческого порта из Южной бухты в Стрелецкую, справедливо опасаясь упадка транзитной торговли и финансового ущерба для города. Южная бухта, в отличие от Стрелецкой, лучше защищена от ветров и по размерам была значительно большей. Возле неё находились оборудованные помещения для десятка тысяч паломников, которые осенью ежегодно проезжали через Севастополь и приносили значительный доход. И, кроме того, возле Стрелецкой бухты не проходила железная дорога. Но все эти доводы не были приняты во внимание.

Мирная жизнь Севастополя кардинально изменилась после 16 октября 1914 года, когда город был объявлен на осадном положении [7, с. 125]. Все силы городского управления были направлены на помощь военным, то есть на удовлетворение нарастающих нужд войны. Характерный для севастопольцев патриотический дух отразился на его работе. Мобилизация войск, снабжение войск гарнизона,

уходивших на театр войны, размещение вновь прибывающих войск — всё это проходило в Севастополе очень слаженно, быстро и в строгом порядке.

Поддержанию порядка в крепостном районе также способствовал введённый сухой закон. Если в 1914 году в Севастополе насчитывалось 1 казённый и 1 частный склад вина и спирта, 9 складов пива и мёда, 33 трактира, 107 пивных лавок, 21 казённая винная лавка, то в 1915 году сведения о таких заведениях в документах отсутствовали [8, л. 15].

В городе были созданы две новые организации: особое присутствие и городское попечительство по призрению семей запасных. Оба учреждения провели активную работу по обследованию положения семей запасных, по установлению размера казённых пайков, и их выдача началась 12 августа 1914 года. Нуждающиеся семьи, помимо казённого пайка, получали помощь из частных пожертвований и из средств города. В зимнее время помощь сопровождалась также выдачей топлива. На все эти нужды попечительством было собрано 31 тыс. руб., а город израсходовал из своих средств 10 тыс. руб. [9, л. 8].

Несмотря на изменившуюся жизнь, городское управление не оставило без внимания вопросы народного образования. Начали работу два начальных училища на 800 учеников, но постоянно увеличивающаяся потребность заставляла городские власти думать и о дальнейшем увеличении учебных заведений.

Анализируя документы, следует отметить, что в отчёте севастопольского градоначальника за 1914 год отсутствовали сведения о призыве новобранцев, которые отражались ежегодно со дня образования градоначальства в 1873 году. Такие сведения, согласно циркуляру Министерства внутренних дел за 1914, 1915 и 1916 годы, министерством были отложены до 1918 года [10, л. 16].

К концу 1914 года, по сведениям севастопольского градоначальника, в городе находились 114 частей войск и управлений, в числе которых были пластунские батальоны, сапёрные роты, рабочие роты, ополченские дружины, дивизионы эскадренных миноносцев, разные штабы и др. [11, л. 16]. Но с объявлением войны 1 августа 1914 года из Севастополя были отправлены на фронт 49-й Брестский и 50-й Белостокский пехотные полки 13-й пехотной дивизии и 13-я артиллерийская бригада [12, с. 40].

Нарушенная мирная жизнь города дала к концу 1914 года отнюдь не положительные результаты. Городской бюджет был сведён с дефицитом в 4428 руб. 50 коп. При поступлении доходов — 1 148 000 руб. 48 коп., в том числе с «казённых питей» — 630 688 руб. 53 коп., расход составил 1 152 429 руб. 17 коп. [13, л. 14].

В отличие от Севастополя, в Балаклаве в 1914 году бюджет не был дефицитным, но два факта тяжело отразились на её жизни. Это, во-первых, практически отсутствующие приезжих на курорт, благодаря которым в городе всегда был приток денежных средств, а во-вторых, запрет морскими властями в связи с начавшейся войной рыбакам, среди которых были преимущественно греки, выходить в море и заниматься рыбным промыслом.

Заботы городского управления в 1915 году резко отличались от предыдущего, 1914 года. Внутренняя жизнь градоначальства регулировалась по преимуществу обязательными постановлениями местных военных властей.

В связи с увеличившимися недоимками в городской бюджет, быстрым падением арендной платы намечался бюджетный кризис. Главными заботами администрации города стали вопросы продовольствия и топлива. Учитывая, что Севастополь всегда относился к категории потребляющих городов, а не производящих, продовольственный вопрос был самым актуальным. При этом следовало учитывать, что в Севастополе существовала одноколейная железная дорога, которая не могла заменить морской каботаж. Для примера приведу данные 1914 года, когда в город по каботажному плаванью на судах РОПиТ и Российского общества страхования и транспортирования было привезено более 14 тыс. пудов груза, а по Южной железной дороге — более 10 тыс. пудов [14, л. 3]. В 1915 году железнодорожное сообщение было занято воинскими перевозками, а морское сообщение было закрыто, и Севастополь оказался отрезанным от Одессы, крымских и кавказских портов, через которые постоянно снабжался всем необходимым. В этой обстановке был создан Комитет для обеспечения города продуктами и предметами первой необходимости. В него вошли представители купечества, различных ведомств, городского управления и гласные Севастопольской городской думы. Комитет работал реально: составил нормы продуктов первой необходимости, ввёл так называемую таксировку на продовольствие и все предметы обихода. И, несмотря на увеличение роста цен и некоторое обострение продовольственного кризиса, население города не испытывало недостатка ни в хлебе, ни в мясе, ни в других продуктах [15, л. 4].

Сложнее дело обстояло с топливом. Перегруженное южное направление железной дороги привело к нарушению регулярного подвоза топлива. Городское общественное управление направило свои усилия на то, чтобы заменить минеральное топливо на древесное. На льготных условиях из казённой земли желающим отводились участки для заготовки дров. Таким образом, был предотвращён острый топливный кризис.

При этом надо учитывать, что в городе увеличилось количество населения, так как в связи с увеличением численности гарнизона вслед за войсками начали прибывать и семьи, и те, кто обслуживал войска. Назвать конкретное число проживавших в Севастополе в 1915 году не представляется возможным, но известно, что в 1914 году в городе вместе с войсками находилось 102 542 человека.

Из архивных документов видно, что в 1915 году сократилось количество фабрик и заводов. По сравнению с 1914 годом, когда их насчитывалось 43, в 1915-м их количество сократилось до 39 [16, с. 127]. В отчёте за 1915 год севастопольский градоначальник писал, что в Севастополе «полное затишье, как в области строительства, так и в области торговли и промышленности».

В период начавшейся войны в Севастополе усилилась деятельность органов санитарного надзора. В январе 1915 года в разных местах продажи было взято 65 проб молока, из которых 10 проб были признаны неудовлетворительными в связи с тем, что содержание жира составляло менее 3%. Городским санитарным надзором продавцам такого молока были разосланы предупредительные повестки [17, с. 3]. Ими же проведена проверка санитарного состояния дворов и загрязнение улиц отбросами. В результате этой работы составлено 16 протоколов, в том числе и на владельца колбасной фабрики [18, с. 3].

Ещё в конце 1914 года в Севастополе начали создаваться новые благотворительные организации. При Морском собрании начал работать Дамский кружок помощи больным и раненым воинам имени Наследника Цесаревича, члены которого шили бельё и тёплые вещи войскам гарнизона, снабжали их необходимыми предметами обихода. Средства кружка состояли из членских взносов и денежных сборов от устраиваемых ими гуляний, кружечных сборов, базаров и проч. Их деятельность была также направлена на заботу детей военных, особенно сирот.

Под августейшим покровительством великой княгини Ксении Александровны было создано Морское благотворительное общество. С уже существовавшими Севастопольским и Балаклавским попечительствами список благотворительных организаций представляется внушительным.

Для объединения всех благотворительных организаций и правильного распределения сборов и пожертвований в Севастополе «по воле» великой княгини Елизаветы Фёдоровны было создано отделение комитета Её Высочества — «Севастопольское отделение Комитета Её Императорского Высочества Великой Княгини Елизаветы Фёдоровны». В обиходе его знали как Елизаветинский комитет помощи раненым и семьям. В отделение вошли представители всех благотворительных организаций. Начиная с 1914 года жителям Севастополя рассылались особые приглашения к добровольным пожертвованиям. К концу 1914 года было собрано 7655 руб., из которых 1087 руб. выделены отделению Красного Креста, 1451 руб. — Дамскому кружку, 1740 руб. — городскому попечительству по призрению семей запасных на топливо [19, л. 11]. Существовавшие детские приюты постоянно пополнялись сиротами и полусиротами воинов. Благотворительные организации работали в контакте со специально уполномоченными лицами. После проведения сбора «Солдату на сапоги» со специально уполномоченным представителем был отправлен транспорт с вещами в Брестский и Белостокский полки и в 13-ю артиллерийскую бригаду [20, с. 3]. По телеграмме начальника дивизии организации начали сбор необходимых для войск вещей: сапожного товара и мыла, клюквенного экстракта, мятных капель, почтовой бумаги, конвертов, карандашей, машинок для стрижки волос, ремешков для шаровар и т. д.

Направленные в Севастополь больные и раненые воины частично оставались на лечении в Романовском институте физических методов лечения, остальные направлялись в лечебные заведения Южного берега Крыма. Также в Севастополе были оборудованы дополнительные лечебные заведения. Красный Крест открыл в начальном училище госпиталь на 50 офицерских кроватей и 150 кроватей для нижних чинов, санаторий Её Величества Государыни Императрицы Марии Фёдоровны предоставил 25 кроватей для офицеров, лазарет общественного собрания — 7 кроватей для офицеров, лазарет при лечебнице для бедных больных — 18 кроватей для нижних чинов, лазарет при Херсонесском монастыре — 20 кроватей для нижних чинов и Бибиковский лазарет — 10 кроватей для нижних чинов [21, л. 7].

Исполняя обязательные постановления военных властей, комендантом Севастопольской крепости и севастопольским генерал-губернатором была запрещена деятельность сектантских групп в связи с имеющимися у них сведениями о «вредной деятельности для государственного порядка и общественного спокойствия». Не остались без внимания властей различные стороны жизни немцев, прожива-

ющих в Севастополе. В качестве примера можно привести вторичное задержание в июне 1915 года Берты Полик, в своё время высланной из города. Прямых обвинений в шпионаже не было, но подозрение вызвала изъятая брошюра «Денежный отчёт за 1914 год Симферопольской евангелической лютеранской церкви», отпечатанная в Ревеле. В документах отмечалось, что «заслуживает внимания то обстоятельство, что пожертвования за последние 5 лет, помещённые в указанном отчёте, в 1914 году были наибольшие» [22, с. 247].

Нельзя обойти вниманием документы, связанные с отчуждением земель, находившихся в частной, городской и епархиальной собственности, под строительство береговых батарей, которое началось в 1910 году от Стрелецкой до Балаклавской бухты [23, с. 126]. Следует учитывать, что Севастополь с 1890 года являлся крепостью 3-го класса и относился к категории больших приморских крепостей, которые служили базами для флота, и вследствие этого строительство батарей велось в направлении моря. Такое активное военное строительство происходило по причине того, что после поражения России в Русско-японской войне военное министерство из-за нехватки средств стало сокращать количество крепостей. Из приморских крепостей России решено было продолжить работы только в Кронштадте, Владивостоке и Севастополе [24, с. 56].

Возведением крепостных сооружений (батарей, артиллерийских погребов) и зданий военного ведомства непосредственно руководило крепостное инженерное управление. Оно же решало вопрос с владельцами об отчуждении земли.

В 1913 году военный министр представил императору план, согласно которому на Северной стороне Севастополя для гарнизона крепости следовало устроить стрельбище. Результатом этого представления стало подписание Николаем II указа от 30 декабря 1913 года, в соответствии с которым земля отчуждалась из частного владения Е. И. Бялыницкой-Бирули из имения Учкучевка в размере 30 десятин [25, л. 2]. 5 марта 1914 года за ним последовало письмо таврического губернатора полицейскому управлению Севастопольского градоначальства с поручением в двухнедельный срок составить полицейскую опись при участии владелицы отчуждаемого участка, представителя военного ведомства, инженера и строителя Севастопольской крепости. Особое в Государственном совете присутствие «повелело» вознаграждение за участок выплатить «на основании общих узаконений об имуществах, отчуждаемых по распоряжению правительства». Сначала госпожа Е. И. Бялыницкая-Бируля просила отложить составление описи участка из-за своего «нездоровья», а также до возвращения своего мужа из-за границы и мотивировала эту отсрочку законодательным актом. Впоследствии она уступила 26 дес. 367 кв. саж., но вместе с тем назвала сумму компенсации за землю, значительно превышающую ту, которая была установлена постановлением распорядительного комитета [26, л. 17]. Переписка затягивалась. По сообщению и. д. симферопольского уездного председателя дворянства, лишь на 8 января 1915 года было запланировано совещание, на котором должны были рассматриваться возражения владелицы участка [27, л. 24].

Следующий указ Его Императорского Величества, данный Правительствующему сенату, последовал 28 июня 1914 года. Для нужд военного ведомства необходимо было занять 18 десятин. В списке высочайшего указа были намечены

к отчуждению два участка земли из владений господина Ф. О. Штала под железную дорогу размером 5 дес. 777 кв. саж. и 0,83 дес., а также 1,87 дес. из владений князя Шаховского [28, л. 2]. Участки находились в Симферопольском уезде. Ещё один участок из владений Спиридона Серафима в размере 3 дес. находился недалеко от Балаклавы и, в отличие от предыдущих участков, относился к Ялтинскому уездному земству [29, л. 2].

Процедура передачи участков была аналогична предыдущей — создание оценочной комиссии под председательством уездного предводителя дворянства. В комиссию включались полицеймейстер Севастопольского градоначальства, председатель или член уездной земской управы, податный инспектор, мировой судья, в районе которого находилась отчуждаемая земля, депутат от Севастопольского инженерного управления и владелец отчуждаемого участка или его поверенный. Поскольку участки земли находились в разных уездах, то были созданы две оценочные комиссии.

Из документов хорошо видно, насколько громоздкой была система оформления — отчуждение земельных участков иногда длилось более трёх лет. 2 сентября 1915 года военный инженер генерал-майор Ф. И. Энберг в своем письме таврическому губернатору выразил неудовольствие тем, что по вопросу отчуждения земельного участка С. Серафима ялтинскому уездному предводителю дворянства было ассигновано 200 руб. на делопроизводство, но тем не менее оценочная комиссия не приступила к работе, тем самым причиняя ущерб казне, вынужденной выплачивать 6% годовых с суммы будущей оценки [30, л. 31]. Аналогичные письма Ф. И. Энберг направлял таврическому губернатору в сентябре и декабре 1915 года и даже в феврале 1916-го [31, л. 35, 45, 49]. И лишь 7 марта 1916 года ялтинский уездный предводитель дворянства представил таврическому губернатору законченное оценочное производство. Тогда выяснилось, что на территории отчуждаемой земли находятся виноградник, 36 фруктовых деревьев, ограда и две сторожки: земляная и деревянная [32, л. 55]. Также при осмотре участка председателем комиссии и депутатом военного ведомства полковником В. А. Нецветаевым был выявлен пустопорожний участок, за который С. Серафим назначил цену по 1 руб. за 1 кв. саж., цену за землю, находящуюся под виноградником, — 2 руб. 50 коп. и за каменную стенку — по 25 руб. за 1 куб. м. Но оценочная комиссия немного уменьшила цены на отчуждаемые участки. Пустопорожняя земля была оценена в 30 коп. за 1 кв. саж., земли под виноградником — по 1 руб. 50 коп. за 1 кв. саж., а за каменную стенку — по 25 коп. за 1 куб. саж. Всего полагалось вознаграждения С. Серафиму 6084 руб. 30 коп. [33, л. 64]. Возражений от С. Серафима не последовало. На заседании Военного совета 24 сентября 1916 года, помимо утверждения выплаты вознаграждения С. Серафиму, было утверждено вознаграждение Ф. О. Шталю — 8125 руб. и княгине Е. И. Шаховской — 14 958 руб. Все документы были представлены на рассмотрение Государственного совета и утверждены.

Из переписки между военным инженером генерал-майором Ф. И. Энбергом и таврическим губернатором стало известно, что в этот же период, 28 июня 1914 года, Правительствующему сенату последовал очередной указ на отчуждение земель для нужд Севастопольской крепости. На этот раз речь шла о земле в районе Балаклавского монастыря. Ещё в 1911 году начались торги с Балаклав-

ским Георгиевским монастырём по поводу 15 дес. земли под строительство батареи № 20. Монастырь желал получить за эту землю 54 000 руб. Эта стоимость была явно завышенной, так как в 1913 году оценочная комиссия оценила гораздо больший участок — 36 дес. земли — в сумму 25 541 руб. 92 коп. [34, л. 58]. Преппирательство с монастырём закончилось принудительным отчуждением необходимых земель путём передачи документов Главным инженерным управлением в Государственный совет и их утверждением [35, с. 58]. В 1914 году отчуждение участков земли монастыря продолжилось, но речь уже шла о земельном участке, находящемся в аренде у Г. Апарина, площадью 4 дес. 335 кв. саж. [36, л. 1]. Кроме того, отчуждению подлежала земля Караньского сельского общества — 192,5 кв. саж., Балаклавского городского упрощённого управления на правом берегу Балаклавской бухты — 1231,37 кв. саж. и на левом берегу Балаклавской бухты из владений начальника Бердянской почтово-телеграфной конторы В. И. Попова — 1 дес. [37, л. 1]. В сентябре 1914 года последовало письмо таврического губернатора и губернского инженера Севастопольскому полицеймейстеру о составлении описей означенных участков [37, л. 3]. Представителем от военного ведомства был назначен начальник инженеров и строитель Севастопольской крепости военный инженер полковник В. А. Нецветаев. Балаклавское городское управление предложила включить в оценочную комиссию городского старосту Г. Я. Михели, а Балаклавский Георгиевский монастырь — и. д. наместника монастыря игумена Нафанаила [38, л. 15, 17]. Работа по отчуждению земельных участков ограничивалась годичным сроком. В июне 1915 года Ялтинскому предводителю дворянства были поданы четыре возражения: от игумена Балаклавского монастыря о. Нафанаила, депутата военного ведомства инженера В. А. Нецветаева и два прошения поверенного дворянина Г. Апарина, присяжного поверенного Шнейдера. Но все возражения были отклонены «как не заслуживающие уважения» [39, л. 28]. В июне 1915 года таврический губернатор сообщил начальнику инженеров и строителей Севастопольской крепости, что оценочное производство окончено и начислено следующее вознаграждение: Караньскому сельскому обществу — 57 руб. 75 коп., В. И. Попову — 1300 руб., Балаклавскому городскому управлению — 615 руб. 68 коп., Г. Апарину — 6491 руб. 50 коп. [40, л. 28, 31].

В целом можно сказать, что и учреждения, и частные владельцы с пониманием отнеслись к нуждам военного ведомства, тем более в связи с начавшейся войной.

Таким был Севастополь в начальный период самой широкомасштабной и наиболее кровопролитной Первой мировой войны.

Источники и литература

1. *Крестьянников В. В.* Крепость Севастополь во 2-й половине XIX — начале XX в. Севастополь, 2008.
2. Память о прошлом : документы, исследования, научные статьи, подготовленные сотрудниками Государственного архива г. Севастополя. Севастополь, 2007.
3. *Крестьянников В. В.* Взаимоотношения военного ведомства и монастырей при строительстве крепости «Севастополь» // Севастополь: взгляд в прошлое : науч. ст. сотрудников Гос. архива г. Севастополя. Севастополь, 2006.
4. Севастополю 200 лет. 1783–1983 : сб. док. и материалов. Киев, 1983.

5. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1276. Оп. 17. Д. 474.
6. Севастополь : энцикл. справочник. Изд. 2-е, доп. и испр. Севастополь, 2008.
7. Севастополю 200 лет. 1783–1983 : сб. док. и материалов. Киев, 1983.
8. РГИА. Ф. 1276, оп. 17, д. 474.
9. Там же.
10. Там же.
11. Там же.
12. *Крестьянников В. В.* Крепость Севастополь во 2-й половине XIX — начале XX в. Севастополь, 2008.
13. РГИА. Ф. 1276. Оп. 17. Д. 474.
14. Там же.
15. РГИА. Ф. 1284. Оп. 194. Д. 42.
16. Севастополю 200 лет. 1783–1983 : сб. док. и материалов. Киев, 1983.
17. Крымский вестник. 1915. 7 февр.
18. Там же.
19. РГИА. Ф. 1276. Оп. 17. Д. 474.
20. Крымский вестник. 1915. 23 мая.
21. РГИА. Ф. 1284. Оп. 194. Д. 42.
22. *Лантев Ю. Н.* Положение немцев в Крыму в годы Первой мировой войны // История немецкой колонизации в Крыму и на юге Украины в XIX–XX вв. : материалы междунар. науч. конф., посвящ. 200-летию переселения немцев в Крым (6–10 июня 2004 г.). Симферополь, 2007.
23. *Крестьянников В. В.* Взаимоотношения военного ведомства и монастырей при строительстве крепости «Севастополь» // Севастополь: взгляд в прошлое : науч. ст. сотрудников Гос. архива г. Севастополя. Севастополь, 2006.
24. Там же.
25. Государственный архив Республики Крым. Ф. 27. Оп. 13. Д. 4919.
26. Там же.
27. Там же.
28. Там же. Д. 4986.
29. Там же.
30. Там же.
31. Там же.
32. Там же.
33. Там же.
34. Там же.
35. *Крестьянников В. В.* Крепость Севастополь во 2-й половине XIX — начале XX в. Севастополь, 2008.
36. ГАРК. Ф. 27. Оп. 13. Д. 4984.
37. Там же.
38. Там же.
39. Там же.
40. Там же.

В. Г. Зарубин

«Дело» фельетониста А. А. Ярошко

С началом войны немецкое население Крыма, в значительном количестве ранее поддерживающее постоянную связь с Германией и сохраняющее германское подданство, попало в сложное положение. Многие немецкие колонисты были охвачены антироссийскими настроениями, кто-то стремился переправить свои капиталы в Германию, кто-то — уехать из России, некоторые или шпионили сами, или помогали засылаемым агентам. Разумеется, часть крымских немцев отождествляла себя с приютившей их некогда Россией и вела себя так, как и следует вести лояльным гражданам воюющей страны. Так, крымские немцы пожертвовали для больных и раненых российских воинов 12 тысяч рублей¹. Но шовинистическая кампания в русской печати, переросшая в репрессии проживающих в России немцев, ударила по многим, не обязательно враждебно настроенным, немецким семьям.

Согласно законам от 2 февраля и 13 декабря 1915 года (даты по старому стилю)², началась ликвидация немецкого землевладения и землепользования. Колонисты стали распродавать землю по низким ценам. К февралю 1917 года ими была продана 63 081 десятина³. Иные участки крестьяне захватывали самовольно. В июле — августе 1914 года по императорскому указу развернулась высылка немцев и австрийцев в завожские губернии. Высылались германские подданные, затем — мужчины призывного возраста (от 18 до 45 лет). Некоторые наиболее состоятельные поселенцы, связанные коммерческими интересами с лицами иных национальностей, например с банкирским домом братьев Крым, надеялись избежать неприятностей. Однако власти, поддерживаемые радикально настроенными местными жителями, требовавшими высылки с полуострова всех немцев, были настроены жёстко. Не помогло и заступничество влиятельного С. С. Крыма.

¹ *Кащенко С. Г.* Немецкое население Крыма в годы первой мировой войны // Проблемы истории Крыма : тез. докл. науч. конф. (23–28 сент.). Симферополь, 1991. Вып. 2. С. 31.

² *Лантев Ю. Н.* К вопросу о положении немцев Крыма в годы первой мировой войны // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Симферополь, 1997. Вып. I. С. 429, 433.

³ *Кащенко С. Г.* Положение немецкого населения в Крыму в годы первой мировой войны // Известия Крымского республиканского краеведческого музея. 1994. № 7. С. 60 ; *Лантев Ю. Н.* К вопросу о положении немцев Крыма ... С. 432–434.

За немцами, оставшимися в Крыму, был установлен постоянный полицейский, жандармский и даже церковный надзор. Подобные действия властей не могли не вызвать соответствующей реакции колонистов, получивших ранее от государства значительные привилегии, сказаться на развитии сельского хозяйства, поскольку в подавляющем большинстве немцы использовали прогрессивные методы земледелия и животноводства⁴.

Отрицательное воздействие политики в отношении колонистов на экономику губернии было очевидным, но критика её не позволялась и тут же пресекалась. Так, досталось автору либерального «Крымского вестника» А. А. Ярошко, который подписывался «Ал. Яр-ко» и «Точка». 26 мая 1916 года он публикует фельетон о положении в сельском хозяйстве, констатируя: «Особенно удручающую картину представляли собою в мае эти громадные нивы, покрытые бурьяном в Перекопском уезде, где преобладает немецкое население <...>. Поражает ничтожное количество скота, пасущегося на этих пустырях», поскольку основное количество скота немцы уже распродали. При этом местная полиция вдруг под подписку запрещает колонистам проводить сев, последние, заподозрив неладное, тут же начинают избавляться от своего имущества, а затем, прозрев, [полиция] потребовала оный сев немедленно начать. «Получилось нечто, совершенно уже опереточное. То — не смей сеять никоим образом, под угрозой наказания, то вдруг обязательно сей, во что бы то ни стало, опять-таки под угрозой наказания...» — иронизирует журналист.

На следующий день неугомонный Ярошко вновь издевается над властью держащими. На сей раз его ирония касается исполнения губернатором рекомендации принца А. П. Ольденбургского выделять местным властям по всей России свободные и пустующие земли населению под огороды за минимальную плату: «Да, действительно, как это всё своевременно <...>. Во второй половине мая начинают высаживать огороды в окрестностях Петрограда <...>. Позабыли только, что климат у нас немного другой, лежим мы чуть южнее <...>. Вёрст этак тысячеконки на две...»

Таврический губернатор, свиты Его Величества генерал-майор Н. А. Княжевич жалуется на фельетониста главноначальствующему Одесского военного округа и генерал-губернатору, генералу от инфантерии М. И. Эбелову, настаивая на выселении его из губернии, поскольку «дальнейшее оставление Ярошко в пределах вверенной мне губернии в настоящее время войны я считаю крайне вредным и даже опасным, ибо такая деятельность Ярошко равносильна государственной измене (! — *Авт.*)». Эбелов требует автора фельетонов арестовать и заключить в тюрьму для высылки в отдалённую местность. После длительных розысков 24 июня ничего не подозревающего журналиста арестовали в Киеве, посадили, а затем разрешили выехать за свой счёт в избранную им для жительства местность под надзор полиции. Таковой он избрал Орёл.

⁴ 11 марта 1917 г. Временное правительство издало постановление о приостановке исполнения законов о землевладении и землепользовании австрийских, венгерских и германских выходцев. Высланные иностранно-подданные граждане могли возвращаться в Крым.

Любопытно, что ещё 6 февраля 1916 года губернатор Княжевич обратился в Главное управление Генерального штаба с просьбой направить в Таврическую губернию 21 тысячу военнопленных для участия в сельскохозяйственных работах, так как в связи с мобилизацией в армию значительного числа работников-мужчин «огромная посевная площадь, особенно частновладельческих земель, остаётся не обсеменённой, и населению может угрожать голод».

А что же случилось с Ярошко? Уже после свержения самодержавия, 6 марта 1917 года, всё тот же Эбелов, «в виду новых обстоятельств», признал необходимым отменить постановление о его высылке и 10 марта разрешает проживание ему на территории Одесского военного округа. Ярошко из Орла жаловался таврическому губернатору комиссару Временного правительства Я. Т. Харченко на действия губернатора, желая привлечь «ныне увядшего великолепного князя Тавриды» к ответственности за беззаконие, но чём завершилось сие дело, нам установить не удалось⁵.

⁵ ГАРК. Ф. Р-1694. Оп. 2. Д. 24. Л. 1–1об., 4, 5, 6, 7, 8, 11, 26–27, 28, 30, 43, 46, 48, 49; *Записки В. Как власти с журналистами обращались // Таврические ведомости (Симферополь). 1992. № 51 (декабрь).*

Е. И. Степанова

Война и театр...

Господи! Как народы Твои хороши и велики, и что бы жить им в мире и радости...

Война тогда ещё не раскрыла вполне своей отвратительной пасти, её злое семя едва начинало всходить. Даже буржуазная, практическая Европа встретила тогда войну с подъёмом и одушевлением. А у нас, с присущей нам русским идеалистичностью и готовностью к самопожертвованию ради отдаленной, высокой идеи, она вызвала порыв самого возвышенного энтузиазма во всем обществе. Этот подъём и одушевление ослепили нас, поколение 1914 года, и мы не видели всего зла и злобы войны [1].

**М. Н. Германова, актриса
Московского Художественного театра**

Весна 1914 года. В Москве, через Бюро Императорского театрального общества, действительный статский советник Василий Петрович Суходольский с одной стороны и потомственный почётный гражданин Исаак Эзрович Дуван — с другой заключили договор, в котором были определены сроки, рамки обязательств и, в частности, говорилось: «В. П. Суходольский открывает с предстоящего сезона 1914–1915 г. в помещении ныне Свободного театра в Москве в Каретном ряду в доме Шукина — Драматический театр, по ценам общедоступным, и приглашает к себе на службу в качестве директора-распорядителя И. Э. Дувана для полного руководства этим театром, предоставляет ему право совершенно самостоятельно приглашать и увольнять артистов и вообще весь служебный персонал по своему выбору и заключать с ними договора на срок не более одного года на всех условиях по своему усмотрению, снимать театры в других городах для гастрольных поездок театра, сдавать театр в аренду, вступать в договора с авторами пьес, назначать репертуар, заведовать характером постановок, распределением ролей, назначать расценку мест в зрительном зале, меблировать театр, вводить усовершенствования, печатать афиши, анонсы, уничтожать по своему усмотрению договоры с артистами и служащими, словом право решающего управления и заведывания всею художественной и хозяйственной частью театра» [2].

«О новом театре, отколовшемся от Свободного, появились в печати сведения, которые не могут не радовать, — писал обозреватель Н. Зорин в журнале

«Театр». — Г. Суходольский вместе с опытным, известным всей провинции антрепренером, И. Э. Дуваном-Торцовым, — теперь артистом Художественного театра, — организует: Общедоступный драматический театр. Блестящие дела существующих драматических театров, частые аншлаги на кассах говорят о том, что Москва может выдержать ещё не один новый театр. Москва нуждается в театрах. Правда, они скорее необходимы на окраинах, чем в центре. Но там более пригодны народные театры. Для общедоступного же в Каретном ряду найдётся достаточное количество публики. Заведующим художественной частью приглашён г. Санин.

Предыдущая антрепренёрская деятельность в Киеве И. Э. Дувана-Торцова, достаточно известная всему театральному миру, служит также прекрасной рекомендацией нарождающемуся театру. Если только этим лицам удастся привлечь интересных, «не дутых» помощников в режиссуру и больших хороших артистов — а их много на Руси, очень много — то Москву можно будет поздравить ещё с одним театром» [3].

Исаак Эзрович Дуван-Торцов (1873–1939), выдающийся театральный и общественный деятель, потомок старейшего караимского рода. Родился в городе Евпатории, в одной из самых известных и уважаемых караимских семей Таврической губернии. Его дед по материнской линии — С. С. Бабович, первый гахам, религиозный глава Таврического и Одесского караимского духовного правления. Отец — Э. И. Дуван (1844–1906), купец второй гильдии, потомственный гражданин Евпатории, много лет состоял гласным городской думы. Старший брат — С. Э. Дуван (1870–1957), общественный деятель, крупный благотворитель, городской голова Евпатории.

До поступления в Художественный театр И. Э. Дуван-Торцов «прошёл солидный стаж сценической деятельности». Выпускник юридического факультета Киевского университета Св. Владимира, уже в студенческие годы принимает участие в спектаклях общества грамотности.

В 1901 году был приглашён в качестве актёра в ведущий Киевский театр русской драмы — театр «Соловцов». Первые антрепренёрские шаги делает в городе Вильно, а уже с нового театрального сезона 1905 года Исаак Эзрович — антрепренёр Киевского театра общества грамотности, годом позже одновременно с этим театром возглавляет театр «Соловцов». Именно в те годы он, самобытный актёр, сыграл Фамусова, Городничего, Расплюева, Подколесина. Преданно любя своё дело, он бескомпромиссно служил сцене. Всё, что было связано с миром театра, делал самозабвенно.

В 1912 году приглашённый в Художественный театр Исаак Эзрович будет введён в несколько прославленных спектаклей и сыграет одну из главных ролей — Беральда — в премьерном спектакле «Мнимый больной» по пьесе Мольера. В сорок один год ему будет доверено возглавить новый Московский театр.

«Наша задача, — отмечал в одном из своих интервью И. Э. Дуван-Торцов, — заключается в том, чтобы удовлетворить потребности той массы московских жителей, которым недоступно посещение существующих

И. Э. Дуван-Торцов

театров. Сбавив цены на места, мы будем стараться поставить художественную часть на высоту, не меньшую, чем в обычных не общедоступных театрах. Художественный принцип нашего дела — реализм. В репертуар войдут классики и всё интересное и здоровое, как в литературном, так и в сценическом отношении. Вопрос о составе труппы решается в самом непродолжительном времени, в настоящее время я веду переговоры с несколькими провинциальными артистами, участниками моего дела в Киеве. Первый сезон придётся просуществовать в здании «Эрмитаж»; в случае успеха дела — а в наличии его трудно сомневаться, так как потребность в общедоступном театре чувствуется очень остро, — мы предполагаем на будущий год построить собственное здание вместимостью в 3000 зрителей. Пока же придётся ограничиться ремонтом существующего помещения: будет увеличено количество мест в зрительном зале и упрощён внутренний вид театра» [4].

Первого августа 1914 года Германия объявила войну России. Империя вступила в Первую мировую войну.

В преддверии нового театрального сезона в Петрограде и Москве прошли чрезвычайные общие собрания действительных членов Императорского русского театрального общества, где было принято решение: «Предложить всем сценическим деятелям, имеющим в настоящем зимнем сезоне профессиональный заработок, отчислить 2% с получаемого ими жалования в пользу тех труженников отечественного театра, которые, благодаря сложившимся в переживаемое время условиям, остались без службы или в той или иной форме пострадали от событий военного времени. Двухпроцентное отчисление от получаемого сценического деятелями жалования может дать значительную сумму и оказать большую помощь, помощь тем более дорогую для получающего её, что основана она на дружеской поддержке» [5]. Вскоре стало известно, что московские театры: Незлобина, Корша и Московский драматический, возглавляемый И. Э. Дуваном-Торцовым, — постановили жертвовать по два процента с оклада содержаний в пользу «фонда для помощи призванных на войну сценических деятелей и их семейств» [6].

Московский драматический театр, зародившийся в предвоенную мирную весну, требовавший определённого периода становления и организации, репетиционного времени и постановки первых спектаклей, вопреки разразившейся мировой войне, сжигающей огромные материальные и людские ресурсы, ценою колоссальных усилий поднимает свой занавес ранней осенью — 16 сентября 1914 года.

«Сегодня мы открываем свои двери «Последней жертвой» в постановке г. Санина, дебютируя перед Москвой Островским, — отмечал в интервью журналу «Театр» И. Э. Дуван-Торцов. — Как встретят наше начинание москвичи — покажет первый спектакль, мы сделали что могли, что было в наших силах, и хотим верить, что наш театр внесёт известную лепту

Афиша Московского драматического театра

на алтарь служения родной сцене и искусству. Весь валовой сбор с первого спектакля отдан в пользу раненых <...>. Таких спектаклей в течение сезона будет несколько. Все артисты единогласно согласились делать 2-процентные отчисления в пользу раненых. Кроме того, для раненых будут отводиться места в театре, число мест в котором доведено до 350. Итак, мы начинаем. Близкое будущее покажет результаты нашей художественной работы и оценку её московской публикой» [7].

Разразившаяся война не только не сорвала открытие театра, зародившегося в мирную весну 1914 года, но и не оставила безучастными ни руководителя театра И. Э. Дувана-Торцова, ни возглавляемую им труппу. Отчисления на нужды раненых, фонд помощи беженцам, благотворительность, устройство «летучих» концертов, открытие лазарета — всё это составляющие «военной жизни» театра того времени.

Так, 11 ноября Московским драматическим театром был дан спектакль-концерт, сбор с которого, как отмечал журнал «Театр», «поступит в пользу раненых сценических деятелей и семейств артистов, призванных в действующую армию. В спектакле примут участие: М. Н. Ермолова, А. И. Добровольская — исполнит романсы, на скрипке аккомпанировать будет профессор Могилевский; другие артисты Императорских театров, артисты балета. Ставятся 1, 2, 4, 5 картины пьесы Л. Андреева «Король, закон и свобода» [8].

В доме антрепренёра В. П. Суходольского был открыт лазарет для 10 офицеров имени Московского драматического театра. Средства на содержание и оборудование были даны труппой театра [9].

«Беженцам — весь чистый сбор со спектакля поступит в распоряжение Всероссийского Союза Городов на оказание помощи беженцам. Директор-распорядитель И. Э. Дуван». С таким текстом на афише проходило немало спектаклей Московского драматического театра [10].

«Главный режиссёр Московского драматического театра А. А. Санин всё свободное время уделяет сбору и устройству летучих концертов. Сборами доволен <...> удивительна добра и щедра толпа <...>. Не одни богачи, но все без исключения, бедные, владельцы небольших лавочек, магазинов, даже торговцы-лотошники жертвовали что могли...» [11].

«Ряд «летучих» концертов состоялся в ресторанах «Альпийская роза», «Метрополь», «Мартьяныч». Исполнителями явились г-жи Яблочкина, Каткульская, Борская, Моника Селиверстова, гг. Г. Г. Максимов, Берсенов, Дуван, Волжин, Санин и др. Всюду публика горячо принимала артистов и охотно жертвовала на табак солдатам» [12].

«Дни тяжёлых испытаний показали нам наличность высоких гражданских чувств в русских актёрах, — писал корреспондент журнала «Театр» в своей статье «Артисты-граждане». — Одни из них проявляют эти гражданские чувства там, на поле брани, и газетные некрологи неопровержимо свидетельствуют о том, что умирать артисты наши умеют не только на сцене. Другие, оставшись здесь, отдают себя, свои средства, время и способности на служение и уход за ранеными героями. Каждый день приносит известие об открытии различными театрами лазаретов, об организации благотворительных спектаклей, о добровольном процентном отчислении из жалованья. Они широко открывают двери театров раненым, предоставляя удобные и бесплатные места. Был организован так

называемый походный театр, с использованием его для постановки спектаклей в лазаретах и госпиталях. Программа намечена из миниатюр на современные темы. И из лазарета в лазарет артисты-граждане будут возвещать заглянувшим в бездонные глаза смерти героям — красоту и радость жизни» [13].

Видный русский художник Леонид Осипович Пастернак в первый месяц войны для благотворительного сбора пожертвований в пользу жертв войны создаёт плакат. Он был выполнен способом автолитографии, что позволяло печатать неограниченное количество экземпляров. В своих дневниковых записях годы спустя Л. О. Пастернак писал: «Я никогда и представить себе не мог того успеха, который выпал на долю этого плаката, когда он был расклеен по всей Москве в день сбора пожертвований. Толпы стояли перед ним, бабы плакали <...>. Сбором занимались известные артисты театров с Собиновым во главе, продавали за большие деньги открытки, отпечатанные в десятках и сотнях тысяч экземпляров с репродуцированным моим «Раненым солдатом» [14].

С началом нового театрального сезона 1914/15 года журнал «Театр» под общим заглавием «Задачи театра в эти дни» публикует следующий материал.

«Чем живёт и чем должен жить театр в эти дни? — вот вопросы, невольно возникающие всякий раз, когда приходится говорить о театре в связи с современными событиями, столь, казалось бы, отдаляющими нас от искусства...

А между тем театр жив. Что же дало ему это время? Что показало оно, это грозное время? Нужен или не нужен театр? Каким должен быть его репертуар?

Мы обратились к целому ряду деятелей сцены и литературы. Их ответы помогут нам яснее представить себе ту внутреннюю жизнь, какой живёт современный театр, поставленный обстоятельствами в исключительные рамки. Трудно себе представить жизнь общества, в теперешнее время <...> когда нужно и особенно ценно утешение, даваемое с эстрады или сцены...

М. П. Арцыбашев, драматург, автор пьесы «Ревность»:

— *В переживаемое время театр, как и всякое культурно-просветительское дело, должен, даже непременно должен, существовать. Мы должны стоять на страже искусства, защищать его, творить, проводить его в жизнь, как и в мирное время. Даже ещё интенсивнее, чем в мирное время... Ведь теперь особенно остро чувствуется боль переживаемой нами большой мировой драмы... и искусство, как нежное, прелестное дитя, мы должны ещё строже лелеять и хранить... чтобы потом, когда лучи нового, светлого солнца озарят нашу родину — оно снова бы засияло во всей своей яркой чистоте и неподкупности. ...Театр должен идти, развиваться по намеченной им программе — совершенно независимо от событий... Я если и буду писать, то не о теперешней войне, а вообще о войне как о грозном, кошмарном явлении жизни.*

А. А. Санин, главный режиссёр Московского драматического театра:

— *Вы спрашиваете меня, нужен ли в настоящую минуту театр? Конечно, нужен! Тысячу раз нужен! Да, такой театр, сильный, бодрящий, очищающий, дающий выход взволнованной мысли, чувству, «миллиону наших теперешних терзаний» — такой театр нам нужен!*

Театр наш должен быть патриотичен, в лучшем, благороднейшем смысле этого слова. Сейчас наш неприменный долг — вынести на сцену всё богатство, всю мощь, весь гений нашей родной литературы.

Оберегая достояние прошлого, настоящего и будущего нашей культуры, оберегая каждую драгоценную страницу нашей истории, жизни, веры, литературы, искусства, бьются сейчас наши братья, а мы в это время со святым чувством любви, всеотдания и гордости должны творить наше художественное дело, влагая в каждую сценическую задачу лучшую, самую искреннюю и глубокую часть своего «русского» я.

И. Ф. Шмидт, режиссёр Московского драматического театра:

— *Театр безусловно нужен. В то время, когда слышатся несмолкаемые пушечные выстрелы, когда где-то, совсем недалеко, струится кровь, театр, как храм искусства, как храм настоящий, должен существовать, должен творить, продолжать своё вековое дело — развивать свою деятельность ещё интенсивнее, чем прежде... Театр должен существовать, чтобы потом, когда мы победим, мы не могли считать себя отсталыми в искусстве...*

А. Я. Таиров, главный режиссёр Камерного театра:

— *В наше время, когда так беззастенчиво и грубо разрушаются культурные ценности, театр, как наибольшая ценность, должен существовать как источник радости и света, и все те служители искусства, которые не призваны под знамёна, должны хранить его и на плечах своих вынести все его задачи... Задачи театра сейчас трудны, но что же делать... Потратим больше сил, энергии, но доведём дело театра до конца и в эту тревожную годину» [15].*

Несколько позже, вступая в полемику с отдельными публицистами, публикует свою доказательную статью сотрудник журнала «Театр» М. Орлов: «Много и разноречиво писали и пишут о влиянии войны на театр. Некоторые публицисты договорились до утверждения, что в эти тяжёлые для родины дни театр не имеет нравственного оправдания для своего существования и что театральные зрелища должны быть в силу этого запрещены и добровольно прекращены.

Господа публицисты утверждали, что такой конец просто неизбежен, уже потому, что не найдут театры нужной им аудитории — не до них обществу. Но жизнь, как и следовало ожидать, ответила на эти мудрствования по-своему. Театру не нужно было доказывать свои права на существование.

Эти права давно и бесповоротно признаны за ним и, не взирая на ужасы войны, он продолжает своё извечное культурное дело. И общество не отшатнулось от него! Оказалось, что и в «эти дни» оно не может обойтись без театра.

Так, месячный опыт с введением платных контрамарок в московских и частных театрах дал уже результаты. В Императорских театрах собрано свыше 1000 руб., у Корша — 300 руб., в Московском драматическом — 250 руб.

Это — помимо 2% отчислений с жалования — выражается в довольно значительной сумме. И не проходит дня, чтобы при содействии театра в целом или его отдельных представителей, не состоялось какого-нибудь выступления в пользу жертв войны» [16].

Столь любимый в России, Московский Художественный театр, годом ранее отметивший один из своих первых юбилеев — пятидесятилетие, 27 октября 1914 года открывал свой шестнадцатый сезон. Журнал «Театр» отмечал: «Открытие этого замечательного театра в суровую годину, переживаемую родиной, особенно знаменательно. Перед театром встал вопрос огромной важности: должно ли ему продолжать свою обычную работу теперь, когда потрясённая грозными событиями,

страна как будто бы и не может жить интересами искусства? Именно теперь, когда родина в историческую великую годину в напряжении всех сил переживает такой глубокий, священный подъём — именно теперь не должно быть духа праздности и уныния. Кто может — пусть идёт в ряды сражающихся, но кто на это великое дело не призван, кто не в силах принять подвиг бранный, тот обязан честно исполнять свой долг... Обязан удвоить своё рвение, своё внимание, все свои силы на служение тому делу, которое он считает делом своей жизни...

Служители театра не исполнили бы своего долга, если бы в эту годину не начали свой труд, важный, нужный, достойный труд. Создатели прекрасного дадут чистую, высокую, светлую радость, которая так нужна, так дорога теперь, в дни суровых страданий, в дни волнений...» [17].

С середины января нового, 1915 года на улицах Москвы появился плакат «Русской армии — артисты Москвы»: «Москвичи! Мы, артисты Москвы, глубоко ценим то большое внимание и те симпатии, которыми вы всегда дарили нас. Мы твёрдо знаем, что теперь Москва живо откликнется на наш горячий призыв. С этой верой мы начинаем с 18 января сбор табаку для армии».

Журнал «Театр» с регулярной последовательностью на протяжении нескольких месяцев продолжал свои публикации о значении театра в «эти дни».

«Трудные дни выпали на долю служителей сцены. Суровое испытание, с доблестью переживаемое нашей родиной, должно было обратиться с особенной тяжестью на театрах. Казалось, теперь не до них <...>. И, вероятно, самим артистам думалось, что и впрямь обществу теперь не до театров <...>. Так думалось, и чувство какой-то неловкости, быть может, владело деятелями сцены, неловкости за то, что они, вместо того чтобы быть там, со всеми, — здесь в «глубоком тылу» — спокойно продолжают своё дело. Но на самом деле — русским актёрам краснеть не приходится: им стыдиться нечего. Они свой долг исполнили достойно, мужественно и честно. Очаги культуры в тяжёлые дни испытаний особенно дороги и ценны.

Русский театр всегда являлся таким очагом — он всегда нёс с собой свет любви, высших моральных принципов и благороднейших, идеальных стремлений к Вечному и непреходящему. Театры должны были продолжать свою деятельность. Это являлось их повинностью. Выполняя её — актёры выполняли свой гражданский долг.

Именно в эти дни и явил русский театр образ актёра-гражданина. Встревоженная совесть искала утешение в труде — в уходе за ранеными, в помощи воинам. Создались лазареты, открытые на средства театров; не покладая рук работали и работают артисты в госпиталях; как известно, существует целая санитарная актёрская дружина, принимающая раненых на вокзалах.

Сбор табака — в программу входит объезд частных квартир сборщиками-актёрами и «летучие» концерты в ресторанах. В воскресенье на масляной — устройство грандиозного концерта с участием представителей лучших сил всех Московских театров» [18].

С 18 января 1915 года в Москве была развёрнута акция по сбору табака для армии, а уже 27 января журнал «Театр», информируя своих читателей, пишет о происходящем. Сотрудники журнала побывали у прославленной великой русской актрисы Александры Александровны Яблочкиной, более четверти века служившей в Малом театре. Она принимала активное участие в охватившем всю теат-

ральную Москву гражданском начинании: «Ещё только неделя сбора прошла, а результаты колоссальны. Пожертвований много <...> папирос миллион <...>. Табак, шоколад — ведь это такая большая и такая понятная радость нашим милым солдатам <...>. И всё это, переданное нам с любовью, с добрыми пожеланиями, почти со слезами, имеет большую и трогательную прелесть. Надеюсь, что летучки-концерты дадут щедрый сбор» [19].

В доме основателя и руководителя Московского Художественного театра Константина Сергеевича Станиславского был организован приёмный пункт по сбору табака. Корреспондент журнала «Театр» писал:

«Всех приносящих пожертвования слуга просит пожаловать к Константину Сергеевичу. Большинство жертвователей, конечно, желает передать свою лепту лично.

— Как видите — указал К. С. Станиславский, — табаку у меня достаточно собралось. Многие же, кроме табаку, жертвовали и деньги.

— Приятно сознавать, — говорит К. С. Станиславский, — что принимая участие в сборе, содействуешь его успеху. А успех, как все говорят, огромный.

С удивительной теплотой и радушием принимает Константин Сергеевич посетителей и с каждым находит тему для разговора. Всем жертвователям выдавалась квитанция за подписью К. С. Станиславского» [20].

Лето 1915 года Исаак Эзрович Дуван-Торцов проводит в любимом Крыму. Здесь, в его родном городе Евпатории, им будет устроен благотворительный концерт. Весь сбор с него был отправлен в Московский земский союз на изготовление для армии противогазов. В этом концерте-кабаре, прошедшем в городском театре, принимали участие К. С. Станиславский, Е. Б. Вахтангов, С. Бирман, О. Гзовская, дочь Исаака Эзровича — Тамара Дуван и сам устроитель Исаак Эзрович Дуван-Торцов. В течение этого военного лета Исаак Эзрович не раз будет участвовать в концертах, сборы с которых поступали на устройство в Крыму санатория для раненых воинов.

15 сентября 1915 года Московский драматический театр гоголевской «Женитьбой» и тургеневским «Завтраком у предводителя» открывал второй сезон.

Сотруднику журнала удалось побеседовать с руководителем театра, директором И. Э. Дуваном-Торцовым.

«Мы открываем свой сезон в тяжёлую годину, но, несмотря на это, полны той бодрости, без которой нельзя не только начинать, но и продолжать какое бы то ни было дело <...>. Нужно придерживаться комедийного репертуара, нужно поддерживать дух приходящей к нам и верящей в нас публики. Но отказаться совершенно от постановок драм нельзя. Мы решили не ставить драм, сильно бьющих на

Городской театр
Въ среду 1-го июля 1915 года.
И. Э. Дуванъ-Торцовъ
устраиваетъ
КОНЦЕРТЪ
Весь сборъ поступитъ въ Московскій земскій союзъ на изготовленіе для арміи
ПРОТИВОГАЗОВЪ
Участвуютъ въ 1-мъ отдѣленіи:
артисты московскаго худож. театра артистка московскаго драм. театра
К. С. Станиславскій | **Е. А. Полевницкая**
О. В. Гзовская | преподаватель одесскаго консерваторіи
артистка одесскаго театра **Е. М. Попова** | **Н. С. Блиндеръ**
КАБАРЕ (чтобы смѣяться).
Участвуетъ группа молодежи Московскаго Художественнаго и другихъ театровъ подъ управленіемъ **Е. Б. Вахтангова.**
Г-жи И. А. Ефремова, В. Ю. Соловьева, С. Г. Бирманъ, А. М. Савь, Е. Н. Киселева,
Т. К. Давыдовская, О. В. Марья, Т. Н. Дуванъ и др. Г-да Е. Б. Вахтанговъ,
Р. В. Болотскій, В. В. Теларосскій, И. Э. Дуванъ-Торцовъ и др.
Начало ровно въ 8½ часовъ вечера.
Цѣны на билеты объявлены. Билеты въ кассѣ театра.
Бенефиціи принимаются съ благодарностію.

Афиша концерта
антрепренёра И. Э. Дувана-Торцова

нервы, — но вместе с тем в числе первых новых постановок даём «Грозу». Это совершенно иная драма. Там есть слёзы, но те слёзы иные.

В репертуар этого сезона мы включили много комедий. У нас пойдут: «Сон в летнюю ночь» в переводе Т. Щепкиной-Куперник, «Проказы вертопрашки» Ю. Озаровского, «Женитьба» и много других. Л. Н. Андреев обещал тоже бодрую пьесу, совершенно не имеющую ничего общего с его прежним, мрачным творчеством. Кроме Л. Н. Андреева, обещали дать в этом сезоне свои новые пьесы: С. А. Найдёнов, С. Ауслендер, Ив. Шмелёв и др. В общем, репертуар составит интересный и разнообразный» [21].

«Четырнадцатый год, принеся с собой войну, во многом изменил сложившуюся театральную жизнь Москвы, — писал в своих юношеских театральных дневниках, ставших историческими документами, критик, режиссёр и историк Художественного театра П. А. Марков. — Вместе с тем он внёс своеобразный подъём и одновременно сумятицу, разлад в душевное состояние. Патриотический угар первого военного года быстро угас.

На основе только одного распавшегося Свободного театра осенью 1914 года начали деятельность сразу три театра: Московский драматический, имени Комиссаржевской и Камерный. Из всех этих театров Московский драматический был наиболее профессиональным. Великолепными актёрскими силами театр вероятно быстро завоевал популярность» [22].

Шёл второй год Первой мировой войны...

Источники и литература

1. Германова М. Н. Мой ларец : воспоминания. М.: Диаспора, 2001. С. 37.
2. РГАЛИ. Ф. 641. Оп. 1. Д. 2572. Л. 16–17.
3. Зорин Н. Новый театр Суходольского // Театр. 1914. № 1446. С. 5.
4. РГАЛИ. Там же.
5. Воззвание к артистам // Театр. 1914. № 1579. С. 5.
6. Московские театры // Театр. 1914. № 1579. С. 9.
7. У И. Э. Дуван-Торцова // Театр. 1914. № 1562. С. 3.
8. Спектакль в пользу сценических деятелей // Театр. 1914. № 1597. С. 7.
9. Открытие лазарета // Театр и искусство. 1914. № 39. С. 771–772.
10. Театральный музей им. А. А. Бахрушина. Отдел афиш. МДТ. 18 августа 1915 г.
11. Главный режиссёр ... // Театр. 1915. № 1641. С. 6.
12. Летучие концерты // Театр. 1915. № 1643. С. 4.
13. Артисты-граждане // Театр. 1914. № 1559. С. 5.
14. Пастернак Л. О. Записки разных лет. М. : Сов. художник, 1975. С. 84.
15. Задачи театра в эти дни // Театр. 1914. № 1584. С. 5–7.
16. Театр в эти дни // Театр. 1914. № 1598. С. 3.
17. Художественный театр // Театр. 1914. № 1588. С. 5–7.
18. Артисты — армии // Театр. 1915. № 1634. С. 3–4.
19. У А. А. Яблочковой // Театр. 1915. № 1641. С. 5.
20. Сбор на табак. У К. С. Станиславского // Театр. 1915. № 1643. С. 4.
21. Московский Драматический театр (К открытию сезона). И. Э. Дуван // Театр. 1915. № 1733. С. 4.
22. Марков П. А. Книга воспоминаний. М., 1983.

А. Д. Попов

«Экскурсии состоятся согласно расписанию...»

Крымско-кавказский горный клуб
в годы Первой мировой войны

Накануне Первой мировой войны туризм и экскурсии в Российской империи развивались весьма динамично. Современник писал: «Экскурсионное дело <...> развивается всё больше; в экскурсионное течение вовлекаются всё большие массы; расширяется, растёт количество экскурсий, их территория и систематизация...» [12, с. 1]. Своеобразной Меккой для туристов был в то время Крымский полуостров, особенно его Южный берег. Например, за сезон 1912 года в одной только Ялте официально зарегистрировались около 35 500 приезжих, заплативших курортный сбор [10, с. 493]. Всего же в тот период крымские курорты ежегодно принимали около 100 тыс. отдыхающих [11, с. 324]. Среди курортных развлечений эпохи Русской Ривьеры заметное место занимали пешеходные, экипажные, конные, морские, а затем и автомобильные экскурсии для осмотра достопримечательностей. Они совершались под руководством экскурсоводов из числа местных жителей, которых в то время принято было называть «проводниками». Спрос рождал предложение, и во всех основных курортных центрах, в первую очередь в Ялте, к 1914 году была налажена достаточно развитая система экскурсионного обслуживания.

В августе 1914-го в связи со вступлением Российской империи в Первую мировую войну начался новый этап истории отечественного туристско-экскурсионного движения, описание которого в исследовательской литературе практически отсутствует. Авторы целого ряда работ, посвящённых различным аспектам деятельности Крымского (Крымско-Кавказского) горного клуба [6; 8; 13; 22; 24–26], приводят лишь отдельные немногочисленные факты о его деятельности в 1914–1918 годах, или же этот период вообще не представлен. В книге А. В. Мальгина «Русская Ривьера», глубоко и всесторонне характеризующей историю крымского туризма в конце XVIII — начале XX века, сюжет Первой мировой войны раскрывается в основном в контексте возникновения движения по поддержке отечественных лечебных местностей [11, с. 324–329]. Несмотря на бесспорные заслуги предшественников, практически ничего не известно об экскурсионной деятельности на крымских курортах в этот сложный для страны и её граждан период. Между тем, как будет показано ниже, деятельность эта продолжала осуществляться, несмотря на влияние военного времени.

Крупнейшим организатором экскурсий не только в дореволюционном Крыму, но и во всей Российской империи, было Ялтинское отделение Крымско-Кавказского горного клуба (далее ЯО ККГК). Начав свою деятельность в 1891 году с проведения экскурсионных мероприятий для нескольких десятков ялтинцев-энтузиастов, оно к 1912 году довело ежегодное количество своих экскурсий до 645, а число участников — до 15 229 человек, подавляющее большинство которых было приезжими [7, с. 45]. По подсчётам автора, на основе опубликованных и неопубликованных годовых отчётов ЯО ККГК за 1891–1917 годы этой организацией было обслужено свыше 145 тыс. экскурсантов.

Основу экскурсионных маршрутов Ялтинского отделения составляли однодневные поездки в окрестности Ялты (Ай-Петри, Ай-Тодор, Алушка, Гурзуф, Ливадия, Массандра, Никита, Ореанда, Симеиз, Учан-Су, Южнобережное лесничество). Большинство экскурсий совершалось в лёгких конных экипажах (линейках). Пешеходные и верховые экскурсии пользовались гораздо меньшей популярностью. Основным конкурентом ЯО ККГК являлась существовавшая с 1898 года экскурсионная контора ялтинского предпринимателя Якова Бебеша, которой к августу 1914-го принадлежало 14 экипажей и 25 лошадей [17]. Стоимость участия в экскурсии составляла от 1 до 2,5 руб. [10, с. 340, 495]. Организация экипажных экскурсий, пользовавшихся большой популярностью у курортной публики, была весьма выгодным делом. Однако, в отличие от предпринимателей, ЯО ККГК направляло основную часть экскурсионных доходов на пополнение своего музея и библиотеки, организацию научных лекций и исследовательских экспедиций, развитие соответствующей инфраструктуры (маркировка горных троп, постройка и ремонт горного приюта на Чатырдаге, аренда сталактитовых пещер в целях упорядочения их посещения) [см., например: 3, л. 6].

Накануне Первой мировой войны один из активных деятелей ЯО ККГК, ялтинский врач Фридрих Данилович Вебер открыл в городе собственное экскурсионное бюро. Оно должно было действовать по образцу зарубежных туристических фирм того времени, а также заниматься организацией разнообразных экскурсий на коммерческой основе [16]. В путеводителе «Крым», изданном в 1914 году. Крымским обществом естествоиспытателей и любителей природы сообщалось, что Бюро Ф. Д. Вебера «старается отыскать проводников, знающих местность и владеющих, кроме русского, и одним из иностранных языков» [10, с. 496]. Сам Ф. Д. Вебер впоследствии писал о том, что намеревался «сделать Ялту центром экскурсионного спорта всего света и дать ему международный характер», но из-за неблагоприятного стечения обстоятельств эти планы так и не были реализованы [27].

Вступление Российской империи 1 августа 1914 года в мировую войну не могло не отразиться как на деятельности ЯО ККГК, так и на состоянии туристско-экскурсионного дела Крыма в целом. Снижение уровня жизни населения, мобилизация, сокращение «гражданских» пассажирских перевозок, опасность морского пути из Одессы вследствие активности вражеского флота и некоторые другие причины резко уменьшили количество приезжающих на Южный берег Крыма для отдыха и лечения. С другой стороны, популярные ранее среди представителей высшего имущественного слоя зарубежные курорты, такие как Баден-Баден и Французская Ривьера, стали им практически недоступны. В результате курорты на Черноморском побережье Крыма и Кавказа стали едва ли не единственными

лечебно-курортными местностями, доступными для граждан Российской империи, что обеспечило поддержание курортной, туристической и экскурсионной деятельности в жизнеспособном состоянии на протяжении первых лет войны. Этому способствовало и достаточно активное общественное движение по развитию отечественных лечебных местностей, нашедшее определённую поддержку и со стороны государства. В публичном дискурсе 1914–1916 годов неоднократно звучали призывы к тому, чтобы и после предполагаемого победного окончания войны курорты Русской Ривьеры имели бы максимальную поддержку [см., например: 9; 23].

В отчёте ЯО ККГК за 1914 год сообщалось, что, если бы не начало войны, этот год «был бы из самых удачных» по количеству экскурсантов. Но из-за резкого спада в конце лета и осенью общее их количество составило лишь 7880 человек (имеются в виду только экипажные экскурсии), что было примерно на 10% ниже аналогичного показателя предыдущего года (см. таблицу) [14, с. 8].

**Экскурсии ЯО ККГК накануне и в годы
Первой мировой войны**
[2, л. 100; 3, л. 42 об.; 14; 15]

Год	Экипажные (количество экскурсантов)	Пешеходные (количество экскурсантов)
1913	8665	214
1914	7880	318
1915	2260	59
1916	4353	99
1917	849	Нет данных
Всего	15342	476

1915 год принёс «значительное сокращение числа приезжих», дефицит транспортных средств и резкое повышение цен. При этом газета «Русская Ривьера» сообщала, что в этом году в Ялте «функционировали только экскурсии Горного клуба» [15, с. 14]. Очевидно, частные экскурсионные организации из-за трудностей военного времени отказались от проведения экскурсий, не приносящих прежней прибыли. Уже упоминавшаяся контора Я. Бебеша, по всей видимости, переориентировалась на пассажирские перевозки из Ялты в Алушту, Севастополь и Симферополь, а бюро Ф. Д. Вебера практически прекратило какую-либо деятельность. И только ЯО ККГК, являвшееся научно-просветительской, филантропической организацией, продолжало устраивать экскурсионные мероприятия вопреки всем трудностям.

Хотя число участников экипажных и пешеходных экскурсий в 1915 году по сравнению с предыдущими годами резко сократилось, они по-прежнему регулярно организовывались на протяжении всего экскурсионного сезона, т. е. начиная с марта и до конца октября. В сложившихся условиях правление ЯО ККГК решило активизировать работу с учащимися местных учебных заведений. Вокруг музея Отделения сформировался своеобразный кружок из учащихся ялтинской гимназии и коммерче-

ского училища, члены которого за год совершили 17 общеобразовательных, ботанических, геологических, этнографических экскурсий по окрестностям Ялты [1, с. 48].

Судя по сохранившимся документам, члены ЯО ККГК искренне верили, что война скоро закончится и экскурсионное дело не только обретёт прежний размах, но и значительно расширится. Об этом свидетельствует, например, факт заключения Отделением договора об аренде на девять лет (с 1 мая 1916 г. до 1 мая 1925 г.) Скельских пещер, являвшихся интересным экскурсионным объектом. Несмотря на ускоряющиеся темпы инфляции, арендная плата по договору была зафиксирована на уровне 50 руб. в год [15, с. 4].

Следующий, 1916 год был для ЯО ККГК юбилейным — исполнилось 25 лет с начала его деятельности. Однако обстановка на Южном берегу Крыма в то время была далеко не праздничной. Из-за большого притока раненых курорт напоминал огромный госпиталь под открытым небом. Немало здесь было и беженцев с территории военных действий, продолжался рост цен. Но экипажные экскурсии ЯО ККГК по-прежнему проводились, хотя дважды в течение сезона их осуществление пришлось временно прекратить из-за конфискации лошадей на военные нужды. 21 августа 1916 года в ялтинской газете «Русская Ривьера» было опубликовано объявление следующего содержания: «В виду невозможности достать исправные линейки и лошадей ЯО ККГК временно прекратило экскурсии. Деньги (за приобретённые заранее экскурсионные билеты. — А. П.) будут возвращены» [18].

После мобилизации в действующую армию многих членов Отделения остро встал вопрос о нехватке квалифицированных экскурсоводов. Решено было привлечь к ведению экскурсий наиболее способных учащихся из кружка при ЯО ККГК, а также ялтинцев-студентов, прибывших в город на время летних каникул [19; 20]. В конце года члены Отделения по просьбе местных военных властей начинают проводить лекции, прогулки и экскурсии для раненых офицеров и солдат, находящихся на лечении в госпиталях и санаториях Южного берега Крыма [2, л. 57–57 об.].

Подводя итоги экскурсионной деятельности ЯО ККГК за 1916 год, следует отметить, что число участников организованных им экскурсий заметно возросло по сравнению с предыдущим годом, что отражено в вышеприведённой таблице. Это можно объяснить улучшением ситуации для России на фронтах и связанной с этим некоторой стабилизацией жизни, участием в экскурсиях раненых военнослужащих, а также появлением в Ялте семей «новых русских» времён Первой мировой войны, разбогатевших на военных поставках и заказах. Среди экскурсантов того года 57% (2486 человек) составляли женщины и 43% (1867 человек) — мужчины [3, л. 2].

Вообще третий по счёту курортный сезон со времени начала Первой мировой войны стал временем, когда активисты ЯО ККГК много размышляли относительно возможного повышения эффективности его работы. Например, возникла идея продать принадлежавшие Ялтинскому отделению устаревшие, тяжёлые экипажи, а вместо них приобрести несколько новых лёгких линеек «на резиновом ходу» [2, л. 47–48]. Также встал вопрос о новых принципах подготовки экскурсоводов, готовых по запросам экскурсантов предоставлять им серьёзную информацию научно-образовательного характера. Один из активистов ЯО ККГК, Евгений Лейтнекер, на страницах газеты «Русская Ривьера» констатировал, что «к нам едет вся разношерстная Русь и было бы крайне неосторожно применять ко всем классам и со-

словиям одну и ту же мерку <...>. Чисто образовательные экскурсии должны быть отделены от видовых эстетических прогулок, которые несомненно имеют своих поборников и будут процветать в большей или меньшей мере». При этом среди членов Ялтинского отделения преобладало мнение, что основными потребителями проводимых ими экскурсий должны быть именно образованные, думающие люди, которым нужен будет интеллигентный экскурсовод, а не услужливый слуга-проводник [20].

Трудности военного времени вынудили правление ККГК, находившееся в Одессе, ещё во второй половине 1914 года отказаться от проведения привычных ранее групповых поездок в Крым и на Кавказ [23]. Связь правления с отделениями клуба, в том числе ялтинским, практически прервалась. Между тем ЯО ККГК уже не могло, как в благополучные для него предвоенные годы, организовывать многодневные экскурсии и поддерживать на должном уровне туристскую инфраструктуру всего Южного берега и горного Крыма. В военный период экскурсионная деятельность ЯО ККГК заметно сузилась и охватывала лишь ближайшие окрестности Ялты. В этих условиях возникла мысль о создании в Крыму трёх совершенно самостоятельных экскурсионных организаций — в Алуште, Бахчисарае и Ялте. Последняя должна была иметь свои представительства в Гурзуфе, Никитском саду, на Ай-Петри и Бай-дарах, в Южном бережном лесничестве для «содействия туристам и изучения края» и состоять из заинтересованных общественных деятелей, предварительный список которых был составлен [2, л. 46–47]. Эту структурную реформу её инициаторы — члены ЯО ККГК предполагали осуществить после победы Российской империи в войне.

Все эти планы так и не были реализованы. В то же время состоялось другое важное событие. В августе 1916 года, несмотря на неблагоприятные условия, обусловленные Первой мировой войной, произошло институциональное оформление нового крымского отделения ККГК. Именно тогда начало свою деятельность Феодосийское отделение Крымско-Кавказского горного клуба (ФО ККГК), которое объединило многих видных представителей интеллигенции Феодосийского уезда, таких как поэт Максимилиан Волошин, уездный предводитель дворянства камергер В. А. Княжевич, собиратель крымских легенд генерал-лейтенант Н. А. Маркс, начальник Феодосийского торгового порта А. А. Новинский, директор Карадагской биологической станции А. Ф. Слудский. Среди задач Отделения называлась организация краеведческих экскурсий с учащимися местных учебных заведений (для чего была сформирована специальная школьно-экскурсионная секция) и создание условий для привлечения туристов в Юго-Восточный Крым (разработка экскурсионных маршрутов, улучшение состояния дорог, подготовка нового подробного путеводителя) [2, л. 33–35; 3, л. 102 об.; 5, с. 189–190].

Однако большинство этих начинаний так и не воплотились в жизнь. Революционные события 1917 года и последовавшая за ними Гражданская война прервала их развитие на самом раннем этапе. ФО ККГК удалось провести лишь две экскурсии, общее число участников которых составило около 200. В августе 1916-го около 130 экскурсантов посетило Коктебель и поднялось на Карадаг, где был установлен флаг Крымско-Кавказского горного клуба, а в сентябре того же года несколько десятков желающих, в основном из числа приезжих, совершило поездку для знакомства со Старым Крымом и армянским монастырём Сурб-Хач (Святой Крест) [5, с. 189; 3, с. 102]. Несмотря на то что Феодосийское отделение вело

переписку с правлением ККГК в Одессе и ЯО ККГК, факты говорят о его полной самостоятельности в практической деятельности.

Ни в феврале, ни в октябре 1917 года на Южном берегу не наблюдалось каких-либо серьёзных вооружённых столкновений, реакция на революционные события здесь была довольно спокойной. Но общее состояние общественно-политической жизни в стране не могло не отразиться на жизни курорта, в том числе на экскурсионной деятельности. Так, согласно вышеприведённой таблице, примерно в пять раз по сравнению с предыдущим годом сократилось число участников экипажных экскурсий ЯО ККГК, а экскурсионный сезон длился меньше обычного — с 3 мая по 20 сентября. Экскурсии, судя по сохранившимся отчётам, совершались «при самых неблагоприятных условиях» [3, л. 42]. Не состоялось и большинство из запланированных краеведческих экскурсий для учащихся Ялты, поскольку те были либо «захвачены (политическими. — А. П.) событиями», либо участвовали в деятельности трудовых дружин, которые помогали тем семьям, чьи кормильцы находились на фронте [3, л. 46 об.].

В январе 1917-го одна из ялтинских газет опубликовала статью, автор которой вспоминал произошедший в 1915 году обстрел Ялты немецким крейсером «Бреслау» как первое и последнее боевое крещение города [21]. Действительно, больше ни разу военные действия Первой мировой войны непосредственно не коснулись Южного берега Крыма. Однако в 1918 году на крымской земле началась Гражданская война и ситуация резко изменилась. За три года (1918–1920) Ялта несколько раз переходила из рук в руки, видела боевые столкновения и массовые расстрелы.

Сохранившиеся документы позволяют говорить о том, что ЯО ККГК продолжило свою работу и в годы Гражданской войны, объединяя вокруг себя довольно известных в будущем учёных, таких как Е. В. Вульф, Н. И. Кузнецов, Е. И. Лейтнекер, А. С. Моисеев. По другим данным, в 1919 году Отделение прекратило своё существование, но был создан кооператив, который распоряжался принадлежавшим ему ранее имуществом [4, л. 10–11].

Информация об экскурсионной жизни Ялты на протяжении «смутных» 1918–1920 годов скудна и противоречива. Судя по всему, в 1918 году экскурсии на Южном берегу Крыма вообще не устраивались. Летом 1919-го состоялось всего лишь две экскурсии в ближайшие окрестности Ялты (с общим количеством участников не более 20 человек), а отлаженная ранее система организации экскурсионных мероприятий перестала существовать. Выступая на заседании Отделения 30 июля 1919 года, один из его членов сетовал на то, что «экскурсии трудно наладить, так как слабо поставлена информация, нет лица, которое принимало бы плату за экскурсии и вообще уведомяло бы публику» [3, л. 65–65 об.; 4, л. 10]. Причём речь шла исключительно о пешеходных экскурсиях, поскольку достать какой-либо транспорт для перевозки экскурсантов было невозможно.

Таким образом, во время Первой мировой войны экскурсионная жизнь Крыма продолжалась, что имело важное социальное и социально-психологическое значение. Экскурсии рассматривались как своеобразный атрибут мирной жизни, оказывавший «стабилизирующее» влияние на сознание людей, живших в очень напряжённой психологической атмосфере военного времени. При этом гораздо более жизнеспособной оказалась общественная, а не предпринимательская форма организации экскурсионных мероприятий, свидетельством чему служит деятельность ЯО ККГК.

Источники и литература

1. В музейной секции Ялтинского отделения Крымско-Кавказского горного клуба // Русский экскурсант. 1916. № 5. С. 48.
2. Государственный архив Республики Крым (ГАРК). Ф. 661. Оп. 1. Д. 11.
3. ГАРК. Ф. 661. Оп. 1. Д. 12.
4. ГАРК. Ф. 661. Оп. 1. Д. 17.
5. Гейман В. Открытие отделения Крымско-Кавказского горного клуба в Феодосии и его задачи // Записки Крымского общества естествоиспытателей и любителей природы. Т. 5. Симферополь, 1916. С. 189–190.
6. Голоцван К. В. Крымско-Кавказский горный клуб // Историческое наследие Крыма. 2007. № 18. С. 157–187.
7. Деятельность и денежный отчёт Ялтинского отделения Крымско-Кавказского горного клуба за 1912 год // Записки Крымско-Кавказского горного клуба. 1913. Вып. 2. С. 45–50.
8. Долженко Г. П. История туризма в дореволюционной России и СССР. Ростов н/Д. : Изд-во Рост. ун-та, 1988. 190 с.
9. Ермолов А. С. Русский туризм и отчизноведение // Русская Ривьера : вестник Черноморского побережья, Кавказа и Крыма. 1915. № 3/4. С. 19–31.
10. Крым : путеводитель / под ред. К. Ю. Бумбера, Л. С. Вагина, Н. Н. Клепинина, В. В. Соколова. Симферополь : Тип. Тавр. губ. земства, 1914. VII, 686 с.
11. Мальгин А. В. Русская Ривьера. Курорты, туризм и отдых в Крыму в эпоху Империи. Конец XVIII — начало XX в. Симферополь : СОНАТ, 2004. 352 с.
12. Мезиер А. Экскурсионное дело и экскурсионная литература в 1914 г. // Русская школа. 1915. № 4. С. 1–10.
13. Непомнящий А. А. Кримський гірський клуб і розвиток краєзнавчого туризму в Криму (к. XIX — поч. XX ст.) // Туристично-краєзнавчі дослідження : у 2 ч. Київ, 1998. Вип. 1. Ч. 2. С. 150–157.
14. Отчёт о деятельности Ялтинского отделения Крымско-Кавказского горного клуба в 1914 г. Ялта : Труд, 1915. 43 с.
15. Отчёт о деятельности Ялтинского отделения Крымско-Кавказского горного клуба в 1915 г. Ялта : Труд, 1916. 47 с.
16. Русская Ривьера. 1914. 2 апр.
17. Русская Ривьера. 1914. 19 авг.
18. Русская Ривьера. 1916. 21 авг.
19. Русская Ривьера. 1916. 25 авг.
20. Русская Ривьера. 1916. 26 авг.
21. Русская Ривьера. 1917. 26 янв.
22. Савчук В. С. Естественнонаучные общества Юга Российской империи: вторая половина XIX — начало XX в. Днепрпетровск : ДГУ, 1994. 232 с.
23. Смирнов В. И. Перспектива будущего // Записки Крымско-Кавказского горного клуба. 1914. Вып. 3–4. С. 45–47.
24. Соболевская Т. В. О деятельности Ялтинского отделения Крымско-Кавказского горного клуба по материалам архивного фонда // VII Дмитриевские чтения. История Южного берега Крыма : сб. науч. тр. Симферополь : Таврия-Плюс, 2004. С. 8–17.
25. Соколов А. А. Севастопольское отделение Крымского горного клуба // Историческое наследие Крыма. 2007. № 20. С. 209–216.
26. Чопн И. Л. Крымско-Кавказский горный клуб. Одесса : Электра, 2000. 96 с.
27. Ялтинская жизнь. 1916. 23 апр.

Д. В. Соколов

Через разложение — к власти

Деятельность большевистских партийных организаций в Крыму
в межреволюционный период (март — октябрь 1917 г.)

Всё больше времени отделяет нас от революционных потрясений 1917 года. Роль этих событий в трагической судьбе России в XX столетии неоспорима. И сегодня они вызывают широкий общественный интерес, оставаясь одной из наиболее обсуждаемых тем.

Распространение в мире различных форм экстремизма, рост социально-политической напряжённости на постсоветском пространстве, «украинский кризис» повышают как никогда актуальность вопросов изучения технологий захвата власти и идеологической обработки народных масс. В этой связи полезно обратиться не только к опыту новейшей истории, но и к примерам из прошлого.

Разные антигосударственные силы уже в XIX веке старались пошатнуть российскую монархию. Она выстояла в революции 1905–1907 годов, но затем рухнула в одночасье в начале 1917-го. Рухнула, на шаг не дойдя до победы в Первой мировой войне.

Выступая 1 августа 2014 года на церемонии открытия на Поклонной горе монумента героям, павшим в годы Первой мировой войны, президент России Владимир Путин отметил, что победа в этой войне «была украдена у страны. Украдена теми, кто призывал к поражению своего Отечества, своей армии, сеял распри внутри России, рвался к власти, предавая национальные интересы» [1].

В ситуации 1917 года такой радикальной антигосударственной политической группировкой являлась большевистская партия РСДРП(б), возглавляемая Владимиром Лениным. В отличие от других революционных партий, чьи замыслы и не предусматривали ни военного поражения, ни разрушения прежних государственных целей перед собой не ставили. Следует, на наш взгляд, согласиться с мнением видного российского историка Сергея Волкова, что вопросы государственных интересов большевиков «волновали лишь постольку, поскольку были связаны с удержанием ими власти над определённой территорией, — и только до тех пор, пока не разгорится «мировой пожар» и государственные границы

вообще утратят какое бы то ни было значение» [2]. Ленин не только призывал к поражению России в войне с внешним врагом, но и к началу войны внутренней — Гражданской. При этом большевики и их лидер не ограничивались только призывами, они вели практическую работу по разложению русской армии и флота и завоеванию контроля над массами.

В каждом городе, в каждой губернии этот процесс имел свои специфические черты. Так, накануне революционных потрясений 1917 года и в первые месяцы после падения российской монархии население Крыма не отличалось заметной политической активностью. То же можно сказать и о личном составе Черноморского флота. В недавнем прошлом сыгравшие заметную роль в антиправительственных выступлениях 1905–1907 и 1912 годов моряки-черноморцы хотя и отнеслись с одобрением к известию об отречении императора Николая II от престола, однако не восприняли это событие как повод для пересмотра поставленных перед ними текущих задач. Напротив, в первые месяцы после Февральской революции широкое распространение среди экипажей судов и Севастопольского гарнизона получило так называемое революционное оборончество — идея продолжения войны «до победного конца» во имя защиты демократии и свободы. Господствующей политической партией на Черноморском флоте в то время были эсеры.

В этой обстановке влияние большевиков среди населения и особенно среди моряков поначалу было ничтожным. Первая легальная большевистская партийная организация в Крыму оформилась в Севастополе только во второй половине апреля 1917 года [3]. В то время она насчитывала не более 15 человек [4]. Наиболее активными большевиками, работавшими в те дни в Севастополе, были матросы Иван Назукин, Савелий Сапронов, Василий Игнатенко, Иван Сюсюкалов, солдаты Никита Сапронов, Андрей Калич, рабочие военного порта Иван Ржанников, Аполлон Клепиков и другие. Собравшись на квартире И. Ржанникова шесть севастопольских большевиков создали партийный комитет. Председателем избрали Сапронова, казначеем — Ржанникова, секретарём — Сюсюкалова [5]. В последующие недели севастопольский комитет РСДРП(б) пополнился ещё шестью новыми членами [6].

Организация начинала работу в трудных условиях. Не было ни литературы, ни средств. Собираться приходилось на частных квартирах [7]. Тем не менее, несмотря на свою малочисленность, а также враждебное к ним отношение, севастопольские большевики развернули кипучую деятельность, наладили контакты с партийными организациями Харькова, Одессы, Донбасса, Екатеринослава (ныне Днепропетровск), занимались активной пропагандистской работой. Кроме того, по словам С. Сапронова, в Севастополь «не раз приезжали товарищи из Симферополя, Новороссийска, Николаева» [8]. И. Назукин ещё в марте объединил вокруг себя группу из 6–7 человек, которая вела большевистскую агитацию в Балаклаве. В. Игнатенко занимался партийной работой среди команды линкора «Свободная Россия». Вокруг А. Калича группировались наиболее радикальные элементы из числа солдат севастопольской крепостной артиллерии [9].

Наиболее активную работу среди черноморцев проводила команда флотского полуэкипажа, куда командование ЧФ списывало с кораблей политически неблагонадёжных и революционно настроенных матросов. Здесь же, в полуэкипаже,

в апреле возникла одна из первых большевистских партийных ячеек во главе с Г. Булатниковым. В апреле — мае большевистские партийные ячейки появились также на линкорах «Евстафий», «Георгий Победоносец», «Три Святителя», «Свободная Россия», на эсминце «Капитан Сакен», в военном порту, в крепости, у подводников, в торговом флоте, в авиационном отряде, в партии траления. Всего в апреле — июне 1917 года на боевых кораблях, в минной школе и в полуэкипаже Черноморского флота было создано восемь большевистских партийных ячеек [10]. Сочувствующие большевикам имелись среди экипажей эсминцев «Керчь», «Гневный», «Гаджибей», «Жаркий» [11].

Главной мишенью своей пропагандистской активности сторонники партии Ленина избрали именно Черноморский флот, поскольку, как признавал С. Сапронов, военные моряки «представляли большой резерв боевых сил революции, и борьба за завоевание этой массы составляла одну из главных задач большевиков» [12].

Известны примеры, когда благоприятные условия для агитационной работы большевиков на кораблях ЧФ создавались из-за попустительства отдельных офицерских чинов. Именно этому обстоятельству обязана своими успехами ячейка РСДРП(б) на эскадренном миноносце «Капитан Сакен», которую возглавлял С. Сапронов [13].

Как признавал один из активных участников севастопольской организации РСДРП(б) Алексей Платонов, главными программными лозунгами большевиков в этот период были: передача власти Советам, национализация земли, всеобщая трудовая повинность, «долгой империалистическую войну, да здравствует война гражданская», отказ от государственных долгов [14]. Ближайшей же задачей севастопольские ленинцы ставили «подрыв доверия массы к Временному правительству и оборонческим партиям» [15].

Основной формой агитационной работы при этом являлись публичные выступления. Как вспоминал С. Сапронов, члены севастопольской большевистской партийной организации «пользовались любым случаем, чтобы разъяснить массам смысл событий, происходивших в стране. Военные вели пропаганду в своих частях и на кораблях, рабочие — на своих предприятиях, и каждый из нас — в любом месте, где только представлялась возможность» [16].

Другим важным средством ведения агитации среди моряков Черноморского флота стало распространение воззваний и листовок. Так, уже 7 апреля 1917 года на улицах Севастополя были разбросаны большевистские воззвания с призывом не забывать, что «враг у нас не только Вильгельм, но есть ещё враги — помещики и капиталисты. И когда покончат с германцами, непременно нужно смести с лица освобождённой России помещиков, капиталистов, а также офицеров» [17].

Листовки передавались и на стоявшие на севастопольском рейде военные корабли. «Улучив момент, — писал С. Сапронов, — когда какой-нибудь матрос возвращался с берега, мы давали ему листовки с просьбой распространить их на своём корабле. Не каждый брался за это. Но интерес к нашим листовкам был велик, и они так или иначе попадали на корабли. Случалось, что матросы сами искали нас для получения листовок» [18].

Но, без сомнения, главным направлением деятельности севастопольских ленинцев в борьбе за влияние на широкие массы были проходившие в городе ми-

тинги. Так как идея «революционного оборончества», выразителями которой являлись политические противники большевиков — меньшевики и эсеры, в то время находила поддержку большинства моряков, ораторы от РСДРП(б) вынуждены были проявлять чудеса изворотливости: «...начинаем говорить, не объявляя, кто мы. Сначала излагаем свои мысли завуалировано, потом всё яснее, и, пока эсеры спохватываются, мы успеваем сказать уже многое» [19].

Постепенно эта деятельность стала давать первые результаты. Так, уже 17 апреля 1917 года судовой комитет линкора «Три Святителя» под председательством сочувствовавшего платформе РСДРП(б) радиотелеграфиста Александра Мокшанчикова обратился к матросам, солдатам и рабочим с призывом «крепко поддерживать друг друга, не внимая голосу буржуазии, которая посредством своих органов печати, как, например, газеты «Русское слово», «Раннее утро», «Утро России», «Биржевые ведомости», «Русская воля». «Солдатское слово» и т. п., старается всеми силами сеять раздор между матросами, солдатами и рабочими, дабы помешать нашему могущественному единению».

Судовой комитет призывал выписывать и читать только революционные газеты. Среди них назывались большевистские «Правда» и «Социал-демократ» (орган московских большевиков), а также «Известия Петроградского Совета солдатских и рабочих депутатов». Письмо заканчивалось следующими словами: «Товарищи, будем же твёрдо помнить, что только в единении с рабочими — наши силы» [20].

Вскоре после этого матросы одного из авиационных подразделений ЧФ, в котором служил большевик Павел Марченко, направили приветствие главному печатному органу РСДРП(б) — газете «Правда». В письме говорилось: «Мы, матросы воздушной станции «бухта Нахимова» авиации Черноморского флота в количестве 157 человек, все, как один, шлём братский привет газете «Правда». Только её считаем защитницей наших кровных интересов и указывающей нам верный путь к закреплению полной, нами завоёванной свободы. Мы уверены, что в будущем наши товарищи, сотрудники «Правды», не ослабят свою деятельность, а увеличат посев истины на страницах «Правды», которая так полезна и необходима как хлеб насущный, для нас в нашей далёкой окраине». Это письмо было опубликовано в «Правде» 18 апреля (1 мая) 1917 года [21].

Несмотря на большую активность, уровень теоретической подготовки севастопольских и крымских большевиков оставался достаточно низким. Как признавал С. Сапронов, «одним из наших уязвимых мест был недостаток в теоретически подкованных и опытных в организационной работе руководителях. <...> У меня, в прошлом рабочего, было лишь начальное образование». Не получили «достаточного образования» и другие крымские ленинцы. В результате участникам той же севастопольской организации РСДРП(б) «было трудновато направлять работу среди многотысячных масс Севастополя», ввиду чего в ЦК партии регулярно направлялись просьбы прислать для усиления пропагандистской работы опытных лекторов и ораторов [22].

Как следствие, до определённого времени пораженческая агитация ленинцев не просто не находила живого отклика в массах, она ещё вызывала резкое неприятие и иногда приводила к серьёзным конфликтам. Так, в Севастополе в мае

1917 года на эсминце «Гневный» матросы-эсеры выбросили за борт фельдшера Илью Финогонова, позволившего себе нелицеприятные высказывания в адрес побывавшего накануне в городе военного и морского министра Александра Керенского (назвал его изменником революции). Матроса Михайлова с линкора «Борец за свободу» жестоко избили за пропаганду большевистских лозунгов [23]. В Керчи взбудораженная толпа едва не расправилась с возвратившимся из Швейцарии большевиком-политэмигрантом Михаилом Кристи за то, что во время выступления на общегородском митинге тот высказался против продолжения войны и нападков на Ленина. Как вспоминал один из членов керченской организации РСДРП(б) Антон Рыжих, в таком же положении «оказывались и другие ораторы, выступавшие на митингах и собраниях с большевистскими речами, в том числе и автор этих строк. Так, антивоенное выступление в керченском военном лазарете, где меня застала февральская революция, закончилось чуть ли не свалкой, а затем немедленным удалением меня из лазарета» [24]. Едва не стоило жизни евпаторийскому большевику Свистуну его выступление на митинге с призывом «Война войне» [25].

Экспессы в отношении сторонников большевистской идейной платформы имели место и в более поздний период. Так, в Ялте во время одного из митингов разгорячённая толпа сбросила с трибуны и жестоко избила большевика К. Набокова. В Симферополе группа ленинцев в количестве 30 человек демонстративно покинула собрание социал-демократической (объединённой) организации «вследствие резких выражений по адресу большевиков» [26]. В Саках, где проходили лечение освобождённые из тюрем большевики, среди населения стали циркулировать слухи, что бывшие политзаключённые «лечатся на немецкие деньги». В Севастополе представители «оборонцев» пытались расправиться с большевиком А. Каличем за пораженческую агитацию, «принадлежность к фракции социал-демократов-большевиков», а также распространение им писем Ленина [27].

Для того чтобы быть уличённым в симпатиях к платформе РСДРП(б) со всеми вытекающими отсюда пагубными последствиями, достаточно было неосторожно оброненного слова. Так, ночью 18 июля 1917 года в Севастополе собравшаяся у выхода с Приморского бульвара толпа человек в 200–300, преимущественно матросов, едва не растерзала 19-летнего юношу за то, что, услышав от подошедшего штатского, что «теперь уже доказано, что Ленин-шпион, а, следовательно, и мерзавец», стал защищать руководителя партии большевиков. Только своевременное вмешательство милиции спасло незадачливого оратора от самосуда [28]. 10 июля 1917 года в Севастополе большая толпа проэсеровски настроенных матросов, солдат и рабочих разгромила помещение местного комитета РСДРП (б) [29].

Когда в конце апреля — начале мая распространились слухи о возможном приезде в Крым Ленина, на состоявшемся 4 мая 1917 года делегатском собрании из 409 голосовавших 340 голосовали против его приезда, 49 воздержались и лишь 20 высказались «за». На основании этого решения ЦИК Севастопольского совета разослал телеграмму с распоряжением ни в коем случае не допускать приезда Ленина [30].

Серьёзным препятствием для севастопольских и крымских большевиков в процессе проведения агитационной работы стало отсутствие у них собственного пе-

чатного органа, в результате чего приходилось довольствоваться привозными изданиями и литературой, которые к тому же часто опаздывали. Не последнюю роль в этом играла деятельность губернской власти, предпринявшей необходимые меры к недопущению ввоза большевистских газет, брошюр и листовок, выставившей на Перекопе и Чонгарском мосту специальные заградительные пункты.

С нарастанием политической нестабильности попытки властей воспрепятствовать проникновению на Черноморский флот и в Таврическую губернию агитационных материалов большевистской направленности становились всё более нерезультативными, однако проблема отсутствия у севастопольских и крымских сторонников партии Ленина собственного печатного органа сохраняла свою актуальность на протяжении всего дооктябрьского периода.

Несмотря на все трудности, севастопольская организация РСДРП(б), без сомнения, оставалась одной из самых влиятельных. Позиции ленинцев в других городах были заметно более слабыми. Так, феодосийская большевистская партийная организация начала работу только в июне 1917 года. В самом начале в ней состояло всего лишь 15 человек [31]. Во многих городах Крыма на протяжении долгого времени большевики формально состояли в так называемых объединённых социал-демократических организациях, куда входили и меньшевики. Самостоятельные большевистские партийные организации в Симферополе, Евпатории и Ялте оформились только в сентябре [32], а в Керчи — и вовсе в октябре 1917 года [33].

Сторонники партии большевиков активно взаимодействовали на почве левого экстремизма, пораженчества и классовой ненависти с группами анархистов, чей вклад в падение дисциплины в армии и на флоте в межреволюционный период был даже более весомым. Уже в мае — июне 1917 года на флоте произошёл ряд серьёзных конфликтов, одним из последствий которых стал уход с поста командующего ЧФ вице-адмирала Александра Колчака, в предшествующие месяцы приложившего максимум усилий для сохранения боеспособности флота. После отставки адмирала и его отъезда в Петроград дисциплина среди моряков стала всё более расшатываться, что, несомненно, облегчило работу большевикам и другим антигосударственным силам.

Влияние ленинцев в Севастополе и других городах полуострова продолжало неуклонно расти. К середине мая 1917 года большевистская партийная организация Севастополя выросла до 25 человек, а в начале июня в её рядах было уже 50 членов и 100 сочувствующих. Одновременно увеличилось количество большевиков и в Севастопольском совете: с пяти человек в его первом составе до десяти в июне 1917 года [34]. Кроме того, севастопольские ленинцы приобрели немало сторонников, которые официально не вступили в партию, но на деле вели большевистскую пропаганду на кораблях и в частях флота. Особенно много сторонников большевики имели в минной бригаде, в бригадах подводного плавания и траления [35]. В мае 1917 года участник севастопольской организации РСДРП(б) А. Калич в составе делегации Черноморского флота побывал в Петрограде, откуда привёз открытое письмо Ленина, адресованное делегатам Всероссийского съезда крестьянских депутатов, в котором содержался призыв немедленно забрать землю у помещиков. Письмо это было размножено в количестве 500 экземпляров и рас-

пространено среди военнослужащих и рабочих. Кроме того, в ЦК РСДРП(б) Каlichem были получены инструкции и практические советы по поводу организации в Севастополе партийной большевистской работы [36].

Во второй половине мая 1917 года севастопольские большевики создали свою фракцию при местном совете [37]. Представительство в местных органах власти за севастопольской организацией РСДРП(б) сохранилось и после предпринятой 3–4 июля 1917 года в Петрограде попытки государственного переворота.

На выборах в городской совет, которые состоялись 16 июля 1917 года, за список от большевиков проголосовали, соответственно, 2,3% (военных) и 0,3% (гражданских) избирателей [38]. Это свидетельствовало о том, что позиции ленинцев в Севастополе были ещё очень слабы. Руководство РСДРП(б) в полной мере осознавало необходимость усиления пропагандистской работы среди моряков Черноморского флота, для чего присылало в Крым опытных агитаторов. Так, в начале мая в Севастополь из Петрограда по заданию ЦК РСДРП(б) приехала революционерка Тимофеева (Рейнгольд), с помощью которой было проведено несколько собраний по «Апрельским тезисам» Ленина (программы действий большевиков после Февральской революции, предложенной их лидером после возвращения в Петроград из Швейцарии в апреле 1917 г.), на которые каждый должен был привести с собой сочувствующих большевикам. На первом таком собрании присутствовало 45 человек [39]. Как впоследствии отмечал П. Марченко, приезд Тимофеевой-Рейнгольд дал севастопольским большевикам «идейную закалку», лучше подготовил их «к борьбе с эсерами и меньшевиками» [40].

Весомую роль в процессе большевизации Черноморского флота сыграло прибытие в Севастополь в начале августа 1917 года Надежды Островской (партийная кличка — Нина), по распоряжению ЦК РСДРП(б) направленной в Крым для ведения агитационной работы. Опытный оратор, Островская на первых же своих выступлениях сумела расположить к себе солдатские и матросские массы.

Доверие к Островской было столь велико, что солдаты нестроевой роты Севастопольской крепостной артиллерии тотчас постановили избрать её членом Севастопольского совета. На состоявшихся в октябре выборах в Севастопольский совет из 178 бюллетеней в этой роте 155 были поданы в пользу Островской [41]. Были случаи, когда матросы прогоняли агитаторов от меньшевиков и эсеров и требовали «тов. Островскую». На одном из митингов присутствующие кричали: «Да здравствует вождь революции Ленин!» [42]. Желание послушать речи Островской, «настоящей большевички из центра», высказывали даже те экипажи и армейские части, где раньше преобладало враждебное отношение к программе РСДРП(б) [43].

К началу сентября 1917 года влияние севастопольских большевиков существенно выросло. После прибытия Н. Островской местная организация РСДРП(б) усилила антивоенную агитацию, и эти призывы стали находить живой отклик среди моряков. На флоте началось движение за отзыв депутатов городского совета, не оправдавших доверия масс. На место отозванных выдвигались большевики и им сочувствующие. К 6 августа севастопольская большевистская партийная организация насчитывала 150 членов и являлась наиболее сильной организацией РСДРП(б) в Таврической губернии. Причём, по мнению Н. Островской,

среди населения города и военных моряков «большевиков полусознательных, инстинктивных и сознательных было достаточно» [44].

Тем не менее эсеровско-меньшевистское большинство в Севастопольском совете продолжало сохраняться до декабря 1917 года.

О росте популярности ленинцев наглядно свидетельствуют резолюции митингов, проходивших в августе 1917 года на кораблях Черноморского флота и армейских частях. Так, 11 августа общее собрание нестроевой роты Севастопольского крепостного артиллерийского склада вынесло резолюцию с требованием «освобождения вождей революционной демократии, делегатов Балтийского флота, редакторов социалистических газет и открытия рабочих газет», отмены приказов, не допускающих социалистические газеты в среду солдат, «обуздания жёлтой прессы, травящей социалистов», роспуска Государственной думы [45]. 13 августа большевистская ячейка линкора «Евстафий» выпустила листовку «Всем клеветущим на революционный пролетариат», в которой выразила протест против преследований РСДРП(б) и её печати. В тот же день матросы «Евстафия» (около 100 человек) послали деньги и приветствие московской большевистской газете «Социал-демократ» [46]. 17 августа собрание электротехнической роты Севастопольского крепостного артиллерийского склада выразило протест против политики Временного правительства, потребовало немедленного освобождения из тюрем революционеров, матросов и солдат, арестованных за политические убеждения, восстановления революционной печати, ареста «клеветников и дезорганизаторов демократии и беспощадной борьбы с контрреволюцией» [47].

24 августа 1917 года исполняющий обязанности генерального комиссара Временного правительства на ЧФ Николай Борисов телеграфировал в Морской генеральный штаб: «За короткое время моего отсутствия Севастополь стал городом большевиков. Большое возбуждение, непрерывные митинги, на которых дают говорить только большевикам, возбуждённые кучки по всем углам. В организациях настроение тоже сильно повысилось. Фантастические слухи о контрреволюционных заговорах, о прибытии казаков волнуют массу. В некоторых частях уже взяли на руки оружие. У большевиков появились хорошие агитаторы. <...> Решительных мер против агитации большевиков и против митингов принять было нельзя, так как не на кого положиться» [48].

Левозстремистские тенденции в обществе стали особенно активно проявляться после провала в августе 1917 года так называемого корниловского мятежа. Предпринятая генералом Корниловым неудавшаяся попытка установления военной диктатуры вызвала очередной всплеск митинговой активности граждан, в том числе и в Крыму. Среди призывов ораторов наиболее частыми были требования ареста и суда над генералом и другими руководителями путча, разгона Государственной думы, отмены смертной казни, закрытия «буржуазных» и открытия большевистских газет.

Нельзя сказать, что власти и политические противники ленинцев в текущей ситуации не пытались ничего предпринять. Работать большевикам приходилось по-прежнему в трудных условиях. В комитете РСДРП(б) и на квартирах функционеров нередко производились обыски. Письма вскрывались, а иногда и совсем

пропадали на почте. «Правда» и другие большевистские издания доходили до Севастополя только нелегально — через железнодорожников. Со стороны эсеров в адрес Н. Островской звучали угрозы [49]. Но вся эта деятельность оказалась безрезультатной.

Сообщения о росте числа сочувствующих ленинцам в разных местах Таврической губернии стали появляться и в центральных российских газетах. Губернская организация РСДРП(б) стремительно пополнялась новыми членами. Характеризуя политическую обстановку на флоте, Островская писала в ЦК РСДРП(б), что после провала корниловского выступления большевизм в Севастополе «растёт... не по дням, а по часам» и массы «точно приливом неуклонно катятся к нам» [50].

15 сентября 1917 года по распоряжению ЦК ЧФ на военных кораблях были подняты красные флаги и дан сигнал «Да здравствует российская революция!». По завершении этой политической акции многие команды отказались спустить красные флаги [51]. Всё возрастающее влияние ленинцев среди солдат и моряков-черноморцев стало причиной того, что многие члены социалистических партий, ранее занимавшие оборонческие позиции, стали теперь выступать в поддержку большевистских предложений и требований. Среди эсеров Севастополя начала складываться левая группа, открыто выступавшая против политики руководства эсеровской партии.

Деятельность Н. Островской получила высокую оценку в письме Секретариата ЦК РСДРП(б) от 19 сентября 1917 года, где подчёркивалось: «Результаты Вашей работы, конечно, могут только приветствоваться, ибо ничего, кроме полного одобрения, не могут заслуживать» [52].

После прибытия Надежды Ильиничны в Севастополь между местным комитетом РСДРП(б) и ЦК ленинской партии установилась систематическая связь. Из Петрограда в Севастополь стали приходить подробные письменные советы и указания о дальнейшем улучшении организационной и агитационной работы. Только в сентябре — первой половине октября 1917 года севастопольский комитет направил адрес в ЦК РСДРП(б) шесть писем и получил четыре ответа, содержащие ценные советы и указания о дальнейшем улучшении организационной и агитационной работы. Помимо ЦК РСДРП(б), активную помощь пропагандистскими материалами севастопольской партийной большевистской организации активно продолжали оказывать партийные организации Харькова, Киева, Екатеринослава, Одессы, Николаева и других городов. На кораблях Черноморского флота вместе с центральными партийными газетами начали поступать «Голос пролетария» — орган Одесского комитета РСДРП(б), «Пролетарское знамя» — орган Николаевского комитета РСДРП(б), а также перешедшая на большевистские позиции газета «Солдатская мысль» — орган революционного комитета 49-го полка в Одессе [53].

Со своей стороны Надежда Островская (Нина) информировала центр о текущем моменте, а также просила прислать ей в помощь «двух, если нельзя больше, человек, ну хотя бы на гастроли» [54].

Удовлетворив эту просьбу, ЦК РСДРП(б) направил в Севастополь опытных партийных работников: профессионального революционера Юрия Гавена и кронштадтского матроса Николая Пожарова. Прибыв в начале октября в Севасто-

поль, посланцы из центра немедленно включились в работу. Пожарова избрали в исполком Севастопольского совета и секретарём Севастопольского комитета РСДРП(б), Гавен вошёл в состав городского и губернского партийных комитетов. Посетив по приглашению команд несколько кораблей ЧФ, Гавен убедился, «что работа Севастопольской большевистской организации — главным образом агитация её «боевого оратора» тов. Островской — имела огромный успех. Симпатии большинства моряков Черноморского военного флота всё больше и больше клонились на сторону большевиков» [55].

При участии ленинских эмиссаров были созданы новые ячейки РСДРП(б) на предприятиях города, на кораблях и в частях; шире развернулась агитация в массах, увеличилось поступление в Севастополь большевистской литературы. В результате этой работы накануне октябрьского переворота на Черноморском флоте насчитывалось 11 большевистских организаций и ячеек, из которых на базах и в портах действовала одна, на боевых кораблях — восемь, во флотских полуэкипажах и в других командах — две. На одном из самых крупных кораблей ЧФ — линкоре «Свободная Россия», где партийную организацию возглавлял А. Платонов, из 1220 человек экипажа более 700 уже в сентябре поддерживали большевиков. На выборах в Учредительное собрание они отдали за большевиков большую часть голосов [56]. В ноябре 1917 года местная организация РСДРП(б) насчитывала уже 350 членов, и её влияние на массы всё более возрастало [57].

Очевидным свидетельством неуклонного роста влияния ленинцев в Севастополе является то, что во время проходивших с 10 по 14 октября 1917 года [58] перевыборов Севастопольского совета в него вошли члены РСДРП(б), получив 58 мест из 444 [59], т. е. по сравнению с августом 1917 года, когда большевистская фракция в совете насчитывала 25 человек, увеличили своё присутствие больше чем вдвое.

Усиление большевистских позиций осенью 1917 года происходит и в других городах полуострова. Покинув объединённые социал-демократические организации, ленинцы образовали в сентябре — октябре 1917 года две самостоятельные партийные организации, насчитывающие 600–700 членов. 2 октября 1917 года в Симферополе состоялась первая Таврическая губернская партийная большевистская конференция, положившая начало объединению большевистских организаций края. Был утверждён перечень кандидатов в Учредительное собрание, намечен план предвыборной кампании, избран губернский комитет (губком) РСДРП(б) в количестве семи человек во главе с губернским организатором Жаном Миллером. В задачи комитета входило укрепление связей между всеми партийными организациями губернии и организация агитационно-пропагандистских мероприятий в связи с предстоящими выборами в Учредительное собрание. И хотя фактически комитет оказался неработоспособным (трое членов вскоре выбыли из его состава, губернский организатор большую часть времени находился в разъездах, остальные члены губкома были перегружены текущей работой) и его деятельность ограничилась выпуском совместного с Севастопольским комитетом РСДРП(б) обращения к крестьянам с призывом голосовать на выборах в Учредительное собрание за список большевиков и распространением 30 тыс. листовок [60], влияние ленинцев продолжало усиливаться.

Так, посетив 19–21 октября Бердянск и выступив перед членами Совета и рабочими города с лекцией «Задачи пролетариата и революции», Миллер впоследствии докладывал в ЦК РСДРП(б) о наличии в Бердянске сильной партийной организации, опирающейся на рабочих местных заводов. Для предвыборной кампании Бердянский большевистский комитет отпечатал 10 тыс. листовок. В целом, отмечал в своём письме Миллер, настроение масс в губернии «всё более склоняется к лозунгу “Вся власть Советам!”» [61].

Ко времени второй губернской конференции РСДРП(б) большевистские партийные организации имелись в 15 городах и местечках, их численность составляла 1871 человек [62]. Возрастание роли большевиков в политической жизни губернии отмечали даже их политические противники. На состоявшихся осенью выборах в Учредительное собрание члены РСДРП(б) собрали 31 612 голосов [63]. Происходит стремительное сокращение численности и резкий отток членов из рядов конкурирующих партий. Так, представитель крымского комитета меньшевиков писал о положении в Севастополе: «Масса недовольна руководителями — крайними оборонцами. Организация распадается». Из 4500 членов севастопольской меньшевистской партийной организации осенью 1917 года осталось 600 платящих членские взносы, а на партийных собраниях присутствовало не более 200 человек [64]. Не лучше обстояли дела у партии социалистов-революционеров, влияние которых среди матросов Черноморского флота ещё совсем недавно было весьма велико. 21 сентября 1917 года большевистская газета «Рабочий путь» с удовлетворением отмечала, что «в связи с последними событиями масса относится резко отрицательно к эсерам. Были случаи, когда отказывались слушать их ораторов и приглашались наши» [65]. Выступая на Таврической губернской конференции меньшевиков, Н. Борисов отмечал, что «в Севастополе среди рабочих, солдат и матросов довольно сильно большевистское настроение, которое пришло на смену эсеровского поветрия...» [66]. Характерно, что многие моряки, формально состоявшие в умеренных социалистических партиях, на деле поддерживали большевистскую линию, голосуя на собраниях и митингах за резолюции, которые предлагались большевиками.

В начале ноября 1917 года губернский партийный организатор Ж. Миллер в письме в ЦК большевистской партии сообщал: «У нас <...> растёт революционное настроение. Оборонческие Советы совершенно растерялись <...>. Между тем широкие массы рабочих, солдат и крестьян решительно отхлынули от них к нам. Идёт всюду лихорадочная работа перевыборов в Советы, проходят наши и сочувствующие» [67].

В целом процесс большевизации Черноморского флота осенью 1917 года был близок к своему завершению, и существовали все предпосылки для будущей смены власти. И пусть политическое господство ленинцев в тот момент не было абсолютным, установившийся в стране после Февральской революции режим близился к своему скорому краху. Деятельность большевистских организаций в Крыму в межреволюционный период служит наглядным примером того, каких потрясающих результатов можно достичь, если в условиях дезорганизации и слабости власти уверенно продвигать свои лозунги, внедряя их в широкие массы. Уступавшие другим политическим партиям численно, не имевшие своего печатного

органа и не располагавшие поначалу грамотными пропагандистами и ораторами, крымские ленинцы за считанные месяцы совершили качественный рывок вперёд, уже летом 1917 года получив широкое представительство в местных органах власти и обретя всё возрастающее влияние на солдатские и матросские массы.

Источники и литература

1. <http://www.kremlin.ru/events/president/news/46385>
2. Волков С. В. Почему РФ — ещё не Россия. Невостребованное наследие империи. М. : Вече, 2010. С. 134–135.
3. Севастополь: хроника революций и гражданской войны 1917–1920 годов / сост., коммент. В. В. Крестьянников. Симферополь : Крымский архив, 2007. С. 42–43.
4. Вьюницкая Л. Н., Кравцова Л. П. Дорогами революции : путеводитель. — Симферополь : Таврия, 1987. С. 79.
5. Сёмин Г. И., Никитина А. С. Посланцы Ленина : очерки. Симферополь : Таврия, 1977. С. 8.
6. Севастополь: хроника революций ... С. 44.
7. Сёмин Г. И. В Севастополе после Февральской революции. Образование большевистской организации // Слава Севастополя. 1957. 25 мая.
8. Хесин С. С. Октябрьская революция и флот. М. : Наука, 1971. С. 121–122.
9. Надинский П. Н. Очерки по истории Крыма. Ч. 2 : Крым в период Великой Октябрьской социалистической революции, иностранной интервенции и гражданской войны (1917–1920 гг.). Симферополь : Крымиздат, 1957. С. 14.
10. Децинский Л. Е. Деятельность большевистской партии по завоеванию солдатских и матросских масс в условиях подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции (март 1917-го — февраль 1918 г.) (на материалах Юго-Западного, Румынского фронтов и Черноморского флота) : дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02 ; [Место защиты: Львов. ордена Ленина политех. ин-т им. Ленинского комсомола]. Львов, 1984. С. 88–89.
11. Сапронов С. Г. Революционный Севастополь // Октябрь на фронте: воспоминания. М. : Воениздат, 1967. С. 267.
12. Там же. С. 262.
13. Там же. С. 265.
14. Платонов А. П. Февраль и Октябрь в Черноморском флоте. Севастополь : Крым. истпартотдел ОК ВКП(б) ; Крымгосиздат, 1932. С. 31.
15. Там же. С. 38.
16. Сапронов С. Г. Указ. соч. С. 265.
17. Севастополь: хроника революций ... С. 31.
18. Сапронов С. Г. Указ. соч. С. 267–268.
19. Там же. С. 268.
20. Сёмин Г. И. Указ. соч.
21. Там же.
22. Сапронов С. Г. Указ. соч. С. 274.
23. Сёмин Г. И., Никитина А. С. Указ. соч. С. 9.
24. Рыжих А. Незабываемые дни // В борьбе за советский Крым: воспоминания старых большевиков. Симферополь : Крымиздат, 1958. С. 53.
25. Кулипанова В. Н., Твердохлебова А. В. Борьба Крымской партийной организации за массы в период подготовки и проведению Великой Октябрьской социалистической революции (февраль — октябрь 1917 г.) // Борьба большевиков за власть Советов

- в Крыму : сб. ст. / отв. ред. И. С. Чирва. Симферополь : Крымиздат, 1957. С. 32.
26. *Королёв В. И.* Таврическая губерния в революциях 1917 года (Политические партии и власть). Симферополь : Таврия, 1993. С. 16.
27. *Волошинов Л. И.* Октябрь в Крыму и Северной Таврии. Симферополь : Крымиздат, 1960. С. 40.
28. Крымский вестник. 1917. 20 июля. № 167 (9152). С. 2 // Государственное казённое учреждение «Архив города Севастополя» (ГКУ АГС). Ф. КМФ-4. Оп. 1. Д. 813.
29. *Вьюницкая Л. Н., Кравцова Л. П.* Указ. соч. С. 82
30. *Плотников И. Ф.* Александр Васильевич Колчак: исследователь, адмирал, Верховный правитель России. М. : Центрполиграф, 2003. С. 76.
31. *Кулипанова В. Н., Твердохлебова А. В.* Указ. соч. С. 26–27.
32. *Вьюницкая Л. Н., Кравцова Л. П.* Указ. соч. С. 13.
33. История городов и сёл Украинской ССР. Крымская область. Киев, 1974. С. 286.
34. *Хесин С. С.* Матросы революции. Участие военных моряков в борьбе за упрочение советской власти (октябрь 1917-го — март 1918 г.). М. : Воениздат МО Союза ССР, 1958. С. 152.
35. *Гречанюк Н. М., Попов П. И.* Моряки Черноморского флота в борьбе за власть Советов. Симферополь : Крымиздат, 1957. С. 54–55.
36. *Вьюницкая Л. Н., Кравцова Л. П.* Указ. соч. С. 80.
37. Октябрьская революция в Крыму (методическая разработка) / сост. И. И. Скрипниченко. Симферополь, 1977. С. 5.
38. *Королёв В. И.* Черноморская трагедия (Черноморский флот в политическом водовороте 1917–1918 гг.). Симферополь : Таврия, 1994. С. 10.
39. *Сёмин Г. И., Никитина А. С.* Указ. соч. С. 8–9.
40. *Сёмин Г. И.* Указ. соч. ; *Хесин С. С.* Октябрьская революция ... С. 122.
41. *Мельников Р. М.* Крейсер «Очаков». Л. : Судостроение, 1986. С. 246.
42. *Сёмин Г. И., Никитина А. С.* Указ. соч. С. 68.
43. *Жуков В. К.* Черноморский флот в революции 1917–1918 гг. М. : Мол. гвардия, 1931. С. 77.
44. *Волошинов Л. И.* Указ. соч. С. 43.
45. Севастополь: хроника революций ... С. 110.
46. Там же. С. 112.
47. Там же. С. 113.
48. Севастополю 200 лет. 1783–1983 : сб. док. и материалов / сост. Г. И. Ванеев [и др.]. Киев : Наук. думка, 1983. С. 133.
49. *Сёмин Г. И.* Севастополь на пути к Октябрю. Великая сила большевиков // Слава Севастополя. 1957. 19 окт.
50. *Хесин С. С.* Октябрьская революция ... С. 352–353.
51. История Севастополя в лицах: военные и гражданские руководители города и флотов: к 225-й годовщине со дня основания города / И. И. Куликов [и др.]. Севастополь : Арт-политика, 2008. С. 35.
52. *Дещинский Л. Е.* Указ. соч. С. 38–39.
53. *Дещинский Л. Е.* Указ. соч. С. 260–261.
54. Борьба за Советскую власть в Крыму : док. и материалы. Т. 1 : Март 1917 г. — апрель 1918 г. / отв. ред. П. Н. Надинский. Симферополь : Крымиздат, 1957. — С. 51.
55. *Гавен Ю. П.* Октябрь в Крыму // Революцией призванные : сб. Симферополь : Таврия, 1977. — С. 14.
56. *Дещинский Л. Е.* Указ. соч. С. 262.
57. *Хесин С. С.* Матросы революции ... С. 154.

58. Краснознамённый Черноморский флот. 2-е изд., испр. и доп. — М. : Воениздат, 1979. С. 86.
59. *Волошинов Л. И.* Указ. соч. С. 54–55.
60. Там же. С. 54.
61. Великая Октябрьская социалистическая революция и победа Советской власти на Украине. Февраль 1917 г. — февраль 1918 г.: хроника важнейших историко-партийных и революционных событий : в 2 ч. Ч. 1 : Большевики во главе трудящихся Украины в период борьбы за победу Великого Октября, февраль — октябрь 1917 г. Киев : Политиздат Украины, 1977. С. 658, 665.
62. *Королёв В. И.* Возникновение политических партий в Таврической губернии. Симферополь : Таврия, 1993. С. 30.
63. *Вьюницкая Л. Н., Кравцова Л. П.* Указ. соч. С. 43.
64. *Хесин С. С.* Октябрьская революция ... С. 376.
65. Борьба за Советскую власть ... Т. 1. С. 62.
66. *Хесин С. С.* Указ. соч. С. 375.
67. *Надинский П. Н.* Победа Великой Октябрьской социалистической революции в Крыму // Борьба большевиков за власть Советов в Крыму : сб. ст. / отв. ред. И. С. Чирва. Симферополь : Крымиздат, 1957. С. 94.

С. А. Ефимов

Административно-территориальные преобразования и опыты крымской государственности в годы Первой мировой войны

С изданием Екатериной II манифеста «О принятии полуострова Крымского, острова Тамани и всей Кубанской стороны под Российскую Державу» от 8 (19) апреля 1783 года Крым последовательно входил в состав Таврической области (с 2 (13) февраля 1784), Новороссийской губернии (с 12 (23) декабря 1796 года), а с 8 (20) октября 1802 года — Таврической губернии, образуя её административно-территориальное ядро (рис. 1).

К началу Первой мировой войны Таврическая губерния состояла из трёх материковых уездов (Бердянский, Днепровский и Мелитопольский) и пяти крымских (Евпаторийский, Перекопский, Симферопольский, Феодосийский и Ялтинский) и являлась единственной в империи, на территории которой были выделены три (из девяти наличествовавших на то время) градоначальства (рис. 2).

Градоначальства являли собой особые административные единицы, состоявшие из города с прилегающими землями, выделенными из губернии в непосредственное подчинение Министерству внутренних дел и управлявшиеся градоначальником [7; 8]. По традиции в Крыму Керчь-Еникальское (существовавшее с 1821 г.) и Севастопольское (существовавшее с 1872 г.) градоначальства поручались адмиралам. В Севастополе градоначальник являлся ещё командиром порта и комендантом [6].

Самое «молодое» градоначальство империи — Ялтинское — было создано буквально накануне Первой мировой войны: его первый градоначальник — Свиты Его Императорского Величества генерал-майор И. А. Думбадзе¹ — был назначен 1 июля 1914 года. Крайняя скудость дошедшей до нас информации о деятельности этого градоначальства объясняется, по мнению А. В. Бельского, «революционным лихолетьем» [1, с. 9].

Тем не менее можно утверждать, что при создании Ялтинского градоначальства прилегающие к городу земли в его состав не выделялись, о чём свидетельствуют данные Статистического справочника Таврической губернии [36; 42].

¹ Думбадзе Иван Антонович (19 января 1851, Кутаисская губерния — 1 октября 1916, Ливадия, Таврическая губерния) — генерал-майор Свиты, с 1906 г. — главноначальствующий по Ялте, в 1914–1916 гг. — ялтинский градоначальник, монархист, один из покровителей Союза русского народа.

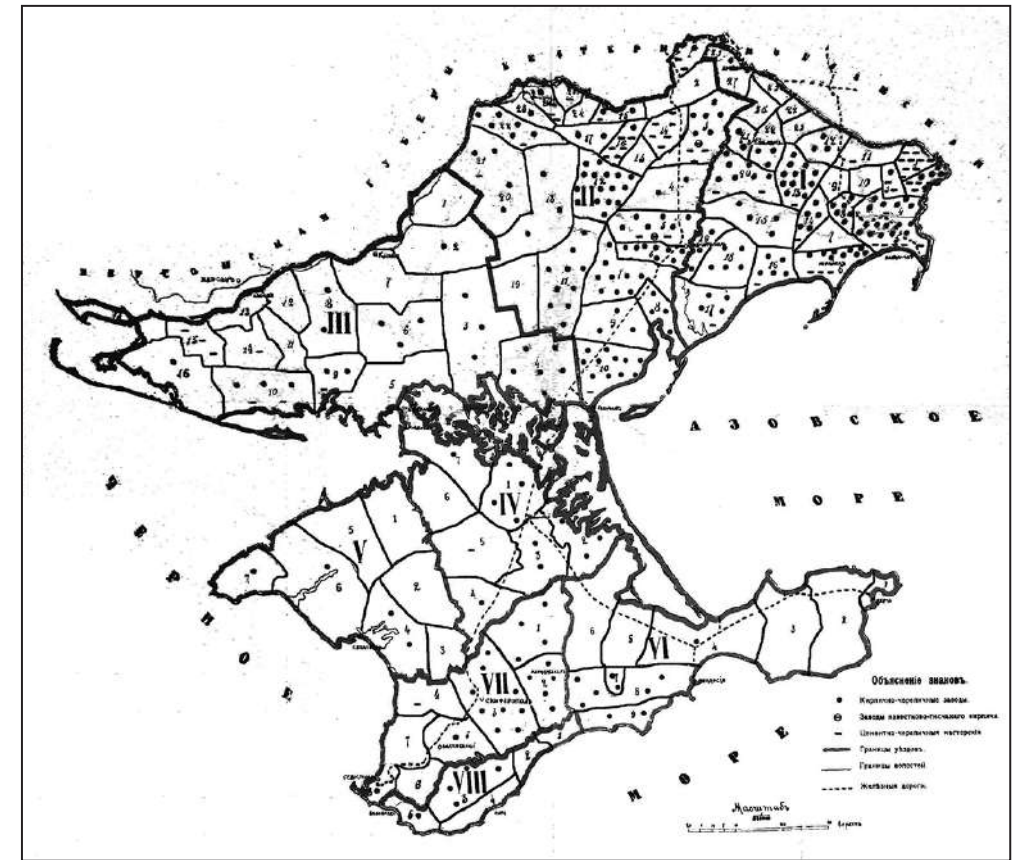

Рис. 1. Картограмма административно-территориального устройства Таврической губернии в начале XX века [29]

Учитывая, что к 300-летию Дома Романовых Ялта прочно заняла позицию «летней» столицы империи, создание градоначальства позволило выйти за рамки куцевого штатного расписания уездных силовых структур, расширив их возможности до адекватно необходимого уровня обеспечения безопасности политического олимпа России. Это было главным фактором, вызвавшим к жизни идею создания градоначальства недалеко от летней резиденции императора. Подтверждением тому служит и факт многолетнего непрерывного (с 1906 г.) исполнения будущим градоначальником обязанностей главноначальствующего по Ялте.

В отличие от Петербургского и Одесского, крымские градоначальства не образовывали особые земские округа. Их городские думы не пользовались правами уездного земского собрания, входя в состав земств Феодосийского (Керчь-Еникальское градоначальство) и Ялтинского (Севастопольское и Ялтинское градоначальства) уездов [6; 7]. Последнее обстоятельство (когда уездное земство окормляло два градоначальства) является уникальным в истории России. По отношению к городам,

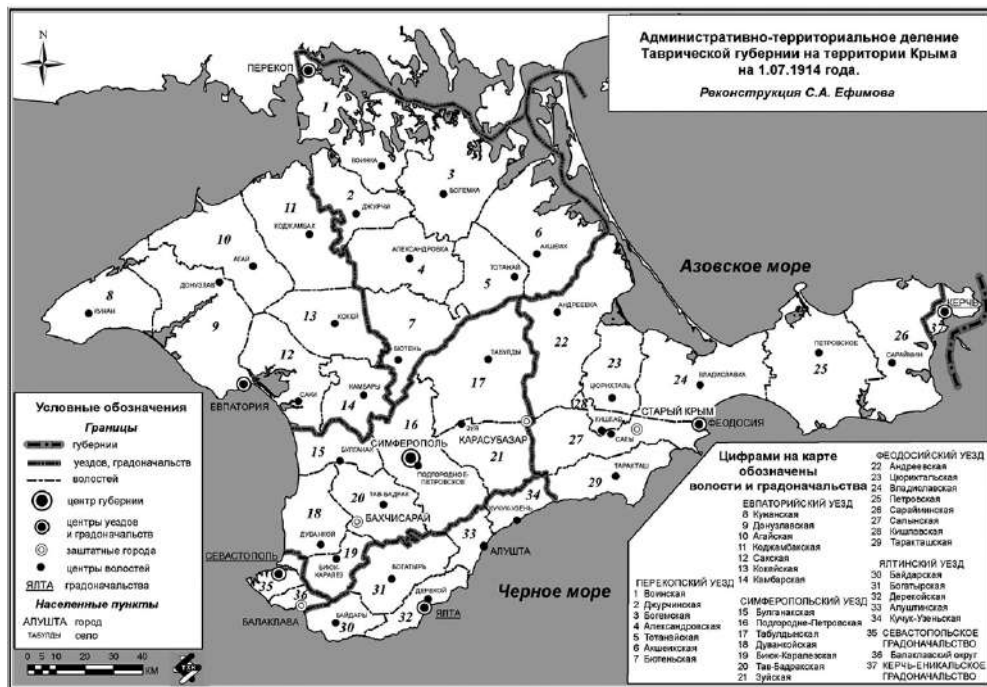

Рис. 2. Карта административно-территориального деления Таврической губернии на территории Крыма на 1 июля 1914 года

входящим в состав градоначальств, крымские градоначальники пользовались всеми правами губернаторов по надзору за городским самоуправлением.

Первые административно-территориальные инновации, вызванные к жизни начавшейся мировой войной, произошли 12 мая 1915 года. По постановлению Таврического губернского присутствия, волостям и селениям Таврической губернии, носившим немецкие названия, были присвоены русские наименования. В соответствии с данным решением Цюрихтальская волость Феодосийского уезда получила название Святогорской [41, с. 97 (вклейка)], а Эйгенфельдская Мелитопольского — Граф-Киселёвской [37, с. 121]. Был также переименован ряд селений (Феодосийский уезд: пять в составе Цюрихтальской и одно в составе Салынской волости; Мелитопольский уезд: восемь в составе Эйгенфельдской и 26 в составе Пришибской волости).

Таким образом, можно утверждать, что практика переименования элементов административно-территориального устройства, которая в массовом сознании прочно связывается с советским периодом, восходит к временам Российской империи.

Историческая устойчивость описанных топонимических начинаний оказалась небольшой: её ресурс был исчерпан с началом германской оккупации в 1918 году.

Новый импульс административно-территориальным изменениям в Крыму придала Февральская революция. Уже 4 (17) марта министр-председатель (и одновременно министр внутренних дел) первого Временного правительства князь

Г. Е. Львов² отдал распоряжение об отстранении губернаторов и вице-губернаторов от исполнения обязанностей, передав временно управление председателям губернских земских управ в качестве «губернских комиссаров Временного правительства». Впоследствии посты генерал-губернаторов, губернаторов и градоначальников, полицейские и жандармские должности и управления были вообще ликвидированы. Упразднённые должности заменялись комиссарами Временного правительства. На председателей уездных земских управ в качестве «уездных комиссаров Временного правительства» были возложены обязанности уездных исправников, при этом за ними осталось и общее руководство управами. Полиция подлежала реформированию в милицию.

Как вспоминал позднее П. Н. Милоков³, пришлось сразу же признать «необдуманность и легкомысленность» этих мер: «Председатели управ были часто реакционерами, а иные губернаторы — либералами. Кроме того, отмена на местах законной власти вызвала путаницу во всех низших органах управления» [30, с. 277–278]. Однако простым отстранением от должности дело ограничилось не всегда. Так, генерал-майор А. И. Спиридович⁴, назначенный 15 августа 1916 года вместо Думбадзе ялтинским градоначальником, прибыв после Февральской революции в Петроград, был арестован Временным правительством и до начала октября 1917 года содержался в Петропавловской крепости, где допрашивался Чрезвычайной следственной комиссией.

Важно отметить, что практически сразу, наряду с управленческими структурами, формировавшимся Временным правительством, начали параллельно создаваться Советы депутатов. Вначале Советы рабочих депутатов и Советы солдатских депутатов (в городах) и Советы крестьянских депутатов в волостях и уездах существовали отдельно, однако к осени практически повсеместно в Крыму завершилось их объединение в единые Советы рабочих, крестьянских и солдатских депутатов [2, с. 8].

Создание этих органов также базировалось на системе существовавшего административно-территориального деления. Но, как отмечают авторы «Истории национально-государственного строительства в СССР», нередки были и отступления: «В октябре 1917 г. в Херсоне действовал губернский Совет и одновременно существовали Советы, руководившие половиной Херсонской и половиной Таврической губерний, и Совет, руководивший двумя уездами губернии; Симферопольский городской Совет руководил городом с окрестностями и гарнизоном» [31, с. 29].

Наиболее важной административно-территориальной инновацией первой половины 1917 года стало преобразование 3 июня посёлка Джанкой, население

² Львов Георгий Евгеньевич (21 октября (2 ноября) 1861, Дрезден — 7 марта 1925, Париж) — князь, русский общественный и политический деятель, после Февральской революции был назначен временным комитетом Госдумы председателем Временного правительства (фактически главой государства).

³ Милоков Павел Николаевич (15 (27) января 1859, Москва, Российская империя — 31 марта 1943, Экс-ле-Бен, Французское государство) — русский политический деятель, историк и публицист. Лидер Конституционно-демократической партии. Министр иностранных дел Временного правительства (1917 г.). С 1916 г. — почётный доктор Кембриджского университета.

⁴ Спиридович Александр Иванович (5 (17) августа 1873 г., Кемь, Архангельская губерния — 30 июня 1952 г., Нью-Йорк) — генерал-майор российского корпуса жандармов, начальник императорской дворцовой охраны. Ялтинский градоначальник. В 1920 г. эмигрировал во Францию.

которого составляло около 10 тыс. человек, в тринадцатый в Крыму город. Вскоре здесь состоялись первые выборы городской думы [15; 31; 43, с.13].

К лету 1917 года в Киеве постепенно сформировался новый центр административно-территориальной гравитации: до поры до времени не проявлявшая заинтересованности в таврических делах Центральная рада за подписью «Генерального секретаря по *внутренним* (курсив мой. — С. Е.) делам» В. К. Винниченко направила губернскому комиссару Н. Н. Богданову телеграмму с предложением прибыть 25 июля на «предварительное краевое Совецание». Это было расценено в Симферополе как вмешательство в губернскую компетенцию. «Принимая во внимание, что Губернский Комиссар не получал от Временного Правительства никаких указаний на включение Таврической губернии в состав будущей Украины, что и по существу вопроса включения Таврической губернии, весьма пёстрой по национальному составу, с меньшинством украинского населения, является нежелательным, что даже в северных уездах, где можно предлагать численное превосходство украинцев, вопрос этот не возникал или был решён отрицательно», бюро губернского комитета⁵ в совещании от 14 июля постановило представителей от Таврической губернии на «краевое совещание» не посылать [18, с. 142].

Тем не менее Центральная рада продолжила проработку «крымского вектора», перенаправив локомотив своих поисков на этнические рельсы. 8–15 сентября в Киеве прошёл так называемый Съезд народов, для участия в работе которого были приглашены представители Мусисполкома Ч. Челебиев, Дж. Сейдамет, А. Озенбашлы и др. В резолюциях этого съезда были зафиксированы положения о федеративном устройстве России, национально-персональной автономии. Как пишут в своём обстоятельном исследовании по крымской истории этого периода А. Г. и В. Г. Зарубины, на состоявшемся 1–2 октября делегатском собрании крымских татар Ч. Челебиев сказал, что Мусисполком «нашёл такое устройство («автономное управление») в Украине вполне отвечающим нашим интересам. Но перед нами встаёт новый вопрос: о границах. Мы нашли необходимым спросить у Рады: «входит ли Крымский полуостров в пределы вашей территориальной автономии». <...> После десятидневного обсуждения на этом съезде народов, между прочим, была вынесена резолюция о том, что Крым принадлежит крымцам. На это я смотрю как на наш тактический успех, с чем они нас поздравили, заявив: «можете управлять Крымом так, как вам заблагорассудится» [цит. по: 18, с. 158–159].

Центральная рада 7 ноября приняла III Универсал, провозглашавший Украинскую Народную Республику, которая, по замыслу создателей, «не отделяясь от республики Российской», должна была «помочь всей России, чтобы вся республика Российская стала федерацией равных и свободных народов». Наряду с другими территориями в её состав включалась Таврия (без Крыма). Таким образом, было положено начало разделу Таврической губернии путём аннексии её трёх северных материковых уездов: Бердянского, Днепровского и Мелитопольского.

20 ноября Губернский съезд представителей городских и земских самоуправлений (собрались делегаты от земств, городов, советов и профсоюзов; большевики и кадеты не участвовали) в своей резолюции определил: «До выяснения воли населе-

⁵ Совещательный орган при губернском комиссаре.

ния Крыма крымским учредительным собранием, которое должно было быть созвано в ближайшем будущем, и воли населения трёх северных уездов — путём ли опроса или путём особого учредительного собрания, в Таврической губернии учреждается орган управления губернией — Таврический губернский совет народных представителей, как временный высший орган губернской власти, ответственный перед органом, его создавшим, и будущей центральной законной властью» [18, с. 219].

Состоявшийся тремя днями позднее II съезд РСДРП(б) Таврической губернии⁶ признал «правильным отказ большевистских организаций губернии от участия в формировании Совета народных представителей, последней контрреволюционной организацией, объявив, последний контрреволюционной организацией, пояснил, что само название этого органа «принято для вящего обмана народных масс» и что только «истинно народная власть под названием Совета Народных Комиссаров приобрела прочную всё растущую популярность и признание». Делегаты большевистского съезда, «констатируя, что население Крыма состоит из различных национальностей, из которых татары не являются численно преобладающим элементом (только 18% всего населения)» определили «референдум (народное голосование) среди всего населения Крыма в силу местных особенностей единственно правильным решением вопроса об автономии Крыма» [2, с. 118–119].

В отличие от предложенного большевиками референдума как инструмента прямой демократии наиболее приемлемого для определения статуса Крыма (этот инструмент, кстати, впоследствии ими так никогда и не был использован), курултай крымских татар, созданный в Бахчисарае 26 ноября, отдал предпочтение формам представительной демократии. В статье 12 «Крымско-татарских основных законов», принятых 13 декабря 1917 года, в заключительный день работы курултая, говорится: «Считая, что вопрос о форме правления в крае может быть решён только краевым Учредительным Собранием, созданным на основе всеобщего, равного прямого и тайного голосования избирательного права (так в тексте. — С. Е.), Курултай находит, что форма правления может быть определена крымским Учредительным Собранием. Поэтому Курултай поручает парламенту в кратчайший срок принять меры для созыва Крымского Учредительного Собрания».

Последний документ заслуживает более пристального внимания в связи с тем, что ему как инструменту регулирования внутриэтнических отношений в среде крымских татар, совершенно очевидному для современников, с начала 90-х годов минувшего столетия отдельными исследователями стало приписываться государственнообразующее значение как «конституции», в соответствии с которой была якобы создана Крымская Демократическая (в некоторых источниках — Народная) Республика.

Это можно объяснить как, с одной стороны, «жаждой исторических открытий», которая была особо ошущита после дезинтеграции СССР, так и, с другой стороны, желанием упрочить исторический фундамент зарождавшейся в конце 90-х годов XX века системы «курултай-меджлис».

Впервые в полном объёме данный документ, представляющий собой перевод текста, опубликованного в 1952 году в монографии Эдиге Кырымала на турецком и немецком языках, был введён в широкий научный оборот М. Н. Губогло

⁶ Впоследствии исследователи стали его именовать II губернской конференцией.

и С. М. Червонной в 1992 году [9]. Как указывает С. М. Червонная, сделанный ею перевод был сопоставлен «с прежними переводами текста на французский, польский и русский языки. При этом устранены некоторые неточности, имевшие место в прежних публикациях на русском языке и нередко искажавшие смысл статей «Национальной конституции» [9, с. 25].

По-видимому, многократные переводы с переводов не способствовали достижению поставленной цели — устранению неточностей — и согласно эффекту «испорченного телефона» нашли своё отражение как в названии («Национальная конституция. Основной закон крымскотатарского народа»), так и в тексте. Обратим внимание читателя на заключительную часть статьи 16: «Поэтому Курултай признаёт и провозглашает Демократическую Крымскую Республику» [9, с. 25], т. е. даётся посыл на имя собственное (все слова с большой буквы), при этом в разделе А статьи 8 речь идёт о «Крымской демократической республике».

Новый вектор в понимании итогового документа курултая 1917 года зафиксировал составитель сборника документов «Крымскотатарское национальное движение в 1917–1921 годах» [4] А. Г. Зарубин, включивший в сборник текст «Объявления крымско-татарского Национального Правительства» (в современном правописании), первоначально опубликованного в газете «Голос татар» от 20 декабря 1917 года.

В отличие от М. Н. Губогло и С. М. Червонной, он не разрывал единый текст «Объявления...» на два документа. Однако, хотя в разделе А статьи 8 говорилось о «крымской демократической республике» [4, с. 25], в заключение статьи 16 речь уже идёт о «крымской Демократической республике» [4, с. 27]. При этом по непонятным причинам публикации «Объявления...» предпослан заголовок «Конституция Крымской Народной Республики» [4, с. 24]. Так, с лёгкой руки составителя, это название вошло в обиход.

Интересно, что в «Национальной конституции...», переопубликованной из сборника М. Н. Губогло и С. М. Червонной в сборник «Депортовані кримські татари, болгарі, вірмени, греки, німці», в статье 16 речь идёт уже о «Демократической Крымской Республике», а переопубликованное оттуда же, так же отдельно от основного текста, объявление под названием «Обращение (Прокламация) татарского национального правительства», видимо, для пущей солидности снабжено сообщением о наличии под ним подписей никогда не существовавших должностных лиц — «Президент и члены Правительства» (как известно, в татарское правительство входили директора во главе с председателем совета директоров. — С. Е.) [14, с. 10–14].

Итоговый документ курултая в редакции, предложенной С. М. Червонной, в силу совершенно непропорционального применения ею в качестве ключевого термина слова «конституция», абсолютно не использовавшегося в 1917 году его создателями, приобрёл не присущую ему изначально общеобязательную контекстность.

Эта микродеформация текста породила макроожидания исследователей при его анализе: «Именно противоречие между внутренне-татарским назначением Конституции и её претензией на то, чтобы стать нормативной основой для жизни всего полуострова составляют основную проблему этого документа», — указал в своей монографии А. Л. Копыленко [24, с. 12], придя к выводу о том, что «Демократическая Крымская Республика так и осталась на бумаге» [24, с. 14–15].

Обращаем столь пристальное внимание читателя на детали, ибо, как известно, именно в них «кроется дьявол». Ведь не случайно с лёгкой руки первопубликаторов в украинском историко-исследовательском сообществе прочно утвердился миф о принятии курултаем-1917 некоей «конституции» и создании некоей «Крымской Демократической (вариант: Народной) Республики», приверженцы которого по-видимому полагают, что термин «конституция» эквивалентен словосочетанию «крымско-татарские основные законы». Этот миф метастазировал не только в научно-популярные издания (в том числе изданные под эгидой Института истории НАН Украины [34, с. 302; 46, с. 306]), но и в монографии [3; 18; 20; 24] и справочно-энциклопедические издания [14; 26, с. 472].

Впервые возникнув в Москве [9], он вернулся на российское историческое поле, как ни странно, в работах крымских исследователей [19, с. 99; 23, с. 37]. Самокритично отмечу, что нашлось ему место и в коллективной монографии «Крымские репатрианты: депортация, возвращение и обустройство», правда с оговоркой, что «эта республика так и не была реально создана, оставаясь лишь в тексте конституции» [5, с. 32–33].

Отметим, что ещё в 1992 году А. В. Мальгин, анализируя крымский исторический контекст конца 1917 года, в статье с однозначно трактуемым названием «Республика, которой не было» [28] обосновал, что курултай не создавал никакой крымской государственности, а лишь предвосхищал её.

Спустя почти два десятилетия к этому выводу, основываясь на собственном исследовании, пришёл Айдын Шемьи-заде, опубликовавший в меджлисовской газете «Авдет» статью «В 1917-м году не могло быть провозглашения Крымской народной республики!».

Приведём несколько цитат из этой небезынтересной работы. «Довольно часто, — пишет А. Шемьи-заде, — разные авторы упоминают о «провозглашённой в ноябре 1917-го года независимой Крымской Народной Республике». С одной стороны, можно сочувственно отнестись к желанию этих людей поверить в хоть недолгое существование такой «независимой республики», Но, с другой стороны, можно ли поощрять веру в никогда не существовавший фантом?

Утверждение, что Курултай учредил Крымскую Народную республику на самом деле не возвеличивает события знаменательных ноябрьских дней, а принижает образ первого национального Парламента. При серьёзном подходе современные авторы должны бы осознать, что не могли мудрые и образованные лидеры Курултая пойти на такой странный шаг, как одностороннее провозглашение политического устройства на Полуострове в ноябре 1917-го года» [44].

Далее Айдын Шемьи-заде обращает внимание современных исследователей на статью 6 «Крымско-татарских основных законов», в соответствии с которой татарский парламент был «ОБЯЗАН ВЫРАБАТЫВАТЬ ЗАКОНЫ ДЛЯ ТАТАР по вопросам народного просвещения, религии, юридическим, военным, финансовым, политическим торгово-промышленным и земледелия». «Конечно, — продолжает автор, — утверждающим, что имело место провозглашение «республики» надо бы внимательнее ознакомиться с высказываниями участников тех событий. Джафер Сейдамет, который очень подробно излагает события 1917-го года и рассказывает даже о том, как он подарил Челебиджихану зимнее пальто, не упо-

минает о таком событии, как «провозглашение Крымской Народной Республики». В его повествовании речь идёт только о необходимости принятия законов, которые легли бы в основу будущей народной республики. И он в отдельном разделе «Anayasann kabul» пишет о принятии 13-го декабря такого Основного Закона — и только! Никакого «провозглашения независимого государства» не было!» — резюмирует А. Шемьи-заде.

Разделяя вышеприведённые мнения о том, что Крымская Народная (вариант — Демократическая) Республика никогда не существовала, а решения курултая-1917 только предвосхитили формирование государственности на полуострове, автор полагает, что «основные законы крымских татар» надо рассматривать не с позиций создания государственности, а с позиций формирования на полуострове национально-персональной автономии крымских татар.

Важным для интегрального понимания данного исторического фрагмента является мнение С. М. Исхакова, опубликовавшего в переводе с польского ещё одну версию итогового документа курултая-1917 [22]. Его оригинал представлял собой текст сообщения сотрудника польской военной разведки, относящегося ориентировочно к осени 1920 года (этот документ попал в СССР из Германии после Второй мировой войны).

В предисловии к публикации введении С. М. Исхаков отмечает, что, «разумеется, обратный перевод не может буквально отражать оригинал, который до сих пор на русском языке не обнаружен, если он вообще существовал. <...> Конечно, только адекватный перевод первоисточника... или русский текст конституции, переведённый самими её авторами в 1917–1918 годах, могут окончательно устранить все расхождения. Цель данной публикации — привлечь крымских историков к решению этой задачи» [22, с. 107]

Откликаясь на этот призыв, но не стремясь закрыть дискуссию по этой теме, в целях обеспечения конструктивности дальнейших изысканий вводим в научный оборот ещё один источник, выявленный А. В. Мальгиным. В приложении 1 приводится текст объявления татарского национального правительства из ежедневной газеты Таврического губернского земства «Южные Ведомости» № 108 (273) от 23 декабря 1917 года [45]. При этом в публикуемом приложении сохранены как особенности действовавшего тогда правописания, так и иные особенности оригинала. Есть достаточные основания полагать, что данный русский текст создан самими авторами документа.

Вернемся, однако, к описываемым событиям. В ходе развернувшегося противостояния между татарскими и большевистскими вооружёнными формированиями верх одерживают последние.

30 января 1918 года состоявшийся Чрезвычайный съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Таврической губернии в качестве единого высшего органа революционной власти в губернии образовал Таврический центральный комитет Советов [2, с. 196].

После проведённых в феврале выборов в волостные, уездные и губернские земельные комитеты [2, с. 206], перевыборов всех Советов, а также частичных пере-выборов военно-революционных комитетов [2, с. 216–217] 7–10 марта состоялся I Учредительный съезд Советов рабочих, солдатских, крестьянских и поселянских-

мусульманских депутатов, всех земельных и военно-революционных комитетов Таврической губернии. Образованный им Центральный исполнительный комитет уже 19 марта объявил Таврическую губернию в составе восьми уездов «Таврической республикой Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов», установил, что «во главе Таврической Советской Республики стоит Таврический Совет Народных Комиссаров», ответственный перед ЦИК, и утвердил двухпартийный большевистско-эсеровский состав Совнаркома под председательством А. И. Слущкого⁷ [13].

Однако спустя три дня, 22 марта, ЦИК, вновь основываясь на решении I Учредительного съезда Советов рабочих, солдатских, крестьянских и поселянских-мусульманских депутатов Тавриды, внёс существенные коррективы в принятое накануне решение, объявив «территорию Крымского полуострова в составе Симферопольского, Феодосийского, Ялтинского, Евпаторийского, Перекопского уездов Советской Социалистической Республики Тавриды» [12].

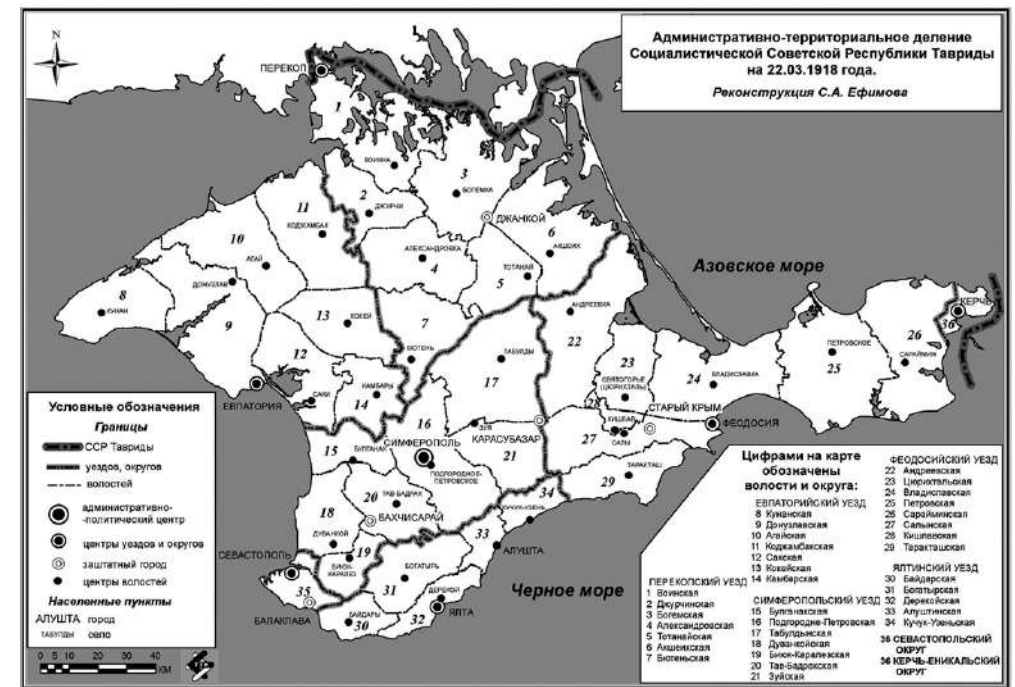

Рис. 3. Карта административно-территориального деления Социалистической Советской Республики Тавриды на 22 марта 1918 года

⁷ Слущкий Антон Иосифович (1884, Варшава — 24 апреля 1918, Алушта) — большевистский политический деятель. В революционном движении с 1905 г., неоднократно подвергался арестам и ссылке. После Февральской революции 1917 г. — партийный организатор на Обуховском заводе в Петрограде, член Петербургского комитета РСДРП(б). Делегат VI съезда РСДРП(б). На 2-м Всероссийском съезде Советов избран членом Всероссийского центрального исполнительного комитета. С марта 1918 г. — председатель Совета народных уюмиссаров Советской Социалистической Республики Тавриды. Вместе с другими руководителями республики расстрелян крымскотатарскими националистами.

Такое двукратное территориальное «ужатие» позволяло избежать конфликтов с Центральной радой, включившей северные уезды Таврической губернии в состав Украины, и обеспечить решение главной задачи — создать государственно-правовые предпосылки для недопущения оккупации Крыма войсками Четверного союза (рис. 3).

В тот же день Таврический Совнарком довел до сведения Совнаркома России, что «Советская Республика Тавриды принимает и считает для себя обязательными условия мирного договора, заключённого между правительствами центральных империй и Совета Народных Комиссаров Федеративной Советской Республики России» [2, с. 228]. Одновременно аналогичная информация была доведена до сведения правительств Германии, Австро-Венгрии, Турции и Болгарии [2, с. 228–229].

Истории создания и деятельности ССР Тавриды посвящено достаточно много работ. При этом преимущественно позитивная тональность публикаций советского периода с исходом СССР с политической карты сменяется чрезмерной и не всегда обоснованной критичностью.

Так, например, автор наиболее обстоятельной работы последнего времени по истории Социалистической Советской Республики Тавриды Ю. В. Дубко, формулируя в начале своей монографии гипотезу о том, что «республика была провозглашена не для закрепления нейтралитета Крыма, а для вовлечения её в войну с Центральной Радой и поддержавшими её войсками Германии и Австро-Венгрии» [16, с. 11], на протяжении практически всей книги доказывает обратное, приходя к выводу о якобы имевшей место авантюристности большевистского государственного строительства.

А. Г. Зарубин и В. Г. Зарубин полагают, что «о придании хотя бы вида законности при провозглашении Республики Тавриды, видимо, вообще не думали. Её создавали с явными отступлениями от положений Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа (какими именно — остаётся загадкой. — С. Е.). Ни Таврический ЦИК, ни Совнарком даже не ставили вопроса о флаге, гимне и гербе новоиспеченного образования. Не шла речь и о Конституции Республики Тавриды» [18, с. 329].

Не полемизируя с последним тезисом, отметим лишь, что на обретение всех этих атрибутов государственности в мирных условиях конца XX века четвертая крымская республика затратила более полутора лет; первой же крымской республике — Социалистической Советской Республике Тавриды — на существование было отведено лишь полтора месяца.

По мнению А. Л. Копыленко, ССР Тавриды представляла собой «совсем не бутафорскую государственность», которая «в отличие от крымскотатарской Конституции, базировавшейся на «историческом праве» одной нации, конституировалась на территориальном принципе» [24, с. 17]. Автор обращает внимание на декреты ССР Тавриды об организации Комиссариата по военно-морским делам, об объявлении недр земли и моря народным достоянием, на наличие института гражданства, а также на то, что «страны Антанты de facto признавали Республику Тавриды, что подтверждается направлением к ней английской миссии, а также продолжением работы консульских учреждений Греции и Бельгии» [24, с. 18, 19].

Тем не менее, несмотря на принимавшиеся руководством ССР Тавриды усилия, подкреплявшиеся дипломатической поддержкой Советской России, к маю 1918 года немецкие войска оккупировали Крым, досрочно завершив опыт первой крымской государственности.

Пришедший в результате переворота к власти на оккупированной немцами Украине гетман П. П. Скоропадский⁸, в отличие от своих предшественников, активно взялся за включение Крыма в состав Украинского государства.

Как объяснял он позже в своих воспоминаниях: «Украина не может жить, не владея Крымом, это будет какое-то туловище без ног. Крым должен принадлежать Украине, на каких условиях, это безразлично, будет ли это полное слияние или широкая автономия, последнее должно зависеть от желания самих крымцев, но нам надо быть вполне обеспеченными от враждебных действий со стороны Крыма. В смысле же экономическом Крым фактически не может существовать без нас. Я решительно настаивал перед немцами о передаче Крыма на каких угодно условиях, конечно принимая во внимание все экономические, национальные и религиозные интересы народонаселения. Немцы колебались, я настаивал самым решительным образом» [35, с. 262].

Как пишет А. В. Мальгин: «Поскольку это противоречило условиям Брест-Литовского мирного договора Германии с РСФСР, согласно которому границы Украинского государства определялись по III Универсалу Центральной Рады, германское правительство не пошло навстречу украинской стороне. Оно инициировало создание на полуострове самостоятельного кабинета во главе с генерал-лейтенантом М. А. Сулькевичем⁹» [27, с. 65].

Свои намерения сформированное Сулькевичем правительство обнародовало в Декларации, определив главной задачей «сохранение самостоятельности полуострова до выяснения международного положения его и восстановления законности и порядка».

Хотя этот документ является важнейшим для понимания логики событий того времени, исследователи, обширно цитируя его, до сих пор не находили возможности ввести в научный оборот полный текст. Восполняем этот пробел, публикуя в приложении 2 правительственное сообщение Крымского краевого правительства от 12 (25) июня о доведении «до сведения всего населения полуострова о тех началах, которыми оно будет руководствоваться в своей деятельности». Оригинал документа, хранящийся в фондах Центрального музея Тавриды, представляет собой отпечатанную в Феодосии прокламацию Феодосийского уездного комиссара, предназначавшуюся для всеуездного распространения [10].

Правительство Сулькевича продолжило административно-территориальную традицию, впервые основанную ССР Тавриды: Крымский полуостров в географических границах, разделённый на пять уездов и два округа; уезды в свою очередь разделялись на 34 волости.

⁸ Скоропадский Павел Петрович (3 (15) мая 1873, Висбаден, Германия — 26 апреля 1945, Меттен, Бавария, Германия) — военачальник, генерал-лейтенант (1916). В 1917 г. — командир 34-го армейского корпуса, 1-го Украинского корпуса. Украинский военный и политический деятель, гетман Украины с 29 апреля по 14 декабря 1918 г. В период правления Скоропадского была создана Украинская академия наук. После ухода немцев с Украины эмигрировал в Германию.

⁹ Сулькевич Матвей (Мацей) Александрович (20 июля 1865, имение Кемейшы Лидского уезда Виленской губернии, ныне деревня Вороновского района Гродненской области, Беларусь — 15 июля 1920, Баку) — военачальник, генерал-лейтенант (1916). Из литовских татар. В октябре 1917 г. был выдвинут на пост командира 1-го Мусульманского корпуса, который планировало сформировать Временное правительство. С 25 июня 1918 г. — премьер-министр, министр внутренних и военных дел первого Крымского краевого правительства. В период правления Сулькевича был создан Таврический университет. С декабря 1918 г. — в Азербайджане, с марта 1919 г. — начальник Генерального штаба ВС Азербайджана. В мае 1920 г. арестован ВЧК. Расстрелян за «контрреволюционную деятельность».

Его «Декларация...» не содержала имени собственного создаваемого государственного образования. На протяжении всего текста употреблялись термины «Край», «Крым», «Крымское Краевое Правительство», «Крымское Правительство», «Краевое Правительство», что впоследствии создало определённые сложности для исследователей этого периода, вынужденных пользоваться данным меню (в историко-административно-территориальных сводках между «ССР Тавриды» и «Крымская ССР» чаще всего упоминаются «Крымское Краевое Правительство» или «Территория, подчинённая Крымскому Краевому Правительству»). Полагаем, что следует уходить от этой неопределённости путём использования термина «Крымский Край» для обозначения созданной на полуострове государственности в отличие от термина «Крым» как географического понятия. На это указывает текст присяги на верность Крымскому краевому правительству, составленный Сулькевичем 31 июля 1918 года: «Честью моей клянусь и торжественно перед всеми согражданами обещаюсь всемерно в своих суждениях и деяниях блюсти благо *Крымского Края* (курсив мой. — С. Е.) и повиноваться Крымскому Краевому Правительству не только за страх, но и за совесть, памятуя, что в исполнении этого моего обета лежит ныне залог сохранения достоинства и благополучия Края и личного благополучия его гражданина» [цит. по: 18, с. 303]. Отметим также, что термин «Крымский Край» также используется в отчёте о деятельности делегации Крымского Правительства в Киеве [25, с. 71–73].

Наличие во главе правительств Украины и Крыма двух бывших генерал-лейтенантов Русской императорской армии — Скоропадского и Сулькевича — во многом предопределило характер взаимоотношений между двумя государственностями Юго-Запада бывшей империи. Не позволяя немногим более юному крымскому правительству мало-мальски организовать управление, украинские пограничники 7–8 июня заняли Перекоп и произвели смену администрации. Вооружённое противостояние на перешейке не без участия оккупантов удалось прекратить лишь спустя два месяца. В июле пограничной вартой Украины была занята северная часть Арабатской стрелки протяжённостью 40 вёрст (направивается, кстати, историческая параллель: практически сразу после включения Крымской области в УССР по решению отнюдь не идейных наследников Скоропадского сельсоветы на севере стрелки были перечислены в состав Генического района Херсонской области). Квазибоевые аннексионные начинания были дополнены таможенной войной и экономической блокадой Крыма со стороны Украины [25 (комментарии А. В. Мальгина), с. 74] (таким образом, вполне легальна ещё одна совершенно свежая историческая параллель).

Как с горечью писал впоследствии В. А. Оболенский¹⁰, это была «никому не нужная борьба между двумя частями России, борьба, от которой страдает население», борьба, которая «представляется величайшей нелепостью» [32, с. 17].

Такой ход событий перестал в конце концов устраивать и германское командование, по ультимативному настоянию которого были начаты переговоры о «политическом соединении Крыма с Украиной». Сразу обнаружили принципиальные

¹⁰ Оболенский Владимир Андреевич (1869, СПб. — 1950, Бюсси-ан-От, Франция) — князь, депутат 1-й Госдумы от Таврической губернии. Член ЦК Конституционно-демократической партии (1916, февраль), секретарь ЦК (1917, март). С апреля 1918 г. — председатель Таврической губернской земской управы, гласный Симферопольской городской думы. Летом 1920 г. назначен П. Н. Врангелем членом Предварительной комиссии по выработке основных положений земельной реформы. С ноября 1920 г. — в эмиграции.

различия в подходах сторон. Если Киев полагал, что «Крым соединяется с Украиной на правах автономного края под единой Верховной властью Его светлости Пана Гетьмана», то Симферополь считал, что «Крым, опираясь на декларацию Своего Краевого Правительства от 12/25 июня 1918 года», заключает с Украинской державой федеративный союз [25, с. 71, 73].

Понятно, что для сближения столь дистанцированных друг от друга позиций требовалось как время, так и желание договаривающихся сторон. Обоим генералам, жёстко проводившим политику суверенизации, не доставало ни того, ни другого. Не хватало им и умения консолидировать политические элиты своих государственных образований. Последнее и предопределило их уход с политической арены одновременно с исходом стоящей над ними третьей силы — германского оккупационного командования.

Деятельность первого Крымского краевого правительства подробно, с внутренней симпатией, проанализирована в монографии А. Г. Зарубина и В. Г. Зарубина [18, с. 376–427]. Это позволяет в рамках данной статьи ограничиться лишь необходимыми административно-территориальными аспектами.

Вопросы административно-территориального устройства Крымского края были отрегулированы непрофильным нормативным актом — постановлением Совета министров Крымского краевого правительства об утверждении «Положения об учреждении управления Крымской Краевой Внутренней Стражи, окружных, уездных, городских и судебно-уголовных отделов и отделений названной Стражи» [33, с. 131–150]. Данный документ устанавливал, что «деление Крымского полуострова на уезды: Симферопольский, Евпаторийский, Перекопский, Феодосийский и Ялтинский — остаётся прежнее; округа Севастопольский и Керчь-Еникальский остаются в существующих границах», центры уездов и округов располагаются в одноимённых городах [33, с. 132]. Статус Симферополя, кроме того, был определён как «краевой город» [33, с. 140, 148].

Постановлением совершенно однозначно зафиксировано, что в Крыму появился четырнадцатый город: статус безуездного города был придан Алушке [33, с. 133, 138, 145]. Данный публикуемый факт в известном смысле является открытием: до этого и в советской, и в постсоветской литературе [43, с. 13] считалось, что Алушка стала городом лишь в 1938 году.

С учётом того, что весной 1918 года юрисдикция Алушкинского совета распространялась на близлежащие населённые пункты (Кекенеиз, Лимены, Кучук-Кой, Симеиз, Мисхор, Кореиз, Гаспра и др. [2, с. 223–224]), историко-географические аспекты территориально-организующей роли города Алушки нуждаются в переосмыслении.

Кроме того, правительством была выделена новая специфическая единица административно-территориального устройства, аналогичная безуездному городу — курорт Гурзуф [33, с. 133, 139, 145]. Это можно рассматривать как предвосхищение появления в ходе подготовки Всесоюзной переписи населения 1926 года новой категории населённых пунктов — посёлков городского типа.

Впервые за всю историю уездного деления Крыма правительство Сулькевича пошло на оптимизацию пространственно-административных связей, разместив центр управления внутренней стражей Перекопского уезда не в «медвежьем

углу» уездного города Перекопа, а в безуездном Джанкое как наиболее близком к географическому центру уезда городе [33, с. 132, 133, 140, 141, 147, 150].

Первое Краевое правительство осуществило ещё одну интересную административную инновацию, подчинив Бахчисарай непосредственно краевым структурам, минуя уездный уровень. Таким образом, этот безуездный город, в отличие от Алушки, Алушты, Балаклавы, Карасубазара и Старого Крыма, стал городом «краевого подчинения» [33, с. 132, 133, 140, 148, 150]. Эта наработка, утраченная в годы Гражданской войны, была реанимирована в 1930 году и дожила до наших дней в виде городов республиканского подчинения. Однако Бахчисарай, блеснув в начале XX века новыми административными возможностями, к этому статусу более не возвращался.

В тексте анализируемого постановления город Керчь последовательно именуется «Керчь-Еникале» [33, с. 133, 137]. Однако на реконструированной карте административно-территориального устройства Крымского края автор посчитал целесообразным указать однокомпонентное название города, различая его с двухкомпонентным названием округа (рис. 4).

Тем временем калейдоскоп Первой мировой завершал свой последний оборот: 12 ноября был начат вывод германских войск из Крыма, 14-го числа оккупационное командование уведомило краевую земскую управу об устранении правительства М. Сулькевича, а 15-го он уже лично дошёл до населения, что «правительство, мною

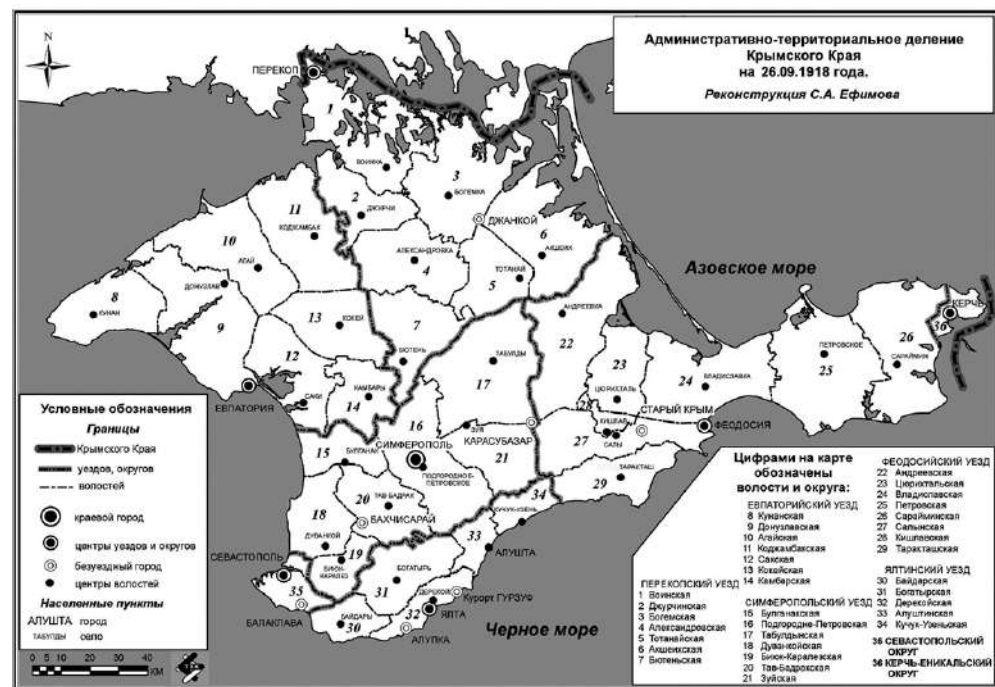

Рис. 4. Карта административно-территориального деления Крымского края на 26 сентября 1918 г.

возглавляемое, передало управление Краем правительству, возглавляемому председателем Таврического земского собрания С. С. Крымом¹¹» [цит. по: 20, с. 99].

Своё кредо, изложенное в Декларации [11], которую мы приводим полностью в приложении 3 с сохранением особенностей правописания того времени, второе Крымское краевое правительство, в отличие от предшественников, видело не в развитии крымской государственности как таковой, а во всемерном предшествовании процессам воссоздания единой страны на основе развития демократических институтов: «Наступает конец мировой войны, но нет единой великой России, образовавшейся в течение тысячелетней исторической жизни. Россия распалась на части, и на значительном её пространстве преступные силы, разжигающие взаимную ненависть и низменное своекорыстие, продолжают дело разрушения культуры, основ права, правды и всего человеческого общежития. В таких условиях первым патриотическим долгом каждого гражданина и национальной задачей, выше всех стоящей, Правительство признаёт стремление к возрождению единой России».

Завершая изложение, отметим, что наше сегодняшнее бытие украшают две жемчужины, сформировавшиеся в ту сравнительно отдалённую эпоху. Это республика как форма государственно-территориального устройства Крыма и Таврический университет, собравший ныне все свои бывшие факультеты под флагом Крымского федерального университета.

Приведённые в статье карты (рис. 2–4) созданы на основе картосхемы (рис. 1, [29]). При этом границы административно-территориальных единиц уточнены по спискам населённых пунктов по уездам статистического справочника Таврической губернии [36; 38–42] с учётом орографии Крымского полуострова.

Литература

1. Бельский А. С. Административно-территориальное устройство Крыма. 200 лет истории. Ч. 3 : Керчь-Еникале, Керчь-Еникальское, Севастопольское, Феодосийское и Ялтинское градоначальства Крыма (1774–1919 гг.) // Культура народов Причерноморья. 2009. № 171. С. 7–11.
2. Борьба за Советскую власть в Крыму. Документы и материалы / отв. ред. П. Н. Надинский. Симферополь, 1957. Т. 1 (Март 1917 г. — апрель 1918 г.). 320 с.
3. Бикова Т. В. Створення Кримської АСРР (1917–1921 рр.). Київ : Ін-т історії України НАНУ, 2011. 247 с.
4. Вопросы развития Крыма. Вып. 3 : Крымскотатарское национальное движение в 1917–1921 гг. / сост. А. Г. Зарубин. Симферополь, 1996. VII + 89 с.
5. Габриелян О. А. Крымские репатрианты: депортация, возвращение и обустройство / Габриелян О. А. [и др.]. Симферополь : Издат. дом «Амена», 1998. 340 с.
6. Градоначальник // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 9а. СПб. : Типолитография И. А. Ефрона, 1893. С. 492.

¹¹ Крым Соломон Самойлович (25 июня 1867 (по другим данным, 25 июля 1868), Феодосия — 9 сентября 1936, собственное имение Крым под Тулоном, Франция) — политический деятель, предприниматель, меценат, учёный-агроном. Депутат I и IV Государственной думы, возглавлял Таврическое губернское земство. В 1917 г. — комиссар Временного правительства, заведовал бывшим удельным ведомством в Крыму. Один из инициаторов создания и председатель попечительского совета Таврического университета. С 15 ноября 1918 по 15 апреля 1919 г. — председатель Совета министров и министр земледелия второго Крымского краевого правительства. Далее — в эмиграции. Основатель (1923) и председатель (впоследствии — почётный председатель) Караимского общества во Франции [17].

7. Градоначальник, градоначальство // Большая энциклопедия : словарь общедоступных сведений по всем отраслям знания / под ред. С. Н. Южакова. Т. 7. СПб. : Изд-во т-ва «Просвещение», 1903. С. 408–409
8. Градоначальство // Новый энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 14. СПб. : Тип. АО «Брокгауз-Ефрон», 1913. С.663
9. *Губогло М. Н., Червонная С. М.* Крымскотатарское национальное движение. Т. 2 : Документы. Материалы. Хроника. М. : Центр по изучению межнац. отношений, 1992. 340 с.
10. Декларация Крымского Краевого Правительства от 12/25 июня 1918 года. Центральный музей Тавриды. КП-11978_99_Д-666.
11. Декларация Крымского Краевого Правительства, сформированного согласно резолюции Краевого Съезда Губернских Гласных от 18 октября 1918 г., с дополнениями от 10 ноября т. г. // Собрание узаконений и распоряжений Крымского Краевого Правительства. 1918. №10. 1 дек. С. 232–233.
12. Декрет Центрального Исполнительного Комитета Республики Тавриды об объявлении Крымского полуострова Советской Социалистической Республикой Тавриды от 22 марта 1918 г. // Борьба за Советскую власть ... С. 227–228.
13. Декрет Центрального Исполнительного Комитета Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Таврической Республики об объявлении Таврической губернии Советской республикой и организации Совета Народных Комиссаров от 19 марта 1918 г. // Борьба за Советскую власть ... С. 225.
14. Депортовані кримськи татари, болгари, вірмени, греки, німці: Документи. Факти. Свідчення (1917–1991) / уряд. Ю. Білуха, О. Власенко. Київ : Муз. Україна, 2004. 464 с.
15. Джанкой. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%94%D0%B6%D0%B0%D0%BD%D0%BA%D0%BE%D0%B9>
16. *Дубко Ю. В.* Советская Республика Тавриды: авантюра большевистского государственного строительства / под ред. В. А. Зайцева. Симферополь : Таврида, 1999. 208 с.
17. *Єфимов С. О.* Крим Соломон Самійлович // Енциклопедія сучасної України. Т. 15. Київ, 2014. С. 424.
18. *Зарубин А. Г., Зарубин В. Г.* Без победителей. Из истории Гражданской войны в Крыму. 2-е изд., испр. и доп. Симферополь : Антиква, 2008. 728 с.
19. *Зарубин А. Г., Зарубин В. Г.* От «форпоста мировой революции» до последнего плацдарма «белой» России // Отечественная история. 1999. № 2. С. 99–106.
20. *Зарубин В. Г.* Проект «Украина». Крым в годы смуты (1917–1921 гг.). Харьков : Фолио, 2013. 379 с.
21. Историческая справка Джанкой. URL: <http://tnu.podelise.ru/docs/index-246281.html>
22. *Исхаков С. М.* Первая конституция крымско-татарского народа // Отечественная история. 1999. № 2. С. 107–113.
23. *Киселёва Н. В.* Этнополитические процессы в Крыму: исторический опыт, современные проблемы и перспективы их решения / Н. В. Киселёва [и др.]. Симферополь : Салта, 2015. 352 с.
24. *Котиленко О. Л.* Автономна Республіка Крим: проблеми правового статусу. Київ : Таксон, 202. 342 с.
25. Краткий отчёт о деятельности делегации Крымского Правительства в Киеве с 26-го сентября по 16-е октября 1918 г. / коммент. А. В. Мальгина // Крымский архив. 1996. № 2. С. 69–74.
26. *Маєрін О. О.* Крымскотатарського народу Курултай // Енциклопедія сучасної України. Т. 15. Київ, 2014. С. 471–472.
27. *Мальгин А. В.* «Ненужная борьба между двумя частями России...» К истории украинско-крымских отношений в 1918 году // Крымский архив. 1996. № 2. С. 64–68.
28. *Мальгин А. В.* Республика, которой не было // Таврические ведомости. 1992. № 5, 6, 7, 8 (февраль).

29. Материалы по описанию кирпично-черепичных заводов и цементных мастерских в разных волостях Таврической губернии / Страховой отдел Тавр. губ. земск. управы. Симферополь : Тип. Тавр. губ. земства, 1912. Прил.: картосхема.
30. *Милюков П. Н.* Воспоминания. М. : Современник, 1990. Т. 2. 445 с.
31. Национально-государственное строительство в СССР в переходный период от капитализма к социализму (1917–1936 гг.). История национально-государственного строительства в СССР (1917–1966). Т. 1 / отв. ред. Д. А. Чугаев. М. : Мысль, 1968. 503 с.
32. *Оболенский В. А.* Крым при немцах. «Война Крыма и Украины» // Крымский архив. 1996. № 2. С. 14–28.
33. Постановление Совета Министров Крымского Краевого Правительства об утверждении Положения об Учреждении управления Крымской Краевой Внутренней Стражи, окружных, уездных, городских и судебно-уголовных отделов и отделений названной Стражи // Собрание узаконений и распоряжений Крымского Краевого Правительства. 1918. № 7. Отд. 1. С. 131–150 / Фонд Центр. музея Тавриды, КП 11978/364.
34. *Скальський В.* Що спільне та відмінне в українському і кримськотатарському рухах у 1917 р.? // Історія Криму в запитаннях та відповідях / відп. ред. В. Смолій / Ін-т історії України НАНУ. Київ : Наук. думка, 2015. 526 с.
35. *Скоропадський П.* Воспоминания: конец 1917 — декабрь 1918 года = *Скоропадський П.* Спогади: кінець 1917 — грудень 1918. Київ, 1995. 495 с.
36. Статистический справочник Таврической губернии / Статбюро Тавр. губ. земства ; сост. Ф. Н. Андриевский ; под ред. М. Е. Бененсона. Ч. 1 : Статистический очерк Таврической губернии. Симферополь : Тип. Тавр. губ. земства, 1915. VI + 104 с.
37. Статистический справочник Таврической губернии / Статбюро Тавр. губ. земства ; сост. Ф. Н. Андриевский ; под ред. М. Е. Бененсона. Ч. 2 : Список населённых пунктов по уездам. Вып. 3 : Мелитопольский уезд. Симферополь : Тип. Тавр. губ. земства, 1915. 122 с.
38. Статистический справочник Таврической губернии / Статбюро Тавр. губ. земства ; сост. Ф. Н. Андриевский ; под ред. М. Е. Бененсона. Ч. 2 : Список населённых пунктов по уездам. Вып. 4 : Перекопский уезд. Симферополь : Тип. Тавр. губ. земства, 1915. 96 с.
39. Статистический справочник Таврической губернии / Статбюро Тавр. губ. земства ; сост. Ф. Н. Андриевский ; под ред. М. Е. Бененсона. Ч. 2 : Список населённых пунктов по уездам. Вып. 5 : Евпаторийский уезд. Симферополь : Тип. Тавр. губ. земства, 1915. 82 с.
40. Статистический справочник Таврической губернии / Статбюро Тавр. губ. земства ; сост. Ф. Н. Андриевский ; под ред. М. Е. Бененсона. Ч. 2 : Список населённых пунктов по уездам. Вып. 6 : Симферопольский уезд. Симферополь : Тип. Тавр. губ. земства, 1915. 186 с.
41. Статистический справочник Таврической губернии / Статбюро Тавр. губ. земства ; сост. Ф. Н. Андриевский ; под ред. М. Е. Бененсона. Ч. 2 : Список населённых пунктов по уездам. Вып. 7 : Феодосийский уезд. Симферополь : Тип. Тавр. губ. земства, 1915. 98 с.
42. Статистический справочник Таврической губернии / Статбюро Тавр. губ. земства ; сост. Ф. Н. Андриевский ; под ред. М. Е. Бененсона. Ч. 2 : Список населённых пунктов по уездам. Вып. 8 : Ялтинский уезд. Симферополь : Тип. Тавр. губ. земства, 1915. 124 + III с.
43. Україна: адміністративно-територіальний устрій (станом на 1 січня 2012 р.) / Верховна Рада України. Київ : Парламент. вид-во, 2012. С. 13
44. *Шемьї-заде А.* В 1917-м году не могло быть провозглашения Крымской народной республики! // Авдет. 2011. 19 дек. (№ 51).
45. Южные Ведомости. Ежедневная газета Таврического Губернского Земства (Симферополь). 1918. 23 дек.
46. *Якубова Л.* Коли й ким було ухвалено першу в історії Криму Конституцію? // Історія Криму в запитаннях та відповідях / відп. ред. В. Смолій / Ін-т історії України НАНУ. Київ : Наук. думка, 2015. С. 304–307.

Крымско-татарское национальное правительство

Приводимъ объявление образованнаго въ Крыму татарскаго національнаго правительства:

«Граждане соотечественники!

Издавъ основные законы, Крымско-татарский Курултай объявилъ себя національнымъ парламентомъ.

Избранное национальнымъ парламентомъ и получившее довѣрие парламента крымско-татарское национальное правительство съ сегодняшнего дня вступаетъ въ исполненіе своихъ обязанностей.

Крымско-татарскій народъ, сумѣвшій среди пожара анархіи, охватившей всю Россію, создать парламентарное национальное правительство, считаетъ себя и др. народы Крыма достигшими спокойствія и стремящимися къ установленію благодѣйствія въ краѣ.

Крымско-татарское национальное правительство заботится о счастіи и спасеніи не одного только татарскаго народа; оно считаетъ священной своей обязанностью защиту личной, имущественной безопасности и чести всѣхъ своихъ крымскихъ соотечественниковъ и защиту высокихъ лозунговъ великой революціи.

Крымскіе татары одинаково съ остальными народами Крыма стонали подъ ярмомъ централистическаго деспотическаго правительства.

Но отнынѣ, воодушевляемые высокими и святыми чувствами братства и гражданства, не останавливаясь ни передъ какими жертвами, крымскіе татары совмѣстно съ революціонной демократіей будутъ стремиться къ недопущенію всеразрушающаго дѣйствія анархіи, уже надвигающейся и на Крымъ и нещадающей на своемъ пути ни памятниковъ старины, ни памятниковъ искусства, ни храмовъ науки и культуры.

Крымско-татарское национальное правительство категорически и неуклонно рѣшило поддерживать порядокъ и спокойствіе на полуостровѣ; оно рѣшило по-

ложить предѣлъ царящимъ въ краѣ голоду, финансовой разрухѣ всевозможнымъ захватамъ и уже показывающей свою голову анархіи.

Питая глубокую вѣру въ то, что болѣе сильное крымское правительство можетъ быть создано только обще-крымскимъ парламентомъ, крымско-татарское национальное правительство всѣми силами и средствами будетъ стремиться къ возможно скорѣйшему созыву Крымскаго Учредительнаго Собранія.

Крымско-татарское национальное правительство, признавая и уважая личныя и гражданскія права каждаго и требуя тако же уваженія къ правамъ своего народа, объявляетъ ко всеобщему сведенію крымско-татарскіе основные законы, исполненіе и подчиненіе которымъ обязательно для каждаго крымскаго татарина и уваженіе которыхъ требуется отъ каждаго крымскаго соотечественника:

Крымско-татарскіе основные законы.

1) Курултай признаетъ за всѣми народами право на полное самоопредѣленіе.

2) Курултай признаетъ, что осуществленіе национальныхъ идеаловъ возможно только изданіемъ законовъ, выявляющихъ истинную волю народа и регулирующихъ вопросы во всѣхъ областяхъ жизни татарской націи, и считаетъ необходимымъ постоянное существованіе періодически избираемаго мужскимъ и женскимъ населеніемъ на основѣ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго избирательнаго права крымско-татарскаго парламента, при которомъ татарскій народъ на вѣчныя времена получилъ бы возможность самъ устраивать свою жизнь и решать свою судьбу.

3) Курултай признаетъ, что жизненны и плодотворны только тѣ законы, которые выявляютъ истинную волю народа и рождаются изъ самой жизни и духа народа и считаетъ необходимымъ періодическій созывъ парламента черезъ каждые три года.

Примѣчаніе: Курултай, считая, что выборы народнаго представительства въ настоящее тревожное въ странѣ время могутъ быть выполнены съ большими затрудненіями, объявляетъ себя парламентомъ срокомъ на одинъ годъ.

Примѣчаніе: Курултай признаетъ созывъ татарскаго парламента путемъ выбора по одному депутату отъ каждаго 5–7 тысячъ душъ татарскаго населенія.

4. Время созыва очередныхъ сессій парламента опредѣляется самимъ парламентомъ. Чрезвычайныя же сессіи парламента созываются по требованію одной трети всѣхъ членовъ парламента черезъ президіумъ.

5. Личность членовъ парламента неприкосновенна и, доколѣ будетъ существовать обязательная воинская повинность, отъ обязанностей военной службы свободна.

6. Татарскій парламентъ обязанъ выработать законы для татаръ по вопросамъ: 1) народнаго просвѣщенія, 2) религіи, 3) юридическимъ, 4) военнымъ, 5) финансовымъ, 6) политическимъ, и въ случаѣ необходимости, торгово-промышленнымъ и земледѣлія.

Примѣчаніе: по каждому изъ указанныхъ вопросовъ въ парламентѣ выделяются особыя коміссіи.

7. Курултай, признавая полную свободу и самостоятельность законодательнаго и исполнительнаго органовъ и суда, считаетъ, что и каждый изъ отдѣловъ національнаго самоуправленія является вполне свободнымъ и самостоятельнымъ въ предѣлахъ своего вѣдомства.

Примѣчаніе: Курултай признаетъ совѣтъ директоровъ татарскаго національнаго правительства.

Примѣчаніе: Курултай, признавая въ принципѣ избраніе одного директора для каждой дирекціи національнаго правительства, допускаетъ, въ случаѣ необходимости, избраніе одного директора для двухъ дирекцій, а также исполненіе однимъ директоромъ обязанностей другого по установленію совѣта директоровъ.

8. Курултай считаетъ, что такъ какъ для урегулированія национальныхъ дѣлъ

необходимы соответствующіе законы, то и для проведенія этихъ законовъ въ жизнь необходимы соответствующіе исполнительные органы, поэтому татарское национальное правительство подраздѣляется на дирекціи: 1) по народному просвѣщенію, 2) по дѣламъ религіи, 3) финансовъ и вакуфовъ, 4) юстиціи, 5) по внѣшнимъ деламъ и 6) на дирекцію предсѣдателя совѣта директоровъ.

А. Дирекція по народному просвѣщенію вѣдаетъ всѣми национальными учебными заведеніями (мектебами и медресе): опредѣляетъ взаимоотношенія между татарами и всѣми культурно-просвѣтительными учрежденіями въ крымской демократической республикѣ и совмѣстно съ выборными просвѣтительными учрежденіями выработываетъ законопроекты по принципу автономности просвѣтительныхъ учреждений.

Б. Дирекція по дѣламъ религіи отдаетъ распоряженія по вопросамъ религіи согласно шаріату.

В. Дирекція финансовъ и вакуфовъ вѣдаетъ национальными налогами; составляетъ роспись доходовъ національнаго правительства, которую представляетъ на утвержденіе парламента.

При дирекціи финансовъ учреждается отдѣлъ, который заботится объ улучшеніи положенія вакуфовъ и о поднятій культурно-экономическаго уровня татаръ, живущихъ на вакуфныхъ земляхъ.

Примѣчаніе. Курултай въ цѣляхъ обезпеченія расходовъ національнаго управленія признаетъ взиманіе национальныхъ налоговъ согласно основамъ, принятымъ национальнымъ парламентомъ.

Г. Дирекція юстиціи выполняетъ гражданское судопроизводство татаръ согласно шаріату, обычаю и традиціямъ общественной жизни татаръ. Такимъ образомъ, упраздняется муфтїатъ и вмѣсто него учреждается дирекція юстиціи.

Д. Дирекція по внѣшнимъ дѣламъ имѣетъ отдѣлы: 1) отдѣлъ, регулирующий взаимоотношенія между татарами и городскими и земскими учрежденіями; 2) отдѣлъ по военнымъ дѣламъ доколѣ будетъ существовать обязательная воинская повин-

ность; 3) отдѣлъ по урегулированию политическихъ, гражданскихъ, экономическихъ и общественныхъ вопросовъ между татарами и остальными національностями.

Е. Дирекція предсѣдателя совѣта директоровъ контролируетъ дѣятельность и законность распоряженій выше перечисленныхъ дирекцій. Устанавливаетъ согласованность дѣятельности между всѣми частями административнаго аппарата національнаго правительства, который ведетъ въ направленіи достиженія національныхъ стремленій и идеаловъ.

9. Каждая изъ дирекцій обязана вырабатывать законопроекты и представить ихъ на утверждение парламента.

10. Парламентъ простымъ большинствомъ выбираетъ изъ своей среды предсѣдателя совѣта директоровъ нац. правительства, которому поручается сформированіе національнаго правительства изъ пяти лицъ, которыя, по полученіи довѣрія простого большинства парламента, вступаютъ въ исполненіе своихъ обязанностей.

11. По требованію одной четверти членовъ парламента или отдѣльныхъ фракцій, состоящихъ не менѣе, чѣмъ изъ 10 членовъ, парламентъ во всякое время можетъ сделать запросъ исполнительному органу.

12. Считаая, что вопросъ о формѣ правленія въ краѣ можетъ быть рѣшенъ только краевымъ Учредительнымъ Собраніемъ, созданнымъ на основѣ всеобщаго, равнаго прямого и тайнаго голосованія избирательнаго права Курултай находитъ, что форма правленія въ Крыму можетъ быть опредѣлена Крымскимъ Учредительнымъ Собраніемъ. Поэтому Курултай поручаетъ парламенту въ кратчайшій срокъ принять мѣры для созыва Крымскаго Учредительнаго Собранія.

13. Курултай признаетъ, что вопросы, относящіеся къ жизни края, какъ финансовый, политический и земельный, могутъ быть рѣшены только Крымскимъ Учредительнымъ Собраніемъ послѣ созыва такового.

14. Курултай признаетъ необходимымъ участіе представителя крымскаго

парламента всюду, гдѣ только будетъ обсуждаться и рѣшаться вопросъ о политическомъ положеніи Крыма для выраженія мнѣнія и воли Крымскаго Учредительнаго Собранія и крымскаго парламента по данному вопросу.

15. Курултай, признавая, что судьба того или иного края можетъ быть рѣшена только голосомъ самого народа, населяющаго этотъ край, но ни въ коемъ случаѣ не дипломатами, требуетъ участія на мирной и всякой другой конференціи представителей заинтересованныхъ краевъ и народностей.

16. Курултай, считая, что какъ осуществленіе необходимыхъ въ общественной жизни свободы личности, слова, печати, совѣсти, собраній, жилища, союзовъ, стачекъ, страхованіе жизни рабочихъ, так и осуществленіе принципа самоопредѣленія народовъ и правъ меньшинства и тѣхъ законовъ, которые приняты Курултаемъ могутъ быть гарантированы только при демократической республикѣ, признаетъ и объявляетъ крымскую демократическую республику.

17. Курултай упраздняетъ существующія среди крымскихъ татаръ званія, какъ: мурза, бей, челеби, князь, духовный, дворянинъ, мѣщанинъ, поселянинъ и связанныя съ ними сословныя привелегіи.

18. Курултай, стоя на принципѣ равенства, признаетъ и утверждаетъ и за женщиной полное равноправіе съ мужчиной и поручаетъ парламенту изданіе соответствующаго закона.

Предсѣдатель совѣта директоровъ и директор юстиціи
Ч. Челебѣевъ.

Директоръ по внѣшнимъ и военнымъ дѣламъ
Д. Сейдаметовъ.

Директоръ финансов и вакуфовъ
Д. Хаттаговъ.

Директоръ по дѣламъ религіи
А. Шукри.

Директоръ народнаго просвѣщенія
И. Озенбашлы.

18-го декабря 1917 г.»

Правительственное сообщеніе

Премьеръ-Министръ Крымскаго Краевого Правительства симъ объявляетъ, что закончивъ переговоры съ представителями Германскаго Правительства, принявшими основныя положенія обнародываемой нынѣ деклараціи, онъ передаетъ всю полноту власти составленному имъ Крымскому Краевому Правительству.

12/25 Іюня 1918 г. Премьеръ-Министръ
СУЛЬКЕВИЧЪ.

Къ населенію Крыма.

Съ согласія Германскаго военнаго командованія, оккупирующаго Крымъ для возстановленія спокойствія и порядка, Генераль-Лейтенантъ Сулькевичъ принялъ на себя организацію правительственной власти. Вопросъ объ образованіи отвѣтственнаго выборнаго правительства будетъ разрѣшенъ впослѣдствіи по согласеніи съ Германскимъ Командованіемъ, когда наступитъ в Краѣ дѣйствительное спокойствіе и порядокъ.

Образованное нынѣ Генераль-Лейтенантомъ Сулькевичемъ Крымское Правительство, представляющее собою Верховную Власть въ Крыму, доводитъ до свѣдѣнія всего населенія полуострова о тѣхъ началахъ, которыми оно будетъ руководствоваться въ своей дѣятельности.

Крымское Краевое Правительство ставитъ своей задачей сохраненіе самостоятельности полуострова до выясненія международнаго положенія его и возстановленія законности и порядка.

Для возстановленія нормальной жизни въ Краѣ Правительство признаетъ пока возможнымъ сохранить въ силѣ всѣ законоположенія Государства Россійскаго, правомѣрно изданныя до 25 Октября 1917 года, оставая за собою право незамедлительнаго пересмотра и упорядоченія законодательства бывшаго Временнаго

Правительства и право изданія новыхъ законоположеній.

Всѣ должностныя лица, служившія въ Крыму, неправомѣрно уволенные послѣ втораго марта 1917 года, могутъ подать заявленія Краевой власти о возстановленіи въ нарушенныхъ правахъ: находящіяся на территоріи Крыма въ теченіе двухъ недѣль, остальные въ теченіе шести недѣль со дня опубликованія сей деклараціи.

Точно также всѣ должностныя лица, состоящія къ моменту опубликованія деклараціи на государственной службѣ, обязуются въ тѣ же сроки подать по начальству заявленія о своемъ желаніи продолжать службу въ соответствующемъ учрежденіи при современномъ Краевомъ Правительствѣ. Заявившія о семъ лица будутъ приведены къ присягѣ на вѣрность службѣ Крыму и Краевой власти на общихъ основаніяхъ.

Дѣйствующія земскія собранія (волостныя, уѣздныя, губернскія) и городскія думы объявляются распущенными. Равнымъ образомъ съ опубликованіемъ сего отмѣняются назначенныя въ ближайшемъ будущемъ или уже произведенныя выборы въ городскія и земскія самоуправленія. Земскія и городскія управы сохраняютъ свои полномочія впредь до производства новыхъ выборовъ гласныхъ на основаніяхъ, которыя будутъ выработаны въ ближайшее время Правительствомъ при участіи съѣздовъ земскихъ и городскихъ гласныхъ состава начала 1917 года. Разрѣшеніе дѣлъ, относящихся къ компетенціи земскихъ собраній и городскихъ думъ, впредь до образованія таковыхъ, производятся по представленіямъ соответствующихъ управъ властью Министра Внутреннихъ Дѣлъ.

Государственнымъ языкомъ Крыма признается русскій, но сношенія съ государственными и общественными учрежденіями допускается какъ на русскомъ, татарскомъ, такъ и на нѣмецкомъ языкахъ.

Провозглашается полная свобода вѣроисповѣданій, за исключеніемъ сектъ, завѣдомо вредныхъ и безнравственныхъ.

Въ цѣляхъ обезпеченія самостоятельности Крыма въ религіозномъ отношеніи, всѣмъ церквамъ и религіознымъ общинамъ Крыма предоставляется управляться въ своей внутренней религіозной жизни законами своей религіи, поскольку они не противорѣчатъ законамъ страны. Православная церковь въ Крыму возглавляется митрополитомъ Крыма и Херсонеса, если на ходатайство о томъ Крымского помѣстного собора послѣдуетъ благословеніе Святѣйшаго Патріарха.

Стоя на стражѣ интересовъ всѣхъ населяющихъ Крымъ народностей, сословіи и лица, Краевое Правительство будетъ всѣми мѣрами поддерживать существовавшія законоположенія, касающіяся всѣхъ гражданскихъ правъ, и прежде всего права собственности, которое возстанавливается въ полной мѣрѣ, въ связи съ чѣмъ съ момента опубликованія сей деклараціи разрѣшаются земельныя и всякія вообще имущественныя сдѣлки, съ отмѣною всѣхъ существующихъ по этому предмету ограниченій.

Вопросъ о квартирномъ законѣ и квартирномъ налогѣ будетъ служить предметомъ особаго обсужденія Правительства, до котораго остаются в силѣ всѣ законоположенія, изданныя до 25 октября 1917 года.

Правительство считаетъ своимъ неперемѣннымъ долгомъ сохранить за лицами, получившими изъ средствъ государственнаго казначейства территоріи Крыма пенсіи, и право на полученіе такихъ, какъ впредь, такъ и за то время, въ теченіе котораго пенсіонныя суммы имъ не выдавались. Равнымъ образомъ право на полученіе пенсій изъ средствъ Краевого Государственнаго казначейства по законамъ Россійской Имперіи пользуются лица, состоящіи на государственной службѣ Крыма.

Въ виду того, что офицерскій составъ понесъ въ дни революціоннаго движенія незамѣнимыя и невознаградимыя утраты и явился неискупленной жертвой раз-

гула темныхъ массъ и провокаціи злонамѣреннаго и преступнаго элемента, Краевое Правительство считаетъ долгомъ чести и священной обязанностью притти на помощь обездоленнымъ семьямъ погибшихъ на полѣ брани и отъ руки озвѣрѣлыхъ убійць офицеровъ и нижнихъ чиновъ путемъ установленія повышенныхъ пожизненныхъ пенсій, единовременныхъ пособій, пріисканія мѣстъ. Впослѣдствіи расчетъ по этимъ выдачамъ будетъ произведенъ съ казначействами подлежащихъ мѣстъ.

Для усиленія на означенный выше предметъ средствъ Краевого государственнаго казначейства, помимо другихъ мѣропріятій, Правительствомъ будетъ введена монополія на игральныя карты.

Признавая въ принципѣ полную свободу печати и собраній, Совѣтъ Министровъ, однако, въ виду крайней серьезности переживаемаго момента, считаетъ себя вынужденнымъ временно ограничить полную свободу печати и собраній. Съ этой цѣлью временно вводится цензура какъ для періодическихъ изданій, такъ и для прочихъ печатныхъ и литографированныхъ произведеній. Ограниченія уже введенныя остаются временно в силѣ. Утроители собраній за сутки до созыва собранія должны извѣстить о семъ администрацію, каковая командировать своего чиновника для присутствія на немъ.

Сохраняя, до окончательнаго разрѣшенія судьбы Крыма въ международномъ отношеніи, строгій нейтралитетъ, Краевое Правительство находитъ необходимымъ для огражденія внутренняго порядка и внѣшнихъ границъ постепенное созданіе сухопутнаго войска и морскихъ силъ на условіяхъ, которыя будутъ выработаны особо. Для несенія службы береговой охраны Правительство надѣется получить часть военныхъ судовъ русскаго флота, захваченныхъ германскими войсками въ Севастополѣ.

Военныя судовыя команды набираются и пополняются добровольцами.

Опытъ недалекаго прошлаго показалъ крайнюю степень народной темноты, по-

тому Краевое Правительство обратитъ самое серьезное вниманіе на народное образованіе и откроетъ сѣть низшихъ и среднихъ школъ, а также учредитъ университетъ съ техническими отдѣленіями, что предполагается сдѣлать въ самомъ ближайшемъ будущемъ.

Считая однимъ изъ самыхъ важныхъ вопросовъ текущаго момента справедливую постановку земельной реформы, Краевое Правительство полагаетъ воспользоваться для удовлетворенія земельной нужды всѣхъ гражданъ Крыма безъ ограниченія сословіи земельнымъ фондомъ Крестьянскаго Банка, имѣющаго войти, какъ особый отдѣлъ, въ Ипотечный Банкъ, а равно землями, принадлежащими государству.

Удѣльныя земли признаются государственной собственностью Крыма, за исключеніемъ личныхъ имѣній бывшей Царской фамиліи, слѣдующихъ общимъ основаніямъ возстановленнаго права собственности.

Безусловному возврату подлежатъ всѣ земли и все имущество гражданъ Крыма нѣмецкой національности, подвергшееся ликвидаціи во время военныхъ дѣйствій противъ Германіи и Австро-Венгріи. Съ этой цѣлью организуется при Министерствѣ Юстиціи Комиссія, дѣйствующая на основаніи особой инструкціи.

Изъ отдѣленій Государственнаго Банка будетъ образованъ Краевой Государственный Банкъ, коимъ будутъ произведены добросовѣстные расчеты по всѣмъ отношеніямъ, возникающимъ у него съ центральными органами, находящимися въ Петроградѣ, но не ранѣе рѣшенія судьбы Крыма въ международномъ отношеніи.

Краевое Правительство будетъ настаивать на возстановленіи аннулированныхъ бумагъ, принадлежащихъ жителямъ Крыма.

Финансовое вѣдомство предполагаетъ выпустить на твердыхъ основаніяхъ и при опредѣленномъ обезпеченіи свои денежные знаки.

Для возстановленія нормальной финансовой дѣятельности предполагается открыть въ Симферополѣ биржу, бумаги на

которую будутъ допускаться съ особаго каждый разъ разрѣшенія Министерства Финансовъ.

Для выработки общаго плана дѣйствій предполагается созывъ сѣзда банковскихъ дѣятелей.

Для удовлетворенія потребностей земствъ, городовъ и общинъ въ кредитѣ при ипотечномъ банкѣ будетъ созданъ коммунальный отдѣлъ.

Въ облас[т]и торгово-промышленной Правительство предполагаетъ объявить свободу торговли, однако съ безусловнымъ временнымъ воспрещеніемъ вывоза изъ Крыма всѣхъ сельскохозяйственныхъ продуктовъ за исключеніемъ фруктовъ въ сыромъ видѣ. Ввозъ же продуктовъ предполагается сдѣлать безпошлиннымъ, причѣмъ за ввозъ нѣкоторыхъ товаровъ предполагается ввести премии. Вмѣстѣ съ тѣмъ Правительство будетъ вести самую энергичную и беспощадную борьбу со спекуляціей, примѣняя къ спекулянтамъ статью 1180 Уложенія о наказаніяхъ.

Для наиболѣе правильнаго и справедливаго разложенія налогового бремени личные налоги будутъ уменьшаться за счетъ косвенныхъ, отъ которыхъ безусловно будутъ освобождены предметы первой необходимости. Вопросъ о подоходномъ налогѣ будетъ подлежать особому обсужденію. Счастливыя географическія условія создали въ Крыму цѣлый рядъ популярныхъ курортовъ, которые издавна служатъ источникомъ большихъ доходовъ, однако далеко не отвѣчаютъ своему назначенію въ отношеніи благоустройства и доступности. Въ интересахъ всей страны Краевое Правительство намѣрено упорядочить и развить существующіе курорты, а равно и поддержать вновь возникающіе по образцу заграничныхъ санаторій и курортовъ.

Для поднятія промышленной жизни Края Правительство приложитъ всѣ усилія къ улучшенію и развитію сѣти желѣзныхъ и, прежде всего шоссеиныхъ дорогъ.

Вслѣдствіе ожидаемаго въ текущемъ году неурожая, населеніе Крыма при-

зывается ко всяческой экономии и бережливости; съ той же цѣлью будутъ изданы нормирующія убой скота распоряженія.

Для искорененія подпольной продажи вина и улучшения средствъ Края, а также для поднятія винодѣлія Правительствомъ будетъ разрѣшена послѣ выработки размѣровъ акциза свободная продажа вина.

Тарифы желѣзнодорожный и почтово-телеграфный будутъ выработаны Министерствомъ Путей Сообщенія, Почтъ и Телеграфовъ по соглашенію съ Министерствомъ Финансовъ.

Для нормального теченія торгово-промышленной жизни Правительство будетъ принимать всѣ мѣры къ охранѣ труда, не нанося, однако, ущерба производству и признавая принципъ личной свободы труда.

Для разрѣшенія вопросовъ, связанныхъ съ передачей земельными комитетами частновладѣльческихъ, государственныхъ и монастырскихъ земель въ обработку сельскимъ обществамъ или отдѣльнымъ лицамъ, при Министерствѣ Земледѣлія будетъ созданъ особый органъ. Предварительная разработка земельныхъ взаимоотношеній подлежить вѣдѣнію соответствующихъ земскихъ управъ.

Всѣ общества, союзы, комитеты и партійныя организаціи на территоріи Крыма, а также представители тѣхъ юридическихъ лицъ, правленія коихъ находятся внѣ территоріи Крыма, обязаны первые въ мѣсячный срокъ, а вторые въ трехмѣсячный срокъ представить свои уставы на утвержденіе въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ. Не исполнившія сего будутъ признаны несуществующими въ Крыму и ликвидированными.

Признавая право ношенія и храненія оружія только за тѣми лицами, коимъ оно по закону присвоено, Правительство приметъ всѣ мѣры къ окончательному обезоруженію населенія. Разрѣшенія на право ношенія и храненія оружія будутъ по прежнему выдаваться или непосредственно Германской комендагатурой или Краевымъ Правительствомъ Крыма съ согласія Германскаго командованія.

Вслѣдствіе отсутствія въ Крыму апелляціонной и кассационной инстанцій Правительство въ самомъ непродолжительномъ времени приступитъ къ учрежденію таковыхъ, расширивъ, попутно, кругъ дѣлъ, передаваемыхъ на разсмотрѣніе присяжныхъ засѣдателей.

Въ виду переобремененія мѣстныхъ судебныхъ установлений заявленіями и жалобами на преступныя дѣянія, учиненныя въ послѣдній періодъ революціи и по характеру своему зачастую не квалифицируемыя общими нормами Уложения о наказаніяхъ, для разслѣдованія таковыхъ преступленій, совершенныхъ за время съ 25 октября 1917 года, будутъ созданы особыя слѣдственные комиссіи подъ предсѣдательствомъ лица, назначеннаго Правительствомъ, въ составѣ судебного слѣдователя и представителя земской управы. Лица, переданныя суду этими комиссіями, будутъ судимы военно-окружнымъ судомъ съ примѣненіемъ законовъ военного времени. Означенному суду подлежатъ виновные въ преступленіяхъ противъ личности и собственности, совершенныхъ до дня обнародованія настоящей деклараціи и въ попыткахъ ниспроверженія установленной Краевой Власти, при чемъ ответственности подлежатъ не только непосредственные виновники и пособники, но и укрыватели. Послѣдніе подлежатъ тюремному заключенію на срокъ до трехъ лѣтъ. Означенное наказаніе для сельскихъ обществъ замѣняется штрафомъ до 20.000 рублей.

Для огражденія внутренняго порядка и личной безопасности гражданъ милиція будетъ реорганизована на началахъ военной дисциплины.

Гражданами Крыма считаются безъ различія состоянія, религіи и національности лица, къ моменту опубликованія настоящей деклараціи: а) приписанныя къ сословіямъ и обществамъ пяти уездовъ и городовъ Крыма, б) служащіе въ государственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ, в) владѣющія недвижимой собственностью въ предѣлахъ Крыма. Всѣ же остальные лица признаются иностранцами и обязаны имѣть паспорта; въ случаѣ желанія пере-

йти въ число крымскихъ гражданъ они обязаны обратиться въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ.

Государственнымъ флагомъ Крыма признается голубое поле съ гербомъ бывшей Таврической губерніи въ верхнемъ углу около древка. Государственнымъ гербомъ Крыма признается гербъ бывшей Таврической губерніи.

Мѣстопробываніемъ Краевого Правительства будетъ гор. Симферополь.

Правительство признаетъ счисленіе по старому и по новому стилямъ одновременно.

Для разрѣшенія вопроса о пользованіи старой или новой русской орфографіей Правительство созываетъ до начала предстоящаго учебнаго года съѣздъ представителей учебныхъ заведеній.

Краевое Правительство завѣряетъ населеніе Крыма, что оно будетъ свято и ненарушимо соблюдать всѣ начала, имъ провозглашенныя, а работа его будетъ носить строго дѣловой характеръ.

Краевое Правительство сочло своимъ нравственнымъ долгомъ принять на себя тяжкое бремя власти надъ Крымомъ во имя спасенія его отъ окончательнаго распада, анархіи и обнищанія и во имя необходимой защиты его интересовъ среди создаваемаго тяжелаго международнаго положенія.

Премьеръ-Министръ и Министръ Внутреннихъ, Военныхъ и Морскихъ Дѣлъ
Сулейман Сулькевичъ.
Заступающій Министра Внутреннихъ Дѣлъ, Товарищъ Министра
Князь **Сергій Горчаковъ.**
Министръ Земледѣлія, Краевыхъ Имуществъ и Снабженій
Томасъ Раппъ.

Министръ Иностранныхъ Дѣлъ
Джаферъ Сейдаметъ.
Краевой Контролеръ и Краевой Секретарь и временно Управляющій Министерствомъ Исповѣданій и Народнаго Просвѣщенія
Владимиръ Налбандовъ.
Министръ Путей Сообщенія, Общественныхъ работъ, Почтъ и Телеграфовъ
Левъ Фриманъ.
Министръ Финансовъ, Промышленности, Торговли и Труда и временно Управляющій Министерствомъ Юстиціи
Графъ **Владимиръ Татищевъ.**

г. Симферополь

12/25 іюня 1918 г.

Съ подлиннымъ вѣрно:

Вр. и. о. Ѳеодосійскаго Уѣзднаго комиссара Полковникъ: Біакай.

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

Декларация Крымскаго Правительства, сформированнаго согласно резолюціи Краевого Съѣзда Губернскихъ Гласныхъ отъ 18 октября 1918 г., съ дополненіями отъ 10 ноября т. г. Къ населенію Крыма.

Объявляю во всеобщее свѣдѣніе, что согласно избранія Краевого Съѣзда Губернскихъ Гласныхъ, представителей городскихъ, уѣздныхъ и волостныхъ земствъ, я принялъ на себя исполненіе обязанностей Предсѣдателя Совѣта Министровъ Крымскаго Правительства.

Предсѣдатель Совѣта Министровъ
Крымъ.

Крымское Краевое Правительство, слѣдуя призыву Земства, принимаетъ власть въ тяжелую и ответственную историческую минуту.

Наступаетъ конецъ міровой войны, но нѣтъ единой великой Россіи, образовавшейся въ теченіе тысячелѣтней исторической жизни. Россія распалась на части, и на значительномъ ея пространствѣ преступныя

силы, разжигающія взаимную ненависть и низменное своекорыстіе, продолжают дѣло разрушенія культуры, основъ права, правды и всего человѣческаго общежитія.

Въ такихъ условіяхъ первымъ патристическимъ долгомъ каждаго гражданина и національной задачей, выше всѣхъ стоящей, Правительство признаетъ стремленіе къ возрожденію единой Россіи.

На этой почвѣ должно послѣдовать воссоединеніе всѣхъ уже возникшихъ нынѣ, еще между собою разобщенныхъ и разрозненныхъ государственныхъ образований. И поскольку распадъ и гибель Россіи были слѣдствиемъ анархіи и разнузданія дикихъ страстей, постольку возрожденіе великой Россіи не можетъ быть достигнуто безъ установленія во всѣхъ ея частяхъ законности, права и на нихъ основанныхъ порядка и свободы. Къ этому должны быть направлены усилія всѣхъ.

Подъ единой Россіей Правительство разумѣетъ не старую бюрократическую, централизованную Россію, основанную на подавленіи и угнетеніи отдѣльныхъ народностей, а свободное демократическое государство, въ которомъ будутъ обеспечены права на самобытную культуру всѣхъ національностей, его населяющихъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Правительство убѣждено, что обеспеченіе благополучія и процвѣтаніе всѣхъ народовъ, населяющихъ Россію, ни въ коемъ случаѣ не можетъ быть построено на отрицаніи единой Россіи, на ея ослабленіи и на стремленіи къ отторженію отъ нея.

Въ настоящее время наибольшей угрозой возстановленію нормальной жизни въ Крыму, какъ и во всей Россіи, являются тѣ разлагающія силы анархіи, которыя довели нашу родину и нашъ край до теперешняго бѣдственнаго положенія.

Правительство призываетъ все населеніе помочь ему въ его борьбѣ съ этими злѣйшими врагами права и свободы. Въ этой борьбѣ Правительство не остановится передъ самыми рѣшительными мѣрами

и воспользуется какъ всѣми средствами, имѣющимися въ его распоряженіи, такъ и готовой ему содѣйствовать военной силой.

Правительство общественныхъ дѣтелей должно быть въ общеніи съ населеніемъ. Оно должно опираться на широкіе круги населенія и пользоваться его довѣріемъ.

Въ виду этого, впредь до созыва Сейма, Правительство будетъ созывать Краевой Съѣздъ Губернскихъ Гласныхъ и Представителей Уѣздныхъ Земскихъ Управъ и Городскихъ Головъ, которому будетъ давать краткій отчетъ о своей дѣятельности, и который будетъ знакомить его съ состояніемъ Края. На утвержденіе этого же Съѣзда Правительство представитъ 7 декабря уже разрабатываемое Положеніе о Краевомъ Сеймѣ и избирательный законъ и предоставитъ ему опредѣлить срокъ созыва Сейма.

Руководствуясь въ своей законодательной и административной дѣятельности резолюціей Краевого Съѣзда Губернскихъ Гласныхъ отъ 18 октября с. г., съ дополненіями отъ 10 ноября, Правительство поставитъ себѣ задачей обезпечить продовольственныя нужды населенія и экономическій подъемъ нашего Края. Правительство почтетъ своимъ долгомъ обезпечить интересы всѣхъ національностей Крыма. Въ частности, оно озаботится удовлетвореніемъ справедливыхъ стремленій и законныхъ интересовъ многочисленной татарской части населенія.

Правительство не скрываетъ отъ себя всей трудности предстоящей ему задачи. Правительство отдастъ этой задачѣ всѣ свои силы. Обращаясь ко всѣмъ гражданамъ, оно ждетъ отъ нихъ поддержки и помощи.

Пусть умолкнутъ гибельные призыва къ дикой враждѣ, ненависти и взаимному истребленію.

Пусть тревога, страхъ, неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ исчезнутъ и да объединятся всѣ въ одномъ высокомъ стремленіи послужить великому и святому дѣлу спасенія и возрожденія нашей общей родины.

ПАМЯТЬ

О. И. Малиновская

Воинские захоронения периода Первой мировой войны в Севастополе

Севастополь часто называют городом двух оборон, забывая о том, что моряки-черноморцы и воины севастопольского гарнизона в той или иной мере принимали участие почти во всех военных конфликтах Российской империи. И если многочисленные русско-турецкие войны кажутся многим делами давно минувших дней, то события Первой мировой войны от нас отделяет столетие. Однако говоря о воинских захоронениях того периода, мы вынуждены констатировать, что сведения о них весьма скупы. Последовавшие бурные события русских революций 1917 года, Гражданской и Великой Отечественной войн заслонили годы Первой мировой. В советский период значительная часть памятников на старых городских и мемориальных кладбищах была утрачена. Уничтожались не только надгробия, но и сами некрополи. В конце 1970-х — начале 1980-х годов руководством города было принято решение о строительстве на месте мемориального Михайловского кладбища на Северной стороне большого жилого массива. Почти полностью оказалось под отвалами породы из карьера Балаклавского рудоуправления старое городское кладбище Балаклавы, засыпано кладбище в Доковом овраге. К настоящему времени из всех дореволюционных городских некрополей сохранилось лишь старое севастопольское городское кладбище на улице Пожарова. В 1990-х годах проводилось его обследование сотрудниками Музея героической обороны и освобождения Севастополя, однако результаты этой большой и кропотливой работы опубликованы не были. Краткий перечень воинских захоронений участников Первой мировой войны содержится в работах севастопольского историка В. Г. Шавшина [99, с. 294–296; 100, с. 118–120; 101, с. 226–230]. Надгробия воинов, перенесённые на Братское кладбище периода Крымской войны после разрушения Михайловского кладбища, упоминаются в работе Е. В. Веникеева [5, с. 92–94]. Ряд эпитафий на памятниках участникам Первой мировой войны, похороненных на кладбищах Севастополя, приведены в статьях севастопольских историков и краеведов [51, с. 399–404; 52, с. 331–334; 44, с. 409–418; 17, с. 95]. О захоронениях военных на городских кладбищах упоминается в сборнике документов из фондов Госархива города Севастополя о событиях на Черноморском флоте и в Севастополе в конце 1917 — начале 1918 года [4].

В настоящей работе мы постарались систематизировать разрозненные сведения о воинских захоронениях в Севастополе этого периода, полученные из литературы

и архивных источников. Использовались также материалы собственных полевых обследований старого городского кладбища, проведённых в 2007–2013 годах. Временные рамки захоронений охватывают период с 1 августа 1914 года (дата официального вступления в войну) по 3 марта 1918 года, когда после подписания секретного мирного договора в Брест-Литовске Советская Россия вышла из войны.

Первая мировая война стала военным конфликтом нового типа. Его тотальный характер требовал вовлечения в войну всего населения воюющих стран и напряжения всех военных, экономических и моральных ресурсов государств. Страны-участницы потеряли убитыми более 10 миллиона солдат и около 12 миллиона мирных жителей. По самым скромным оценкам специалистов, безвозвратные потери русской действующей армии (с учётом небоевых потерь) в период 1914–1918 годов превысили 1,8 миллиона человек. Численность убитых и пропавших без вести на флоте составила 3 тысячи человек [86].

В архивах Севастополя и Крыма, к сожалению, не сохранились метрические книги севастопольского Адмиралтейского Николаевского собора и полковых церквей второй половины XIX — начала XX века, где в основном регистрировались смерти военнослужащих. Лишь недавно у исследователей появился доступ к коллекции отсканированных метрических книг из фондов Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга, но и они ограничены 1916 годом. В этих условиях особое значение приобретают сообщения о захоронениях в Севастополе участников войны, публиковавшиеся в местной периодической печати.

С началом боевых действий информация об убитых и раненых на фронтах концентрировалась в особом отделении Главного штаба по сбору сведений о потерях в действующих армиях. Полученные данные публиковались в газете «Русский инвалид», откуда перепечатывались такими изданиями, как «Разведчик», «Русское слово» и др. В иллюстрированных журналах «Нива», «Новое время», «Искры» и других помещались фотографии убитых и раненых воинов.

Ещё 12 августа 1914 года было разрешено за счёт военного ведомства перевозить на родину, по просьбам ближайших родственников, по железным дорогам тела убитых, умерших от ран и болезней офицерских и классовых чинов военного и морского ведомств. Для этого родным следовало направлять ходатайства в отдел военных сообщений главного управления Генерального штаба [54, с. 632]. Но большинство погибших, которое составляли нижние чины, навсегда остались лежать на чужбине. «Именные списки убитым, раненым и без вести пропавшим нижним чинам» рассылались начальникам губерний и областей для публикации в губернских ведомостях. Сведения об отдельных лицах помещались в местных газетах.

В Севастополе роль общего воинского некрополя в конце XIX — начале XX века играло Михайловское военное кладбище на Северной стороне¹, примыкавшее к южной стене старого Михайловского кладбища. Судя по записям в метрических книгах, оно начало действовать в конце 1897 года. Именно здесь производились первые братские и индивидуальные воинские захоронения погибших в Первой мировой войне.

¹ В метрических книгах разных церквей оно называлось по-разному: «Михайловское военное кладбище», «Новое военное кладбище», «Новое Михайловское кладбище», «Новое артиллерийское кладбище», «Михайловское артиллерийское кладбище», «Северное военное кладбище», «Северо-Севастопольское гарнизонное кладбище». У горожан оба некрополя (старый и новый) ассоциировались с Михайловским кладбищем.

Михайловское (1) и Севастопольское
гарнизонное кладбища. 1942

В Севастополе, как и по всей России, всеобщая мобилизация началась 18 июля 1914 года. 1 августа последовало объявление Германией войны России. С началом боевых действий на фронт были отправлены дислоцировавшиеся в Севастополе 49-й Брестский и 50-й Белостокский пехотные полки 13-й пехотной дивизии и 13-я артиллерийская бригада. Вскоре на страницах центральных газет стали появляться сообщения о первых погибших.

Но настоящая война пришла в город вместе с «Севастопольской побудкой» 16 октября 1914 года, когда в 6 ч. 33 мин. крейсер «Гебен» открыл огонь по главной базе ЧФ. 20-минутный обстрел Севастопольского рейда оказался не столь успешным, как ожидал противник. В сообщении Морского генерального штаба отмечалось, что «несколько снарядов попало в город, не причинив значительных повреждений и не вызвав жертв в людях, один снаряд попал в угольные склады, другой

ударил в полотно железной дороги, и один, разорвавшись около здания морского госпиталя, осколками убил двух больных и ранил восемь нижних чинов» [46].

Были погибшие и на 16-й батарее имени генерала Хрулёва, расположенной между деревней Учкучевка и устьем реки Бельбек. Согласно рапорту коменданта Севастопольской крепости генерал-лейтенанта А. Н. Ананьина, при обстреле «Гебеном» батареи на ней внутренним взрывом было разрушено одно из четырёх 10-дюймовых орудий образца 1895 года, убито шесть и ранено 11 нижних чинов, из которых один умер от ран [13, с. 181]. Однако в метрической книге Братского кладбища «убитыми при защите Севастополя» в этот день значатся восемь военнослужащих 5-й роты Севастопольской крепостной артиллерии: младший фейерверкер Фёдор Авраамович Омельчак (27 лет); бомбардиры: Семён Трофимович Подлубный (22 года), Степинский Иосиф Фёдорович (22 года), Георгий Дмитриевич Узун (23 года); канониры: Конон Григорьевич Борзенко (32 года), Карп Ульянович Гапонов (21 год), Андрей Дионисьевич Кожухарь (23 года), Яков Семёнович Ладный (21 год) [89, л. 271 об. – 275]. Все они были похоронены 18 октября 1914 года на Михайловском военном кладбище.

В тот же день произошла встреча «Гебена» и двух турецких миноносцев с дозорными эскадренными миноносцами «Лейтенант Пущин», «Жаркий», «Живу-

чий», вышедшими на соединение с минным заградителем «Прут», возвращавшимся из Ялты в Севастополь с 710 минами на борту. В ходе боя, после залпов орудий «Гебена», на «Лейтенанте Пущине» вспыхнул пожар, вышла из строя вся прислуга подачи снарядов носового орудия, пострадали находившиеся на мостике сигнальщики, были разбиты штурманская рубка и привод штурвала [87, с. 339].

Экипаж минного заградителя «Прут», на который после выхода из боя эскадренного миноносца «Лейтенант Пущин» был сосредоточен огонь «Гебена», вынужден открыть кингстоны и подорвать днище корабля.

На «Пруте» погибли минный офицер лейтенант Александр Владиславович Рогуский, 1-й вахтенный начальник мичман Константин Сергеевич Смирнов, боцман Колюжный, 25 матросов и судовой священник, иеромонах отец Антоний (Василий Смирнов) [3, с. 134–140; 41, с. 28–30]. Могилой всем им, по-видимому, стало море, поскольку сбором тел погибших заниматься было некому. Часть моряков «Прута» была снята со шлюпок немцами и попала в плен. Часть экипажа на переполненных до предела шлюпках ушла на вёслах к берегу, где была встречена госпитальным судном «Колхида». Оставшиеся в воде 36 человек были подобраны подводной лодкой «Судак» и отбуксированы на шлюпке в Севастополь [12, с. 117–118].

Погибших на эскадренном миноносце «Лейтенант Пущин» моряков похоронили на Михайловском кладбище. Позднее здесь установили памятник в виде скалы из диорита с эпитафией: «Памяти нижних чинов / эскадренного миноносца / «Лейтенант Пущин» / доблестно погибших в бою / во время атаки 3-х миноносцев IV дивизиона / на германо-турецкий крейсер «Гебен» / в 7 <...> утра 16 октября 1914 года. / Убиты и покоятся здесь: / коцегарь II статьи Никифор Цуркань / сигнальщик Адольф Велижинский / матрос I ст. Леонтий Литвинов / « I ст. Иван Барань / « II ст. Карп Щербина. / Пропали во время боя без вёсти (утонули): / сигн. боцманмат Кондрат Данюкь / матрос I ст. Поликарп Пустовить».

Противостояние с «Гебеном» продолжилось в бою у мыса Сарыч 5 ноября 1914 года. Главная роль в артиллерийской дуэли была уготована линкору «Евстафий». На него же пришёлся и основной удар орудий «Гебена».

Во время боя на «Евстафии» было убито четыре офицера: лейтенант Евгений Александрович Мязговский, мичманы Николай Владимирович Эйлер, Сергей Аполлонович Григоренко², Николай Николаевич Семёнов и 29 матросов. Ещё 24 матроса были ранены, из них 19 — тяжело [41, с. 48–49; 87, с. 351; 6, с. 1–20]. Командир батареи не стрелявшего борта «Евстафия» мичман Николай Павлович Гнилосыров, раненый в 16-м каземате осколком от разрыва на противоположном борту снаряда из 4-го зала «Гебена» [60, л. 52–54], скончался в Севастопольском морском госпитале 6 ноября 1914 года [88, л. 82 об. – 83].

На Михайловском кладбище 8 ноября состоялись торжественные похороны погибших. Погребальная процессия при большом стечении народа двинулась от Никольского собора по Екатерининской улице к Графской пристани, а оттуда — на Северную сторону.

² Согласно записи в метрической книге Адмиралтейского Николаевского собора, мичман С. А. Григоренко скончался от ран, полученных в бою 6 ноября 1914 г. [88, л. 82 об. – 83].

*Похороны моряков линкора «Евстафий».
Севастополь, улица Екатерининская*

бище». В 2007 году, во время полевых обследований старого сева­стопольского городского кладбища, была выявлена надпись над входом в погребальную камеру безымянного разорённого склепа, расположенного на центральной аллее кладбища: «Миръ праху твоему павший смертью героя / в бою на корабль Евстафій». Надпись вырезана на полированной мраморной плите (повреждена). На ней же, по­видимому, располагалась металлическая накладная табличка с фамилией погибше­го, от которой остались лишь крепёжные отверстия. Сложенный из крымбальского камня склеп украшен барельефными изображениями георгиевских крестов. Можно

*Склеп Гнилосыровых на старом
севастопольском городском кладбище. 2010 г.*

После заупокойной литур­гии в Адмиралтейском Нико­лаевском соборе тела двух по­гибших в этом бою офицеров: лейтенанта Е. А. Мязговского и мичмана С. А. Григорен­ко — в тот же день были от­правлены в Николаев [11, с. 197–198]. Останки мичма­на Семёнова отправлены для погребения в Воронеж, а мичма­на Эйлера — в Петроград³ [65, с. 2; 88, л. 81 об. – 82].

В метрической книге Ад­миралтейского Николаевского собора записано о захороне­нии мичмана Н. П. Гнилосыро­ва на «общем городском клад­

бище». В 2007 году, во время полевых обследований старого сева­стопольского городского кладбища, была выявлена надпись над входом в погребальную камеру безымянного разорённого склепа, расположенного на центральной аллее кладбища: «Миръ праху твоему павший смертью героя / в бою на корабль Евстафій». Надпись вырезана на полированной мраморной плите (повреждена). На ней же, по­видимому, располагалась металлическая накладная табличка с фамилией погибше­го, от которой остались лишь крепёжные отверстия. Сложенный из крымбальского камня склеп украшен барельефными изображениями георгиевских крестов. Можно утверждать, что в склепе был похоро­нен мичман Н. П. Гнилосыров. Семья Гнилосыровых с конца XIX века проживала в Севастополе. Его отец, Павел Фёдорович Гнилосыров, слу­жил помощником агента РОПиТ, затем бухгалтером городской управы, а в 1911 году, после 15 лет службы, вышел по болезни в отставку. Он лишь на год пережил сына, скончался 16 ноября 1915 года и был похоро­нен на городском кладбище [26, с. 1]. В Севастополе у мичмана Гнилосыро­ва остались мать и жена.

В 1915 году на Михайловском кладбище в одной ограде с братской

³ В метрической книге ошибочно записано, что тело мичмана Эйлера отправлено в Воронеж, а мичмана Семёнова — в Варшаву.

могилой моряков «Евстафия» похоронили скоропо­стижно скончавшегося 23 марта командира корабля капитана 1-го ранга Валерия Ивановича Галанина. По ходатайству командующего Черноморским фло­том А. А. Эбергарда, учитывая заслуги покойного и его большую семью, оставшуюся без кормильца, В. И. Галанину уже посмертно было присвоено зва­ние контр-адмирала. Памятник на его могиле был соору­жён на собранные средства, а оставшуюся сумму решено было потратить на надгробие ниж­ним чинам, погибшим в бою с «Гебеном». Однако этот проект так и не осуществился. При застройке в 1980-х годах Михайловского кладбища надгробие В. И. Галанину и памятник с братской могилы эки­пажа эскадренного миноносца «Лейтенант Пущин» без перезахоронения останков были перенесены на Братское кладбище воинов Крымской войны.

Утраченными оказались и захоронения матросов, погибших при взрыве линейного корабля «Импера­трица Мария» 7 октября 1916 года. Моряков хоро­нили партиями, могил было, по-видимому, несколь­ко. В разных источниках приводится различное количество погребённых [2, с. 412; 10, с. 173]. Од­нако в заключении комиссии по делу о гибели линкора указано, что из экипажа ко­рабля погибли: инженер-механик мичман Игнатъев, два кондуктора и 223 нижних чина. Из числа спасённых в госпитале скончались от ран и ожогов ещё 82 человека [10, с. 175–176]. Это была трагедия не только для флота, но и для всего Севастопо­ля. Капитан 2-го ранга А. П. Лукин так описывал прощание с погибшими моря­ками: «Похороны были потрясающими. Провожал весь город. Гудели колокола всех церквей. Гробы утопали в цветах». Даёт он и описание памятника на Михайловском кладбище: «На северном бе­регу большого рейда вы­сится одинокий курган. Над ним, обращённый к морю — огромный, видимый изда­лека, деревянный крест «Братская могила «Императрицы Марии» [42, с. 72]. Увы, сегодня ничто в Севастопо­ле не напоминает о полной героизма и самопожертвова­ния борьбе моряков за жизнь корабля и своих товарищей.

*Мичман Николай Павлович
Гнилосыров*

*Михайловское кладбище. Панихида у памятника
капитану В. И. Галанину на братской могиле
экипажа линкора «Евстафий». 1916 г.*

12 апреля 1916 года, во время эскортирования линкора «Императрица Мария», на траверзе бухты Камышовой подорвался на mine, выставленной германской подводной лодкой, эскадренный миноносец «Живучий». Переломившийся пополам корабль почти сразу затонул. Из 65 человек команды смогли спастись только 37. В результате взрыва, произошедшего под котлами, погибли все кочегары и почти вся машинная команда. Из пяти офицеров погибли трое: лейтенант Игорь Евгеньевич Иванов, мичман Алексей Сергеевич Богоявленский и лейтенант Александр Иванович Гнилосыров. Последний, вместе с двумя матросами, скончался от ран в Севастопольском морском госпитале. Похоронили моряков с «Живучего» 15 апреля также на Михайловском военном кладбище [94, л. 386 об. – 887].

12 августа 1916 года эскадренный миноносец «Поспешный», участвовавший в операции по бомбардировке Варны гидросамолётами, при возвращении в Севастополь подвергся атаке самолётов противника, получив повреждения палубы и дымовой трубы. При этом, 8 человек погибли, 20 получили ранения. Шестеро из скончавшихся были похоронены на Михайловском военном кладбище [94, л. 390 об. – 392]. Но погребали на севастопольских кладбищах не только военных моряков.

В 1915 году русский театр военных действий оказался главным театром мировой войны. Уже к концу 1914 года стало ясно, что война, на скорое и победоносное завершение которой многие в России надеялись, приняла затяжной характер. Позиционные бои уносили всё новые и новые жизни. На страницах севастопольской газеты «Крымский вестник» всё чаще появлялись объявления о гибели воинов.

На городском кладбище 6 сентября 1914 года состоялись похороны убитого на фронте полковника 55-го Подольского пехотного полка Александра Ивановича Карташёва, служившего до войны в 49-м пехотном Брестском полку.

В далёкой Франции погиб ушедший на фронт добровольцем студент медицинского университета Филипп Яковлевич Цвибак, сын известного севастопольского зубного врача Я. М. Цвибака [20, с. 1]. Панихида о нём была отслужена в севастопольской синагоге.

31 мая 1915 года газета сообщила о гибели в бою уроженца Севастополя подполковника Всеволода Дмитриевича Писаревского, гроб с телом которого должен был прибыть в Севастополь для погребения [20, с. 1, 3]. В. Д. Писаревский родился в Севастополе, долгое время служил в 50-м пехотном Белостокском полку, был участником Русско-японской войны. Выйдя в отставку, проживал в городе вместе с престарелыми родителями, братом и сёстрами. С началом Первой мировой войны он вновь поступил на службу и был зачислен в пехотный полк. После ранения в апреле 1915 года Всеволод Дмитриевич находился на излечении в севастопольском госпитале Красного Креста, но, едва оправившись от ран, вновь вернулся на фронт.

Первого мая 1915 года на севастопольском городском кладбище состоялась похороны поручика Василия Ивановича Жегалова, скончавшегося 17 мая в варшавском лазарете от полученной в бою раны. Воспитанник Константиновского реального училища он перешёл в 5-й класс гимназии в Бердянске, после окончания которой поступил в Одесское военное училище. Службу в армии начал в стрелковом полку, в котором семь месяцев воевал на германском фронте, командуя ротой [21, с. 3].

На городском кладбище сохранился фамильный склеп Василькиоти. Над ним установлен памятник жене севастопольского священника Митрофана Никифо-

ровича Василькиоти — Ольге Фёдоровне (1850–09.02.1911) и их сыну с эпитафией: «Капитан / 50 Бѣлостокского полка / Пётр Митрофановичъ / Василькиоти / Убитъ въ бою / въ Карпатахъ / 4 Апрелья 1915 г. / на 41 году».

В годы войны в Севастополе были развёрнуты 1-й и 2-й крепостные временные госпитали. Скончавшихся от болезней военнослужащих из 1-го крепостного госпиталя хоронили на Михайловском военном, из 2-го — на городском кладбище. Умерших в севастопольском морском госпитале погребали на кладбище Корабельной стороны (в Доковом овраге) и на городском кладбище. Наряду с этим в городе действовало несколько госпиталей и лазаретов Севастопольского отделения РОКК.

Число потерь русской армии оказалось столь велико, что в масштабах страны встал вопрос о создании в крупных городах особых кладбищ или выделении отдельных участков на старых некрополях для захоронения погибших на полях Первой мировой войны, а также скончавшихся в больницах и лазаретах воинов.

Деятельность по созданию таких мемориальных кладбищ была возложена на организованное в апреле 1915 года Всероссийское общество памяти воинов русской армии, павших в войну 1914–1915 годов с Германией, Австрией и Турцией. Общество собирало сведения об устройстве в городах братских кладбищ, интересовалось вопросами их содержания, порядком регистрации погребаемых на них воинов, а также местами захоронения участников войны в городах, не имеющих братских кладбищ.

Александровский комитет о раненых, занимавшийся оказанием помощи военнослужащим-инвалидам и семьям погибших или умерших от ран, высказывался за сооружение часовен, крестов, памятников для увековечивания памяти о жертвах войны [11, с. 193].

В 1915 году на севастопольском городском кладбище была построена часовня, освященная во имя архистратига Михаила. Под ней располагались 36 склепов, встроженных в западный склон Кладбищенской балки. Можно лишь предположить, что часовня со столь большим количеством склепов могла предназначаться для погибших воинов, поскольку проект её, выполненный городским архитектором Чистовым, был разработан ещё в 1912 году [43, с. 39–40]. К тому же на территории кладбища сохранилось несколько отдельных воинских захоронений 1915–1916 годов.

Особую группу погибших составляли авиаторы. В гарнизон Севастополя входили авиационные и воздухоплавательные части, а также Севастопольская школа авиации. Несовершенство авиационной техники, недостаток опыта у пилотов зачастую приводили к гибели лётчиков и членов экипажа не только в ходе боевых действий, но и в авиакатастрофах. Захоронения совершались как на Михайловском военном, так и на городском кладбище. Так, известно о погребении на последнем военных лётчиков мичманов Б. Д. Светухина, Н. Я. Цывинского и авиационного механика С. А. Починка. Надгробные памятники не сохранились, но могила Б. Д. Светухина локализуется по дореволюционной фотографии рядом с сохранившимся надгробием экипажа подводной лодки «Камбала». Для остальных захоронений можно лишь примерно указать район некрополя, где погребали лётчиков и в более позднее время. Фрагмент клёпаной латунной окантовки четырёхлопастного винта, использовавшегося в качестве надгробного памятника авиаторам, был обнаружен в костре при обследовании старого городского кладбища в апреле 2010 года. Захоронения авиаторов на Михайловском военном кладбище полно-

стью утрачены. Единственное сохранившееся надгробие в виде винта находится ныне в экспозиции Музея героической обороны и освобождения Севастополя.

В ноябре 1915 года в ответ на циркулярное письмо представителя Всероссийского общества памяти воинов русской армии генерал-адъютанта Н. В. Рузского севастопольский градоначальник контр-адмирал С. И. Бурлей предложил на заседании Севастопольской городской думы рассмотреть вопрос о создании братских кладбищ в Севастополе и Балаклаве [36, с. 4]. Мы не знаем, какой вердикт вынесла Севастопольская городская дума. Вероятно, захоронения погибших на фронтах Первой мировой войны продолжались на Михайловском военном и севастопольском городском кладбищах. Балаклавское же городское управление в декабре 1916 года постановило устроить в Балаклаве братское кладбище для умерших от ран и болезней воинов. Для этого в северо-западной части городского кладбища Балаклавы было отведено место на 30–40 могил. Наблюдение за кладбищем и регистрация погребённых воинов были поручены балаклавскому кладбищенскому комитету, которому для этой цели на первое время выделялось 50 рублей [38, с. 4]. Выяснить, удалось ли реализовать это постановление, не представляется возможным, поскольку от старого балаклавского кладбища почти ничего не осталось.

Отдельные захоронения участников Первой мировой войны совершались и на других кладбищах города. Так, 30 ноября 1915 года на кладбище Херсонесского монастыря рядом со своей матерью был похоронен скончавшийся от воспаления лёгких капитан 1-го ранга Сергей Александрович Берх (12.11.1874 — 27.11.1915) [92, л. 152 об. — 153; 27, с. 3]. Участник Русско-японской войны (был ранен в бою на крейсере «Рюрик»), с началом Первой мировой он 11 августа 1914 года поступил из отставки на службу и был зачислен в Черноморский флотский экипаж помощником начальника охраны рейда. Командуя миноносцем, С. А. Берх совершил около 10 боевых походов для обстрела побережья Турции и уничтожения турецких судов, участвовал в боях с германо-турецкими крейсерами «Бреслау» и «Гебен».

Лиц магометанского вероисповедания хоронили на мусульманском кладбище, организованном в 1905 году рядом с комплексом караимского и еврейского кладбищ. Некрополь был закрыт и пущен под застройку после депортации в 1944 году крымских татар.

Первая мировая война стала катализатором многих социально-экономических процессов и неразрешённых противоречий, накопившихся в Российской империи, что закономерно привело к двум революциям 1917 года. Процессы демократизации Черноморского флота, начавшиеся после Февральской революции, спровоцировали катастрофическое падение в войсках дисциплины и рост негативного отношения к офицерам. 7 июня 1917 года в Севастополе, по решению делегатского собрания матросов, солдат, офицеров и рабочих, были обезоружены все офицеры армии и флота. Пятеро, отказавшиеся сдать оружие, арестованы, адмирал Колчак демонстративно выбросил своё оружие в море [81, с. 40].

30 ноября 1917 года в Сулине (Румыния) при попытке ареста был убит командой Западного района Службы связи Чёрного моря начальник района лейтенант Александр Митрофанович Скаловский. По просьбе родных тело для погребения было доставлено в Севастополь на пароходе «Витязь» [62, л. 18].

Не имея возможности подробно остановиться на особенностях сложной, постоянно меняющейся внутривойсковой обстановки в Севастополе того времени, отметим, что перекалывать всю вину за события декабря 1917 — февраля 1918 года исключительно на большевиков было бы неправомерно. Этому противоречат сохранившиеся документы. С самого начала командование Черноморского флота и эсэро-меньшевистское большинство Севастопольского совета категорически выступали против отправки матросских отрядов на борьбу с контрреволюционными выступлениями. В то же время 10 декабря 1917 года в город были доставлены тела 18 красногвардейцев, убитых в боях с контрреволюционными войсками Корнилова под Белгородом [81, с. 115].

В начале декабря 1917 года стали поступать сведения о разгроме на Дону матросских отрядов, направленных на борьбу с контрреволюционным выступлением А. М. Каледина. А вскоре в Севастополе хоронили 56 матросов и рабочих, убитых в боях под станцией Тихорецкой. 21 декабря 1917 года на Михайловском военном кладбище состоялись похороны четырёх красногвардейцев, убитых под городом Александровском [81, с. 120]. 14 февраля 1918 в Севастополь привезли тела ещё 27 матросов, павших в борьбе с донской контрреволюцией. На следующий день, 15 февраля, их похоронили на Михайловском кладбище [81, с. 138].

Ослабление воинской дисциплины отрицательно сказывалось на боеспособности флота, повышало аварийность эксплуатации техники. Так, 14 марта 1918 года во время перехода из Одессы в Севастополь на линкоре «Ростислав» произошел взрыв, вызвавший пожар. В результате двое матросов погибли, 11 человек получили ранения. Корабль своим ходом пришёл в Севастополь, умерших похоронили, вероятно, также на Михайловском кладбище [80, с. 150]. Такие случаи ещё более усиливали недоверие к офицерскому составу, провоцировали несанкционированные обыски, аресты и самосуды над офицерами, заподозренными в контрреволюционных настроениях и политической неблагонадёжности.

12 декабря 1917 года за критическое замечание в адрес председателя Севастопольского комитета большевиков Н. И. Островской на палубе эскадренного миноносца «Фидониси» был смертельно ранен выстрелом из винтовки кочегаром Коваленко мичман Н. Н. Скородинский. И это несмотря на то, что последний лояльно относился к новой власти и пользовался авторитетом своей команды [4, с. 47; 18, с. 103].

15 декабря 1917 года на Малаховом кургане без суда и следствия были расстреляны офицеры миноносца «Гаджибей». Тогда же убили ещё 23 человек, подозреваемых в контрреволюционной деятельности.

Если в дни Февральской революции 1917 года в Севастополе удалось не допустить кровавых расправ, то события февраля 1918-го, получившие название «варфоломеевские ночи», стали одной из трагических страниц братоубийственной Гражданской войны. Основной удар анархистствующих матросов был направлен на офицерский корпус и состоятельных граждан города. Число жертв до сих пор окончательно не установлено. Родственникам очень немногих убитых в те дни удалось похоронить их на городском кладбище. Тела большинства погибших были погружены на баржу и затоплены в море. Подобную практику попытался остановить срочно организованный 16 декабря, в связи с кризисом власти в городе, Севастопольский военно-революционный комитет, но было уже поздно [4, с. 59, 124; 102, с. 70].

До наших дней на старом городском кладбище сохранилось единственное захоронение этого периода, принадлежащее капитану 1-го ранга Алексею Александровичу Антонову. Севастопольский исследователь В. В. Крестьянников писал, что А. А. Антонов был расстрелян во дворе тюрьмы вместе со второй группой арестованных офицеров в четыре часа утра 23 февраля 1918 года. При этом он ссылался на воспоминания находившегося в заключении В. А. Лидзаря. Однако в опубликованной в том же сборнике статье В. А. Лидзаря об Антонове не упоминается [22, с. 11, 123]. В то же время, по воспоминаниям родных, А. А. Антонов был расстрелян анархистствующими матросами в ночь с 23 на 24 февраля 1918 года. Во время облавы ему дважды удавалось спрятаться на террасе дома № 14 на Ушаковой улице, где жила семья Антоновых. Но когда матросы стали угрожать расправой жене с тремя малолетними детьми, он сдался и был убит тут же, рядом с домом. Об этом наутро его жене, Марии Михайловне Антоновой, сообщили соседи. Удочерённая в 1916 года семьёй Антоновых Тамара Алексеевна Антонова (Григорьева) с 1938 года до своей гибели в 1988 году проживала в Севастополе. Фотография отца, долгие годы хранившаяся в семейном архиве, была передана в фонды Музея героической обороны и освобождения Севастополя. Памятник на могиле А. А. Антонова и его жены, М. М. Антоновой, был поставлен сыном Т. А. Антоновой — Алексеем Фёдоровичем Соловьёвым. Дату рождения деда он, по-видимому, не знал и указал 1873 год, как у М. М. Антоновой (1873–1952).

О некоторых захоронениях жертв «варфоломеевских ночей» на севастопольском городском кладбище сохранились записи в метрической книге больничной церкви Христа Спасителя, священником которой в те годы служил уже упоминавшийся Митрофан Василькиоти. Так, из участников Первой мировой войны на городском кладбище были похоронены штабс-капитан И. Н. Доценко и лейтенант инженер-механик Е. Г. Томасевич [4, с. 199, 203].

Учитывая большой интерес исследователей к биографическим сведениям об офицерах и классных чинах русской армии и флота, в приложении к статье приведён список 76 участников Первой мировой войны, похороненных в Севастополе (кроме братских захоронений). Из нижних чинов упоминаются члены экипажей самолётов, разбиравшихся в авиационных катастрофах. Четверо из указанных в списке лиц награждены орденом Святого Георгия IV степени, ещё четверо — Георгиевским оружием. В списке приведены также лица, скончавшиеся в период войны от болезней и несчастных случаев. Перечень не полон и ограничен доступными источниками. К настоящему времени лишь тринадцать воинских захоронений периода 1914–1918 годов сохранились на старом севастопольском городском кладбище. Надеемся, что материалы данной статьи в какой-то степени послужат делу увековечения памяти погибших.

Источники и литература

1. Адрес-календарь Севастопольского градоначальства на 1913 год. Севастополь, 1913. 216 с.
2. Боевая летопись русского флота / под ред. Н. В. Новикова. М. : Воениздат, 1948. 490 с.
3. Варнек П. А. Последние минуты минного заградителя «Прут» // Гангут. 1997. № 12-бис. С. 134–140.

4. Варфоломеевские ночи в Севастополе. Декабрь 1917 — февраль 1918 г. : док. и материалы / сост. В. В. Крестьянников, Н. М. Терещук. Севастополь, 2009. 284 с.

5. Веникеев Е. В. Родина — сыновьям. Мемориал Братское кладбище : информ.-метод. материал для членов Общества охраны памятников истории и культуры. Севастополь, 1990. 99 с.

6. Виноградов С. Е. Первое сражение линейных сил в Великой войне: бой у мыса Сарыч 5/18 ноября 1914 г. (новые источники и новое прочтение) // История военного дела : исследования и источники. 2014. Спец. вып. 3 : Военно-морская история (от эпохи Великих географических открытий до Первой мировой войны). Ч. 1. С. 1–20 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.milhist.info/2014/12/26/vinogradov>

7. Военный орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия. Именные списки 1769–1920 : биобиблиограф. справочник / отв. сост. В. М. Шабанов. М. : Русский мир, 2004. 956 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.history-ryazan.ru/taxonomy_menu/1/245/250/791/

8. ГАГС. Ф. 26. Оп. 1. Д. 5.

9. ГАРК. Ф. 142. Оп. 5. Д. 117.

10. Грибовский В. Ю. Российский флот на Чёрном море. Страницы истории. 1696–1924 гг. СПб., 2012. 200 с.

11. Губская Т. Н. Город мраморных ангелов : очерки. Николаев, 2010. 362 с.

12. Гурцак С. П. Гибель минного заградителя «Прут» в Чёрном море в 1914 году // Историческое наследие Крыма. Симферополь, 2014. 250 с.

13. Козлов Д. Ю. «Странная война» в Чёрном море (август — октябрь 1914 года). М., 2009. 223 с.

14. Книга памяти «Черноморский флот в Великой войне 1914–1918 годов» / сост. А. И. Григоров. М. : ООО МИД, 2014. 412 с.

15. Крестьянников В. В. Демократизация Черноморского флота в 1917 г. и события 23 февраля 1918 г. в Севастополе // Севастополь: взгляд в прошлое. Севастополь, 2006. С. 177–199.

16. Крестьянников В. В. Крепость Севастополь во 2-й половине XIX — начале XX в. : статьи разных лет. Севастополь, 2008. 100 с.

17. Крестьянников В. В. Некрополь Херсонесского монастыря // Прошлое Севастополя в архивных документах. Севастополь, 2011. С. 92–95.

18. Кришевский Н. В. Крыму (1916–18 гг.) // Архив Русской Революции : в 22 т. М., 1992. Т. 13. С. 71–124.

19. Крымская Книга Памяти Великой войны 1914–1918 годов / сост. А. И. Григоров. Т. 1. М. : ООО МИД, 2014. 749 с.

20. Крымский вестник. 1915. 31 мая (№ 138).

21. Крымский вестник. 1915. 2 июня (№ 140).

22. Крымский вестник. 1915. 25 июня (№ 163).

23. Крымский вестник. 1915. 8 июля (№ 175).

24. Крымский вестник. 1916. 19 июля (№ 184).

25. Крымский вестник. 1915. 13 нояб. (№ 296).

26. Крымский вестник. 1915. 18 нояб. (№ 301).

27. Крымский вестник. 1915. 3 дек. (№ 315).

28. Крымский вестник. 1915. 5 дек. (№ 317).

29. Крымский вестник. 1916. 25 февр. (№ 51).

30. Крымский вестник. 1916. 6 мая (№ 115).

31. Крымский вестник. 1916. 8 мая (№ 117).

32. Крымский вестник. 1916. 19 июля (№ 184).

33. Крымский вестник. 1916. 17 сент. (№ 239).

34. Крымский вестник. 1916. 7 окт. (№ 258).
35. Крымский вестник. 1916. 24 окт. (№ 274).
36. Крымский вестник. 1916. 19 нояб. (№ 300).
37. Крымский вестник. 1916. 19 дек. (№ 328).
38. Крымский вестник. 1916. 25 дек. (№ 333).
39. Летопись войны 1914–1915 гг. 1915. № 43.
40. Летопись войны 1914–1915–1916 гг. 1915. № 84.
41. *Лукин А. П.* Флот. Русские моряки во время Великой войны и революции. Т. 1 : Париж, 1934. 191 с.
42. *Лукин А. П.* Флот. Русские моряки во время Великой войны и революции. Т. 2 : Париж, 1934. Париж, 1934. 192 с.
43. *Малиновская О. И.* Культурные сооружения старого севастопольского городского кладбища // Тезисы докладов и сообщений XIV Международной конференции по истории религии и религиоведению (Севастополь, 27–31 мая 2012 г.). Севастополь, 2012. С. 39–40.
44. *Малиновская О. И.* Отклик на публикации А. Е. Осташевского // Новый часовой. 2010. № 19–20. С. 409–418.
45. *Нешкин М. С., Шабанов В. М.* Авиаторы — кавалеры ордена Св. Георгия и Георгиевского оружия периода Первой мировой войны 1914–1918 годов : биограф. справочник. М., 2006. 357, [2].
46. Новое время. 1914. 26 окт.
47. Новое время. 1914. 13 дек. (№ 13922).
48. Новое время. 1915. 14 февр. (№ 13983).
49. Новое время. 1915. 13 июня (№ 14100).
50. Новое время. 1915. 4 июля (№ 14121).
51. *Осташевский А. Е.* Севастопольское кладбище на улице Пожарова. Захоронения военных // Новый часовой. 2002. № 13–14. С. 399–404.
52. *Осташевский А. Е.* Севастопольское кладбище на улице Пожарова. Дополнения и исправления // Новый часовой. 2006. № 17–18. С. 331–334.
53. *Павлов, Л. И.* Тебе, Андреевский флаг / А. В. Зернин, Л. И. Павлов, Н. П. Солодков. М. : Вече, 2008. 414 с.
54. Разведчик. 1914. 23 сент. (№ 1247).
55. Разведчик. 1914. 18 нояб. (№ 1255).
56. Разведчик. 1915. 14 апр. (№ 1275).
57. Разведчик. 1915. 25 авг. (№ 1294).
58. Разведчик. 1916. 29 марта (№ 1325).
59. Разведчик. 1916. 27 сент. (№ 1351).
60. РГА ВМФ. Ф. 609. Оп. 1. Д. 385.
61. РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 4. Д. 1921.
62. РГА ВМФ. Ф. 610. Оп. 1. Д. 202.
63. Сведения из послужного списка капитана 1 ранга А. А. Антонова, хранящегося в РГАВМФ, предоставлены Ф. К. Саберовым // Сайт журнала «Кортик». Режим доступа: <http://kortic.borda.ru/?1-4-0-0000096-000-0-1-1391873923>
64. Российский медицинский список, изданный Управлением Главного врачебного инспектора Министерства внутренних дел, на 1914 год. Ч. 8. СПб., 1914. С. 1–558.
65. Русская Ривьера. 1914. 11 нояб. (№ 254).
66. Русское слово. 1914. 18 янв. (№ 266).
67. Русское слово. 1915. 11 янв. (№ 8).
68. Русское слово. 1915. 24 февр. (№ 44).
69. Русское слово. 1915, 18 марта (№ 63).
70. Русское слово. 1915. 1 апр. (№ 73).

71. Русское слово. 1915. 7 апр. (№ 78).
72. Русское слово. 1915. 15 апр. (№ 83).
73. Русское слово. 1915. 21 апр. (№ 90).
74. Русское слово. 1915. 29 апр. (№ 97).
75. Русское слово. 1915. 13 мая (№ 108).
76. Русское слово. 1915. 18 мая (№ 113).
77. Русское слово. 1915. 19 июля (№ 166).
78. Русское слово. 1915. 23 июля (№ 169).
79. Русское слово. 1915. 30 июля (№ 175).
80. Русское слово. 1915. 30 сент. (№ 223).
81. Севастополь: хроника революций и гражданской войны 1917–1920 гг. / сост., науч. ред. и коммент. В. В. Крестьянникова. Симферополь, 2005. 294 с.
82. Список капитанам армейской пехоты по старшинству. Составлен по 1-е ноября 1910 г. СПб., 1911. 1663 с.
83. Список личного состава судов флота, строевых и административных учреждений морского ведомства / Изд. стат. отд-ния Глав. Мор. Штаба январское 1914 года. СПб., 1914.
84. Список подполковникам по старшинству. Ч. I, II и III. Составлен по 15-е мая 1913 г. СПб., 1913. LXIX, 1586 с.
85. Список полковникам по старшинству. Составлен по 1-е марта 1914.. СПб, 1914. LXVII. 1439 с.
86. *Урланис Б. Ц.* Войны и народонаселение Европы. М., 1960. 564 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://scepsis.net/library/id_2307.html#_ftnref4
87. Флот в первой мировой войне / под ред. Н. Б. Павловича. Т. 1 : Действия русского флота. М., 1964. 647 с.
88. ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 128. Д. 1598. МК АНС на 1914 г.
89. ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 128. Д. 1609. МК Братского кладбища на 1914 г.
90. ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 128. Д. 1712. МК 2-го Севастопольского крепостного временного госпиталя на 1914 и 1915 гг.
91. ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 128. Д. 1761. Метрическая книга Братского кладбища на 1915 г.
92. ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 128. Д. 1763. Метрическая книга Адмиралтейского Николаевского собора на 1915 г.
93. ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 128. Д. 1792. Метрическая книга церкви Черноморского флотского экипажа.
94. ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 128. Д. 1799. Метрическая книга Митрофаньевской церкви на 1916 г.
95. ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 128. Д. 1803. Метрическая книга Михайловской церкви на 1916 г.
96. ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 128. Д. 1830. Метрическая книга церкви Братского кладбища на 1916 г.
97. ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 128. Д. 1846. Метрическая книга АНС на 1916 г.
98. ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 128. Д. 1919. Метрическая книга Церкви Севастопольского южного крепостного гарнизона на 1916 г.
99. *Шавшин В. Г.* Имя дома твоего. Кн. 2. Киев ; Севастополь, 2012. 384 с.
100. *Шавшин В. Г.* Каменная летопись Севастополя. Севастополь ; Киев, 2003. 319 с.
101. *Шавшин В. Г.* Севастополь в истории Крымской войны. Севастополь ; Киев, 2004. 304 с.
102. *Шрамченко Я. В.* «Жуткие дни...»: агония Черноморского флота // Морские записки. 1961. № 54. С. 41–80.
103. Южное слово. 1915. 13 янв.
104. Южное слово. 1915. 17 марта.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Участники Первой мировой войны,
похороненные в Севастополе в 1914–1918 гг.

Первое звание в перечне приводится на начало войны; награды обозначены только за отличие в Первой мировой войне.

Список сокращений

арт.	артиллерийский
ГАГС	Государственный архив города Севастополя
ГАРК	Государственный архив Республики Крым
КХМ	кладбище Херсонесского монастыря
МВК	Михайловское военное кладбище на Северной стороне
орд.	орден
пех.	пехотный
РГАВМФ	Российский государственный архив Военно-морского флота
РОКК	Российское общество Красного Креста
РОПиТ	Русское общество пароходства и торговли
СГК	севастопольское городское кладбище (на ул. Пожарова)
ск.	скончался
ст.	степени
ТР	транспорт
фл.	флотски
ЦГИА СПб.	Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга
ЧФ	Черноморский флот
эк.	экипаж
ЭМ	эскадренный миноносец
*	памятник сохранился

1. **Алеамбаров Александр Николаевич** (27.11.1891 – 26.12.1914), мичман (05.10.1912), вахтенный начальник ЭМ «Лейтенант Шестаков», убит при уничтожении турецких парусных судов в бухте Сурмене (Эрекли) во время обстрела турецкой пехотой шлюпки, посланной с миноносца; похоронен 10.01.1915 на СГК [67; 103; 49, с. 7].

2. **Александрович Иван Иванович** (21.07.1886 – 02.05.1915), штабс-капитан (03.08.1913), младший офицер Севастопольского крепостного авиационного отряда, начальник Владивостокского крепостного авиационного отряда (09.12.1914), лётчик, начальник 2-го Сибирского авиационного отряда (1915); ск. от ран, полученных 29.04.1915 в аварии при перелёте на аэродром г. Стрый (Галиция); посмертно награждён орд. Св. Георгия IV ст. (01.09.1915), произведён в капитаны (18.02.1916); 11.05.1915 погребён на МВК [91, л. 33 об. – 34; 45].

3. **Антонов Алексей Александрович*** (11.08.1868 – 24.02.1918), капитан 2-го ранга (10.04.1911), командовал ЭМ «Жуткий», «Живучий», «Жаркий» (23.03.1912 – 03.03.1914), командир блокшива № 7 (03.03.1914); командирован в г. Одессу в распоряжение командующего Транспортной флотилией, с оставлением в должности (05.03.1915); комендант ТР № 46 (14.03.1915), ТР № 92 (03.04.1915); возвратился на блокшив № 7 (03.06.1915); командирован на Транспортную флотилию (26.10.1915); комендант ТР № 66 (01.01.1916), капитан 1-го ранга (06.12.1916); отчислен от Транспортной флотилии (21.08.1916); сдал ТР № 66 (26.08.1916); вернулся на блокшив № 7 (03.09.1916); начальник Северного района Службы связи Чёрного моря (23.10.1916 – 24.04.1918); орд. св. Станислава II ст. с мечами «за отличное мужество и прекрасную распорядительность, проявленные в операции флота 13–31 марта 1916 г.»

(11.09.1916); убит в Севастополе анархистствующими матросами; СГК [63].

4. **Беляков Михаил Семёнович** (1873 – 04.09.1914), участковый врач станции Лозовая Южной железной дороги (1914); лекарь (хирург) 76-й пешей Екатеринославской дружины государственного ополчения, ск. от болезни во 2-м Севастопольском крепостном госпитале; СГК [90, л. 3 об. – 4; 64, с. 66].

5. **Берх Сергей Александрович** (12.11.1874 – 27.11.1915), капитан 2-го ранга (06.12.1907), капитан 1-го ранга (26.10.1915); 11.08.1914 поступил из отставки на службу с зачислением в Черноморский фл. эк. помощником начальника охраны рейда; командир ЭМ «Дерзкий» (27.11.1914); командир ЭМ «Беспокойный» (16.02.1915); ск. от воспаления лёгких; КХМ.

6. **Ванин Георгий Онуфриевич** (07.04.1871 – ...04.1915), подполковник 49-го пех. Брестского полка; пал в бою; погребён 20.04.1915 на СГК [91, л. 32 об. – 33; 82, с. 1273; 75; 1, с. 78, 171].

7. **Василькиоти Пётр Митрофанович*** (1875? – 04.04.1915), капитан 50-го пех. Белостокского полка, произведён за отличия в делах против неприятеля в подполковники (апрель 1915); орд. св. кн. Владимира IV ст. с мечами и бантом; убит в бою в Карпатах; СГК [22, с. 3; 23, с. 3; 1, с. 80, 171].

8. **Винтер Франц Андреевич*** (19.08.1866 – 01.05.1917), капитан 1-го ранга (06.12.1910), командир учебного судна «Рион» (05.08.1913), командир линейного корабля «Иоанн Златоуст» (29.09.1914), участник боя 05.11.1914 с линейным крейсером «Гебен»; контр-адмирал «за отличие» (06.12.1916, старшинство в чине с 23.12.1913); начальник учебного отряда ЧФ (06.12.1916); зачислен в резерв чинов ЧФ (17.04.1917); СГК [83, с. 84; 15, с. 179].

9. **Вишневецкий Фёдор Фёдорович** (28.09.1883 – 25.04.1916), старший лейтенант (06.04.1914); вахтенный начальник транспорта «Кронштадт» (1913), старший офицер канонерской лодки «Кубанец»; орд. Св. Анны III ст. с мечами и бантом (1916); утонул в Батуме (покончил с собой); похоронен 07.05.1916 на СГК [61, л. 50; 30, с. 1; 31, с. 3; 52, с. 224–228; 14, с. 22].

10. **Волынский Алексей Михайлович** (1887? – 08.03.1916), подпоручик 41-го Сибирского стрелкового полка, разбился при падении аэроплана вместе в ефрейтором В. А. Прошиным; МВК [96, л. 115 об. – 116].

11. **Галанин Валерий Иванович** (24.01.1865 – 23.03.1915), капитан 1-го ранга (06.12.1910); командир линкора «Евстафий» (07.12.1911); Георгиевское оружие (16.03.1915); контр-адмирал (25.03.1915); МВК [92, л. 145 об. – 146; 7].

12. **Гнилосыров Александр Иванович** (26.09.1885 – 12.04.1916), лейтенант (06.12.1912), вахтенный начальник ЭМ «Живучий»; погиб при взрыве ЭМ; МВК [94, л. 386 об. – 887].

13. **Гнилосыров Николай Павлович*** (28.11.1889 – 06.11.1914), мичман (05.10.1912); смертельно ранен на линкоре «Евстафий» во время боя с линейным крейсером «Гебен» 05.11.1914; ск. от ран в Севастопольском морском госпитале; СГК [88, л. 82 об. – 83].

14. **Горбунов Сергей Германович** (? – 01.05.1915), капитан 13-й арт. бригады, 62-й арт. бригады; убит в бою; посмертно произведён в подполковники, награждён орд. Св. Георгия IV ст. (26.08.1916); погребён в Севастополе 17.05.1915 [76; 1, с. 77, 175; 7].

15. **Гринецкий Аполлон Аполлонович*** (1869? – 02.10.1914), штабс-капитан, назначен 13-й арт. бригады (1913), старший офицер 6-й батареи; убит в бою у р. Сан; похоронен 11.01.1915 в склепе на СГК [92, л. 142 об. – 143; 54, с. 805; 48, с. 7].

16. **Гроссман Михаил Фёдорович** (? – 1914), подпоручик 1-го лейб-гренадёрского Екатеринославского полка, погиб в бою, погребён 21.02.1915 на СГК [47, с. 8; 58].

17. **Демешкан Глеб Александрович** (1892? – 26.06.1916), подпоручик 83-й арт. бригады, военный лётчик; разбился при падении аэроплана; МВК [96, л. 116 об. – 117].

18. **Доценко Иван Нестерович** (23.06.1870 – 23.02.1918), подпоручик по адмиралтейству (25.03.1912), вахтенный начальник плавучей тюрьмы (26.10.1913), член комиссии по освидетельствованию строительства и ремонтных работ Севастопольского порта (15.05.1915), поручик по адмиралтейству (10.04.1916), штабс-капитан, вахтенный начальник блокшива № 9 минной бригады; арестован в начале февраля 1918; убит в севастопольской тюрьме; СГК [83, с. 627; 4, с. 199, 227].

19. **Дундуков Глеб Константинович** (19.02.1886 – 10.04.1915), поручик (24.03.1910), переведён по адмиралтейству (01.05.1912), штабс-капитан, адъютант Севастопольского фл. полуэкипажа; ск. от чахотки; СГК [93, л. 13 об. – 14; 83, с. 613].

20. **Егоров Вячеслав Александрович** (1887?–12.09.1914), подпоручик 42 Сибирского стрелкового полка; разбился при падении самолета; (МВК [89, л. 270 об. – 271]).

21. **Жегалов (Жигалов) Василий Иванович** (1889?–17.05.1915), поручик, командир роты 7-го Сибирского стрелкового полка; ск. в Варшавском лазарете от полученной раны; похоронен 01.06.1915 на СГК [21, с. 3].

22. **Запорожский Зиновий Тимофеевич** (?–26.01.1916), капитан 16-го маршевого запасного батальона; ск. от туберкулёза; СГК [90, л. 19 об. – 20].

23. **Золотилов Алексей Фёдорович*** (04.04.1892, Евпатория — 19.12.1915, д. Раранче, Галиция), прапорщик 75-го Севастопольского полка, подпоручик; орд. Св. Георгия IV ст. (31.12.1915); СГК [58, с. 204; 40, с. 1351; 7].

24. **Иванов Владимир Михайлович** (1886?–14.04.1915), поручик 246-го пех. Бахчисарайского полка, убит у д. Единорожец; погребён 03.05.1915 на СГК [91, л. 33 об. – 34].

25. **Иванченко (?–...05.1915)**, прапорщик; пал в бою; тело доставлено для погребения в Севастополь 16.05.1915 [75].

26. **Канаки Александр Христофорович*** (03.09.1870–15.03.1915), капитан (1913), подполковник 50-го пех. Белостокского полка; объявлено высочайшее благоволение за отличие в делах против неприятеля; погиб в Карпатах у д. Стежница; посмертно награждён Георгиевским оружием (10.11.1915); СГК [91, л. 31 об. – 32; 82, с. 1111; 1, с. 80, 183; 25, с. 3; 7].

27. **Карташёв Александр Иванович** (21.11.1858–29.08.1914), полковник (06.12.1910), командир батальона 49-го пех. Брестского полка (1912), переведён в 52-й пех. Виленский полк, командир 55-го пех. Подольского полка (1914); убит на войне; посмертно награждён Георгиевским оружием (24.02.1915); погребён 06.09.1914 на СГК [88, л. 81 об. – 82; 85, с. 697].

28. **Качурин Александр Фёдорович** (?–...11.1914), подполковник, командир 4-й батареи 13-й артиллерийской бригады; погребён в Севастополе 17.11.1914 [66; 19, с. 14].

29. **Кейм Сергей Иванович** (02.10.1865–17.12.1916), инженер-механик капитан 1-го ранга; старший судовой механик линейного корабля «Ростислав», ск. от разрыва сердца; СГК [97, л. 216 об. – 217; 81, с. 367; 37, с. 1].

30. **Князев Константин (?–05.01.1916)**. Доброволец, пал в бою; СГК [93, л. 216 об. – 217; 32, с. 1].

31. **Козьмин Валерий Сергеевич*** (?–14.09.1914). Мичман; ск. от чохотки в Севастопольском морском госпитале; СГК [88, л. 80 об. – 81].

32. **Кононович-Горбацкий Михаил Петрович*** (24.11.1880–09.07.1916), капитан (на февраль 1915), полковник лейб-гвардии Измайловского полка; после полученной контузии 05.02.1915 поступил на излечение в Севастопольский городской институт физических методов лечения; умер от ран; СГК [59, с. 621].

33. **Копчев Гавриил Григорьевич** (?–28.11.1916), прапорщик 181-го пех. Остроленского полка; убит в бою; 31.12.1916 погребён на СГК [95, л. 188 об. – 189].

34. **Коркашвили Георгий Петрович** (23.01.1865–29.08.1916), генерал-майор артиллерии (1909), начальник артиллерии Севастопольской крепости (16.06.1910) [34, с. 1; 16, с. 89].

35. **Коробка Алексей Семёнович** (1879?–04.04.1915), прапорщик 50-го пех. Белостокского полка; убит в бою у д. Смольник (Австрия); погребён 15.04.1915 на СГК [91, л. 32 об. – 33].

36. **Кундобин Пётр Алексеевич** (29.06.1883–22.10.1916), инженер-механик старший лейтенант (28.03.1913) Черноморского фл. эк., авиация Чёрного моря; ск. от болезни; погребён 24.10.1914 на СГК [83, с. 426; 34, с. 1].

37. **Мартос Сергей Николаевич** (1893?–09.05.1916), прапорщик Севастопольской крепостной артиллерии; застрелился; СГК [98, л. 115 об. – 116].

38. **Меч Николай Ильич** (?–...10.1915), частный поверенный севастопольского съезда мировых судей; ушёл на фронт добровольцем; есаул казачьих войск; убит в бою; погребён в Севастополе 23.10.1915 [1, с. 111; 19, с. 22].

39. **Миркович Борис Григорьевич** (28.05.1890–06.08.1915), лейтенант (06.04.1914), вахтенный начальник линкора «Императрица Мария»; убит наповал упавшей шлюпбалкой 6-вёсельной шлюпки № 1 при уборке её по-боевому на борту линкора; СГК [92, л. 150 об. – 151].

40. **Мозер Виктор Петрович** (1882?–07.05.1915), штабс-капитан 50-го пех. Белостокского полка; убит в бою у д. Златковице

(Галиция); погребён 19.05.1915 на СГК [91, л. 33 об. – 34].

41. **Мысик Александр Никанорович** (1895?–01.12.1916), прапорщик 46-го пех. Днепровского полка; ск. от аппендицита во 2-м крепостном временном госпитале; СГК [95, л. 188 об. – 189].

42. **Пекуш Иван Макарович** (1879?–01.03.1915), поручик 50-го пех. Белостокского полка (1913); штабс-капитан 246-го пех. Бахчисарайского полка; пал в бою у д. Единорожец; за отличия в делах против неприятеля произведён в капитаны посмертно (05.1915); погребён 31.03.1915 на СГК [91, л. 31 об. – 32; 1, с. 196; 70; 20, с. 3].

43. **Переведенцев Пётр Михайлович** (1871?–17.11.1915), штабс-капитан 474-й пешей Екатеринославской дружины государственного ополчения; ск. от порока сердца; МВК [91, л. 35 об. – 36].

44. **Песочинский Михаил Васильевич** (1889?–22.03.1915), прапорщик 235-го пех. Белебеевского полка, житель Тамбова; ск. от туберкулёза; СГК [90, л. 9 об. – 10].

45. **Писаревский Всеволод Дмитриевич** (10.02.1866–24.05.1915), подполковник пех. полка, ранен в конце марта 1915 г.; 02.04.1915 поступил на лечение в Севастопольский госпиталь РОКК; убит в бою; СГК [82, с. 404; 71; 19, с. 3].

46. **Подкуйко Дмитрий Кононович** (1886?–23.03.1915), поручик 6-го конного арт. дивизиона; разбился при падении аэроплана; МВК [91, л. 31 об. – 32].

47. **Поляков Илларион Григорьевич** (?–07.09.1917), капитан, лётчик Севастопольской авиационной школы; МВК [19, с. 621].

48. **Починок Стефан Авксентиевич** (1890?–27.04.1916), авиационный унтер-офицер; из крестьян Подольской губернии Балтского уезда Болваневской волости, с. Лижирички; погиб вместе с мичманом Н. Я. Цывинским во время тренировочного полёта на самолёте М-5; СГК [97, л. 209 об. – 210].

49. **Прошин Вонифатий Архипович** (1891?–26.06.1916), ефрейтор 18-го корпусного авиационного отряда; разбился при падении аэроплана вместе с подпоручиком Г. А. Демешканом; МВК [96, л. 116 об. – 117].

50. **Пфейлитцер фон-Франк Всеволод Робертович*** (31.12.1890–18.04.1916), мичман (1912), лейтенант (10.04.1916), ск. от туберкулёза; СГК [97, л. 208 об. – 209].

51. **Пышнов Алексей Михайлович** (1877?–04.05.1915), капитан 50-го пех. Белостокского полка; убит в бою у д. Златковице (Галиция); посмертно произведён в подполковники и награждён орд. Св. Георгия IV ст. (17.10.1915), георгиевским оружием (10.11.1915); СГК [91, л. 33 об. – 34; 7].

52. **Рахильский Александр Маркович** (22.11.1867–07.03.1915), подполковник по адмиралтейству (18.04.1910), заведующий судами, сданными к Севастопольскому порту (04.02.1913); Севастопольский флотский полужипажа; ск. от болезни; СГК [93, л. 12 об. – 13].

53. **Румянцев Порфирий Алексеевич** (10.03.1866–20.02.1915), полковник (06.12.1907), командир 54-го пех. Минского полка (23.11.1913); ск. от чохотки в Ялте; МВК [91, л. 30 об. – 31; 85, с. 280].

54. **Рыбчинский Александр Андреевич** (11.11.1862–1915), полковник 50-го пех. Белостокского полка (1913); погиб на австрийском фронте; погребён в Севастополе 10.04.1915 [84, с. 594; 1, с. 79; 72].

55. **Самарин Евгений Дмитриевич** (1884?–04.06.1915), прапорщик 7-го корпусного авиационного отряда; погиб в авиакатастрофе; МВК [91, л. 34 об. – 35].

56. **Сафонов Валентин Викторович*** (07.04.1885–02.11.1915), лейтенант (14.04.1913); ск. от чохотки; СГК [92, л. 151 об. – 152].

57. **Светухин Борис Дмитриевич** (19.11.1889–20.01.1915), мичман (06.12.1911), морской лётчик (15.11.1914), лётчик резервного авиаотряда (1914), лётчик воздушного района Службы связи Чёрного моря (с 20.01.1915); разбился в авиакатастрофе на поплавковом самолёте «Кёртисс-Д» в районе Севастопольской бухты; СГК [92, л. 143 об. – 144].

58. **Секк Иван Янович** (13.05.1863–11.07.1916), полковник корпуса фл. штурманов, старший штурман транспорта «Кронштадт»; ск. от болезни в офицерском лазарете Земского союза в станице Ессентукской; СГК [83, с. 511; 32, с. 1].

59. **Сеньчуков Николай Дмитриевич** (1885?–...03.1915), поручик 50-го пех. Белостокского полка (1913), штабс-капитан 246-го пех. Бахчисарайского полка; пал в бою; за отличия в делах против неприятеля посмертно произведён в капитаны (05.1915); посмертно награждён орд. Св. Анны IV ст. с надписью «За храбрость» (24.01.1916);

09.04.1915 погребён на СГК [91, л. 31об. – 32; 1, с. 80, 204; 72; 20, с. 3].

60. **Сербов Николай Иванович** (? – ...07.1915), прапорщик; убит в бою; погребён в Севастополе 27.07.1915 [79].

61. **Серебрянников Иннокентий Анатольевич** (1894? – 18.02.1916), рядовой из охотников Севастопольской офицерской школы авиации, разбился при падении аэроплана; МВК [96, л. 115об. – 116].

62. **Скаловский Александр Митрофанович** (10.08.1888 – 30.11.1917), мичман (06.12.1910), 23.07.1914 переведён на ЭМ «Свирипей»; лейтенант (27.04.1915, старшинство с 01.01.1915); вахтенный начальник ЭМ «Строгий», ревизор ЭМ «Быстрый» (1915); артиллерийский офицер посыльного судна «Алмаз» (1916); начальник Западного района Службы связи ЧФ (08.1917); убит в Сулине командой Западного района Службы связи при попытке ареста; погребён 10.12.1917 на СГК [62].

63. **Скородинский Николай Никифорович** (1895 – 13.12.1917), студент юридического факультета Петроградского университета; 23.09.1915 зачислен гардемарин флота по морской части в роту гардемарин и вольноопределяющихся флота 2-го Балтийского фл. эк.; 06.1917 окончил Курсы гардемарин флота; мичман (05.06.1917); ревизор ЭМ «Фидониси» ЧФ. 10.10.1917 зачислен в Черноморский фл. эк.; смертельно ранен 12.12.1917 кочеваром Коваленко; ск. в Севастопольском морском госпитале; СГК.

64. **Смирнов Сергей Никифорович** (1890? – 01.02.1915), поручик Севастопольской крепостной артиллерии; ск. от чахотки; МВК [91, л. 30об. – 31].

65. **Сорокин Михаил Тимофеевич*** (05.01.1864 – 07.07.1915), подполковник (26.02.1912), полковник 49-го Брестского пех. полка; убит в сражении; похоронен 20.07.1915 на СГК [84, с. 1258; 57, с. 549; 77; 78].

66. **Тимошенко Михаил Иванович** (1894? – 06.07.1915), охотник офицерской школы авиации; погиб в авиакатастрофе; (МВК) [91, л. 34об. – 35].

67. **Томасевич Евгений Григорьевич** (23.06.1870 – 15.12.1917), лейтенант инженер-механик; старший инженер-механик ЭМ «Гаджибей»; убит на Малаховом кургане; СГК [83, с. 627; 4, с. 203, 254].

68. **Торговицкий Евтихий Александрович** (1882? – 13.04.1916), поручик, штабс-капитан (1915), комендантский адъютант Штаба Севастопольской крепости; приказом командующего ЧФ награждён орд. Св. Станислава II ст. «за отлично усердную службу и труды, понесённые по обстоятельствам военного времени»; ск. от болезни; СГК [98, л. 114 об. – 115; 29, с. 3].

69. **Трофимов** (? – 1915), поручик, пал в бою; тело прибыло для погребения в Севастополь 17.03.1915 [69].

70. **Цывинский Николай Яковлевич** (26.01.1892 – 27.04.1916), мичман (05.10.1913); лётчик Воздушного района Службы связи ЧФ; лётчик Черноморской гидроавиации; орд. Св. Анны IV ст. с надписью «За храбрость» (15.06.1915). Погиб вместе с механиком — авиационным унтер-офицером С. А. Починком во время тренировочного полёта на самолёте М-5; СГК [97, л. 208 об. – 209].

71. **Чекалов Александр Никифорович** (16.03.1882 – ...10.1915), поддесаул (1911) 1-го Запорожского полка Кубанского казачьего войска, военный лётчик; 02.07.1915 прибыл на лечение в Севастопольский госпиталь РОКК; погребён 26.10.1915 на СГК [19, с. 621].

72. **Черкашин Александр Прокофьевич*** (02.09.1892 – 17.10.1916), выпускник Севастопольского Константиновского реального училища (1914); поручик; в июле 1915 находился на излечении в лазарете акционерного общества «Тюдор» (Петроград); пал в бою; СГК [8, л. 126; 77].

73. **Шейхулинов-Гонных Изет-Улла** (? – 1915), прапорщик; ск. от ран; погребён в Севастополе 12.05.1915 (Магометанское кладбище?) [75].

74. **Шестунов Алексей Акимович (Якимович)** (12.03.1863 – 1915), капитан (06.03.1900) 49-го пех. Брестск. полка, подполковник 51-го пехотного Литовского полка; убит в бою; погребён в Севастополе 15.03.1915 [50, с. 7; 79; 104].

75. **Эрихс Сергей Николаевич** (1871? – 11.12.1914), капитан 190-го пех. Очаковского полка, ск. от ран, полученных в бою; 14.04.1915 погребён на МВК [91, л. 32 об. – 33; 70; 73; 56; 39, с. 695].

76. **Юрченко Алексей Иванович** (1881? – 05.03.1915), штабс-капитан 246-го пех. Бахчисарайского полка, ск. от раны, полученной в бою у д. Единорожец; погребён 05.03.1915 на СГК [91, л. 32 об. – 33].

Сведения об авторах

БОРИСОВ Дмитрий Александрович, заведующий музеем истории Симферопольской гимназии

ЖУРАВЛЁВ Дмитрий Владимирович, заведующий отделом ГБУ РК «Центральный музей Тавриды»

ЗУБАРЕВ Александр Андреевич, директор медицинского музея Военно-клинического госпиталя имени академика Н. И. Пирогова (Севастополь)

ЗАРУБИН Вячеслав Георгиевич, заместитель председателя Государственного комитета по охране культурного наследия Республики Крым

ЕФИМОВ ...

КОЛЕСНИКОВА Нина Николаевна, заведующая научной библиотекой «Таврика» имени А. Х. Стевена ГБУ РК «Центральный музей Тавриды»

МАКАРЕНКО Евгений Владимирович, директор МБОУ СОШ № 35 г. Симферополя
МАЛИНОВСКАЯ Ольга Ивановна, ведущий методист Государственного казённого учреждения культуры города Севастополя «Севастопольский городской национально-культурный центр»

МАЛЬГИН Андрей Витальевич, директор ГБУ РК «Центральный музей Тавриды»

НАДИКТА Виктор Михайлович, научный сотрудник ГБУ РК «Центральный музей Тавриды»

ПОПОВ Алексей Дмитриевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Таврической академии ФГАОУВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

ПРОХОРОВ Дмитрий Анатольевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник НИЦ истории и археологии Крыма ФГАОУВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

САКОВИЧ Андрей Викторович, заместитель главного редактора журнала «Military Крым»

СОКОЛОВ Дмитрий Витальевич, автор книг и публикаций, посвящённых истории Крыма и Севастополя в XX столетии

СТЕПАНОВА Евгения Ивановна, исследователь

ТЕРЕЩУК Наталья Михайловна, заведующая архивом Законодательного собрания города Севастополя

ШКЕДЯ Олег Петрович, заместитель директора ГБУ РК «Центральный музей Тавриды»

???

Крымское отделение Российского исторического общества

Крымское отделение Российского исторического общества создано 6 июня 2014 года на заседании правления КО РИО, прошедшем под руководством его руководителя — председателя Государственной думы Российской Федерации **С. Е. Нарышкина** — в Ливадийском дворце (Ялта). В работе отделения в настоящее время принимают активное участие 62 человека. Председателем отделения избран директор Центрального музея Тавриды **А. В. Мальгин**.

На втором заседании отделения, состоявшемся 9 сентября 2014 года, было избрано его правление. В него вошли: профессор, декан исторического факультета Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского **А. Г. Герцен**; профессор, директор Крымского филиала Института востоковедения РАН **А. И. Айбабин**; доктора исторических наук **О. В. Романько, А. А. Непомнящий, С. Б. Филимонов**; руководитель Крымского филиала Института археологии РАН **В. В. Майко**; директор Государственного архива Республики Крым **О. В. Лобов**; заведующий кафедрой истории Крымского индустриально-педагогического университета **Э. И. Сейдалиев** (секретарь); старший научный сотрудник НИЦ истории и археологии Крыма Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского **Д. А. Прохоров**; издатели **Г. Н. Гржибовская** (Симферополь), **В. Н. Прокопенков** (Севастополь); доктор исторических наук **В. Ф. Козлов** (Москва).

В 2014 году отделением организованы выставка (с 25 сентября) и круглый стол (19 ноября) по истории Первой мировой войны, проведены круглые столы на темы: «Экскурсионная деятельность и историческое краеведение» (24 сентября) и «Концлагерь «Красный»: память о прошлом и уроки для настоящего» (совместно с Комитетом по культуре и охраны культурного наследия Государственного совета Республики Крым) 6 ноября 2014 года.

Первого декабря 2014 года отделение Общества инициировало обсуждение на круглом столе темы «Проблемное поле крымской истории: историографические традиции и новые исследования», который прошёл с участием председателя Общества, председателя Госдумы РФ **С. Е. Нарышкина**. В заседании приняли участие члены правления РИО: академики **А. П. Деревянко** и **Ю. А. Петров**, секретарь Общества **С. М. Шахрай**, члены правления КО РИО. Мероприятие было посвящено написанию обобщающего труда по истории Крыма. Члены КО РИО вошли в состав исполнителей гранта РГНФ по подготовке данного издания.

В 2015 году отделение продолжило работу по реализации проектов и обсуждению актуальных проблем истории Крыма. При поддержке КО РИО с успехом прошла научная конференция «Крым в Великой Отечественной войне. Неизвестные и забытые страницы истории», посвящённая 70-летию Великой Победы. Проведён круглый стол «Гражданская война в России и Крым. 1917–1920 гг. Новые страницы истории, новые грани понимания» (ноябрь), а также рабочая встреча участников коллектива по написанию обобщающего труда по истории Крыма (грант РГНФ, проект № 15-31-10169 а[ц]).

Отделение приняло участие в подготовке и открытии в ЦМТ выставки «Крым в истории России» (организаторы: Федеральное архивное агентство, Центральный музей Тавриды, Государственная архивная служба Республики Крым, Государственный архив Российской Федерации), в организации серии публичных лекций по истории Крыма.

Научно-популярное издание

Проблемы истории Крыма

Выпуск 1

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И КРЫМ

Сборник статей

Редактор *Г. Н. Гржибовская*
Корректор *Т. Н. Юкало*
Вёрстка *Т. Н. Юкало*
Технический и художественный
редактор *Е. В. Мажарова*

Подписано в печать _____ Формат 100×70/16
Усл. печ. л. _____ Тираж _____ Заказ _____

Издательство «Антиква»
295000, Российская Федерация, Республика Крым,
г. Симферополь, пер. Героев Аджимушкая, 6, оф. 3
Тел.: +7 978 891-37-01, e-mail: antikva07@mail.ru

В макете сейчас 247 страниц, а должно быть 240. Что сократить?